

В.П. Пашенко-Батыгин

Тогда у нас была ВОЙНА

1941–1945 гг.

Письма с фронта

Архангельск
СГМУ
2022 г.

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Северный государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

В.П. Пащенко-Батыгин

**Тогда у нас была война
1941–1945 гг.
(письма с фронта)**

Документальная повесть

Архангельск
2022

УДК 82

ББК 84(2Рос-Рус)

П 22

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Северного государственного медицинского университета

Пашенко-Батыгин В.П.

П 22 Тогда у нас была война 1941–1945 гг. (письма с фронта):
документальная повесть / В.П. Пашенко-Батыгин. – Архан-
гельск: Изд-во Северного государственного медицинского
университета, 2022. – 400 с.

В книге представлены письма с фронта Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Владимира Степановича Злобина, молодого учителя физики школы № 19 г. Архангельска, который с первых дней войны рядовым солдатом пошел на фронт. Письма с фронта он писал своей жене Александре Ивановне, выпускнице АГМИ, их маленькому сыну Валерику, а также маме Лидии Александровне и сестре Нине.

В его письмах: проблемы и испытания, которые пришлось им пережить в годы войны на протяжении 5 лет, воспоминания о довоенной жизни, планы на будущее, забота о тех, кто остался в Архангельске, мечты о счастливых днях после войны.

Владимир Степанович воевал сначала на Карельском фронте, потом освобождал Тихвин, участвовал в боях на самых северных рубежах нашей страны – в Норвегии.

После освобождения Кольского Севера, в начале 1945 года, его часть была переведена на Западный фронт. В этот момент переезда, через четыре года войны, Владимиру Степановичу удалось впервые и в последний раз увидеться с семьей в Вологде. В составе Украинского фронта часть, в которой находился старший сержант Владимир Степанович, была направлена через Киев и Львов в Польшу.

Победа была близка, он уже мечтал побывать и в Берлине, но погиб в Польше вместе с командным составом полка 25 марта 1945 г. при неожиданном обстреле «неизвестными» партизанами дома, где заседал штаб полка.

УДК 82

ББК 84(2Рос-Рус)

© Пашенко-Батыгин В.П., 2022

© Северный государственный
медицинский университет, 2022

Оглавление

1. Начало пути	5
1.1. Участники переписки	5
1.2. Фотографии из довоенного фотоальбома	9
2. По дорогам его войны	21
2.1. Мобилизация (Архангельск, Лахта).....	21
2.2. Петрозаводск. Первые бои.....	22
2.3. Тихвин.....	25
2.4. Карельский фронт	27
2.5. Заполярье. Кольский Север.....	66
2.6. Мурманск.....	69
2.7. Норвегия	71
2.8. Вологда.....	73
2.9. Последняя встреча	76
2.10. На Западный фронт.....	76
2.11. Польша	79
2.12. Последние письма.....	82
2.13. Фронтовой фотоальбом	87
3. Письма с фронта: «Здравствуй, дорогая моя Шура!..».....	92
3.1. Письма 1941 года	93
3.2. Письма 1942 года	105
3.3. Письма 1943 года	163
3.4. Письма 1944 года	221
3.5. Письма 1945 года	263
4. Письма сына к матери с войны: «Здравствуй, мама!..».....	284
4.1. Письмо 1941 года	286
4.2. Письма 1942 года	287
4.3. Письма 1943 года	313
4.4. Письма 1944 года	336
4.5. Письма 1945 года	346
5. В.С. Злобин: «О будущем устройстве мира после Победы» (выступление перед активом и бойцами военной части в 1945 году)	350

6. После войны. Вспоминая прошлое.....	354
7. Она была настоящим коммунистом.....	364
8. Фотоальбом (Архангельск, после войны, 1950–1955 гг.)	384
9. Дети, опаленные войной (наследники В.С. Злобина)	389
10. Список литературы о войне	399

1. НАЧАЛО ПУТИ

1.1. Участники переписки

В этой книге рассказывается о молодых людях, проживавших в городе Архангельске в грозные годы Великой Отечественной войны. Они волею судьбы оказались в этом городе, почти на берегу Белого моря, из разных мест: Великого Устюга, Вологды, и даже Украины. Их молодость (почти сто лет тому назад) проходила во время становления Советской власти, в период Великой Отечественной войны, они были среди защитников родины.

Величайшей заслугой и подвигом молодых людей того времени был их вклад в Победу над врагом – коварным и жестоким, превосходящим их по численности, технической мощи. Трудно себе даже представить, что бы могло быть с нами, если бы они не победили. Вероятнее всего, сейчас никого бы из нас здесь не было. В опубликованных письмах (1941–1945 гг.) отражены их проблемы, переживания, надежды и планы на будущее. Прочитав эти письма, мы можем их глазами увидеть, что тогда было в нашей стране на самом деле, что их беспокоило. Великая Отечественная война остается в памяти нашего народа как самая кровопролитная, унесшая почти 40 миллионов людских жизней. Слава и память тех дней не померкнут никогда.

Из писем Владимира Степановича читатель сможет представить фрагменты жизни молодого учителя физики, отдавшего жизнь за победу над врагом, и его молодой жены – врача городской больницы в Архангельске, которая ждала его вместе с маленьким сыном.

Владимир Степанович Злобин, молодой учитель физики в 10-й и 19-й школах г. Архангельска и студент четвертого курса заочного физико-математического факультета Архангельского государственного вечернего педагогического института.

Владимир Степанович родился в Великом Устюге 28 марта 1913 года в семье капитана речного судна Злобина Степана Симеоновича и Пустохиной Лидии Александровны – учительницы.

Владимир обучался с 1925 по 1929 год в Великом Устюге, в школе имени А. Луначарского, сначала первой, а затем второй ступени

с кооперативным уклоном. Окончил её в 1929 году по следующим предметам: обществоведение, родной язык и литература, математика, естествознание, химия, физика, география, изобразительное искусство, пение, физкультура и воинские звания. Работал среди пионеров. В школе изучали: счетоводство, ведение счёта, основы кооперации, организации кооперации. Освоил работу счетоводом в области сельского хозяйства, кредитной кооперации, в качестве помощника счетовода.

В 1929 году поступил учиться в Великоустюжский водный техникум, который окончил в апреле 1932 года. С 1 апреля 1931 года работал кочегаром на пароходе «Ян Рудзутак», а с августа 1931-го стал вторым помощником парохода «Водолив». С апреля 1932 г. назначен вторым помощником механика на лесозаводе. В конце 1932 г. перешел техником группы «Теплотехника» Северного управления речного пароходства (СУРП).

В 1934 году переехал на жительство в Архангельск к матери (после развода родителей) и поступил на вечернее заочное отделение Педагогического института, на физико-математический факультет.

В сентябре 1934 г. принят на работу учителем черчения и физики в 7-ю среднюю школу г. Архангельска. С сентября 1935 г. работал учителем черчения и физики в 19-й школе имени М.В. Ломоносова. С сентября 1937 г. был учителем физики в 19-й школе Октябрьского района г. Архангельска, а с октября 1937 г. – преподавателем физики 10-й средней школы Октябрьского района г. Архангельска. Он также преподавал физику на курсах подготовки в вуз при Архангельском медицинском институте (зав. курсами – Анфимова).

Отзыв о работе преподавателя В.С. Злобина директора 10-й школы Сабурова: «Злобин Владимир Степанович работает в 10-й школе второй год, преподает физику в 6–9-х классах. Преподаватель ещё молодой, стаж педагогической работы 3 года, опыта в работе ещё недостаточно, но любит свое дело, всегда тщательно готовится к урокам, план урока и наглядные пособия всегда имеются. Добился хорошей успеваемости в 1-й четверти текущего года – 95,9 %, в 1-й четверти 2-го года – 99,2 %, в 1-й четверти 3-го года – 98,8 % процента. Поднимает и свою квалификацию – учится на 3-м курсе Архангельского вечернего педагогического института на физико-мате-

матическом факультете. Он поднимает и свой политический уровень – активно работает в кружке по изучению Истории ВКП(б). Состоит членом месткома, ведёт культурно-массовую работу».

В январе 1939 г. за добросовестное отношение к работе и общественной работе В.С. Злобину объявлена благодарность и дана денежная премия в 200 руб. В 1941 г. за хорошую постановку воспитательной работы в школе в 1939 г. объявлена благодарность.

Злобин Владимир Степанович и Батыгина Александра Ивановна вступили в брак 14 июля 1938 г. (Архангельское городское бюро ЗАГСа; Свидетельство о браке № 551 Отдела актов гражданского состояния).

А 20 июля 1939 года в их семье родился сын, которого назвали Валерием.

В январе 1939 г. В.С. Злобину дана справка, что он числится студентом Архангельского педагогического института физико-математического факультета и переведён на 4-й курс. Подпись: «Моданов, Дрихель».

11 ноября 1940 г. В. Злобину дана справка для военкомата, что он окончил три курса и переведён на 4-й курс физико-математического факультета вечернего отделения Архангельского государственного педагогического института. В августе 1941 г. Владимир Степанович Злобин назначен также школьным инспектором Октябрьского района города Архангельска.

Александра Ивановна Злобина (Батыгина), жена Владимира Степановича, выпускница медицинского института г. Архангельска (АГМИ). Родилась 8 ноября 1914 года в селе Высоково Вологодского района Вологодской области в семье Батыгина Ивана Никандровича, участника Первой мировой войны, механика маслозавода на реке Вологде (Порозово), и Шитовой Анны Степановны. В 1938 году Александра Ивановна, студентка 5-го курса АГМИ, вышла замуж за Злобина Владимира Степановича и у них родился сын. После окончания АГМИ она работала в 1-й горбольнице врачом, а также на кафедре патологической анатомии АГМИ, занималась со студентами, проводила научные исследования.

Лидия Александровна Пусточина – мама Владимира Злобина, учительница истории (г. Архангельск, Великий Устюг)

Александра Ивановна Злобина (Батыгина) – жена Владимира Степановича, выпускница АГМИ (г. Архангельск, Вологда)

Уходя на фронт, Владимир Степанович оставил в Архангельске всю свою семью: мать – Пустохину Лидию Александровну, учительницу истории, младшую сестру – Нину Степановну Злобину, окончившую Архангельский лесотехнический институт, жену – Злобину (Батыгину) Александру Ивановну, работающую врачом в 1-й горбольнице, годовалого сына Валерика. Его отец, С. Злобин, оставался жить в его родном городе – Великом Устюге, где работал в пароходстве.

Ему были хорошо знакомы сестра жены – Батыгина Надежда Ивановна, окончившая в 1941 году медицинский институт в Архангельске, и ее муж, у которых был сын Вовка (автор), который жил у дедушки с бабушкой (Батыгиных) в деревне Порозово Вологодской области. Среди знакомых были его друзья по школе, Педагогическому институту. Всех он не раз вспоминает в своих письмах с фронта.

Резкие изменения в жизни семьи Владимира Степановича и его знакомых произошли после 22 июня 1941 года, когда на рассвете войска фашистской Германии без объявления войны внезапно атаковали всю западную границу Советского Союза и нанесли бомбовые авиаудары по ряду крупных городов Советского Союза. Владимир Степанович не раздумывал, как ему поступить: 21 августа 1941 г. В.С. Злобин освобождён от работы в связи с уходом в РККА (Рабоче-крестьянскую Красную армию).

1.2. Фотографии из довоенного фотоальбома

В.С. Злобин
(первое фото, В. Устюг)

Л.А. Пустохина
(мать Владимира)

С.М. Злобин
(отец Владимира)

Владимир со школьным приятелем
(В. Устюг)

В. Устюг (Набережная)

Участники самодеятельности «Труд и отдых»
(В.С. Злобин четвертый слева, последний ряд (В. Устюг))

Выпускники «Двинского политехникума» (В. Устюг, 1932 г.)
(Владимир Степанович первый слева в последнем ряду)

В.С. Злобин с приятелями по техникуму (В. Устюг, 1934 г.)

Прогулка по В. Устюгу (Владимир Степанович балансирует на бревне)

Шура (А.И. Батыгина) и Владимир (В.С. Злобин). Архангельск, 1935 г.

Слушатели и преподаватели подготовительного отделения АГМИ
(2-й ряд, 5-й справа В.С. Злобин). Архангельск, 1933 г.

Владимир Степанович и его сестра Нина Степановна Злобина
в новой семье отца в В. Устюге

Школьные подруги: Тина, Александра и Надежда Батыгини
(19-я школа, Архангельск)

Студенты и преподаватели АГМИ, 4-й курс
(А.И. Злобина в 3-м ряду в центре), 1936 г.

Александра Ивановна Злобина (Батыгина), 1938–1939 гг.

Александра Ивановна Батыгина (студентка АГМИ, 3-й и 5-й курс)

Семейный праздник (1-й ряд – Нина Степановна, 2-й ряд – Александра Ивановна, 3-й ряд – Владимир Степанович и Лидия Александровна). Архангельск, 10-я школа

Александра Ивановна и Надежда Ивановна в семье Балашовых: Августа Николаевна, Неля, Римма и Капитон Васильевич Балашов (Архангельск, 1934 г.)

Поездка в Вологду
(Высоково, 1934 г.)

Преподаватель физики
Владимир Степанович
в 10-й школе

Сергей Пенькин

В семейном кругу

Вологодская область, Порозово. Машинное отделение (Иван Никандрович Батыгин с помощником в машинном отделении молокозавода им. Бергавинова). 1935 г.

В.С. Злобин среди учителей и школьников 19-й школы Архангельска. Второй ряд: В.С. Злобин (1), Л.А. Пустохина – и.о. директора школы (4)

Валерику 1 год. Бабушка Л.А. Пустохина, Александра Ивановна и Владимир Степанович Злобины с сыном Валериком (1940 г.)

Школа № 19
(Архангельск, 1940 г.)

Сотрудники Кафедры Патанатомии и Прозектор
АРХ. ГОТ. МЕД. ИН-ТА. 12 ФЕВРАЛЯ 1941 г.

2. ПО ДОРОГАМ ЕГО ВОЙНЫ

2.1. Мобилизация (Архангельск, Лахта)

Вероятность начала войны в начале 40-х годов прошлого века была очень велика. Это знали и понимали все. Однако началась она неожиданно 22 июня 1941 года с массированного налета и бомбёжек стратегически важных объектов, городов СССР и вторжения германских войск на его территорию. Первые же ответные шаги – переход страны на военное положение и всеобщая мобилизация. Безусловно, Архангельск – важнейший стратегический город, морской порт – оказался на переднем рубеже войны.

Молодая семья Злобиных с полуторагодовым сыном Валерием жила в Архангельске в комнате 13-й школы у матери Владимира Степановича Л.А. Пустохиной, которая некоторое время была и.о. директора этой школы. Школа находилась тогда по адресу: улица П. Виноградова (ныне Троицкий проспект), 57. После начала войны в стране объявляется всеобщая мобилизация – призыв военнообязанных и, прежде всего, молодых мужчин от 18 до 45 лет, не работающих на стратегически важных объектах. Для военкомата были необходимы свидетельства и различные справки с места работы, учебы. Некоторые лица, работавшие на важных объектах, получали «броню» и от мобилизации временно освобождались.

Владимир Степанович – 28-летний учитель физики 10-й и 19-й школы, студент 5-го курса вечернего педагогического института Архангельска к таким категориям не относился и попал в 3-ю очередь всеобщей мобилизации мужского боеспособного населения. По рассказам родственников Владимира Степановича, он чем-то серьезно болел в школьные годы и здоровьем не отличался, поэтому он мог бы попытаться взять медицинскую справку о состоянии здоровья для военкомата. Но такая мысль у него даже не возникала, и он без колебания пошел на фронт и даже ожидал, что многие его друзья тоже без колебаний откликнутся на призыв «вставай, страна огромная, вставай на смертный бой» и встанут на защиту Родины.

Всех мобилизованных новобранцев (молодых солдат) призыва 3-й очереди собирают в палаточном лагере в Лахте под Архангельском около небольшого поселка на Левом берегу Северной Двины рядом с железной дорогой «Архангельск–Вологда». В этом лагере они в течение месяца живут в палатках и проходят боевую подготовку, учатся владеть оружием, совершают тренировочные походы.

Но вот уже **2 августа 1941 года** он своей жене (Шуре) сообщает: «Сегодня после однодневного пребывания в Лахте мы выезжаем отсюда эшелоном в сторону твоих родных мест (Вологды). Мы с Сергеем пока вместе. Получила ли ты наше барахло? Часть его мы растеряли ещё там». (Сергей – это его приятель и тоже молодой преподаватель).

Теперь они все в казенном обмундировании, в боевом отряде, и связь с родными ограничена. Однако отправка на фронт задерживается. Поэтому он надеется еще раз увидеть Шуру. Встреча состоялась, и он ей дает последние напутствия: «Прошу тебя бережно относиться к своему здоровью, беречь себя и Валерку. Помни, что ваши успехи – мои успехи и все ваши неудачи – мои неудачи. Самое главное – живите дружно и не расстраивайте друг друга».

2.2. Петрозаводск. Первые бои

Сорок первый год в Отечественной войне – один из наиболее тяжелых для Советской страны: это всеобщая мобилизация, переход страны на новое военное положение, перестройка экономики, срочная мобилизация военнообязанного населения, особенно трудоспособного мужского населения, и обучение военному делу. И в то же время – массовая эвакуация населения и промышленных предприятий с оккупированных территорий.

Внезапность нападения дала врагу определенные преимущества. Под стремительным натиском фашистов Советская армия, вынужденная отступать, потерпела ряд крупных поражений на юге. В первый же год войны была оккупирована Европейская часть страны. Враг захватил Прибалтику и приблизился к Ленинграду, Москве. Шла битва за Одессу, Киев, Севастополь. Сражаться приходилось не

только с войсками Германии, но и с их союзниками – Финляндией, Норвегией.

Войсками этих стран совместно с Германией делается попытка захватить Мурманск, Петрозаводск, замкнуть кольцо окружения Ленинграда. Мобилизованных северян из Архангельска, Вологды отправляют преимущественно на оборону северных рубежей.

В 1941 году значимыми на Кольском Севере были Мурманская оборонительная операция с 29 июня по 10 октября 1941 года, а также с 16 октября по 18 ноября 1941 г. – Тихвинская оборонительная операция, а также Тихвинская наступательная операция с 16 ноября по 30 декабря 1941 года. С этими операциями были связаны и первые наши победы. В этих боях и участвовали молодые ополченцы из Архангельска – Владимир Степанович Злобин и его приятель Сергей.

На фронт отряд молодых воинов из Архангельска отправился во второй половине сентября. Была возможность сообщить о себе по пути следования, и Владимир Степанович **21 сентября**, миновав уже Вологду, сообщает в Архангельск: «Здравствуй, Шура! После дневных путешествий мы едем по Мурманской ж. д. по направлению к Петрозаводску. Живём хорошо. Все здоровы. Сразу едем на передовые линии. Не знаю, далеко ли ещё поедем. Пока ничего особенного не произошло».

Много писать о себе, своем передвижении в письмах родным солдатам не разрешалось. Все письма проверяла военная цензура. Страгетической тайной были сообщения о том, как живут солдаты, каков их боевой «дух», как они питаются, где находятся. Нельзя было сообщать и о том, куда направляется эшелон. Связь, полевая почта в начале войны работали еще плохо, и не было уверенности, что письма доходят до адресата. Поэтому Владимир Степанович **23 сентября** сообщает своей жене и некоторые секретные сведения: «Здравствуй, Шура! Решил сейчас тебе письмо написать, воспользовавшись свободной минутой. Не знаю, получила ли ты мои открытки, предыдущие этому письму. Уже второй день как мы находимся в Петрозаводске, успели ознакомиться со всеми достопримечательностями этого города. Сегодня, вероятно, выезжаем на фронт. Получили добавочное боевое снаряжение и готовы к выступлению в любую минуту. Следующее письмо ты получишь уже с фронта».

Письмо после первых боев Шура получила 4 октября 1941 года: «Здравствуйте, Шура и все родные мои. Наконец я нашел возможность черкнуть вам несколько строчек о своей жизни. Живу пока я ничего. Целую неделю был в непрерывных боях. Пока уцелел – имел только контузию, которая закончилась благополучно. Сергея я потерял в первом бою и о его судьбе ничего не знаю. Боюсь, что с ним дела плохи. ... Много всего испытал, но расскажу подробнее, когда вернусь».

В письме от 22 октября 1941 года он дополняет картину тяжелых боев в первые месяцы войны: «Рас прощались с Карельскими лесами, болотами и озерами. Куда сейчас едем, мы не знаем, во всяком случае, дальше твоих родных мест. После короткого отдыха нас, очевидно, направят на другой участок фронта. Я пока здоров, правда, вот уже целую неделю страдаю поносом. Но думаю, что это все пройдет. На дворе уже наступает в свои права зима. Лучше бы, конечно, если бы дело шло к лету. Но ничего не поделаешь. Вот уж 2 ночи подряд вижу во сне, как я снова в вашем кругу, но, увы, пока это только сон».

Как можно судить по первым строчкам письма, бои были тяжелые, может быть, были и рукопашные схватки и обстрел. Если посмотреть на карту, то станет ясно: они проходили недалеко от Петрозаводска – столицы Карело-Финской ССР. На советско-финской границе в составе Олонецкой группы войск советским войскам противостояли союзники Германии – войска Финляндии. Они стремились выйти на Петрозаводск и перекрыть железную дорогу на Мурманск, отвоевать территории, которые они потеряли во время Финской войны 1939 года.

В первых же боях Владимир Степанович потерял своего друга Сергея Пенькина, с которым он вместе жил в тренировочном лагере под Архангельском. Сергей пропал без вести, судя по всему, был убит. Владимиру Степановичу повезло. О том, что его контузия прошла «благополучно» и так быстро, может говорить только человек, совершенно не сведущий в медицине или находящийся в состоянии экстремального стресса.

После сражений на Карельском фронте и тяжелых боев с финнами среди «лесов, болот и озер» часть «отводится в тыл для кратковременного отдыха и переформирования», а затем готовится к

оперативной переброске на другой участок фронта. Стало быть, впереди новые бои. Но Владимира тревожит не это, а судьба пропавшего друга Сергея. «Неужели он погиб?»

В письмах также спрашивает, «что нового в Архангельске и школах? Все ли его друзья пошли на фронт? Кто вместо него работает инспектором в РОНО».

Обстановка на фронте остается тяжелой, и Владимир допускает самые неблагоприятные варианты и для себя: «если что случится, продавайте мои вещи». Кратковременный отдых позволяет навести порядок: «Привели себя в человеческий вид – вымылись в бане, побрились, занимаемся стиркой и тому подобными операциями. Живем хорошо. Плохо только, что ничего не знаю о вас. Как вы все живёте?»

2.3. Тихвин

Как упоминалось ранее, о своем точном местонахождении Владимир сообщать не мог. Однако в **письме от конца октября 1941 г.** он, как бы не нарушая военную тайну, намекает: «Не знаю, куда нас направят. Сейчас мы расквартированы в одном совхозе Ленинградской области». Здесь он, на мой взгляд, упоминая Ленинградскую область, дает понять, куда их направляют с Карельского фронта.

Самым опасным моментом на тот период войны была попытка немецких войск полностью блокировать Ленинград. К этому времени Ленинград был уже почти полностью окружен. Функционировала только железная дорога «Вологда – Тихвин – Волхов, Ладога». По ней шло продовольственное и военное снабжение города. Когда фашистам после ожесточенных боев удалось занять Тихвин, Ленинград оказался в полной блокаде.

В этот период боев в ноябре 1941 года сообщений от Владимира Степановича в Архангельск никаких не было. Он участвовал в боях за освобождение Тихвина – этого важного в стратегическом отношении населенного пункта. Тихвин удалось освободить.

И вот в своем **письме от 12 декабря 1941 года** Владимир Степанович сообщает Шуре: «Нужно сказать, что мы последние дни очень

довольны: наша операция закончена благоприятно – от немцев очистили район, где мы были, и несколько дней назад мы вступили в город Тихвин. Хозяйничанье немцев здесь, таким образом, закончено, и они поспешно отступают, бросая все, что им мешает удирать. Наша часть за успешное проведение всей этой компании назначена на охрану города, и мы сейчас несем гарнизонную службу в городе. Не знаю, долго ли это продолжится, но, во всяком случае, некоторый период времени мы немного отдыхаем. В общем, очень приятно видеть, что немецкие фашисты потерпели здесь крупное поражение и побито их здесь много. Отдельные наши части продолжают гнать немцев дальше».

Цитата материала из Википедии – свободной энциклопедии» по поводу Тихвинской операции: «Тихвинская операция стала первым крупным наступлением советских войск в ходе войны. В ходе этой операции была сорвана главная цель – полная блокада Ленинграда и соединение немецких войск с финскими войсками». К успехам советских войск в ходе операции следует отнести освобождение утраченной территории и населённых пунктов и восстановление железнодорожного сообщения по ветке «Тихвин – Волхов».

Кроме сообщения о победе в битве за Тихвин Владимир Степанович сообщает в Архангельск своей жене Шуре следующее: «Несколько дней тому назад получил и твою посылку, в общем, в моём подразделении мне все завидуют изобилию писем, которые я получаю часто. Я получил, по-моему, от всех вас 2 открытки от Нины, письмо от папаши, открытку от Макса и письмо от учениц 10-й школы. Всем написал ответы. В общем, я очень рад, что меня не забывают и держат в курсе всех событий дома. Большое спасибо всем вам. Видишь, какие хорошие новости я тебе сообщаю».

Заканчивается тяжелый 1941 год. Владимир Степанович в **письме от 19 декабря 1941 г.** поздравляет всех с Новым годом, желает счастья и сообщает, что их кратковременный отдых кончился, и «завтра мы покидаем Тихвин и отправляемся опять на фронт. Мы будем действовать снова на том же участке фронта, где были осенью. Большую часть пути, а быть может, и весь путь, мы пойдём пешком. Сейчас готовимся к походу.

Живу я хорошо. Здоров. Самочувствие хорошее. О Сергее, зна-

чит, никаких известий нет? Следовательно, с ним что-то случилось. Вероятно, он остался там».

А в письме от 30 декабря 1941 года он уже сообщает Шуре: «В настоящий момент мы находимся на новом участке фронта, правда, ещё не на передовой линии, а в прифронтовой полосе. Здесь мы готовимся к новым боям с белофиннами». И опять вспоминает о своем друге Сергеев: «Что слышно о Сергеев? Если никаких известий нет, то, значит, он пропал без вести. Ещё я прошу тебя, чтобы Вы получили в 10-й школе все NN (номера) журнала «Техники Молодёжи». А наверно, выпустить на 1942 год этот журнал Вы забыли. Ну, что с вами поделаешь». Видимо, это был любимый журнал Владимира Степановича.

2.4. Карельский фронт

Начался 1942 год. В значительной мере решающий год войны.

Основные события в Великой Отечественной войны в 1942 году происходили на южных и центральных фронтах страны. Советская армия наращивала силы для отражения наступления врага. Фронт определенным образом стабилизировался. В этот второй год происходили крупнейшие оборонительные и наступательные операции советских войск, решившие исход войны.

Это, прежде всего, битва за Москву (с 30 сентября 1941 г. по апрель 1942 года) и оборона Ленинграда. В ноябре 1942 года началась исключительно кровопролитная Сталинградская битва, которая закончилась разгромом немецких войск в 1943 году. В плен сдался даже генерал, командующий фронтом Паульс. Это Ржевская операция в январе 1942 года. Битва за Кавказ (с августа по декабрь 1942 года). В сводках Информбюро о военных действиях постоянно повторяются города: Москва, Ленинград, Курск, Харьков, Воронеж, Донбасс, Сталинград, Крым.

На участке Карельского фронта, где находился Владимир Степанович, в зимнее время, видимо, велись только местные позиционные бои. Финляндия как бы вернула территории, которые она считала своими, и далее активных боевых действий не предпринимала.

Есть время и возможность у Владимира Степановича вспомнить о доме, о сестре Нине... Но особенно его интересует, как растет его сын Валерик. Он беспокоится, что сын, наверное, уже забыл его. В письме Шуре он пишет: «Представить себе, каким он (Валерик) есть сейчас – очень трудно. Даже по фотографии, на которой он изображен, его трудно узнать: она уже имеет годовую давность. А за год он еще больше изменился». Владимир Степанович сокрушается: «Я для него, конечно, пустой звук. Это не особенно приятно сознавать, но ничего не поделаешь».

Из писем из Архангельска 10 января 1942 г. он узнает, что Александра Ивановна Злобина не только работает, но и занимается научной работой в медицинском институте (АГМИ), возможно, собирается защитить диссертацию. В принципе, дома у него все хорошо, и в ответ он пишет: «Всё мечтаю, как после победы над врагом мы с тобой снова встретимся. Это будет очень радостный день!»

Однако обстановка на фронте меняется очень быстро, и в **письме от 12 января 1942 г.** он сообщает: «Нахожусь теперь на другом участке фронта, правда, в данный момент не на передовой линии. Готовимся к новым, предстоящим в недалеком будущем, боям. Пока здоров. Не хватает мне только писем от вас. Как вы все там поживаете и что у вас нового? Как Валерик и каковы его успехи? Да вообще меня интересует всё, что вас касается. Черкните хотя бы пару строк. Как живут Анна Степановна и Иван Никандрович? (Вологда, Порозово). Передай им от меня привет. Как идёт твоя работа, и как ты себя чувствуешь? Как живёт Нина, бывает ли она у вас? В общем, напиши понемногу обо всех. Сейчас, вероятно, в школах каникулы, и мамаша, наверное, отдыхает. Пусть она напишет о школьных делах. В общем, учтите – я больше вам писать не буду, до тех пор, пока не получу от вас письма. Привет всем».

Через полтора месяца (27 февраля 1942 г.) в письме он сообщает: «О себе, пожалуй, много писать нечего. Пока жив и здоров. Чувствую себя хорошо. Ни в чем нужды не терплю, все у меня есть. Спасибо, что помните обо мне и частенько сообщаеете о своей жизни. Не получено ли каких известий о Сереге? Неужели он пропал? Я о нем часто думаю... Крепко целую. Любящий тебя Владимир».

Письма в Архангельск сам Владимир Степанович пишет регулярно и просит писать ему обо всем, что происходит в его семье. Жене

Шуре высыпает деньги, которые им выдают (довольствие). В Архангельске у Шуры с сыном остро встает квартирный вопрос. Новое руководство школы требует от них, чтобы они освободили школьное помещение и переехали куда-либо в жилые дома.

По поводу поиска квартиры он свое мнение высказывает в письме от 6 марта 1942 г.: «Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня я получил от тебя 2 открытки, из которых узнал, что ты давненько не получала от меня писем. Думаю, что за это время ты получила их несколько, я ведь регулярно тебе пишу. Несколько дней тому назад я перевёл тебе небольшую сумму денег (175 руб.). Думаю, что они тебе пригодятся. Через месяц снова смогу (если представится случай) опять перевести тебе немного денег. Мне, безусловно, здесь деньги не нужны.

Из твоего письма я узнал, что дело у тебя осложнилось в связи с болезнью Ю.М. Ты решила отправить Валерку в деревню. Это, конечно, с одной стороны, очень хорошо, но вместе с этим и плохо. Во-первых, ты будешь без него скучать. Во-вторых, я опасаюсь, как бы это не вызвало некоторых квартирных изменений. Вряд ли тебя оставят одну в этой комнате. Правда, меня пока со счетов списывать нельзя. Я думаю, что ты сумеешь защитить свои права. Если будут предлагать в обмен другую комнату, которая тебя устроит, то это можно сделать. В общем, я полагаюсь на тебя». Действительно, маленький ребенок и муж в действующей армии тогда был важным аргументом внимательного отношения к решению квартирных вопросов.

С самого начала войны Владимир Степанович верит в победу, несмотря на трудности и болезни. В письме 8 апреля 1942 г. он пишет: «Я думаю, что не так уж долго еще мы не увидимся. Всё-таки с каждым днем мы приближаемся к окончательному разгрому всех врагов нашей Родины.

О себе писать много не буду. Я надеюсь, что ты получила мое последнее письмо, в котором я сообщал тебе о кое-каких изменениях в моей жизни. Больше нового ничего нет. В общем, как говорится, за истекшее время не произошло ничего существенного. Немного у меня сдал правый глаз – опух весь, но сейчас положение восстанавливается. Вот, пожалуй, и все». Поддерживают его в это трудное время письма из дома.

«Я лично живу по-прежнему (пишет он в письме в Архангельск от 6 марта 1942 г.). Особых изменений нет. Писем за последнее время почти не получаю, не знаю почему. На днях направляю перевод в Порозово. Откуда мне пишут аккуратнейшим образом. Получила ли ты мои фото и другие «приложения»? Привет маме, Нине, а также Надежде и Тасе Л., с которой ты, как видно, коротаешь время. Начала ли ты работу со студентами? Обязательно напиши свои первые впечатления по этому поводу. Я нисколько не сомневаюсь в том, что занятия твои пойдут успешно. Наверное, сейчас много занимашся своей подготовительной работой, быть может, этим и объясняются твои крохотные письма. Жду твоего письма. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

В письме от 6 марта Владимир Степанович сообщает также о важном событии в его жизни: «Давненько уже мы с тобой расстались. Когда снова встретимся? Сказать трудно. О своей жизни мне писать много нечего. Но есть новость – меня приняли в кандидаты ВКП(б), правда, ещё утверждения ДПК не было, но я надеюсь, что утвердят. Это для меня большое событие. В остальном я живу все так же и все там же. Жив и здоров. Вот, пожалуй, и всё. Через некоторое время ты, вероятно, не забыла, будет мой «юбилей». К сожалению, в этом году мы его не отметим в кругу своих родных и друзей. Ну что поделаешь! Как живёт Нина и бывает ли она у тебя? Что ей пишут друзья? Интересно, как поживает Надежда и Петро? Или всё дурака валяют? В общем, постарайся ответить мне на все вопросы. Пока на этом закончу. Жду твоих писем. Привет всем. Крепко целую. Твой Владимир».

Однако затяжные локальные бои с финнами продолжаются. Владимир, безусловно, понимает, что может погибнуть: «Пока я жив и здоров».

Письмо от 24 марта 1942 г. «О своей жизни много писать нечего. Напишу только, что на днях будут изменения – мы уходим снова на передовую линию. Вот, пожалуй, и все. Ни в чем особенно не нуждаюсь, разве только хочу видеть вас, дорогих мне людей. Пока об этом думать нечего. Через несколько дней для меня будет несколько необычный день – очередной юбилей. К великому сожалению, на этот раз мы не можем отметить его все вместе». 28 марта Владимиру Степановичу исполнилось 29 лет.

В письме в этот день он пишет: «Подумай только, ведь уже до старости совсем не далеко! Этот день мы обычно отмечали в кругу семьи и своих друзей. В этом году немного вышло иначе. А как бы хотел я в этот день быть с вами! Очень я скучаю о всех вас, прямо представить себе не можете. Ведь уже давно я не вижу вас. Часто вспоминаю, Шура, все наши горести и радости, которые мы вместе переживали. Ну ладно, надеюсь, что мы еще поживем, как нам нужно. Я в последнем письме писал тебе о изменениях, которые должны произойти в моей жизни.

Сегодня мы идем в поход. Решил я сегодня в этом письме послать тебе свою фотографию, правда, она не совсем удачная, но выбора не было. Фотографировался я для документов и выпросил одну карточку для себя. Вот и решил послать ее тебе. Узнаешь ли меня на этой фотографии? Правда, пожалуй, в основном она похожа на меня, а ты, наверное, с трудом узнаешь меня. Мне кажется, что я сильно изменился. А может быть, это так только кажется. Напиши мне, как устраиваются твои дела с квартирой и прочими вещами. Как здоровье твое и Валерика? Его слабый слух меня беспокоит, но думаю, что со временем это наладится».

Квартира и сын Валерик – главные проблемы в семье Владимира Степановича в это время. Между тем позиционные бои продолжаются. В апреле происходят определенные изменения в статусе Владимира Степановича в полку. Его заметили как коммунибельного, грамотного человека, который принят кандидатом в члены ВКП(б). Вероятно, также имело значение и его здоровье. В связи с контузией и повреждением глаза его временно перевели в штаб полка на должность технического секретаря. Возможно, это было связано и с тем, что у него, как учителя, был очень четкий, аккуратный и понятный почерк.

Однако это не освобождало его полностью от участия в боевых действиях. Вот его **письмо от 12 апреля 1942 года:**

«Здравствуй, дорогая Шура! Решил черкнуть тебе пару строк. Это вызвано тем, что условия жизни значительно изменились. Вот уже несколько дней я нахожусь на фронте. Наша часть ведет упорные бои с белофинскими собаками. Я пока жив и здоров. Чувствую себя хорошо. У всех нас одно желание – скорее разбить и уничтожить врага.

Привет всем родным и знакомым. Пиши, адрес старый. Тороплюсь и поэтому пока закончу. Крепко целую тебя! Любящий тебя Владимир».

Но вот уже **17 апреля** опять все изменилось: «Здравствуй, дорогая Шура! Решил написать тебе несколько строк о своей жизни. Дело в том, что обстоятельства несколько изменились. Я перешел на другую работу – побыв немного времени на передовой, меня вызвали обратно и назначили на работу в партбюро техническим секретарем. Начинаю понемногу осваивать новую работу. Вот и все».

На войне все меняется быстро. **29 апреля** он опять пишет, что «находится в боях». Но и в боях бывали перерывы. Вот как, не без юмора, Владимир Степанович в своем письме в Архангельск описывает празднование бойцами на фронте праздника Первомая: «Мы хорошо провели день 1 Мая. Во-первых, мы с утра насладились брызгами шампанского, правда, на патефоне. Но ведь я так давно не слыхал музыки! Во-вторых, мы позавтракали, перед чем выпили по 100 грамм. Далее, днем мы смотрели хороший кинофильм, а вечером был маленький концерт самодеятельности. Видишь, как хорошо, если ты, конечно, учтешь условия, в которых мы находимся. Ведь мы не где-нибудь, а на фронте. Кроме того, через 3 дня мы получили подарки от рабочих Вологодской типографии «Красный Север». Видишь, что майские дни у нас прошли хорошо. А как ты в этом году их отметила? А помнишь, как мы проводили первомайские дни в прошлом году? Есть, что вспомнить!»

Ничего, в следующем году первомайские праздники мы с тобой встретим хорошо, так, как нам захочется. Главное – вместе с тобой. Как мне хочется увидеть всех вас! Давно уже мы расстались, но думаю, что до новой встречи осталось меньше времени».

С фронта в Архангельск он шлет и фотографии. Писать о расположении полка цензурой запрещено, и он в письмах часто пишет, что обо всем расскажет, когда вернется после победы.

Самым большим подарком для солдат на фронте были письма родных. «Письма твои, к сожалению, я получаю за последнее время редко, с интервалами 20–25 дней. А ведь ты хорошо знаешь, что каждое твое письмо доставляет мне много радости».

На фронте у солдат возникают и другие вопросы: «Теперь, может быть, ты уже привыкла к моему отсутствию и начинаешь забывать о моем существовании?»

А вот еще об обстановке, в которой находятся солдаты на фронте: «Ты часто просишь меня описать обстановку, в которой я нахожусь. Так ее нетрудно представить. Живем мы в лесу в блиндажах, которые сделаны довольно хорошо и сравнительно удобны. Во время хорошей погоды в лесу очень хорошо, а во время дождей неважно, ибо тебя обливает потоками холодной воды и снизу, и сверху, если ты неосторожно толкнешь какое-либо дерево. Природа живет по своим законам, деревья зазеленели, появляется трава, птицы поют на разные голоса, в озерах плавают рыбы и т.д.

Но часто к этому прибавляются звуки войны – грохот разорвавшегося снаряда или мины (причем ты слышишь сначала вой этого снаряда в воздухе, а затем взрыв), трели пулеметов и прочую музыку войны. Ко всему этому мы привыкли и относимся хладнокровно. Ежедневно получаем газеты и письма (правда, я, грешный человек, получаю письма очень редко)».

«Живу я, как видишь, неплохо. За последние дни только немного нездоровится – видимо, простудился, промокнув, и у меня раздувает челюсть, и болит зуб. В общем, это дело неприятное, но надеюсь, что скоро все пройдет. Ты знаешь, что такие случаи у меня и раньше бывали. А в остальном, как говорится, все хорошо, все хорошо».

Невольно вспоминается трагикомическая песня Жарова: «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо!»

Владимир Степанович в письмах вспоминает Архангельск: «Что нового в городе? Сейчас, наверное, много новых людей, снова оживление на реке и, наверное, на Набережной хорошо и приятно пройтись! Вероятно, я думаю, что есть некоторые улучшения и в отношении продуктов питания?» В Архангельске в семье Владимира Степановича тоже новости. У Нины Степановны, его сестры, родился сын, которого назвали Димой.

На Карельском фронте в июне 1942 года, видимо, наступило некоторое затишье. Владимир Степанович сообщает: «На нашем участке нет крупных боев, но они будут и, безусловно, закончатся нашей победой. Правда, и сейчас наши снайперы и минометчики не дают покоя (лучше сказать – дают «вечный покой») белофиннским воякам. Борьба идет ежедневная».

Борьба идет, но позиционного плана, происходит передислокация

войск. «У меня больших изменений нет, не считая разве того, что мы передвинулись на другой участок фронта несколько дней тому назад. Жизнь протекает все также. Какие хорошие места, но везде наложила отпечаток войны, вещь, которая напоминает о себе каждую минуту. Правда больших событий на нашем фронте не происходит».

Солдатам вспоминаются события мирного времени. Думает о них и Владимир Степанович: «Я все вспоминаю и очень жалею, что не могу в этот день быть с тобой вместе. Помнишь, как я зашел за тобой в 2 часа и мединститут, как дальше мы путешествовали до Поморской, как там себя вели, как обедали в «Индустрии» и как к моему подъезду подкатила машина, из которой вышла ты!»

А помнишь, как мы жили до отъезда в Порозово? В общем, воспоминаний много. Итак, пошел пятый год с того времени. Быстро время идет, и сколько больших событий произошло за этот срок!»

А в Архангельске его супруга Шура пытается решить квартирный вопрос. Пока все они живут в помещении 13-й школы. Владимир Степанович дает совет: «Да, значит, снова всплывает в который раз этот злосчастный вопрос о квартире. Скажу прямо, что новое начальство дает о себе знать. Думаю, что как-нибудь этот вопрос должен быть урегулирован. Я ведь считаю, что тебе должны дать квартиру, устраивающую тебя. Думаю, что ты не сделаешь опрометчивого шага, т.е. согласишься на то, что снова засунут тебя в какой-либо угол, да еще где-либо у черта на куличках вроде Кузнечихи. Я прошу тебя похлопотать об этом. Жаль, что нет меня там. Я сумел бы отстоять наши с тобой интересы. Итак, жду от тебя дальнейших сообщений. Во всяком случае, в течение августа этот вопрос, по моему, разрешится. Да, между прочим, есть ли у тебя справка, что я нахожусь в рядах РККА? Я, кажется, посыпал ее тебе еще в прошлом году».

Август, приближается учебный год, и Владимир Степанович вспоминает свою учебу в вечернем Институте ПГУ в Архангельске: «Я просил как-то тебя в одном из писем взять в институте мою зачетную книжку. Она оставлена была у Алины. Прошу тебя, если увидишь Жорку или еще кого-либо из ребят, то передай мою просьбу – пусть ее возьмут и передадут тебе. Я все еще думаю, что нужно будет как-нибудь закончить свое образование, а для этого потребуются

документы». Он надеется на это, потому что уверен в том, что война с фашистами завершится победой над ними: «Как часто я думаю о всех вас и вспоминаю, как мы хорошо жили. Но хорошую и счастливую жизнь всех советских людей нарушил Гитлер, жалкий идиот, рассчитывавший уничтожить весь советский народ и захватить нашу Родину. Сейчас идут серьезные бои на юге, где враг бросил свои последние силы. И недолго придется ему труить свои победы – очень скоро ему будет нанесен последний удар, от которого он уже никогда не оправится. Тогда ему придется рассчитываться за все то, что принесли нашему народу его двуногие звери».

Лето прошло в позиционных боях. Наступил август. Владимир Степанович **17 августа** пишет: «Сегодня я обратил внимание, что уже начинают желтеть деревья, и с них падают желтые листья. Значит, приходится констатировать, что лето уходит. Скоро осень. Сколько у меня раньше было дел перед осенью. Помнится, как я начинал готовить материал для занятий!

Лето прошло. Мы, лесные жители, констатируем время по тем изменениям, которые происходят вокруг нас в природе. Появились ягоды и грибы, и мы иногда лакомимся этими вещами. Помнишь, как мы с тобой в свое время в Порозове ходили на полянки за ягодами? Они иногда оканчивались большой удачей. Не правда ли?

Сейчас некоторые обитатели нашей землянки под влиянием моего примера уселись и тоже пишут письма своим близким. Что тебе пишут из Порозова? Я как-то на днях отправил туда им открытку, думаю, что они ее получат».

Вологду, деревню Порозово Владимир Степанович вспоминает часто: «Получаешь ли ты письма из Порозова? Как там они живут?» Порозово – это деревня в несколько домов на берегу реки Вологды, там, где в нее впадает небольшая речка Масляная. В октябре Александра Ивановна отвезла в Порозово и сына Валерку.

Продвигается и решение вопроса с квартирой, но в Архангельске трудно с дровами, их нужно осенью заготовить на целую зиму. Александра Ивановна занимается и научной работой на кафедре АГМИ. Владимир Степанович живо интересуется этим: «Как движется твоя научная работа, наверное, уже скоро закончишь? В общем, я вижу, ты у меня скоро будешь кандидатом наук. В общем, ты молодец.

Сейчас тебе, безусловно, будет скучно без Валерки, но надо к этому привыкать. Я думаю, что у тебя не так уж много свободного времени, учитывая, что ты занимаешься научной работой».

Он дает жене советы: «Больше работай над собой, читай. Ты сейчас будешь иметь возможность чаще ходить в театр и пр., чаще гулять. Используй это, но, конечно, благоразумно. В общем, не знаю, понимаешь ли ты то, что я хочу тебе сказать? Как твое здоровье? Вчера я послал открытку в Порозово. Не знаю, получат ли они ее, или снова она вернется ко мне. Я тогда на тот же адрес писал точно. Напиши мне, как ты там у них пожила. Между прочим, я тоже очень часто вспоминаю, как мы там с тобой когда-то ушли и ходили за грибами. Помнишь? Ничего, думаю, что мы с тобой еще сходим туда».

23 октября 1942 года он сообщает: «В моей жизни никаких изменений нет. Сообщаю тебе, что меня приняли в члены ВКП(б). Я очень горжусь этим. Кроме этого, каких-либо значительных событий со мной не произошло. Ты мне ничего не писала – получила ли ты мой перевод? Деньги тебе сейчас, вероятно, нужны. Пока больше прислать не могу.

На улице типичная осенняя картина – грязь, перемешавшаяся со снегом. Слово «улица», правда, несколько необычно в наших условиях – какая тут улица, когда нет ни одного дома, но другого слова не подберешь».

Письмо от 7 ноября 1942 г. Приближается праздник 7 ноября, а 8 ноября – день рождения Александры Ивановны. Ей исполнилось 28 лет. «Долго я ожидал твоего письма. Все мои товарищи получили от близких людей письма, посылки и пр., а я один все ничего не имел, но сегодня – 7 ноября рано утром мне принесли сразу 3 письма, в том числе одно от тебя. Я был этому очень рад, тем более это совпало с праздником. Письмо твое произвело на меня большое впечатление. Благодарю тебя за высказанные твои мысли относительно меня. С моей стороны (я надеюсь, ты тоже знаешь) я полностью отвечаю тебе взаимностью. Все свое будущее я связываю с тобой. В общем, ты своим письмом прибавила мне сил и энергии. Не обижайся на то, что я в одном из предыдущих писем поделился с тобой глупыми мыслями. Я надеюсь, что ты легко поймешь, что в моем положении подобные мысли могут появиться. В общем, не сердись.

Итак, сегодня праздник. Я в своих предыдущих письмах поздравил вас всех с этим праздником, посыпал вам поздравительные открытки, а тебя, кроме того, поздравил с днем рождения. Завтра за твоё здоровье выпью 100 грамм.

Не пришлось в этом году мне быть с вами в этот день, но надеюсь, что в будущем году этот день мы отметим вместе.

Почему ты до сих пор не получила посланного мною на твоё имя перевода? Добейся, чтобы тебе его вручили. У тебя, как видно, есть серьезные успехи в области проводимой тобой научной работы. Желаю тебе успеха и в дальнейшем, очень рад за тебя.

За несколько дней до праздника я получил партийный билет. Это я расцениваю как большое событие в моей жизни. В остальном моя жизнь идет без особых изменений. На здоровье пока не жалуюсь, разве если не считать зубов, которых, к слову сказать, у меня почти не осталось. Считаю, что это дело поправимо в будущем.

Сегодня у нас ожидается приезд кинопередвижки. Значит, будем смотреть кино. Ну, как ты и все вы устроились на новом месте? Перебрались окончательно или нет? Как вообще условия вашей жизни? Пиши мне подробно обо всем и желательно почаше. Пока на этом закончу».

Как видно, жизнь на фронте постепенно обустраивается, и в меру возможности даже с некоторыми удобствами и развлечениями. Однако, судя по сообщению Владимира Степановича о проблемах с зубами, у него имеют место признаки цинги. Сказывается нехватка витаминов на фоне постоянных стрессов.

В ноябре в Архангельске в семье Владимира Степановича произошло важное событие, Шура наконец-то получила отдельную комнату. И письмо от 14 ноября Владимир Степанович написал по новому адресу проживания супруги: Архангельск, проспект Сталинских ударников*, дом 118, фл. 2, кв. 8. По этому адресу стали проживать в квартире из трех комнат его мать – Лидия Александровна и сестра – Нина Степановна с сыном.

Горисполкомом им была дана квартира в двухэтажном деревянном доме. Это стандартные двухэтажные деревянные дома с двумя

* Проспект Сталинских ударников – это в последующем Набережная им. Сталина, затем – Набережная Северной Двины.

подъездами, имеющие выход на Набережную Северной Двины с одной стороны и с другой – на проспект Павлина Виноградова (ныне – Троицкий проспект). В этом месте еще до войны было построено 6 домов. Рядом находились хлебозавод и больница им. Н.А. Семашко. С другой стороны был винзавод (ныне – АЛВИЗ). Дома были без водопровода, с печным отоплением. Поэтому со всех сторон их окружали сараи для хранения дров. Место было болотистое, поэтому все они соединялись между собой деревянными мостовыми. В этом доме после войны жил и я сам.

В то время эти дома считались в Архангельске относительно хорошим жильем. Среди них был даже так называемый «учительский дом», в котором было водоснабжение и более высокое крыльцо. Некоторые из этих домов стоят там до сих пор. А вот хлебозавод относительно недавно снесли и построили на его месте элитное жилье для богатых с выделенным закрытым двором. О чем бы подумал Владимир Степанович, узнав об этом?

Владимир Степанович был очень рад тому, что жизнь его семьи наладилась к лучшему: «Я очень доволен, что у вас все благополучно и что все вы живете хорошо.

Желаю, чтобы и дальше дело обстояло именно так. Ты не представляешь себе, как хочу я увидеть тебя! Давным-давно уже мы с тобой расстались. Ничего, еще встретимся снова и снова будем жить и делить все. Не правда ли? Говорят, что продолжительная разлука проверяет отношения людей друг к другу. Может быть, это так. Я, во всяком случае, не нуждался в такой проверке, ибо ты хорошо знаешь мои отношения к тебе, однако сейчас я особенно понял, насколько ты мне дорога. Я рад, что время не изменило и твоих отношений ко мне.

Я живу по-прежнему. Ничего нового нет. Пиши, как живешь, как твое здоровье и что у вас нового. Получила ли ты мои предыдущие письма?»

И вот опять **письмо – от 30.11.1942 г.**: «Здравствуй, дорогая Шура! Наконец, после долгих отсутствий, я получил сегодня от тебя письмо. Начинал уже было беспокоиться, не имея долго от тебя известий. Из твоего письма узнал, что все у вас благополучно и что живете вы хорошо. Я очень рад этому. Прошу тебя все же писать

мне чаще, чем ты иногда пишешь. Письмо из Порозова я не так давно получил, там даже Валерка свои каракули на бумаге нацарапал. Действительно, тяжело твоей маме возиться с этими двумя орлами». (Кроме Валерки в деревне Порозово был и я, тогда еще мальчик Вовка, сын младшей сестры Шуры – Надежды Батыгиной). Далее он сообщает, что растет Валерка хорошо, «только большой забияка». «Ты пишешь, что скучаешь без него, а я ведь его не видел еще большее время. Ничего, придет время – увижу и его и тебя. Давно, давно я не вижу тебя! Часто вспоминаю в мельчайших подробностях, как мы жили с тобой. Хорошее было время, но оно еще вернется. Будет еще и на нашей улице праздник!

Живу я хорошо. Несколько дней нездоровилось, но теперь уже все прошло. Посылаю тебе с этим письмом фотографию, где я изображен вместе со своими друзьями. Случайно сфотографировались и все остались очень довольны снимком. Думаю, что ты в долгу не останешься и вышлешь мне свою фотографию.

Получила ли ты, наконец, мой перевод? Долго он где-то болтается. Что нового есть у вас? Как вы все живете? Получила ли Нина мою маленькую открытку, где я ее поздравлял с днем рождения? Как она живет и работает?»

И вот последний месяц второго года войны: **письмо от 12 декабря 1942 г.**: «Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня, наконец, после долгих дней ожидания, я получил твое письмо, за которое благодарю тебя. Что-то ты за последнее время очень редко мне пишешь и заставляешь долго ждать. Прошу учесть это и писать мне чаще. Получила ли ты мое письмо, в котором я посыпал тебе фотографию, на которой был изображен я со своими друзьями? Как тебе она, понравилась?

Время идет своим чередом, незаметно. Кончается скоро последний месяц 1942 года. Воспользовавшись случаем, поздравляю тебя с наступающим Новым годом, хочу пожелать тебе здоровья, успешной работы и всего хорошего, что может пожелать тебе человек, который любит тебя. Сколько раз мы вместе с тобой встречали Новый год! В этот раз мы находимся далеко друг от друга, в различных условиях, но, отмечая Новый год, мы мысленно будем вместе и вспомним друг друга. Правда?

Живу хорошо. Я знаю, что тебя интересуют многие подробности моей жизни, но писать много на эту тему я не могу. Ты, надеюсь, понимаешь это. Между прочим, мне на днях присвоили воинское звание – старший сержант. Дней 10 тому назад я получил посылку из Порозова, и мы с Мишой до сего дня лакомимся сыром, который, как ты знаешь, мне по душе.

Писем за последнее время ни от кого давно не получал. Очевидно, не иначе, вы все сговорились мне не писать.

Валерка наш, как видно, живет очень быстро растет. Конечно, он находится в хороших условиях. Мне, если бы пришлось его увидеть, то было бы не узнать его. Не удивительно – ведь я его оставил, когда ему исполнилось всего 2 года, и он сейчас, конечно, совсем другой. Меня он тем более не захочет признать. Ну, ничего, мы с ним как-нибудь познакомимся. Пока на этом кончу. Миша шлет тебе свой привет и поздравления с Новым годом. Передай от меня привет маме и Нине, а также Надежде. Пиши! Крепко целую тебя и всех наших (правда поцелуй на бумаге, увы, не тот!). Твой Владимир...

И вот последнее письмо уходящего года (**письмо от 23 декабря 1942 г.**): «Здравствуй, Шура! Сегодня получил твое письмо. Благодарю тебя. За последнее время письма от тебя стал получать значительно чаще. Ты со своей стороны видишь, что я отвечаю на каждое твое письмо своевременно. Мне вчера вообще повезло. Получил твое письмо – это уже немаловажное событие, и одновременно получил посылку от папы. Он даже прислал мне «лекарство от всех болезней». Мы, конечно, сразу с моим приятелем устроили пир. В общем, провели хорошо несколько часов. Вспоминали свою прежнюю студенческую жизнь со всеми ее сторонами. Сейчас ведь мы живем совсем в других условиях, правда, мы к ним привыкли и всем обеспечены. Но часто вспоминаем свою жизнь до войны, своих близких людей и друзей и мечтаем о замечательной жизни, которая будет после победы над злейшим нашим врагом».

Вот о чем мечтали тогда солдаты: «Мы снова вернемся в города, будем посещать театры, кино, концерты, будем учиться, работать и веселиться. Но все это будет дальше, сейчас же мы ведем борьбу с проклятым фашистским зверем. С каждым днем приближается день

окончательной победы, полного уничтожения гитлеровской армии и всех пособников этого идиота. Каждый день мы узнаем о новых и новых ударах нашей Красной армии по вражеским ордам. Эти удары будут усиливаться с каждым днем».

«Пиши мне, как вы все живете, что нового у вас. Пиши обо всем, ведь меня интересует все. Что тебе пишут о Валерике? Я знаю, что он живет хорошо. Получила ли Нина мое письмо? Поздравь ее от моего имени с новым успехом. Но мы с ней заключили один договор, о котором, я думаю, она не забыла, я ей об этом писал. Ну, пока и закончу. Привет всем! Крепко целую! Твой Владимир».

Это было последнее письмо Владимира Степановича в 1942 году, написанное жене Шуре. Как видно, бойцы на фронте проводили минувший год и встретили год новый без особых торжеств. Для них исход войны был уже ясен, но они, видимо, не ожидали, что она продлится еще два с половиной года. И до Победы доведется дожить далеко не всем...

Первое письмо нового года и семейные проблемы. 1943 год – год триумфальных побед советского народа над врагом. Сражения шли еще на территории Советского Союза, но уже не оборонительные, а наступательные операции по изгнанию войск фашистской Германии и их союзников. Таких наиболее известных боевых операций, по данным историков, насчитывается более 20. Самые известные из них проходили на Украине, на Кавказе. Это Курская битва, которая продолжалась с 5 июля по 23 августа 1943 года, когда фашисты потеряли последнюю надежду продвинуться к Москве, сражение под Прохоровкой (12 июля 1943 г.), битва на Кавказе – январь 1943 г., сражение за Днепр с 26 августа по 23 декабря 1943 года.

Безусловно, именно там, в южных районах страны, решались основные задачи по окончательному разгрому войск фашистской Германии. Все это отражалось и на боевых действиях на Северном участке фронта в Карелии, в Заполярье. Союзники Германии предчувствовали неизбежный разгром немецких войск, поэтому не пытались вести наступательные военные операции, но не спешили покидать захваченные ими территории. Вместе с тем и советские войска не спешили с их изгнанием оттуда – сейчас гораздо важнее были

дела на южных фронтах. На Севере происходило лишь позиционное противостояние войск. Здесь установилось некоторое «затишье». Это нашло отражение в письмах Владимира Степановича с Карельского фронта в Архангельск.

Первое письмо в 1943 году он послал жене в январе. И в нем ни слова о войне: «Сегодня получил первый раз в этом году твоё письмо. Благодарю за твоё внимание. Стараюсь не оставаться перед тобой в долгу и, как видишь, своевременно отвечаю на твоё письмо.

Относительно твоей фотографии я уже писал тебе, что ее получил, и это явилось для меня очень приятным подарком к Новому году. Я был очень рад этому. На фотографии ты очень прелестно выглядишь, очень понравилась всем моим друзьям, про себя я уж не говорю. Несколько дней тому назад я переслал на твоё имя перевод на 400 руб. Получишь, напиши об этом. А получила ли ты мое письмо, которое я писал тебе в ночь на Новый год? В это время вы, вероятно, вовсю пировали. Напиши, как в этот раз вы все отмечали встречу Нового года. Получил сегодня письмо от папы. Он тоже собирается служить в армии. Пока на этом закончу. В следующий раз напишу побольше. Большой привет всем обитателям кв. № 8. Пиши. Жду. Твой Владимир».

Но война продолжается, и во втором письме Владимир Степанович снова вспоминает о своем друге Сергеев, пропавшем в первых боях в 1941 году: «Ты сообщаешь, что получила письмо от брата Сергея. Значит, о нем до сих пор нет никаких известий. Я думаю о Сергеев и все питаю надежды (правда сейчас они очень малы), что он где-либо разыщется и даст о себе весть.

Не могу понять, как это получилось. После боя, кажется, 26.03.41 г., его не оказалось. Он был вместе со мной, я его несколько раз видел во время боя, и в конце дня его уже не оказалось. Я сначала думал, что он присоединился к другой группе. В общем, к утру, когда мы заняли новый рубеж, его с нами не было, и, как видишь, с тех пор я о нем ничего не знаю.

Б. Хардиков вместе со мной после этого случая был некоторое время, а впоследствии он был откомандирован в другую часть. Где он сейчас, я тоже не знаю, но и он о Сергеев не знает больше того, что и я. Так что Сергей пропал без вести, и сказать что-либо опреде-

ленного о его судьбе пока невозможно. Я, конечно, постараюсь написать его брату о том, что я знаю о его судьбе. В общем, трудно и невозможно в нескольких строчках письма описать все детали, но я думаю, что основное (о Сергеев) ты поймешь». В этих словах чувствуется недосказанность. Возможно, Владимир Степанович надеялся, что Сергей все-таки жив, но попал в плен. Но писать об этом открыто в то время было нельзя. Да и надежда на то, что друг жив, была слишком зыбкой.

«Я живу хорошо. Никаких особых изменений в моей жизни нет. Плохо лишь дело с зубами – много выкрошилось. Но это все дело поправимое, сейчас не это главное. Будет время, и этим делом займемся». Ну и далее как всегда: «Пиши обо всем. Привет маме, Нине. Крепко тебя целую! Твой Владимир».

Письмо Владимира Степановича написано на стандартной почтовой «открытке», обозначенной как «Воинское», на ней вверху надпись: «Смерть немецким оккупантам», а внизу надпись в стихах: «За страну Советскую бей зверье немецкое, бей штыком, гранатой бей, бей. Чем можешь, но убей». Призыв: Боец Красной армии! Будь стойк в бою! Немцы напрягают свои последние силы. Крепче удары по ненавистному врагу! Выдержать – значит победить (есть на письме и штемпель: просмотрено воинской цензурой).

Разумеется, долгая разлука молодых супругов не могла не повлиять на их взаимоотношения. Это нашло отражение и в письмах с фронта. В письме от 25 января 1943 г. Владимир Степанович отвечает жене: «Здравствуй, дорогая Шура! Чем объяснить долгое не-получение моих писем? Я думаю и не могу понять. Я понимаю, что, долго не получая моих писем, ты нервничаешь и это очень неприятно. Но все же обвинять меня в нежелании написать тебе – совершенно необоснованно.

Я думаю, ты хорошо должна меня знать и должна быть во мне уверена.

Твои заключения, сделанные в этом письме, меня очень обижают. Как можешь ты так думать? По-моему, я никогда не давал тебе для этого поводов. Поэтому я прошу тебя выбросить из головы подобные мысли и никогда к ним не возвращаться. Так и договоримся. Как ты можешь представить себе, что я тебя забыл или еще что-либо в этом роде? Этого никогда не может быть! Знай это и пойми. Ведь с

тобой у меня связано самое лучшее в моей жизни. Я только и мечтаю о том, как мы с тобой вновь встретимся после продолжительной разлуки. Ты убедишься, что я буду таким же, каким ты меня все время знала. Поэтому не думай обо мне так плохо.

Конечно, иногда могут быть некоторые перерывы в письмах по причинам, от меня не зависящим. Я надеюсь, ты это понимаешь. Но ты в таком случае будь уверена, что при первой возможности я тебе всегда напишу. Что касается твоей фотографии, то я скажу тебе, что она мне доставила большую радость. Ты очень замечательно выглядишь. Считаю, что ты много изменилась с того момента, как мы расстались, но изменилась в лучшую сторону. Все мои товарищи также говорили мне, что ты хорошо выглядишь. Я писал тогда тебе, что я, к сожалению, представляю собой другую картину. Ты очень хороша. Я этим горжусь. Ты должна быть и дальше такой же. Самое главное – быть уверенной во мне. А последнее твое письмо так и дышит холодом и обидой. Напрасно это.

Как идет твоя работа? Ты сейчас много работаешь и, наверное, очень утомляешься. Письма из Порозова я получаю довольно часто и на каждое отвечаю. Пишут, что Валерка живет хорошо. Ты, вероятно, сама от них получаешь письма и в курсе дел.

Вспомнил, как мы с тобой были у Т. Левитиной (о чем ты письшь). Действительно, жалковато, что тогда малость переборщили. Передай от меня Тасе привет. Где она сейчас работает?» (Тася Левитина – в последующем ассистент кафедры педиатрии АГМИ, подруга Шуры и ее сестры Нади).

А вот еще о том же в другом **письме, от 27.01.43 г.**: «Здравствуй, дорогая Шура! Ты мне в нескольких письмах подряд сообщаешь, что не получаешь уже давно от меня писем, что ты не знаешь, на что подумать и высказываешь разные предположения. Между тем, я пишу тебе регулярно и часто. Надеюсь, что за этот период ты получила все посланные мною тебе письма и убедилась в ошибочности своих предположений.

Живу я хорошо. Конечно, очень хочу тебя видеть, поговорить с тобой обо всем, но сейчас это невозможно. Придет день нашей новой встречи со всеми его радостями. Пока же приходится доволь-

ствоваться только письмами. Пиши, как живешь, получила ли мои письма. Как твое здоровье? Вообще, пиши мне обо всем. Я, конечно, не задержусь тебе ответить. Привет всем! Крепко-крепко целую! Твой Владимир».

В дополнении к письму он спрашивает: «Получила ли ты цветочек? Я тебе его послал в предыдущем письме».

Это письмо опять на стандартном бланке-открытике «Письмо Воинское». С призывом: «Смерть немецким оккупантам». Открытику украшает портрет фельдмаршала М.И. Кутузова, победителя Наполеона. Внизу – слова Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков».

Обратный адрес: почта 617, часть 121, Злобин В.С. Письмо написано, как бы наспех, стандартные вопросы, ответы. Видимо, отмечалась какая-то боевая активность, занятость в части, где служил Владимир Степанович.

Нужно сказать, что четкая работа воинской почты, переписка между бойцами и их родственниками в тылу играли большую роль в поддержании хорошего самочувствия и боевого настроения на фронте.

Подтверждением этого служит **письмо** Владимира Степановича от **9 февраля 1943 г.** «Здравствуй, дорогая моя! Ну, в этот раз приходится, очевидно, мне на тебя сердиться – писем от тебя давненько нет. А, быть может, ты их и не пишешь? Конечно, шучу, такой мысли я не допускаю. Надеюсь, что сегодня или завтра получу опять узенъкий конверт с написанным тобой адресом и в нем подробное большое письмо. Получила ли ты мое последнее письмо и открытки, которые я послал тебе? Как живешь, что нового у вас? Как здоровье? Неужели так и не получила ты мое фото? Я послал тебе, а также Нине с мамашей. А они тоже не получили? В общем, досадно. Я все мечтаю, как мы с тобой и Валеркой вместе сфотографируемся. Вот это, наверное, снимок будет отличным. Один правда такой снимок у тебя есть. Ну, пока закончу. Пиши. Привет маме и Нине. Крепко целую. Твой Владимир».

Это письмо было написано на почтовой карточке. На карточке, на стороне адреса, репродукция известного плаката художника В. Корецкого времен войны – «Воин Красной армии СПАСИ». На нем – женщина, прижимающая к груди испуганного ребенка. А в них нацелен фашистский штык. Тираж открытки – миллион экземпляров.

К началу Второй мировой войны численность Советской армии составляла около 4–5 миллионов солдат, преимущественно мужского пола. Почти столько же было у Германии и ее союзников. К 1942 году численность мобилизованных составила более 11 миллионов человек, и общая численность армии Советского Союза достигала более 17 миллионов военнослужащих. При этом основные силы – в центральной части страны, на Севере – около полутора миллиона человек. Численность так называемых «безвозвратных потерь» (погибших, взятых в плен, пропавших без вести) с начала войны до 1 марта 1942 г. составляла 3813 тыс.

А до конца войны было еще так далеко! А вот письмо в Архангельск по поводу 25-й годовщины Красной армии, написанное Владимиром Степановичем **23 февраля 1943 г.**

«Здравствуй, дорогая Шура! Шлю тебе, маме и Нине горячий сердечный привет в день 25-й годовщины Красной армии! Наша Красная армия встречает свой праздник большими победами над ненавистным врагом, гонит его все дальше и дальше на Запад, освобождая каждый день новые и новые города. Каждый день – это новый шаг к победе, к полному разгрому и уничтожению фашизма. Скоро вновь ярко будет светиться солнце над нашей Родиной, отбросившей вражьи орды от своих рубежей. Снова будут жить мирной трудовой, радостной жизнью советские люди. Встретятся вновь со своими близкими людьми, которые вернутся с фронта в свои родные дома. Желаю всем вам здоровья и счастья. Любящий тебя Владимир. Крепко целую всех вас. Привет от Миши!»

Опять письмо на стандартном бланке. Письмо «воинское», на открытке красным шрифтом написано: «Смерть немецким оккупантам». На письме нарисованы красное знамя и звезда. 25 лет Красной армии (1918–1943). Обратный адрес отправителя 617, часть 121. Письмо несколько странное, если учесть то, что Владимир Степанович постоянно интересовался судьбой жены и сына.

Возможно, так по инструкции требовалось поздравить родственников в тылу. Вспомним, что все письма, как с фронта, так и на фронт, проходили цензуру.

Например, следующее **письмо от 28 февраля 1942 г.** было также написано на стандартном бланке: «Здравствуй, дорогая Шура! Получил вчера посланную вами посылку, опять был удивлен ее быстрому получению. Вскрыв ее, обнаружил все в том порядке,

в каком вы ее послали. Твои кисеты (в ту пору одним из распространенных подарков бойцам на фронт были вышитые кисеты для махорки – авт.) очень хороши. Они понравились и мне, и Мише, и вообще всем, кто их видит. Табак, конечно, прислала напрасно – у нас его вполне достаточно. Воротнички вполне по размеру, и очень мне нужны. Все остальное также будет использовано, но незначительно, особенно одеколон, который сохранился: бутылочка не разбилась благодаря твоей тщательной упаковке. Напрасно вы, по-моему, отказываете себе, посылая мне сухари, консервы и рыбу. Как-то неудобно себя чувствуешь. Лучше бы вы сами их кушали. Мы ведь всем снабжены хорошо. В общем, очень благодарю всех вас за проявленное внимание ко мне и моим товарищам. Привет всем от Миши. Твой Владимир. Пиши! Крепко целую».

Это письмо также «воинское». На нем изображен солдат во время боя, бросающий гранату. и стихи: «За честь жены, за жизнь детей. За счастье Родины своей. За наши нивы и луга. Убей захватчика-врага!»

В конце февраля Владимир Степанович писал очень короткие письма. Возможно, это было связано с какими-то обстоятельствами, боевыми действиями.

Но в 1943 году все праздники бойцы уже старались отмечать. Так, Владимир Степанович **письмо от 3 марта** завершает словами: «Пиши, как поживаешь, как твои успехи в работе, как поживают «адмиральши» и прочее, что вас всех касается. Посылаю тебе открытку с текстом знакомой тебе песни. Да, чуть не забыл поздравить вас всех с вашим женским праздником 8 Марта!

Большой привет маме, Нине. Пиши. Крепко (к сожалению, на бумаге) целую тебя. Твой Владимир». Приложение – открытка с текстом известной песни Михаила Исаковского «И кто его знает...»:

На закате ходит парень
Возле дома моего.
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего...»

На ней изображены девушка с листками бумаги в руках и молодой солдат. На открытке работы художника И. Кулешова и надпись:

«Шура! Посылаю тебе открытку с письмом, отнюдь не загадочным (намекать, пожалуй, нечего, мы с тобой и так хорошо друг друга понимаем)».

В письме от 6 марта этого же года он спрашивает Шуру: «Получила ли ты мое фото и другие «приложения»? Привет маме, Пине, а также Надежде и Тасе Л., с которой ты, как видно, коротаешь время. Жду твоего письма. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

Это письмо написано на двух листочках из блокнота 10 × 12 см. Упоминаемая Тася Л. – это Тася Левитина (педиатр из АГМИ). Ал. Ивановна некоторое время преподавала в АГМИ на каф. патологической анатомии. Выписка из письма: «Начала ли ты работу со студентами? Обязательно напиши свои первые впечатления по этому поводу. Я нисколько не сомневаюсь в том, что занятия твои пойдут успешно. Наверное, сейчас много занимашься своей подготовительной работой. быть может, этим и объясняются твои крохотные письма».

Александра Ивановна в Архангельске в это время начитает работать преподавателем в АГМИ на кафедре патологической анатомии. В связи с этим Владимир Степанович дает жене советы:

«Ты уж довольно порядочное время работаешь на новом месте и, как я и был уверен, успешно справляешься с новыми для тебя обязанностями. Конечно, в каждой работе всегда бывают трудности, но нет ничего невозможного. Главное, что ты сейчас значительно повышаешь свои знания (практические) и свою квалификацию. Наверное, ты очень важная теперь стала. Разумеется, так и должно быть – надо серьезно относиться к делу. Конечно, я тебя вполне понимаю, что иногда и трудно приходится, но наверное, все это и к лучшему. Мне очень нравится твое серьезное отношение и твои очень правильные взгляды по этому вопросу».

На фронте в противостоянии с белофиннами, видимо, наступило некоторое затишье. **В письме от 16 апреля 1943 г.** Владимир Степанович пишет: «Живу я хорошо, настроение бодрое. Начинается весна, даже в наших лесах. У вас, наверное, давно и снега нет. Скоро май месяц. Пользуясь случаем, поздравляю тебя и всех родных с праздником 1 Мая. Этот праздник обычно мы очень хорошо отмечали раньше, и много было у нас веселья в первомайские дни. Все это еще вернется. Будет еще много впереди хороших, счастливых

дней. Итак, поздравляю тебя с этим праздником, желаю тебе здоровья, дальнейших успехов в жизни. Пиши мне, Шура, как ты живешь, что у вас нового. Я очень хочу знать все, что касается тебя и вообще вашей жизни.

Из Порозова дней 20 ничего не получал. Наверное, у них забот сейчас в связи с войной много и писать некогда. Валерка, наверное, всю грязь с улицы стаскал и принимает во всем самое деятельное участие. Ну пока закончу. Жду твоих писем. Привет маме и Нине. Крепко тебя целую! Твой Владимир».

Но вот Владимир Степанович получил письмо и из Порозова: «Валерка наш живет хорошо, наверное, стал уже очень большой. Интересно бы на него посмотреть, что он из себя представляет. Да, все мы, очевидно, сильно изменились. Ну ничего, как-нибудь признаем друг друга в будущем. Ну пока закончу. Пиши! Большой привет всем родным и знакомым. Крепко целую, твой Владимир».

Письмо от 5 мая 1943 г.: «Дорогая Шура! Получил вчера твою открыточку. Благодарю за внимание. Очень рад, что живешь ты хорошо и все в порядке. Я тоже живу хорошо. Послал тебе в последнем своем письме художественное фото. Получила ли ты его? Как провела первомайский праздник? Ты не обижайся, что посылаю тебе такую коротеньку весточку, имею в распоряжении только несколько минут, немного погодя напишу подробное письмо. Пиши, как живешь, что нового в жизни и работе».

Письмо от 9 мая 1943 г.: «Живу я хорошо. Погода у нас установилась замечательная, четвертый день пригревает солнце, совсем как летом, правда наши леса круглый год зеленые, но везде чувствуется приход лета. Воображаю, как хорошо сейчас на набережной у вас – я ведь в свое время любил там прогуливаться, и мы с тобой немало десятков километров находили по этим местам.

Как провела ты первомайские праздники? Что у вас нового? Послал я тут недавно тебе 2 плохонькие фотографии».

Письмо от 17 мая 1943 г.: «Конечно, письма это не все, но сейчас в нашем с тобой положении они, безусловно, играют очень важную роль. Я очень благодарен тебе за твою аккуратность в отношении нашей переписки. Я по-прежнему живу хорошо, особых новостей

нет. Кругом все те же привычные ко всему мои товарищи. Все идет своим закономерным порядком. В общем, много расписывать нечего. У вас там, конечно, дело другое».

29 июня он пишет жене: «Живу я хорошо, чувствую себя превосходно. Между прочим, мой друг Миша снова вернулся к нам, и мы с ним опять вместе служим. Как поживает Нина и мой племянник? Интересно бы на нее посмотреть, как она выглядит в роли молодой мамочки».

Жизнь продолжается и в Архангельске. Александра Ивановна в июне едет в Вологду, а затем в Порозово. В связи с этим Владимир Степанович интересуется: «Ну как ты, голубушка, съездила в Порозово? Какие впечатления остались от этой поездки? Как выглядела ваша встреча с Валеркой, и как живет он, и вообще все там? Вопросов перед тобой поставил много, но думаю, что ты сумеешь на них ответить хоть в общих чертах. Что касается меня, то я живу хорошо, здоров, ни на какие болезни не жалуюсь. Вот было бы хорошо, если бы мне удалось еще повидать всех вас хоть на несколько часов, этого очень мне хочется, но, конечно, об этом пока можно лишь только мечтать».

Александра Ивановна, видимо, подробно описала мужу свою поездку в Вологду в Порозово. В письме от 6 июля 1943 г. он отвечает ей: «Здравствуй, дорогая Шура! Получил твое письмо из Порозова. С большим интересом прочел описание Валерки, твою встречу с ним и его успехи. Видимо, парень он стал совсем другим, безусловно, ничего общего с тем, что я знал когда-то давно. Трудно представить мне его, я ведь не видел его уже два года, и за это время и мы все, взрослые люди, изменились, а о маленьких и думать нечего. Я рад за тебя, что ты съездила туда, увидела его. Наверное, он крепко к тебе привязался за время твоего там нахождения. Вот если бы я там появился и уехал через несколько дней, то это для него было бы совершенно незаметным фактом – побыл какой-то чудной дядя и испарился. В общем, это факт, и ничего не поделаешь. Ну, поживем – увидим, не стоит гадать и размышлять на подобные темы.

Ну как ты закончила свое путешествие (в Порозово), не было ли каких приключений в дороге? Наверное, получила по приезду не-

сколько моих писем. В одном из них посыпал я тебе фотографию. Получила ли ты ее? Когда ты получишь это письмо, конечно, уже после нашей с тобой очередной годовщины. Поздравляю тебя с памятным юбилеем, к каким – говорить тебе нечего. Смотри уже, сколько времени прошло с этого дня, а ведь почти половину мы живем в разных местах и в разных условиях. Ничего, еще много подобных годовщин мы с тобой отметим впереди. Все еще будет после нашей встречи. Ну, пока и закончу. Большой привет маме, Нине и племянничку моему. Посылаю тебе открытку в подарок. Крепко тебя целую! Твой Владимир».

В письме от 14 июля 1943 г. Владимир Степанович опять вспоминает Вологду и Порозово: «С восхищением читал описание Валерки и его похождений. Меня удивил маршрут его прогулки. Как это он перебирается через реку? Опасаюсь, как бы он еще куда-либо не убрел далеко. В общем, следить за ним стало, как видно, очень трудно. Ты, выходит, с ним успела подружиться, впрочем, он не так уж долго с тобой и расстался».

Солдаты, видимо, действительно привыкли к своей нелегкой жизни в землянках и в лесу. Наступил август. Основные события войны проходят в южных районах страны. Враг остановлен и во многих стратегических районах разбит. В победе уже никто не сомневается.

Вот письмо Владимира Степановича **от 2 августа 1943 г.:** «Здравствуй, Шура! Я живу хорошо. Вчера у нас был праздник – очередная годовщина нашей части. Давали концерт. Наш коллектив готовился к смотру, который будет на днях. У всех есть, конечно, желание взять первое место. Сегодня исполняется очередная годовщина папы. Я ему послал поздравительную открытку. Время, видишь, идет очень быстро – ведь последний летний месяц наступил. Мы здесь сейчас в больших количествах употребляем ягоды, их у нас много. Ну, пока и закончу. Привет маме, Нине и племяннику. Пиши! Крепко целую, твой Владимир».

За длительное время вдали от дома солдаты отвыкли от уклада мирной жизни, привычной работы и семьи. Об этом упоминается в **письме от 10 августа 1943 г.:** «За это большое время мы все втя-

нулись в свою солдатскую жизнь, свыклись со всем, все нам кажется обычным. Трудно себе представить, как идет сейчас жизнь в каком-либо тыловом городе. Достаточно тебе сказать, что мы с товарищами уже более 2 лет не видели ни одного штатского человека, разве что в нескольких кинофильмах».

Из письма от 12 августа 1943 г.: «Лето уже проходит, скоро начнут желтеть и осыпаться листья, начнется осень, с которой обычно у меня было связано много хлопот. Сейчас я почти не представляю свою довоенную специальность, ибо от нее я давно оторван. Но я не разочаровался в ней, наоборот, сейчас еще лучше ценишь свой труд, а я ведь, ты знаешь, никогда не был сухим формалистом».

В письме от 24 августа 1943 г. Владимир Степанович сообщает о своей новой работе в части. Видимо, он становится одним из организаторов самодеятельности, культурно-массовой работы, проводит политинформации, занимается пропагандой и агитацией. Советы, которые он даёт Шуре, показывают его принципиально положительное отношение к партийной работе. Для него важным событием является то, что Шура тоже стала секретарем парторганизации 1-й горбольницы в Архангельске. И он дает ей советы, касающиеся отношений с коллегами по работе: «На первом месте принципиально должны быть рабочие, деловые отношения».

Это письмо написано на стандартном бланке «воинское». На письме лозунги: «Смерть немецким оккупантам», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины».

Из письма 4 сентября 1943 г.: «Решил черкнуть тебе несколько строк. Дело в том, что я несколько дней уже нахожусь в командировке, знаю, что у меня скопилось несколько твоих писем, но пока ответить на них не могу, ровно, как и прочитать их... Живу хорошо, все по-старому. Здоров».

Владимир Степанович в связи с его активной общественной деятельностью был направлен на учебу, после чего получил работу в штабе части.

22 сентября 1943 г. он сообщает в письме: «Сегодня я прибыл на новое место службы. Я уже писал тебе, что меня назначили на дру-

гую должность. Работы много, начал предварительно ознакомляться. Меня назначили на новую работу, в общем, большое повышение. Работа ответственная и вполне самостоятельная. Начинаю понемногу входить в круг своих новых обязанностей. Жаль было расставаться со своими друзьями, ведь мы с ними в одной части служили почти 2 года, а какой путь за это время прошли! Проводили меня очень хорошо, до сих пор вспоминаю. Был даже организован прощальный ужин, после которого наши участники оркестра (в котором я принимал, как ты знаешь, активное участие) поиграли, погорланили песен и разошлись!

На новом месте меня также встретили хорошо, несмотря на то, что здесь я никого не знал. Ну ладно, потом по мере ознакомления напишу тебе подробнее еще. Сейчас скажу тебе, что живу я хорошо, конечно, буду всеми силами стараться оправдать большое доверие, которое мне оказали. Вот и все мои новости». И далее, в **письме 27 сентября**: «О себе могу сообщить, что живу я хорошо. Начинаю обвыкаться на новом месте, понемногу осваиваюсь. Надо, конечно, во все мелочи вникать, чтобы чувствовать себя на своем месте. Думаю, что сумею справиться, во всяком случае, чувствую себя уверенно, а это самое главное. Может быть, конечно, и недолго продлится моя деятельность на новом поприще – вдруг не утвердит мое назначение вышестоящая организация. Сие, конечно, от меня не зависит».

Но, несмотря на перемены и повышения по службе, он во все письмах постоянно спрашивает о здоровье и развитии сына: «Как поживает Валерка? Я давно уже ничего от них не получал. Сейчас, конечно, ему там (в Порозове) живется замечательно, я в этом никак не сомневаюсь. Если бы он был с тобой, для тебя и него было бы хуже, у тебя забот прибавилось бы. В общем, я за него спокоен совершенно. Конечно, он на меня «чихает», но уж что тут по-дelaешь. Такое положение сейчас не только у меня, обстоятельства сложились так, что уже давно все расстались со своими семьями, и многие отцы не видали своих детишек. Все со временем устроится, надо только гитлеровской сволочи голову свернуть».

На фронтах войны кроме боевых действий велась и идеологическая работа. В этом отношении Владимира Степановича заметили, отправили на учебу. И вот он уже приступил к выполнению новых

своих обязанностей. **Письмо от 5 октября 1943 г.:** «Здравствуй, моя дорогая! Два дня назад получил твое письмо, но, как видишь, немного задержался с ответом. Вчера целый день находился на одном совещании. Между прочим, там получил большое удовольствие, т.е. вечером после совещания ставили кино (фильм «Актриса») и концерт, который давал нам фронтовой ансамбль «Песни и пляски». В общем, здорово. Такие вещи у нас не так уж часто бывают.

Живу я, дорогая, хорошо. Почти свыкся с новыми обязанностями. Чтобы удовлетворить твое законное любопытство, сообщаю, что сейчас я нахожусь на руководящей партийной работе в одной из частей. Работа интересная и многогранная. Писем я теперь кроме как от тебя и от мамы больше никаких не получаю. Правда, я и сам больше никому сейчас не пишу. Жорке «длинному» послал письмо, но ответа от него пока нет. Как ты поживаешь, каковы твои служебные и прочие дела? Как твоя общественная работа идет? Я очень рад за тебя и уверен, что ты успешно справляешься с агитационной работой. Приближается день твоего очередного юбилея. Очень хотелось бы провести этот день вместе с тобой, но в этот раз еще это невыполнимо. Когда-нибудь мы должны будем с тобой наверстать за все. Устроим такой праздник, что чертам тошно будет. Как живет Валерка?»

Письмо от 14 октября 1943 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Моя жизнь идет по-старому. С каждым днем все уверенней я себя чувствую на новом месте. Конечно, накопленный опыт мне много дает. Ты, конечно, знаешь, что я никогда не подходил к делу формально, а сейчас в особенности. В общем, я стараюсь делать все, что в моих силах. А дело интересное, живое. Здоровье мое в полном порядке, как всегда, вообще я могу с тобой состязаться по части здоровья. Сегодня послал на твое имя перевод на 700 рублей. Как получишь его, извести. Значит, ты деятельно подыскиваешь себе комнатку». (Опять квартирный вопрос! Александра Ивановна теперь хочет получить комнату в квартире именно на себя на свою семью – авт.).

Далее он пишет: «Начинаем получать зимнее обмундирование, значит, незаметно подходит еще одна зима, время идет и идет. Эта зима сыграет решающую роль в ходе войны. Безусловно, расплата с проклятым врагом близка как никогда. Это факт! Скоро снова наш

народ будет жить счастливой, мирной творческой жизнью, и наши дети не будут знать ужасов войны.

Пиши, Шура, как ты живешь, как идет твоя работа и что у вас нового. Письма твои всегда доставляют мне большую радость. Скоро ведь наступит день твоего рождения, который мы с тобой обычно всегда отмечали в тесном кругу родных и друзей. Отметим еще в будущем много раз. Большой привет маме, Нине, Вадику, Надежде и всем друзьям. Пиши. Крепко целую тебя, твой Владимир».

Далее в письмах: «Я живу хорошо. Приходится сейчас много работать над собой, повышать свои знания, иначе в моем положении нельзя, это вполне понятно. Это напоминает мне в известной степени былие студенческие годы, время подготовки к сдаче экзаменов. Помнишь, как мы вместе с тобой занимались, годились сдавать очередные зачеты? Невольно вспоминаешь 4-й этаж одного здания. Мы ведь с тобой довольно плодотворно работали и помогали друг другу. Да, студенческие годы имеют особую прелест! У меня, правда, все это как-то нескладно получилось, видно, так я и останусь вечным студентом, но все же я не теряю надежды когда-нибудь закончить свое образование. Ты у меня зато молодец – и сейчас продолжаешь совершенствовать свои знания, имея на руках диплом об окончании вуза».

Идет время. Уже ноябрь и опять проблемы: «Здравствуй, дорогая моя! Наверное, ты порядочно сердишься на меня за мое довольно продолжительное молчание, но всему есть причина. Дело в том, что я находился в отъезде, был на 6-дневном семинаре, довольно далеко от места своего расположения. С дорогами в общей сложности отсутствовал дней 10. Время там было очень уплотнено, все время занимались. Таким образом, никак не мог собраться написать тебе. Сегодня, возвратившись в часть, я получил сразу кучу писем, пришедших без меня, и в числе их 3 письма от тебя. В одном из них я к своей большой радости нашел твою фотографию. Очень она мне понравилась. Ты выглядишь замечательно».

2 ноября 1943 г. Владимир Степанович возвращается в часть после учёбы: «Итак, я сегодня возвратился из этой поездки. Конечно, я получил большую зарядку, прослушал много замечательных лекций и докладов, и многое получил для своей работы. Дорога, правда, довольно

утомительная. Приключений со мной в дороге было порядочно. До-
статочно тебе сказать, что на одном участке пути машина, на которой
я ехал, опрокинулась и я, описав в воздухе дугу, воткнулся головой в
канаву. Не знаю, как, на мое счастье, там не оказались камни, пни или
еще какие предметы, в противном случае я не писал бы сегодня тебе
письма. Все окончилось благополучно для меня, хотя произошло это
на полном ходу. Вообще впечатлений от этой поездки порядочно, но
чувствую большую усталость. Все это, конечно, «рассосется».

Через несколько дней будем отмечать праздник. У тебя лично
приближается День рождения. Еще раз мы с тобой не вместе в этот
день. Желаю тебе здоровья, успеха в жизни и работе и всего того, что
может пожелать любящий тебя человек».

Конечно, повышение Владимира Степановича по службе, новая
высокая должность, необходимость официальных встреч и, может
быть, выступлений отражается невольно и в стиле писем домой:
«Здравствуй, дорогая женушка! (письмо от 7 ноября 1943 г.) Получил
сегодня твое письмо и, не откладывая дела, пишу ответ. Спасибо
за твои поздравления с праздником, получил их я как раз, видишь,
весьма своевременно. Сегодня великий день – 7 ноября. Большой
праздник для всех наших людей. Ликует народ нашей Родины! Ка-
кие замечательные подарки преподнесли герои – воины Украинских
фронтов к этому дню! Сейчас мы закончили чтение и обсуждение
доклада тов. Сталина. Настроение у всех приподнятое, впечатление
от этого исторического документа осталось очень сильное. Ты спра-
шивала, как я провел праздник 26-й годовщины?

Постараюсь тебе ответить: вчера мы провели у себя торжествен-
ное заседание, после которого устроили скромный концерт своими
силами. Сегодня утром я был в одном подразделении нашей части,
сделал доклад. Вот, пожалуй, и все. Правда в этом году я лично
встречаю этот праздник в несколько других условиях – в прошлые
2 раза обстановка была гораздо сложнее. Сейчас невольно вспомнил,
как раньше, когда я был вместе с тобой, мы встречали эти праздники.
Ничего, впереди еще много будет замечательных праздников, кото-
рые мы с тобой встретим вместе.

Теперь несколько строк по затронутым тобой в письме вопро-
сам. Твою фотокарточку я получил и об этом уже тебе написал. Еще

В последних письмах уходящего года он сообщает (10 ноября):

«Живу хорошо, все в порядке. Прихворнул тут немного в праздники – грипп с чего-то привязался, но сегодня уже совершенно здоров, так что не беспокойся. Как ты поживаешь, как отметила свой очередной юбилей?! В общем, ты мне продолжай также аккуратно писать, я постараюсь перед тобой в долгу не оставаться».

Из письма от 16 ноября: «Послал недавно тебе перевод на такую же сумму, как и предыдущий. Наверное, ты его уже получила. Несколько дней тому назад смотрел я хорошую картину, очень мне понравившуюся, «Два бойца». Смотрела ли ты ее? Если нет, советую. Писем за последнее время не получаю, кроме как Миша иногда по старой памяти напишет. Правда, и самому сейчас писать, пожалуй, некогда».

Письмо от 10 декабря 1943 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Вновь, как видишь, собрался я черкнуть тебе пару строк о своей жизни. Очень жаль, что давненько не получал от тебя писем, не знаю, как ты живешь. Правда имею надежду, что скоро мне перешлют твои письма. Уже 10 дней я нахожусь на курсах. Учеба дается нелегко, но я пока не унываю, надеюсь овладеть новыми знаниями. Между прочим, за первую декаду результаты успеваемости у меня приличные – средний балл 4,5. Не знаю, как будет дальше. Срок пребывания здесь на курсах до 15.01.44 года. Так что еще больше месяца.

В остальном ничего нового нет, здоров, чувствую себя хорошо. Сейчас, разумеется, все мои действия направлены на то, чтобы закончить учебу, и тогда будет другое дело, иначе придется снова сменить свою должность. Ну, пока закончу. Большой привет маме и Нине. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

Учеба Владимира Степановича на «курсах повышения квалификации», видимо, проходила в достаточно большом населенном пункте – в тылу (возможно, и в Петрозаводске). Свое состояние Владимир Степанович характеризует как «уставшее».

Из письма от 25.12.43 г.: «В общем, живу хорошо, здоров. Немного нога болела – стер здорово, но сейчас уже все в порядке. Результаты учебы пока приличные, не знаю, как будет дальше. Хлопцы здесь со мной все подобрались крепкие в смысле подготовки. Получил сегодня открытку из Порозова! Живут там все по-старому. Валерка здоров и чувствует себя прекрасно».

Письмо от 26 декабря 1943 г.: «Как ты встречаешь Новый год?

Мне, конечно, осталось только вспоминать, как раньше все мы с тобой встречали этот день. Как жаль этого времени! Все это кажется каким-то дивным сном. Рано или поздно вернется все, снова мы будем встречать Новый год совершенно иначе, чем сейчас».

Но до полной победы еще больше года.

И вот наступает 1944 год! Это год окончательного изгнания врага с территории Советского Союза. Всем очевидно, что войска фашистской Германии и их союзников разбиты. На Европейской части нашей страны проводятся завершающие наступательные операции. Настает время окончательного изгнания врага и за пределы границ и на Кольском Севере. Там тоже проводятся боевые наступательные операции. В них участвует и старший лейтенант В. Злобин – уже в качестве члена штаба полка.

Этот год начинается относительно спокойно. В своем первом **письме от 1 января 1944 г.** Владимир Степанович пишет в Архангельск Шуре: «Ну, будем надеяться, что встретим 1945 год вместе, как должно быть». Но пока он все еще находится не в части, а на учёбе: «Живу я хорошо, сейчас начинаем понемногу готовиться к сдаче экзаменов, которые начнутся через неделю. Придется поработать, но хорошо, что осталась уже неделя. Мы уже начинаем готовиться к выпускному вечеру, который собираемся устроить в пределах возможностей более или менее сносно. В общем, я тебе в дальнейшем напишу обо всем».

В январе он написал в Архангельск 4 письма. **14 января 1945 г.** он сообщает: «В моей жизни больших изменений не произошло. Только сейчас передали по радио приказ Верховного Главнокомандующего о прорыве обороны немцев в районе Сандомицы. Значит, скоро и наш Костя будет участвовать в больших событиях».

В последнем январском письме, написанном **31 января 1944 г.**, вопрос о сыне: «Ну, что тебе порассказали о Валерке? Как он живет? Надежда недавно вернулась оттуда и рассказала тебе все интересующие тебя вопросы о его жизни. Скоро снова ты сможешь съездить к нему, а быть может, и взять его к себе. Конечно, это будет связано с многими трудностями. Пока предрешать этот вопрос не будем, как условия будут, в зависимости от этого посовещаемся и решим».

(В Вологду в Порозово ездила Надежда Ивановна, там жил ее сын Вовка, туда же отправлен и Валерка, сын Владимира Степановича и Александры Ивановны).

В феврале 1944 г. Владимир Степанович закончил учебу и прибыл в свою часть. В письме от 8 февраля 1944 г. он пишет супруге в Архангельск: «На днях пришлось побывать в своей старой части. Как много там изменений произошло! Своего друга Мишу повидал, поговорили с ним обо всем, тряхнули стариной. Сегодня привезли к нам кино. Смотрели замечательную картину «Секретарь райкома». Оставила очень большое впечатление. Видела ли ты эту картину? Между прочим, собираюсь скоро тебе прислать свою фотографию, как только получу ее. Получила ли ты мой перевод, который я тебе послал в январе?»

Обмен письмами Владимира Степановича с родными из Архангельска, Вологды, Порозова и В. Устюга продолжается. В Вологодской области, в деревне Порозово, находится его сын Валерик у дедушки Ивана Никандровича Батыгина, механика маслозавода им. Бергавинова, расположенного на берегу реки Вологды и устья реки Масляной, и бабушки Анны Степановны. Но он очень переживает, что не может принять участие в воспитании сына. В Вологде на улице Подлесной проживают родственники Батыгиных – Капитон Васильевич Балашов и его жена Августа Николаевна, племянница Ивана Никандровича. В Великом Устюге находится его отец Степан Злобин, бывший капитан речного судна. В Архангельске живет его молодая жена Злобина (Батыгина) Александра Ивановна, вместе с ней в трехкомнатной квартире живут мать Владимира Степановича Пустохина Лидия Александровна и младшая сестра его Нина Степановна с маленьким сыном Димой. Все они ждут писем с фронта и возвращения Владимира Степановича в Архангельск и, главное, окончания войны.

Владимир Степанович в первых письмах в январе 1944 г. сообщает Шуре о курьезном случае: «Получил письмо из Порозова, там тоже все гриппом переболели, кроме Валерки. Грипп был тяжелый: Иван Никандрович пишет, что так он не болел с 1913 года, но вот тоже основательно заболел. Видимо, пришлось ему тяжело. Правда, сейчас начинает поправляться. Пишут, что был у них Петро с Надеждой. Их сын Вовка сначала обрадовался отцу, но скоро стал его

сторониться – своей, видимо, грубостью оттолкнул ребенка. А когда он уехал, так Вовка заявил, что такого отца ему не надо, что лучше иметь такого, как у Валерки. Я долго смеялся над этим и все же подумал, что, наверное, Валерка так не думает, ибо для него понятие «отец» слишком неопределенное. Что уж поделаешь»*.

Разлука с семьей у Владимира Степановича длится уже четвертый год, а в Архангельске все еще остается актуальным вопрос с квартирой для его семьи. Пока еще Шура с сыном живут у его матери в двух комнатах трехкомнатной квартиры. Там же живет и его младшая сестра Нина с новорожденным сыном Димой. Но в этой же квартире есть еще одна комната, которую хочет получить для своей семьи Александра Ивановна.

По этому поводу Владимир Степанович спрашивает: «Устроились ли твои дела насчет комнаты? Все же осуществить этот вариант было замечательно. Насчет того, чтобы написать мне заявление на имя пред. Райсовета, то я пока не знаю, видишь ли, ведь он не возражает в принципе. В общем, ты действуй, а если будут какие-либо проволочки, т.е. задержки в этом деле, тогда я сделаю, что напишут бумагу в соответствующие организации от имени командования нашей части. В общем, ты меня информируй по этому вопросу».

Письмо от 25 февраля 1944 г.: «Наш праздник – 26-ю годовщину Красной армии – я встретил довольно хорошо. Правда, никаких особых торжеств в наших условиях не могло быть, но настроение было хорошее, приподнятое. Получили мы подарки от трудящихся Челябинской области. Вот сейчас пишу тебе письмо и курю хороший табак из кисета, на котором вышито: «Привет с Урала!»

Вроде все спокойно пока и на Карельском фронте. В марте в **письме от 19 марта 1944 г.** Владимир Степанович пишет: «Я живу хорошо. Больших изменений в моей жизни нет. Знаю, что тебе надоели такие короткие фразы о моей жизни, но ты легко поймешь, что нечего особо расписывать. В свое время все тебе расскажу подробно, всему придет свой черед. Между прочим, я теперь отпустил усы, и ты бы меня, наверное, не узнала в таком виде. Не знаю, надолго ли хватит терпения, наверное, скоро их ликвидирую».

* Этот эпизод приезда в Порозово «Петро и Надежда» приводится в книге В. Пашенко «Вовкино детство в Порозове (воспоминания, когда была война)».

Но тут, судя по **письму от 22 марта 1944 г.**, на Карельском фронте происходят какие-то события: «Не удалось нам в этом году быть вместе в этот день, уже ведь 3 раза отмечал я свой юбилей без тебя. Пиши, как живешь и как твое здоровье. Через некоторое время напишу подробнее, а сейчас обстановка не позволяет».

Это письмо очень короткое, на открытке «воинское».

В письме в Архангельск **от 4 апреля 1944 г.** Владимир Степанович упоминает об ухудшении своего самочувствия: «Здравствуй, дорогая моя! Решил сегодня черкнуть тебе несколько строк, так как, очевидно, некоторое время я не смогу написать тебе ввиду некоторых обстоятельств, посему не беспокойся. Живу я хорошо, все в порядке. Маленькие заболевания, о которых я тебе писал в последнем письме, успели ликвидировать. Вообще я сейчас прохожу курс лечения, пичкаюсь витамином С и прочими снадобьями. Несколько дней тому назад делали нам прививку от шести болезней сразу – какую-то комбинированную, так что сейчас никакая хворь ко мне не привязывается. Тут на днях удалось мне сфотографироваться, так что в следующем письме вышлю тебе свое изображение».

Вот еще одно апрельское письмо от Владимира Степановича в Архангельск, почему-то очень короткое (**от 8 апреля 1944 г.**): «Здравствуй, дорогая Шура! Получил твое письмо и, воспользовавшись случаем, решил ответить. Благодарю тебя за очень теплые пожелания по случаю дня рождения. Я очень рад за тебя, не могу даже передать словами, как я признателен тебе за твое внимание и отношение ко мне. Теперь о твоем требовании насчет запроса в КЭЧ. Видишь ли, дорогая, я пытался это сделать, но обстановка так сложилась, что никак пока нельзя об этом и думать, мы уже давненько кочуем и, право, нельзя требовать об этом пока. Личное же мое письмо ни к чему не приведет, здесь надо официальные отношения с печатями и пр. Очевидно, дней через 10 такая возможность будет. Я знаю, что ты обижена на меня, но должна понять, что сейчас нельзя».

Чувствую себя не особенно хорошо, все эти проклятые фурункулы дают себя чувствовать, тем более, сейчас, но надеюсь, что эта хворь кончится, ибо улучшение есть. Ну, пока кончу. Будь здорова. Большой привет маме и Нине. Пиши! Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир».

Все письма, которые посылает Владимир Степанович в Архангельск в весенние дни 1944 года, очень краткие, но о каких-либо боевых действиях не сообщает, все они написаны на стандартных бланках-открытках «воинское». О себе в это время сообщается предельно кратко: «В жизни моей никаких изменений не произошло. Все идет своим чередом, так что о себе мне нечего много расписывать. Посылаю тебе свое изображение, снимок был сделан месяца полтора тому назад. Случайно удалось сфотографироваться. Как он тебе понравиться, не знаю. Я живу хорошо, все у меня в порядке. Получила ли ты мое фото, которое посыпал я в последнем письме?»

Но вот **письмо от 3 мая** написано уже на стандартном тетрадном листке розовой бумаги: «Относительно моего здоровья: могу сказать, что все обстоит в порядке. Я, конечно, принимаю все меры, чтобы в дальнейшем это не повторилось, знаю, что допускать этого нельзя. Сейчас дело идет к лету, будет гораздо легче не допустить этого заболевания. Так что не беспокойся. Обещаю тебя подробно информировать обо всем, что касается моего здоровья.

Из Порозова я также давно ничего не получал, послал им поздравительную открытку. Там ведь у них сейчас в связи с весенними полевыми работами дел много и я прекрасно понимаю, что расписывать некогда. Если бы что-либо случилось, они, конечно бы, сообщили, и поскольку они молчат, значит, все обстоит в порядке».

Вот еще отклик на квартирные проблемы Шуры: «Вопрос с комнатой, видимо, у тебя до сих пор не разрешился. Не знаю, будет ли результат от моего заявления, но считаю, что без ответа его не оставят. Как идет твоя агитационная работа, как успехи? Наверное, провела большую работу по подписке на заем. Я, между прочим, подписался на 3000 рублей.

Скоро лето, невольно вспоминаешь прошлые годы, как мы с тобой летом ездили в отпуск. Особенно вспоминается лето 1938 года. Как мы с тобой его хорошо провели! А сейчас уже скоро три года, как мы с тобой находимся в разлуке. Трудно представить, но это факт. Много бы я отдал за то, чтобы увидеть тебя, хотя ненадолго, но об этом нечего и мечтать сейчас. Теперь уж меньше ждать осталось до дня нашей с тобой встречи. Наступит этот день, и мы снова будем

вместе. Пока же подождем – больше ждали. Ничто не помешает нам быть вместе, этого мы с тобой вполне заслужили.

Так, Валерка уже, следовательно, научился отдельные буквы писать и рисовать. Это очень хорошо и меня радуют успехи его. Большой он, наверное, сейчас! Большой, вероятно, баловник, и бабушке с ним достается основательно. Я живу все по-прежнему. Дефектов в здоровье больше не обнаруживается. Так что за мое здоровье не беспокойся. Сегодня был у меня Миша (помнишь, мой приятель). Мы с ним давненько не виделись и наговорились вспять обо всем. Он сейчас получает новое назначение, куда пока – точно не знает, обещал сообщить. Ну, пока закончу. Жду твоего письма. Крепко тебя целую. Твой Владимир. 10/V-44 г. Р.С. У меня к тебе большая просьба – пришли в письме несколько патефонных иголок, можно бы иногда послушать музыку. В.»

В военном деле многое приходится скрывать, и вот в **письме от 25 мая 1944 г.** он пишет: «Из твоего письма вижу, что живешь ты ничего, на работе справляешься со своими обязанностями успешно. Очень этому рад и желаю, чтобы и впредь дело также хорошо шло. Осталось только еще разрешить квартирный вопрос. Надеюсь, что все же твои усилия в этом направлении увенчаются успехом, рано или поздно все устроится благополучно. Эх, когда же мы с тобой снова встретимся? Уже почти 3 года не видим друг друга – подумать только! Но пока придется еще подождать.

Пиши, как живешь, что у тебя нового. Правда, ты меня постоянно держишь в курсе всей твоей жизни, пишешь все подробности, не то, что я. Однако придет время, и ты все будешь знать. Ну, пока и закончу. Большой привет маме, Нине, Вадику и Надежде. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир».

На Карельском фронте опять что-то происходит. Об этом в **письме от 27 мая 1944 г.**: «Здравствуй, дорогая Шура! Воспользовавшись минуткой, решил черкнуть тебе пару строк. Думаю, лишний раз написать тебе не плохо. Живу по-прежнему: никаких перемен нет. Погода сейчас как будто наладилась – стоят теплые дни. В лесу сейчас хорошо, только разные букашки и жучки надоедают, особенно приходится терпеть неприятности от клещей. Между прочим, вчера видел Маркова, рассказал ему о впечатлении, которое он произвел

на некоторых женщин. Он посмеялся и просил передать Надежде от него привет, так что можешь ей об этом сказать. Ну, а как идут твои дела, что у тебя нового? Скоро мы с тобой будем отмечать очередной юбилей. Времени ведь уже порядочно прошло с того лета, есть что вспомнить. Если бы знать, нужно было это гораздо раньше сделать. Как ты думаешь? Ну, пока и все. Большой привет всем. Пиши. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

Это письмо опять на бланке «воинское». На нем изображен солдат с автоматом и поднятой рукой: «С первомайским приветом». Есть штамп военной цензуры. Письмо написано карандашом, неровным почерком, что свидетельствует, видимо, о каких-то военных мероприятиях в этот период. Любопытно упоминание о нашествии лесных клещей, представляющих тоже большую опасность. Значит, часть, где служит Владимир Степанович, еще находится в полевых условиях.

Но вот, действительно, радостное для Владимира Степановича известие. Александра Ивановна все же добилась выделения ей комнаты в квартире, рядом с его матерью Л.А. Нустохиной. Об этом мы узнаем из письма от 1 июня 1944 г.: «Здравствуй, дорогая Шура! Получил я вчера твое письмо, очень доволен я, что твои труды по квартирной части, наконец, увенчались успехом. Молодец ты у меня! Действительно, пришлось тебе порядком похлопотать и много порогов обить, пока, наконец, все не разрешилось в твою пользу. Еще раз говорю – молодец! Ты добилась своего, и сейчас, стало быть, имеешь комнату, значит, за Валеркой можно ехать. Конечно, сейчас я уверен, что комната останется за тобой, все равно, если КЭЧ и будет протестовать. Выселить тебя без санкции прокурора не могут, а если вопрос встанет так, то они все равно обязаны предоставить тебе равноценную площадь. Так что успокойся и больше не расстраивайся».

В письме от 5 июня 1944 г. содержится неожиданное сообщение: «Дорогая Шура! Письмо твое получил. С ответом спешу, пока есть несколько минут времени. Дело в том, что я сейчас уезжаю по телеграфному вызову для переговоров. Поэтому подробно напишу через несколько дней, т.к. не знаю, что будет дальше. Буду стараться остаться на старом месте, не хочется менять свою часть на другую. В общем, пока не знаю для чего и как. Жди через несколько дней обстоятельного ответа. Хотел сначала не писать да все же счел необходимым пару строчек послать. Живу хорошо. Пиши, как

ты живешь. Ты что-то за последнее время не особенно отличаешься аккуратностью в переписке и практикуешь присылку одного ответа на мои два письма. Ну, думаю, это больше не будешь повторять. Пока на этом и закончу – спешу. Будь здорова! Большой привет всем. Крепко целую тебя! Пиши. Твой Владимир».

И вот продолжение, **письмо от 12 июня 1944 г.**: «Здравствуй, дорогая моя! Ну вот, сейчас вопрос о моей дальнейшей службе решен, и я пишу тебе. Ты, наверное, получила мою накороткую весточку, где я сообщил о моем вызове. Я ездил на переговоры к начальству и меня послали работать в другую часть на более серьезную работу, опять, как видишь, оказали мне доверие, и я постараюсь оправдать его.

Работа большая, подробно напишу в следующем письме, сейчас хочу лишь тебе адрес новой сообщить. Я уже два дня на новом месте. Мой новый адрес – полевая почта 26600-В – мне. По этому адресу и пиши. Сегодня написал и на старое место службы, оттуда письма перешлют. Пиши подробно, как живешь, что нового, как устроилась и вообще все. Большой привет маме и Нине. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир».

2.5. Заполярье. Кольский Север

И вот неожиданное сообщение о крупном воинском успехе через 10 дней (**письмо от 22 июня 1944 г.**). «Здравствуй, дорогая Шура! Вчера получил наконец 2 твоих письма, которые мне переслали. Очень рад за тебя, что все у тебя в порядке и ты устроила свои хлопотливые дела.

Я живу хорошо. Настроение очень замечательное. Вчера вечером о нас объявили в сводке Информбюро. Идем вперед и это радует всех нас. Извини, что пишу маленькую записку (если можно так выразиться), ибо времени совершенно сейчас нет. В ближайшие дни напишу более подробно. Ты, разумеется, напишешь мне большое письмо о своих делах. Пока и все. Желаю тебе здоровья. Пиши, дорогая. Большой привет маме и Нине. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

Боевые наступательные операции по освобождению Кольского Севера от немецких войск летом 1944 года продолжаются. Об этом упомянуто в письме от 12 июля 1944 г.: «Здравствуй, дорогая Шура! Получил вчера твое письмо. Ты уж извини меня за то, что не очень часто пишу тебе, правда, стараюсь более или менее писать регулярно. Время очень горячее. Все ближе и ближе подходим мы к нашей государственной границе. Каждый день в сводках Совинформбюро сообщают пункты, которые мы освободили. Вот и вчера мы заняли крупную ж.-д. станцию. В общем, мы все очень рады, что успешно выполнили свой долг. Получаешь ли ты мои письма? Очень рад, что к вам приезжал папа, что вы все с ним встретились, еще приятно, что состояние его здоровья, видимо, не так страшно, как он себя представлял и как он мне писал. В общем, я очень рад всему – и квартира у тебя сейчас есть и дела все устраиваются. Когда ты собираешься ехать к Валерке?

О своей работе много писать нечего. Скажу лишь, что не особенно я доволен, одно лишь приятно, что мы идем вперед. Видишь ли, обязанности серьезные, а помочи мне оказывается немного, да еще место совсем новое, людей знаю еще очень мало. Ну, ничего не поделаешь, все, что в моих силах, сделаю. Я занимаю должность вроде такой же, как в последний год перед войной. Ну, когда-нибудь напишу подробнее. На здоровье жаловаться не приходится, вообще у меня все обстоит хорошо. Жду твоих писем. Надеюсь на днях получить. Насчет твоей фотокарточки, ты правильно надумала – приветствуя. Ну, пока все. Будь здорова! Большой привет всем. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

Много писать Владимиру Степановичу нет времени. Письмо опять «воинское» на стандартном бланке «С первомайским приветом» – передает привет воин с автоматом. Письмо написано карандашом, но достаточно аккуратно. Видимо, нет полной удовлетворенности новым назначением. Штемпеля цензуры почему-то нет.

Письмо от 15 июля 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Решил написать тебе несколько строк, ибо сейчас не так уж часто пишу тебе. Разреши, во-первых, поздравить тебя с минувшей вчера очередной годовщиной (какой, я думаю, ты знаешь). Да, Шура, много времени прошло с того дня, и печально, что давно мы не вместе. Не знаю, как

описать тебе, как хочу я увидеть тебя! Однако ясно, что недалек этот день, о котором мы часто пишем друг другу. Подождем еще, терпения у нас хватит.

Я живу хорошо, все обстоит благополучно, жизнь мы ведем сейчас интересную, продолжаем двигаться вперед. Вот это главное. Я не получил, видимо, многих твоих писем, не знаю, почему мне их не переслали. Но сейчас наша связь с тобой наладилась и дальше перебоев в переписке не должно быть. Получил письмо от папы, он очень хорошо отзывается о своей поездке к вам, пишет, что остался доволен всем, отмечает твое участие в его лечебных делах. Ты мне пиши сейчас чаще, я все же постараюсь всегда ответить. Ну, пока и все. Большой привет маме, Нине. Крепко тебя целую. Твой Владимир» (На письме рукой Шуры написан адрес: Угол П. Виноградова и Карла Либкнехта в субботу к 8 часам).

Письмо от 21 июля 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Получил твое письмо, как видишь, спешу ответить сразу. Благодарю за поздравления по поводу нашего юбилея. Читая твое письмо, я убедился, что наши с тобой мнения полностью совпали (по этому поводу). Прямо, как сговорились – и я и ты писали друг другу почти одинаковые фразы. Это, конечно, вполне понятно. К Валеркиному Дню рождения я тоже послал очень красивую открытку ему. Писем, правда, из Порозова я тоже давно не получал, но, очевидно, им просто некогда писать.

Живу я хорошо, все, как видишь, благополучно. Условия боевой жизни, конечно, во многом отличаются от ваших. Но мы к ним привыкли. Сейчас у нас всех, конечно, одно желание – быстрее рассчитаться за все с подлыми «лихтерами». Снова история повторяется. Мы сейчас достигли исторических рубежей, на которых шли бои в 1939/40 г. Все здесь сохраняет следы тяжелых сражений – нет почти ни одного целого дерева, вся земля изрыта. Ну и сейчас, конечно, ничто не спасет проклятых гадов от бесславного конца.

Знаешь, сегодня видел тебя во сне, да еще как! Когда же наяву увижу? Ну, пока, пожалуй, и все. Пиши мне, дорогая, чаще. Жду твоих писем. Большой привет всем! Крепко тебя целую. Твой Владимир. 21 июля 1944 г.»

Письмо написано на тетрадном листке в клеточку и свернуто в треугольное письмо. Штамп цензуры 17510. «Лихтеры» – видимо, немцы.

3 августа 1944 г.: «Я живу все по-старому, новых изменений нет. Конечно, всякое бывает, но, в общем, все в порядке. Между прочим, приятель мой – Хардиков – выбыл в госпиталь по ранению, опять пока мы с ним расстались. Жду, когда напишет и сообщит свой адрес. Как устраиваются твои хозяйственные дела? У тебя их очень много, а помогать некому. Пиши обо всем понемногу. Жду писем. Большой привет маме, Нине, Надежде и всем друзьям. Крепко тебя целую. Твой Владимир. Р.С.: Посылаю тебе открытку, можешь ее Валерке подарить».

2.6. Мурманск

Наступает осень, сентябрь. Прочитав письмо Владимира Степановича **от 5 сентября 1944 г.**, можно заключить, что он переведен в район Мурманска. Вот как он описывает новое место, где находится: «Суровый край, кругом горы, лишенные какой-либо растительности. Все это выглядит интересно. Мы все уже освоились со всем, человек ведь может везде приспособиться».

Но больше всего его все же интересует поездка Шуры в Порозово и возвращение ее с Валеркой в Архангельск. «Очень рад, что вы с Валеркой благополучно доехали. Как он себя чувствует и привыкает к новой обстановке? Тебе, видимо, придется еще много похлопотать об его устройстве. Конечно, я уверен, что ты сделаешь все для него, чтобы решить вопрос с ним в самую лучшую сторону. Только бы скорее нам всем вместе собраться, тогда все бы устроилось хорошо. Я тебя прошу держать меня в курсе всех твоих решений, а также подробнее писать о Валерке. Думаю, ты вполне меня поймешь, я ведь совершенно его не представляю. Как он относится к тебе? И т.д.»

Догадки наши о передислокации Владимира Степановича в район Мурманска подтвердились в **письме от 10 сентября 1944 г.**: «Здравствуй, дорогая моя! Снова пишу тебе, как и обещал. Путешествие мое продолжается. Живу как всегда, здоров. Все хорошо, но соскучился по тебе очень. Между прочим, вчера встретил на станции моего друга (помнишь, фото его я прислал тебе в последнем письме). Он просил передать тебе привет, едет он в Мурманск. Все

вспоминает свою крошку. Я еще не знаю, как ты, вернулась ли из своей поездки за Валеркой? Писем твоих давненько не получал, все виновато это путешествие. По моим расчетам, ты уже должна была вернуться. В общем, напиши подробнее обо всем. Пока на этом и закончу. Передай большой привет маме и Нине. Через несколько дней вновь напишу. Пока и все. Будь здорова. Крепко тебя целую. Твой Владимир. Пиши». Письмо написано карандашом на стандартной почтовой открытке. Адрес отправителя не указан. Штамп цензуры 09773. Это несколько странно, т.к. в предыдущем письме от 5 сентября 1944 года он писал: «Наконец я получил твое письмо, которое долго ждал... Очень рад, что вы с Валеркой благополучно доехали (вернулись в Архангельск)». Вероятно, Владимир Степанович ездит с инспекцией по частям Северного фронта.

Письмо от 12 сентября 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя. Как видишь, вновь собрался черкнуть тебе пару строк о своем бытъе. Наверное, ты еще не возвратилась из поездки и все странствуешь, как и я. Я живу хорошо, все еще в дороге, добрался уже до Мурманска. Когда добрюсь до конечной цели – напишу подробнее».

Письмо от 18 сентября 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Ну, о себе пару строк. Живу хорошо, привыкаю к новым условиям. Не предполагал, конечно, что судьба забросит меня сюда, на край земли. Но нужно ведь побывать. Местность здесь гористая, растительность почти отсутствует, природа суровая и по-своему красивая. Конечно, мы все не собираемся долго здесь находиться, выполним свою задачу, уничтожим проклятую немчуру и вернемся к своим мирным делам. Ясно, что недолго ждать осталось до этого дня.

Так что, Шура, скоро мы с тобой вновь встретимся, сколько радости будет! Много ведь мы с тобой пережили за это время, но самое ценное мы с тобой сохранили – это наши с тобой взаимоотношения, несмотря ни на что. Поздравляю тебя от всей души с большим событием в твоей жизни – вступлением в партию. Желаю тебе дальнейших успехов в работе, учебе и вообще в жизни. Ты у меня молодец и сильно выросла за эти годы. Я, конечно, немного поотстал, но постараюсь тоже подтянуться.

Посылаю тебе открытку, на которой изображен ландшафт, вполне соответствующий окружающей меня действительности».

Письмо от 28 сентября 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Я живу хорошо, за меня не беспокойся. Нового пока ничего нет. Все жду нашей с тобой встречи, она уже не за горами. Между прочим, надеюсь, что ты выполнишь свое обещание – прислать ваше с Валеркой фото. Мне на днях совершенно случайно дали фото, на котором ты увидишь меня (я его посыпал тебе с этим письмом). Здесь нас фотографировали в одной освобожденной от врага деревне, после беседы с мирными гражданами. Так что сейчас дело за твоим фото. Учти!»

В октябре 1944 года Советская армия перешла в наступление – началась наступательная Петсамо-Киркенесская операция войск Кarelльского фронта и Северного флота, главной целью которой было окончательно разгромить группировку германских войск на Крайнем Севере и освободить Советское Заполярье. К 1 ноября район города Петсамо был полностью освобожден, а в Заполярье закончились все боевые действия.

Шагая по дорогам войны, Владимир Степанович очутился за пределами родной страны – в Норвегии.

2.7. Норвегия

Письмо от 8 ноября 1944 г.: «Дорогая Шура! Поздравляю тебя с Днем рождения, желаю тебе, моя дорогая, счастья, исполнения всех твоих заветных желаний. Шлю тебе самые наилучшие пожелания и сердечный привет из Норвегии. Живу я хорошо. Праздник провел замечательно, так как еще в период войны не проводил. Мы все очень рады, нам присвоено наименование Печенгская, награждена наша часть орденом Красного Знамени. Да, мы немало сделали здесь на Севере. Будет что рассказать при нашей встрече. Ты пиши: как живете с Валеркой, что нового в вашей жизни. Как отметила ты свой юбилей? Ну, конечно, это в последний раз мы с тобой не были вместе в этот день. Так ведь! Большой мой привет маме, Нине и Димке. Жду все фото тебя и Валерки вместе. Пиши, родная, чаще. Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир».

И вот еще письмо с самого крайнего арктического фронта **от 18 ноября 1944 г.:** «Здравствуй, дорогая Шура! Конечно, я не хотел се-

годня писать тебе, ибо почта пришла, а писем от тебя нет. Сколько уж можно молчать? Между прочим, мне даже обидно немного, что вы все меня даже с праздником не поздравили. Один лишь отец оказал внимание, а от тебя и вообще всех вас я не имею писем уже две недели. Видимо, начинаете понемногу забывать о моем существовании, а, может быть, у вас что-либо случилось. Во всяком случае, начинаю беспокоиться.

Я живу хорошо. В моей жизни произошло большое событие – меня наградили орденом Красного Знамени и еще раз представили к награде. В остальном пока все без изменений. Встретил недавно сына Л.А. Пустохиной. Он собирался уезжать куда-то и шлет тебе привет. Узнаю о нем более подробно – напишу.

Ну, пока и все. Жду твоих писем. Крепко всех вас целую. Твой Владимир. Как поживает Валерик?»

Это письмо вызывает недоумение. Письмо «воинское», написано ровным почерком, химическими чернилами. Изображена Москва, Кремль, салют. Подпись «Родина салютует героям». Есть отметка цензуры 06700. В чем загадка этого письма? В том, что в нем Владимир Степанович пишет о встрече с «сыном Пустохиной». Но дело в том, что, как говорилось в начале этого повествования, мать Владимира Степановича носила фамилию Пустохина. И он был ее единственным сыном. Значит, сообщение о том, что «сын Пустохиной» собирается куда-то уехать – попытка обмануть цензуру и сообщить о собственном переводе куда-то? Что ж, цензура и впрямь ничего не заподозрила – письмо дошло до адресата.

О том, как развивались события дальше, известно из следующего **письма от 26 ноября 1944 г.:** «Здравствуй, дорогая моя! Получил твое письмо и очень удачно, т.к. имею возможность ответить немедленно, что бывает особенно теперь не часто. Я очень рад за вас, что все вы здоровы и все у вас в порядке. С большим интересом читаю все, что ты пишешь о Валерке. Конечно, дел у тебя вполне достаточно, времени свободного почти нет, но я считаю, что с ним тебе гораздо веселее, да и ему лучше быть с тобой. Вот скоро и я к вам приеду, все тогда будем в сборе, не так уж ведь долго осталось ждать до нашей встречи.

О себе пока много писать нечего. Живу хорошо, здоров. В последнее время пришлось перенести большие трудности, но ведь без них не может быть, мы ведь выполняем трудную задачу.

Все у меня в порядке, за меня не беспокойся. Буду тебе писать обо всех изменениях в моей жизни, как это делал и до сих пор. Прошу и

тебя аккуратно отвечать мне. Посылаю для Валерки открытку, ибо, очевидно, он их очень любит, пусть получит маленькую радость. Рад бы ему что-либо более лучшее послать, но, увы, пока кроме писем и открыток, ничего не пошлешь. Пусть уж он меня должником считает, будет время, рассчитаюсь с долгами. Ну, пока на этом закончу. Пиши мне, адрес прежний. Большой привет маме, Нине и всем друзьям. Крепко целую тебя и Валерика».

Письмо написано на белом листке бумаги фиолетовыми чернилами, крупным почерком, в спешке.

Письмо от 6 декабря 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя! О себе много писать нечего, я тебе пишу обо всем, что было нового. Живу хорошо, здоров. Очень желаю скорее увидеть тебя и Валерку, но, к сожалению, пока это вещь невозможная. Ничего, мы с тобой долго ждем этой встречи, сейчас, конечно, не так уж долго осталось ждать. Очень тяжело бывает, когда долго нет от тебя писем. Всякие мысли лезут в голову, все же слишком много встречается таких примеров. Ну ладно, все это, разумеется, ерунда. Как здоровье твое и Валерика? Пока все. Большой привет маме, Нине, а также твоим друзьям. Пиши, не заставляй беспокоиться. Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир».

Боевые действия по освобождению Карелии и Мурманской области заканчиваются. Видимо, идут разговоры о перемещении частей с Карельского фронта, на укрепление западного направления, на окончательный разгром армии фашистской Германии и войск их союзников (Словакии, Венгрии, Румынии, Италии). На Карельском фронте с Советской стороны была сосредоточена почти полумиллионная войсковая группировка.

У Владимира Степановича в период передислокации возникает мысль встретиться с семьей.

2.8. Вологда

Письмо от 9 декабря 1944 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Наконец сегодня получил твое письмо, которое я так долго ждал. Для меня

очень было радостно получить письма и от тебя, и от Нины одновременно. Благодарю тебя за поздравление и теплые пожелания. С большим интересом прочел описание жизни Валерки. Он, действительно, делает большие успехи. Я очень рад, что он хорошо себя чувствует в детском коллективе, это очень важно. Вообще я вижу, у тебя большие достижения в его воспитании. Очень желаю, чтобы и дальше дело шло так же успешно, и тогда, безусловно, результаты скажутся. У него, видимо, есть успехи в рисовании. Посланные тобой его рисунки я рассмотрел с большим интересом. Молодец он, так ему и передай от моего имени.

Жду вот, когда получу его фотографию, чтобы иметь о нем представление. В последнем своем письме я посыпал тебе свое фото, получила ли ты эту карточку?

Живу хорошо, здоров, как всегда. Конечно, это самое главное. На днях удалось даже впервые за 3,5 года побывать в театре, посмотреть пьесу и знаешь, обстановка показалась слишком необычной, отвык ведь от всего этого. Конечно, остался очень доволен этим вечером, несмотря на то, что артисты играли неважно. Невольно вспомнил, как мы с тобой, бывало, посещали театр, и тут все было не так, и знаешь, как бы еще ощутительней почувствовалось твое отсутствие.

Да это легко сказать, но как трудно переживать! Правда, мы с тобой успешно выдерживали все трудные испытания, и, безусловно, выдержим их до конца. Это самое основное.

Рад за тебя, что ты успешно справляешься с научной работой. Конечно, советую взять тему для кандидатской диссертации. Вообще, ты молодец у меня, и я очень горжусь тобой. Хочется очень скорей увидеть тебя, но увы, пока это вещь невозможная. Может быть, когда-нибудь в недалеком будущем такой случай представится, конечно, я бы им воспользовался. Во всяком случае, до нашей встречи не так-то уж долго осталось ждать, это тоже факт.

Ну, пока и все. Закончу на этом. Жду твоего письма. Пиши. Большой привет маме, Нине и Димке. Думаю, на днях побывать у К.В. Балашова.

Крепко вас всех с Валеркой целую. Твой Владимир».

Письмо написано на большом линованном белом листке бумаги, карандашом, довольно ровным почерком. Просит писать почаще. Однако Владимир Степанович

не пишет, где находится. Но, судя по сообщению о театре, речь идет о каком-то городе (Петрозаводске?). В конце письма он пишет, что думает на днях побывать у К.В. Балашова, а это значит, что он едет в поезде к Вологде, где находятся наши родственники Балашовы. Возникает мысль о возможности встретиться в Вологде. Это подтверждает следующее письмо.

Письмо от 12 декабря 1944 г.: «Здравствуй, дорогая Шура! Снова собрался написать тебе пару строк. Очень тяжело сознавать, что сейчас я с каждым километром отдаляюсь от тебя все дальше и дальше. Я все мечтал, что смогу приехать хотя бы на несколько часов, но, к сожалению, ничего нельзя было сделать, ибо отставать я не мог. Жаль, но ничего не поделаешь. Теперь будем надеяться на будущее. Авось что-либо смогу сделать, буду пытаться. Как бы то ни было, я считаю, что теперь недолго ждать осталось.

А что ты думаешь относительно возможности тебе приехать ко мне на несколько суток? Конечно, все будет зависеть от моего местонахождения. Вообще, стоит подумать об этом. Особенно если дорога не будет занимать больше двух суток. Как считаешь? Ну, пока и все. Привет всем. Мой адрес без изменений. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

Письмо написано карандашом на стандартном бланке «воинское». На бланке надпись: «Героическому тылу октябрьский привет с фронта!» Изображены солдат в пилотке и женщина-танкист с поднятой рукой.

Письмо написано в спешке, крупными буквами. Идет передислокация частей с Севера на Западный фронт. Появилась возможность кратковременной встречи. Владимир Степанович был в это время совсем близко от Архангельска.

В письме не сообщается, где в данный момент находился в поезд, в котором едет Владимир Степанович, но по почтовому штемпелю нам удалось разглядеть, что письмо опущено на станции Емца Архангельской области.

И если посмотреть по карте, то это примерно в 160 км от Архангельска. Эшелон с войсками движется медленно. Возможность встречи была очень вероятна и возможна.

Поезд с воинской частью, которая освободила населенный пункт Печенгю на границе с Норвегией, после заключения мирного соглашения и выхода Норвегии из войны, перебрасывается на Западный фронт.

Эта встреча состоялась в дни празднования Нового года, победного 1945 года.

2.9. Последняя встреча

В письме от 3 января 1945 г. Владимир Степанович пишет уже письмо в Архангельск о впечатлениях после этой встречи.

«Родная моя! Сутки прошли с момента, когда я вновь простился с тобой, и мы разъехались в противоположные стороны. Очень трудно вновь привыкать к одиночеству, после огромного счастья, выпавшего на мою долю, снова со всей остротой почувствовать, как мне придется тяжело ожидать новой встречи с тобой. Теперь вновь единственной возможностью общения с тобой являются письма, будем уж писать друг другу часто. Я снова один, вновь наедине со своими мыслями. Ну ничего, не долго сейчас нам еще осталось ждать светлого дня нашей новой встречи. В этом я уверен. Передай мой привет всем родным и твоим коллегам. Пиши! Крепко тебя целую. Твой Владимир».

События, возможно, происходили в городе Вологде, где, видимо, на несколько дней остановился эшелон, который перевозил часть, где служил Владимир Степанович, с Севера на Запад. Он посещал по каким-то делам наших родственников Балашовых (Капитона Васильевича (Кима) и Августу Николаевну. Римму – их старшая дочь, в дальнейшем Вайсберг – Римму Капитоновну). Они проживали на ул. Подлесной, д. 14 (ныне Горького). Капитон Васильевич работал в Облторготделе Вологодской области. (Видимо, решался вопрос о снабжении военной части). Надежда (Батыгина Надежда Ивановна – моя мать), возможно, ездила в д. Порозово, где был я (авт.) (см. книгу «Вовкино детство в Порозове (воспоминания, когда была война)», Архангельск, 2019).

2.10. На Западный фронт

Да! Встреча состоялась. Они встретились в тот промежуток времени, когда часть, где служил Владимир Степанович, переводили с Карельского фронта на подкрепление Украинского фронта, который вышел уже за пределы границ Советского Союза, освобождая Польшу.

В последующих письмах Владимир переживает, обсуждает и вспоминает о встрече, когда они с Шурой (Александкой Ивановной) были опять вместе. Письма в Архангельск шли из Москвы, Украи-

ны, Львова. Эшелон двигается медленно, перемещался полк со всем военным оснащением и оборудованием.

11 января 1945 г. он пишет в Архангельск большое письмо, где он вспоминает, как был в Вологде, ходил с Густей в кино, смотрели фильм «В шесть часов вечера после войны». И опять вопросы о Валерике. Он беспокоился о здоровье и развитии своего сына, потому что очень любил его.

Через три дня в Архангельск он пишет новое письмо: «Здравствуй, дорогая моя Шура! Получил сегодня одновременно два твоих письма от 4 и 5 января. Благодарю тебя за внимание, молодец, что выдерживаешь свое обещание писать мне часто. Письма твои приносят мне большую радость, они мне очень дороги. Около тебя хотя Валерка есть, а у меня кроме этого дурака Л. ничего нет. Ну ладно, теперь не долго осталось до нашей новой и на этот раз окончательной встречи. Все вернется, и все мечты воплотятся в действительность.

Относительно возможности побывать у вас: вопрос решится окончательно на днях, но прямо скажу – шансов на успех немного. Как определится положение – сообщу.

Сегодня смотрел у Саши негатив одного фото, качество замечательное. Через пару дней буду иметь возможность послать тебе пробную карточку. Она будет о многом нам с тобой напоминать, взглянув на нее, вспомнишь нашу встречу, принесшую нам большое счастье». (Это последнее общее фото Владимира Степановича и Александры Ивановны).

Однако упорные бои продолжаются, война не закончена. Из письма: «Только сейчас передали по радио приказ Верховного Главнокомандующего о прорыве обороны немцев в районе Сандомицы. Значит, скоро и наш Костя будет участвовать в больших событиях».

Письмо написано на белой линованной бумаге А4 формата фиолетовыми чернилами, аккуратным почерком без помарок. Фотография встречи. Прорыв обороны в районе Сандомицы.

Из письма от 2 февраля 1945 г.: «Дорогая моя! Итак, я сегодня благополучно прибыл на место и, надо сказать, очень удачно, т.к. иначе пришлось бы маршрут продолжить. Здесь на месте многое но-

востей меня застало. Между прочим, сообщаю тебе, что меня наградили вторым орденом Красной Звезды, а кроме того, сегодня получил медаль «За оборону Заполярья». Так что видишь, сколько нового у меня за эти сутки произошло.

Получил сегодня несколько писем от тебя и от Кости. Он пишет, что находится в дороге на фронт, пока не знает куда, но обещает написать мне о дальнейшем».

Сам Владимир Степанович после встреч с родными и близкими тоже едет на фронт. **Из письма от 6 февраля 1945 г.:** «Пишу тебе с дороги, все дальше и дальше едем, скоро прибудем в Москву, а куда дальше – узнаем. Я во всяком случае тебе буду продолжать регулярно посыпать коротенькие известия о себе. К сожалению, твоих писем, видимо, долго не буду иметь, но ничего, я уже чувствую себя уверенно и знаю, как вы живете. Все вспоминаю счастливые дни, проведенные вместе с вами. Сердечный привет всем. Крепко целую и обнимаю тебя. Твой Владимир».

Из письма от 7 февраля 1945 г.: «...Прибыли в Москву, видел вчера салют в честь наших войск. Картина красивая. Путешествие мое продолжается».

Из письма от 8 февраля 1945 г.: «Сейчас я уехал уже далеко – подъезжаю к Брянску. Жизнь идет однообразно, самочувствие хорошее, одно плохо, что твоих писем нет и, видимо, еще не скоро будет... Я пишу всем родным регулярно. Как вы с Валериком живете? Как успехи в твоей научной работе? Ты не сердись, родная, на краткость наших писем – все это результат условий. Большой привет всем родным и друзьям нашим».

Из письма от 9 февраля 1945 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Путешествие мое продолжается. Еду по Украине, по дорогам войны, где на каждом шагу видишь все зло, которое принесли нам гитлеровские сволочи. Ничего, они за все это получат сполна и недолго ждать до полной расплаты с ними. Я живу хорошо, все идет своим чередом. Во мне прибавилось спокойствия и уверенности. Пиши, родная, я очень скучаю о твоих письмах, а их, очевидно, еще не скоро получу. Пока и все».

Из письма от 10 февраля 1945 г.: «...Снова пишу тебе очередную весточку. Ты должна за это время получить порядочное коли-

чество писем от меня, правда, не особенно содержательные, написанные насспех, но во всяком случае, писем. Живу хорошо, все идет однообразно. За дорогу здорово отоспался, даже бока болят. Все еще находимся в движении, дальше и дальше уезжаю от тебя – скоро Киев. Ну, а как ты живешь, и что у вас нового?»

Письмо написано фиолетовыми чернилами на листке белой линованной бумаги и свернуто в солдатский треугольник.

Из письма от 11 февраля 1945 г.: «...Все путешествую, начинает надоедать дорога. Жизнь на колесах протекает однообразно, и каждый день одно и то же. Конечно, если взять в целом февраль, то у меня столько разных событий произошло. Между прочим, в начале своего путешествия я совершенно случайно встретился с С.А. Мадановым, он ехал в командировку. Мы с ним минут 5 поговорили, он был весьма удовлетворен, узнав, что я недавно побывал у вас».

Из письма от 14 февраля 1945 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Пишу тебе очередную весточку о себе. Все еще путешествую, еду дальше и дальше, скоро доеду до Львова. Надоедает эта дорога, правда, заботиться ни о чем не приходится. Здесь уже чувствуется приближение весны, на улице тает, снега осталось очень мало. Так что, видишь, в этом году особых холодов я не видел и не предвидится. Это, разумеется, неплохо. Видимо, сейчас уже недалеко ехать осталось. В общем, я напишу тебе сразу, когда приеду на место. Пиши, как живете, что нового, каковы твои успехи и как себя чувствует Валерка. Я очень рад, что сейчас имею о нем представление и убедился, что мы с ним подружимся. Большой привет маме, Нине, Диме, Надежде, Жорке и всем твоим коллегам. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку».

2.11. Польша

Из письма от 15 февраля 1945 г.: «Конечно, больших изменений в моей жизни за последнее время не произошло. Все еще нахожусь в дороге. Вероятно, сейчас в нашей переписке наступает небольшой перерыв, ибо я через несколько часов буду уже за границей, следова-

тельно, пока наладятся воинские отправки корреспонденций, писать тебе, очевидно, не смогу. Удалось ознакомиться с одним из больших и красивых городов, побывал на концерте и пр. Подробнее напишу, когда приеду на место, пока приходится писать на коротких остановках».

Письмо на стандартном бланке «Смерть немецким оккупантам», на обратной стороне «Гимн Советского союза». Адрес отправителя: Самбор (проездом), Злобин В.С.

Из письма от 24 февраля 1945 г.: «Здравствуй, дорогая моя!
Давно я не имею от тебя писем и, видимо, еще некоторое время не буду получать. Разумеется, это ни в коей мере не зависит от тебя – я уверен, что письма мне ты пишешь аккуратно и с таким же интервалами, как и ранее. Из моего последнего письма ты должна знать, что и я некоторое время был лишен возможности написать тебе, вернее, написать бы я мог, но отправить письмо было невозможно. Сейчас все это кончилось, и с сего числа в нашей переписке не будет никаких перерывов, все утряслось. За последнее время в моей жизни произошло очень много измениний.

Путешествовать мне пришлось долго, и после этого мои странствия не прекращаются по сей день. Впечатлений, совершенно новых, очень много. В общем, позднее все тебе расскажу. Все думаю, какое большое расстояние отделяет нас с тобой друг от друга! Только представь себе это! Никогда я не думал раньше, что буду так далеко от тебя находиться, да еще в чужой стране. Но факт остается фактом. Пришлось побывать везде за период войны. Надеюсь еще побывать в Берлине, а после этого приехать к тебе и рассказать о всех странствиях и приключениях.

Как ты живешь, что у тебя нового? Как себя чувствует Валерик? Ты мне пиши подробнее о вашей жизни, меня ведь интересуют все подробности вашей жизни. Все, до мельчайших подробностей. Вспоминаю счастливые дни, проведенные вместе с тобой. Как все же удачно сложились тогда обстоятельства, что я сумел повидаться со всеми вами! Какие изменения в вашей жизни за это время произошли? Конечно, я думаю, что все обстоит хорошо – так, как я видел и знал.

Я живу хорошо, здоров, условия моей службы прежние, в этом отношении никаких изменений нет. Жизнь за последний период времени веду кочевую – каждый день на новом месте. Погода в последнее время неважная – идут дожди, все заполнено жизнью, скоро уже настоящая весна будет, дело идет снова к теплу. Пишу тебе это письмо, сидя в маленькой теплой комнатке. На койке сладко спит Годин (мы с ним вместе все обитаемся), за окном ветер и дождь, который сегодня меня не мочит. Завтра снова идем вперед и будем идти, пока последний немец не бросит оружие или не будет уничтожен.

Ну, пока, пожалуй, и все. Да, между прочим, недавно получил письмо от Кости. Он сейчас находится в Польше (везде наши хлопцы есть). Он просил передать тебе свой сердечный привет и передать, что с нетерпением ждет от тебя письма.

Итак, кончаю. Большой привет маме, Нине, Димке, Жоре и всем твоим друзьям. Тебе шлет привет Годин и Казиев. Пиши!

Крепко тебя целую и обнимаю. Поцелуй за меня Валерика. Твой Владимир. Р.С. Извини, что прокал папиросой письмо, нечаянно. Пиши скорей».

Письмо написано на белой линованной бумаге. Скорее всего, Владимир Степанович уже находится на месте дислокации части, предположительно, в Польше. Не совсем понятно, какую функцию выполняют переброшенные военные подразделения с Карельского фронта. Работа, видимо, связана с «зачисткой» в тылу, не на передовой.

Наступил март 1945 года. До победы остается только два месяца и 9 дней.

Из письма от 1 марта 1945 г.: «Здравствуй, родная моя! Вновь собрался написать очередную весточку. Побеседовать с тобой, хотя бы на бумаге, для меня большая необходимость, и я думаю, что и ты будешь рада, получив лишнее письмо от меня... Сейчас меня утешает мысль, что недолго нам с тобой осталось ждать до новой встречи, когда уж навсегда, мы будем вместе. Впереди у нас с тобой будет много радостных дней, много счастья, и это мы с тобой заслужили. Как ты живешь? Какие успехи делает Валерик? Он, по-моему, очень развитый мальчик и, конечно, каждый день узнает много нового. Наверно, он сейчас опять производит «ремонт» электрооборудования и

т.д. Пиши мне подробнее обо всем, знаешь ведь, как меня интересует каждая деталь вашей жизни.

О себе мне пока много писать нечего. Живу хорошо, все так, как было. Будет что новое – сообщу, в пределах возможного. Пока и все. Сердечный привет маме, Нине, Димке, Наде, Жорке и всем твоим коллегам (которых я уважаю за их заботу о тебе). Пиши мне чаще. Крепко целую и обнимаю всех вас с Валеркой. Твой Владимир.

Р.С. Чуть не забыл – разреши поздравить всех вас с вашим праздником 8 Марта!»

2.12. Последние письма

Из письма от 4 марта 1945 г.: «Снова пишу тебе, воспользовавшись случаем. Много уж писем я тебе отправил, не получив пока ни одного от тебя. Сейчас, конечно, осталось переждать еще несколько дней до получения твоих писем, которые я так давно ожидаю. Не думал я, что наша переписка с тобой так надолго прервется. Конечно, трудно все предвидеть вперед. Очень хочется знать, как ты живешь, как твое здоровье и что вообще у вас нового. Сегодня я видел во сне, что был у вас. Но все это пока сон. Правда, по сравнению с тем временем, которое мы с тобой прожили в разлуке, сейчас уже до окончательной встречи осталось очень немногого. В ближайшие дни напишу тебе вновь. В моей жизни пока больших изменений нет, все обстоит по-старому. Изменяется только место, каждый день оно новое. Писем ни от кого не получаю. Только Костя прислал недавно весточку – он где-то в Чехословакии воюет».

Письмо написано на большом нелинованном розоватом листе бумаги (формата А4), черными чернилами. Никаких подробностей о месте нахождения нет. Сообщается о Косте, который воюет в Чехословакии, значит, Владимир Степанович в другой стране, все же, видимо, в Польше! Непонятно, однако, чем вызваны такие частые перемещения, и никаких намеков на то, находятся они в тылу или на передовой.

Из письма от 16 марта 1945 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Снова собрался черкнуть тебе пару строк о себе, считая, что нельзя долго не подавать о себе вести. Все еще не получил ни одного твоего пись-

ма, не знаю, когда уж наконец наша переписка восстановится. О себе много писать пока нечего, да и условия не позволяют. Скажу лишь, что по-прежнему воюю, пока все обстоит благополучно. Нахожусь я очень далеко от тебя, так далеко, что и представить трудно... Что у тебя нового и как ваше здоровье? Наверное, у тебя много различных дел накопилось, и ты крутишься, как в колесе. А Валерик каких успехов добился за это время? Вспоминает ли он каким-либо образом хотя изредка меня? Что тебе пишут из дома? Я получаю письма только от Кости. Он пишет, что участвует в серьезных боях, но бодрости, как всегда, не теряет. Пожалуй, пока и все. Извини за краткость. Передай сердечный привет маме, Нине, Димке и всем твоим друзьям. Пиши, родная, чаще. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерика. Твой Владимир».

Письмо на розоватой бумаге, как и два предыдущих, но только на половине листа, видимо, для экономии. Написано карандашом и крупными буквами, особенно в конце. Возможно, писалось в спешке. Видимо, реально идут и боевые действия. Сообщает, что по-прежнему воюет, но все обстоит благополучно.

Последние два письма от Владимира Степановича за полтора месяца до победы.

Из письма от 20 марта 1945 г.: «Здравствуй, дорогая моя! Вчера, наконец, я получил от тебя одновременно целых шесть писем! Прямо скажу – не было, не было, но зато сразу появилось известие о тебе, Валерке. С твоими письмами я получил 2 письма от отца и письмо от мамаши. Так что мне хватило читать их на целый вечер, и мое настроение, конечно, самое замечательное, правда, все дело портила одна вещь, но об этом нельзя.

Я очень рад, что все вы живете хорошо и без особых изменений. С большим вниманием прочел твое подробное описание всех успехов Валерки и все его занятия. Вижу, что он стал большим забиякой и выдумщиком. Очень я смеялся над описанием, как он разыскивал меня. Видимо, немного он все же обо мнепомнит. Это, разумеется, меня весьма радует. Ты мне пиши и впредь подробно о его нравах и привычках. Очень рад и тому, что у тебя лично никаких изменений нет, а самое главное, что ты здорова, и если правда, что вы с Валеркой начинаете вообще поправляться, то это уж совсем замечательно.

Плохо, видимо, обстоят у тебя дела с дровами, тебе приходится много возиться с ними, а результатов, как видно, мало. Жаль, что ничем не могу тебе в этом помочь.

Вчера я оформил аттестат на твое имя, на сумму 550 руб. Так что деньги будешь получать тем же путем. Получишь извещение о получении его военкоматом, напиши.

Из твоих писем вижу, что ты не получила часть моих весточек, но думаю, что все же, рано или поздно ты получишь их все, почта не всегда соблюдает аккуратность, тем более, что сейчас, из-за очень огромного расстояния, которое нас с тобой отделяет, письма идут очень медленно (между прочим, последнее твое письмо я получил, датированное 25 февраля). В моей жизни больших изменений нет, все также. Мазур у нас уехал учиться в Ташкент, так что твой привет пока передать не могу. Я живу по-прежнему, здоров и бодр, как всегда.

Через несколько дней знаменательная дата в моей жизни – очередной юбилей. Сколько уж этих юбилеев было! Действительно скоро, скоро и совсем состаришься и не заметишь, как. Ничего не поделаешь!

Пока на этом и закончу. Пиши мне, родная, чаще. Передай мой сердечный привет маме, Нине, Димке, Надежде, Жорке. (К слову сказать, я забыл его адрес, он ведь был записан в моей записной книжке). Желаю тебе успехов, а самое главное – здоровья. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку. Твой Владимир».

Письмо написано на голубой бумаге на двух тетрадных листах. Письмо обстоятельное. Владимир Степанович вспоминает какие-то острые проблемы с оплатой пребывания в течение 20 дней на квартире в Грязовце. Возможно, встреча с Шурой произошла не в Вологде, а в Грязовце?! Обращает на себя внимание приписка в письме: «Так, что мне хватило читать их на целый вечер и мое настроение, конечно, самое замечательное. Правда, все дело портила одна вещь, но об этом нельзя». Загадочное уточнение: «вещь», о которой писать нельзя. Можно предполагать, что это какие-то боевые действия, перестрелка?

И вот последнее письмо в Архангельск от 23 марта 1945 г.:
«Здравствуй, моя дорогая Шура! Решил написать тебе пару строк, думаю, что ты не будешь возражать. Я уже писал тебе, что получил одновременно несколько твоих писем и надеюсь, что сейчас наша

с тобой переписка вновь наладится. Очень хочу видеть тебя, быть снова с тобой, но пока все это лишь мечты и желания. Ничего, мы с тобой дольше ждали и умеем ждать, это доказано, а теперь ждать уж недолго осталось.

Я живу хорошо, немного, правда, незддоровится, видимо, про студился, но это чепуха. Погода здесь сейчас теплая, совершенная весна, а как у вас? Что поделывает Валерик? Наверное, опять что либо изобретает. Очень уж он сообразительный мальчик. Посылаю ему открытку, ему открытки нравятся, пусть посмотрит. Постараюсь как-нибудь более существенного что-либо ему послать, но это дело будущего. Пиши, как живешь, что у вас нового и как здоровье? Твои письма я жду с большим нетерпением. Сердечный привет маме, Нине, Димке и твоим коллегам. Пиши чаще! Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку. Твой Владимир».

Это было последнее письмо Владимир Степановича, которое получила Александра Ивановна – его Шура. Письмо написано на одной стороне тетрадного листа розоватой бумаги черными чернилами. Сообщает, что болен. Возможно, с этим связана и краткость письма, хотя пишет, что «это чепуха». Может быть, это связано и с боевой обстановкой. Почерк ровный, правда, вначале перо обмакнуло в чернила слишком сильно и буквы расплылись. До очередного его дня рождения оставалось 5 дней. Ему бы исполнилось 32 года.

Через 2 дня после написания своего последнего письма, **25 марта 1945 г., Владимир Степанович погиб** после обстрела дома, где заседал штаб части, какими-то партизанами, действовавшими против Советской армии, совсем немного не дожив до Победы и желанной встречи с Шурой и сыном Валерием...

Полмесяца Александра Ивановна ждала писем от мужа. Пока 12 апреля 1945 г. не получила официальное извещение о его гибели: так называемую «похоронку».

С.С. ★ С.Р.
Народный Комиссариат Обороны
ОКТЯБРЬСКИЙ
РАЙОННЫЙ
Военный Комиссариат
Часть Финансовоз

12 · Апреля 1945 г.

№ 71084

г. Архангельск,
Архангельской области

Октябрьский районским
комитетом

Заведующим УЧК
также

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж Ст. Лейтенант

(хуж, сын, брат, военное звание)

Злобин Владимир Степанович
(фамилия, имя и отчество)
уроженец с. А. Чечна, Поморской области
(область, район, деревня)

в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге
проявив геройство и мужество, был убит

25 марта 1945 г.

(убит, ранен и умер от ран)

погребен где-то в Беломории на реке Гудовице
(место похорон)

Прилагаеме извещение является документом для подтверждения
холдатайства пенсион (право на пенсию ССР №)

(запечатано)

(Зарубин)

Старший лейтенант

Владимир Степанович Злобин (Архангельск),
награжденный двумя орденами Красной звезды и медалью
«За освобождение Заполярья», член партии ВКП(б),
учитель физики 19-й и 10-й школ Архангельска,
ноги при освобождении Польши 25 марта 1945 года
(Краков, Освенцим?).

Это было самое тяжелое потрясение для молодой семьи В.С. Злобина, оказавшее влияние на всю ее последующую жизнь. Многое, о чем они мечтали, не осуществилось. Но Александра Ивановна и его сын Валерий Злобин достойно выдержали все трудности послевоенной жизни.

2.13. Фронтовой фотоальбом

В.С. Злобин.
Лахта, 1941 г.

Старший лейтенант
В.С. Злобин. 1945 г.

В лесах Карелии. 1944 г.

В.С. Злобин с другом Мишой.
1942 г.

В.С. Злобин. 1944 г.

Старший лейтенант В.С. Злобин

В гостях у местных жителей
(Норвегия)

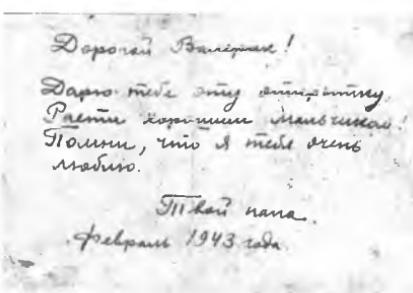
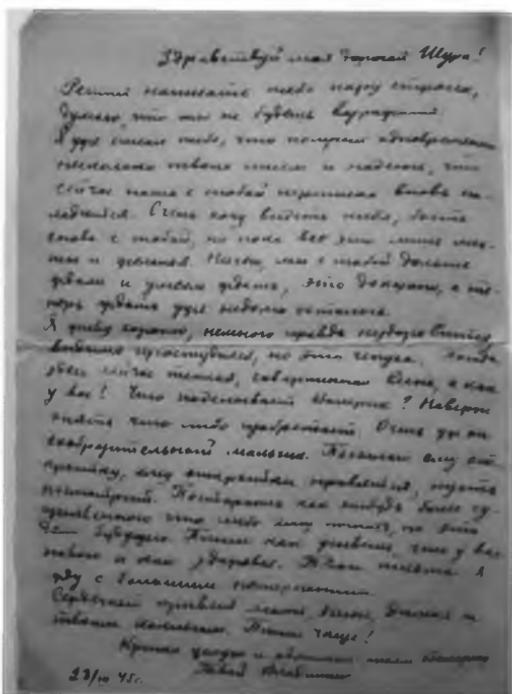
Работа в штабе (Польша)

Последняя встреча в Вологде (январь 1945 г.)

Фронтовые письма

До августа 1942 года письма с фронта поступали в Архангельск по адресу: пр. Павлина Виноградова, д. 59 (13-я школа, где проживала А.И. Злобина в комнате матери В.С. Злобина – Л.А. Пустохиной (и.о. директора школы). В дальнейшем Л.А. Пустохиной дали квартиру на Набережной им. Стalinских ударников, 118. Эти дома сохранились до наших дней.

Здравствуйте, мама!

Спаси меня папа, а я тебе не напишу письмом. Один раз я уронил, как штукатурка упала, как бы уронил, как уронил все и прочее. Кончил уединение отца. Идея у нас супружеских нелегальных любовнических, я помнил один раз он меня уединил, но в другом супружеском здании, это было в субботу утром в восемь часов утра. Свадебные наряды были висели, но я уединил его на

3. ПИСЬМА С ФРОНТА: «ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ МОЯ ШУРА!..»

В этой книге мы решили также разместить все сохранившиеся письма Владимира Степановича, которые получала с фронта его супруга Шура (Александра Ивановна). Их оказалось 188, в среднем около 50 писем за год – по 4 письма за месяц. В ноябре 1941 года и в октябре 1944 года писем не было – шли бои. Все эти письма получала его молодая жена Шура, и на каждое из них она отвечала, но, к сожалению, ее письма не сохранились. Она тоже боролась, выживала, воспитывала сына Валерика, о котором так беспокоился Владимир Степанович, защищая Родину. Ее письма находили отклик в его письмах. Я думаю, что эти «живые» письма, наиболее полно дают представление о тех исторических событиях, которые происходили и в тылу (Архангельске, Вологде) и на северных фронтах, которые также имели исключительно важное, решающее значение для судьбы страны.

Читая некоторые оптимистические письма Владимира Степановича с фронта о том, что у него все хорошо, что здоровье после контузии восстановилось полностью, что хотя после цинги зубов почти не осталось, но это тоже не беда, после войны можно вылечиться и т. д., можно подумать, что трудности фронтовой жизни несколько преувеличены. Однако нужно иметь в виду, что в тех условиях были ограничения: все письма просматривала военная цензура. Сообщать в письмах с фронта о плохом питании, условиях жизни и описывать места расположения было нельзя. Владимир Степанович приукра-

шивал обстановку, в которой он находился. Жизнь в землянке, в лесу, когда идут бои. Жизнь на передовой, когда вообще писать было невозможно. Контузия, болезни, цинга, полная изоляция от внешнего мира в течение пяти лет. Он пишет, что вот уже несколько лет, находясь на фронте, не видел кого-либо в гражданской одежде. Однако в письмах нашли отражение проблемы, которые решала в военное время Шура (Александра Ивановна), его супруга в тылу, в Архангельске: проблемы с жильем, работой, здоровьем сына.

Удивительным образом 75-летие Победы в России совпало со всенародной борьбой с коронавирусом. И вот оказалось, что находиться в замкнутом помещении, хотя и в достаточно комфортных условиях, – это стресс. Война – это тоже стресс, всенародное бедствие, которое во много раз страшнее любой вирусной эпидемии, тем более что Отечественная война 1941–1945 гг. продолжалась более пяти лет.

Последствия ее в Архангельске реально чувствовались в течение последующих десятков лет.

3.1. Письма 1941 года

Август 1941 г.

1. Письмо (записка) от 13 августа 1941 года.

Шура! Завтра жду тебя, думаю, что приедешь навестить перед отправкой. Дорогу тебе расскажет Хардиков, который принес это открытку, и вместе с ним приходи. На всякий случай скажу, что ехать

надо до Исакогорки, а там полтора километра пешком, дорогу узнаешь, ждём всех. Думаю, что придёте, так как на днях мы уезжаем. Владимир.

Письмо написано на листке, разлинованном в клеточку, размером 10×12 см, вырванном из блокнота. Срочные сборы, отправка на фронт. Письмо написано по адресу: ул. П. Виноградова, дом № 59 (13-я школа). Злобиной Александре Ивановне. У нее была комната в здании школы, где некоторое время была директором мать Владимира Степановича – Л.А. Пустохина. Исакогорка – железнодорожная станция на левом берегу Северной Двины, находившаяся достаточно далеко от городского вокзала «Архангельск», который был на левом берегу напротив города, расположенного на правом берегу реки. Для того, чтобы попасть к поезду, нужно было переправиться на пароходе на левый берег. До Исакогорки нужно было идти пешком 5–7 км.

2. Письмо от 26 августа 1941 года.

Здравствуй, Шура! Сегодня после однодневного пребывания в Лахте, мы выезжаем отсюда эшелоном в сторону твоих родных мест. Мы с Сергеем пока вместе. Получила ли ты наше барахло? Часть его мы растеряли ещё там. Эта открытка по счёту вторая. Жди известий с дороги. Очевидно, новый учебный год буду встречать в новых условиях. Прости за плохой почерк – пишу стоя. Привет всем. Владимир.

Письмо написано на стандартной почтовой карточке с гербом СССР и маркой за 20 коп., с изображением женщины-работницы. Письмо адресовано: г. Архангельск, пр. П. Виноградова, 59 (13-я школа), Злобиной Александре Ивановне. Лахта – небольшая железнодорожная станция. «Родные места» – г. Вологда. Вологодский район, деревни Высоково, Порозово.

3. Письмо от 28 августа 1941 года.

Здравствуй, Шура! Писал я тебе, что мы выехали, но прошло 2 дня, а мы ещё пока здесь. Очевидно, выедем сегодня-завтра. Пока живем в Лахте. Выезжаем в Вологду, точно куда, не знаю. Живём мы с Сергеем хорошо и находимся всегда вместе. Получили полностью всё обмундирование и другие вещи. Вообще вряд ли вы узнали нас, новобранцев, сейчас. Самочувствие у нас хорошее. В общем, живём хорошо. Пока не могу сообщить наш адрес, т. к. не знаю его. Ждите от меня известий с дороги. Не знаю, как у вас дома дела с квартирой и пр. Надеюсь, что в недалеком будущем буду получать и от вас письма. Привет всем нашим. 28/VIII-41. Владимир.

Письмо на такой же стандартной открытке по тому же адресу: П. Виноградова. 59 (13-я школа). А.И. Злобиной. Сергей (Сергей Степанович Пенькин) – приятель Владимира С. погиб в первых боях (пропал без вести) на Карельском фронте.

4. Письмо от 31 августа 1941 года.

Здравствуй, Шура! Пишу тебе четвёртую открытку. Живем мы все здесь в лагере в палатках. Очевидно, пробудем здесь ещё некоторое время, нам сегодня об этом объявили. Живем хорошо, только ночами иногда мёрзнем. Хочется знать, как вы живете. Может быть, напишешь письмечко, авось мне и удастся его получить. Сообщаю адрес, правда, пока временный – почтовый ящик № 160-24, мне. Напиши. После окончательного формирования адрес напишу дополнительно. Как вы все живёте? Как растёт Валерка и какие имеет успехи? Я написал всем письмечка, не знаю, получил ли кто. Ну, пока! Целую всех. Владимир. 31/VIII.

Письмо написано так же на стандартной открытке и на тот же адрес в Архангельск, как и два предыдущих. Живут новобранцы уже в полевых условиях в палатках. Очевидно, без обогрева. ночами мерзнут. Обратный адрес: п/я № 160-24. Злобин В.С.

Сентябрь 1941 г.

1. Письмо от 7 сентября 1941 года.

Здравствуй, Шура! Снова пишу тебе, а от тебя не получил ни одной строчки. Очень хочу узнать, как идут дела у вас, как вы живёте, как здоровье всех и прочее. Хочется увидеть тебя. Здесь нас ежедневно навещают родственники, я, конечно, очень хотел бы тебя увидеть, но, с другой стороны, знаю, что времени свободного у тебя нет, кроме воскресенья. Сегодня как раз воскресенье, но думаю, что тебя не будет, ибо ты не знаешь, куда идти. Дорога сюда очень грязная. На всякий случай пишу, что если мы ещё до воскресенья (14 сентября) здесь останемся, то приходи повидаться. Попадать сюда нужно на дежурке до Исакогорки, а оттуда пешком полтора километра. Обычно в воскресенье сюда многие приходят, и ты ещё в вагоне присоединишься к кому-либо, знающему дорогу, и доберёшься сюда. Повторяю, дорога грязная. Но боюсь, что может оказаться, что до воскресенья мы отсюда отправимся. Я по-

стараюсь в этом случае известить тебя открыткой, но, быть может, твоя прогулка окажется напрасной. В общем, все же попытаемся встретиться. У ворот лагеря попросиша вызвать меня, я нахожусь во второй роте в первом взводе.

Получаешь ли ты от меня известия? Что нового у вас дома? Где вы живёте? Как чувствует себя Валерик? В чём испытываешь еще трудности? Ещё раз прошу – не забывай, обращайся по всем вопросам в исполнком к Котерину или Шергиной, или Игнатовой (комната № 17).

В моей жизни ничего нового нет. Занимаемся ежедневно. Собираем походы. Живём все вместе на воздухе. Все здоровы (т.е. есть я и Сергей). Самочувствие хорошее, только ничего не знаю о вас и беспокоюсь. Вся беда в том, что я не знаю, где вас поместили, и вообще все, что касается вашей жизни. Писал я всем, но пока ещё ничего не получил. Не знаю, доходят ли до вас письма или нет. Не уверен и в получении этого письма.

Напиши мне хотя несколько строк. Правда, я понимаю, что не-получение от вас известий зависит, вероятно, не от тебя. Что нового в Архангельске? Как живёт Нина, где работает мамаша, и что пишет отец? Получила ли ты остатки нашей одежды? Быть может, нет. Прошу тебя бережно относиться к своему здоровью, и беречь себя и Валерку. Помни, что ваши успехи – мои успехи, и все ваши неудачи – мои неудачи. Самое главное – живите дружно и не расстраивайте друг друга. Вообще, нужно быть дисциплинированными и стойкими. Обо мне не беспокойтесь, я живу хорошо и обеспечен всем необходимым.

Пока закончу на этом. Крепко целую всех. Пиши мне о всей вашей жизни, адрес смотри на конверте. Попробуй написать по такому адресу: Архангельск, почтовый ящик 160, 2 рота, 1 взвод, мне. Не знаю, получу ли от тебя весточки. Конечно, если в воскресенье увидимся, то лучшего ничего не придумаешь.

Итак, если до воскресенья не получишь от меня весточки, что уехали, пожалуйста, приходи, лучшее время – около 3 часов. Но, в общем, как придётся. Итак, так буду надеяться. Привет всем знакомым. Пусть мамаша черкнет, что нового в её жизни.

7/IX-41 г. Владимир.

Письмо написано синими чернилами на двух тетрадных листках белой бумаги в клеточку. Мобилизованные солдаты находятся в лагере недалеко от Исакогорки под Архангельском на левом берегу и проходят военную подготовку: «занимаемся ежедневно, совершаем походы, живем все время на воздухе». Ожидают отправки на фронт. Родственники имеют возможность навещать солдат. В это время в Архангельске уже прохладно, часто идут осенние дожди.

2. Письмо от 18 сентября 1941 года.

Здравствуй, Шура! Пишу тебе, лежа на полке вагона. Выехали мы сегодня, то есть 18 сентября утром. Нина у меня не была. Я писал ей, чтобы она сегодня пришла, но, как видишь, наше свидание не состоялось. Жаль, но ничего не поделаешь. Едем все вместе по направлению к твоей родине. Сейчас позавтракали и отдыхаем. Следующую открытку напишу завтра. Привет всем. Крепко целую. Поцелуй Валерку. Адреса пока не знаю.

18/IX-41. Владимир.

Письмо написано на стандартной почтовой открытке того времени, написано в спешке синими чернилами, неровным почерком. Нина – младшая сестра Владимира. Первоначально предполагался выезд новобранцев еще в августе, но реально выехали 18 сентября. Проводилась военная подготовка, учеба. «Твоя родина» – г. Вологда. деревня Высоково. Порозово.

3. Письмо от 21 сентября 1941 года.

Здравствуй, Шура! После дневных путешествий мы едем по Мурманской ж. д., по направлению к Петрозаводску. Живём хорошо. Все здоровы. Сразу едем на передовые линии. Не знаю, далеко ли ещё поедем. Пока ничего особенного не произошло. Твоих родных мест не видал, так как, не доехав, свернули в сторону. Сегодня воскресенье, но оно в нашем положении ничем не отличается от прочих дней. Как вы живёте, я не знаю. Привет всем знакомым. Крепко вас всех целую. Ваш Владимир. Адреса пока не знаю.

21/IX-41 г.

Письмо адресовано в Архангельск, пр. Павлина Виноградова, д. № 59 (13-я школа). Злобиной Александре Ивановне. Новобранцев везут на Карельский фронт. сразу на передовые позиции. Все эти письма написаны на почтовых открытках.

4. Письмо от 23 сентября 1941 года.

Здравствуй, Шура! Решил сейчас тебе письмо написать, восполь-

золовавшись свободной минутой. Не знаю, получила ли ты мои открытки, предыдущие этому письму.

Уже второй день как мы находимся в Петрозаводске, успели ознакомиться со всеми достопримечательностями этого города. Сегодня, вероятно, выезжаем на фронт. Получили добавочное боевое снаряжение и готовы к выступлению в любую минуту. Следующее письмо ты получишь уже с фронта.

Не знаю, скоро ли ты его получишь, т.к. связь здесь работает очень плохо. Во всяком случае, не беспокойся и жди известий. Пока больших событий в нашей жизни не происходит. Все здоровы и чувствуем себя хорошо. Очень хочется получить от вас известия, но знаю, что скоро получить не придется.

Как вы там все работаете? Вероятно, один Валерка растет и изменяется день ото дня, а вы все остаетесь такими же. Валерка уже, наверное, солидно разговаривает и всем интересуется.

Вы, быть может, начинаете испытывать материальные затруднения? В таком случае нужно продавать постепенно, в первую очередь, такие вещи, как велосипед и пр. Особенно берегите свое здоровье. Страйтесь лучше питаться. Передай привет всем знакомым и друзьям.

Крепко целую вас, к сожалению, пока на бумаге.

23/IX-41 г. Владимир.

P.S. Адрес пока не знаю. Приехала ли мамаша? Что пишет папаша и вообще многое, что меня интересует, но на эти вопросы пока, конечно, ответа мне не получить.

Последнее письмо перед отправкой на фронт, на передовую. Написано на листе из школьной тетради в клеточку, карандашом. и видно, что носспешно, почерк неровный. В конце сентября – ноябре происходили наиболее драматические, острые события, большой отряд архангелогородцев в срочном порядке сформирован и отправлен на Карельский фронт отражать атаку, наступление белофиннов, выступивших на стороне Германии.

Октябрь 1941 г.

1. Письмо от 4 октября 1941 года.

Здравствуйте, Шура и все родные мои. Наконец я нашел возможность черкнуть вам несколько строчек о своей жизни. Живу пока я

ничего. Целую неделю был в непрерывных боях. Пока уцелел – имел только контузию, которая закончилась благополучно. Сергея я потерял в первом бою и о его судьбе ничего не знаю. Боюсь, что с ним дела плохи. Хардиков сейчас в другой части, и я остался один, правда, нашел новых друзей. Много всего испытал, но расскажу подробнее, когда вернусь. Ожидайте новых известий, вероятно, только не скоро, т.к. трудно выбрать время и возможность. Крепко всех целую. Живите дружной семьей и помогайте друг другу. Адрес пока не знаю. Привет всем.

4/X-41 г. Владимир. Город Кондопога. К.Ф. Сег.

Письмо написано карандашом на листке из школьной тетради в клеточку. Буквы в строчки большие, неровные. Тяжелые бои. Владимир Степанович принимает в них непосредственное участие как рядовой первой роты. Первые потери, пропал в боях его друг Сергей. Буквы в конце письма «К.Ф. Сег.» можно расшифровать как Карельский фронт. Сегеж.

2. Письмо от 22 октября 1941 года.

Здравствуй, Шура и все мои родные люди!

Снова даю вам весточку о своей жизни. Пишу вам это письмо в поезде. Наша часть в настоящее время отводится в тыл для кратковременного отдыха и переформирования. Распрощались с Карельскими лесами, болотами и озерами. Куда сейчас едем, мы не знаем, во всяком случае, дальше твоих родных мест. После короткого отдыха нас, очевидно, направят на другой участок фронта.

Я пока здоров, правда, вот уже целую неделю страдаю поносом. Но думаю, что это все пройдет. На дворе уже наступает свои права зима. Лучше бы, конечно, если бы дело шло к лету. Но ничего не поделаешь.

Как живете вы? Вот этот вопрос меня интересует больше всего. Ведь я не получал от вас никаких известий и беспокоюсь за вас. Здоровы ли вы? Как Валерик живет? Наверно, он уже забыл своего отца? Как работает мамаша и Нина? Что пишет отец? Каковы ваши условия жизни и материальная обеспеченность? Я повторяю, что в случае чего продавайте мои вещи. Интересно, есть ли какие известия от Сергея? Неужели он погиб? Спроси у Суровцева, не написал ли он ему что-либо.

Сегодня я побрился и расстался с бородой и усами месячной дав-

ности. Осталось еще помыться в бане, и тогда вовсе буду чувствовать себя человеком. Вот уж 2 ночи подряд вижу во сне, как я снова в вашем кругу, но, увы, пока это только сон.

Надеюсь, что придет день, когда это случится и не во сне. Что нового в Архангельске и в школах? Интересно, кто работает вместо меня в Рено?

В армии ли Костерин или все еще отсиживается в канцелярии? Заходит ли к вам Макс Оскарович? Передай ему мой привет. Ну, пока на этом закончу. Большой привет всем знакомым и друзьям. Крепко целую всех вас. Особенно Валерика. Напишите мне все по письмушку, авось, от кого-либо и получу. Пишите по адресу: Действующая армия. Полевая почтовая станция № 617, военная часть 1061 – мне.

С приветом любящий вас (В. Злобин). 22 октября 1941 г.

Письмо написано на вырванном из ученической тетради белом листке в косую линейку. Вырван листок не очень аккуратно. Письмо написано карандашом. Потчерк неровный. Чувствуется усталость, побрился первый раз за месяц. Часть возвращается для переформирования после боевых действий и потерю на передовой. Владимир Степанович болен. Предлагает, если что случиться с ним, продавать его вещи. Погиб его друг Сергей (Пенькин). Суровцев был директором 23-й школы, у него тоже был сын.

3. Письмо от 30 октября 1941 года.

Здравствуй, Шура!

Решил черкнуть тебе пару строк о своей жизни. Не знаю, получаешь ли ты мои письма, что же касается меня, то вполне понятно, что я от тебя, да и вообще от кого-либо, получить, конечно, ничего не могу. Не знаю, получила ли ты моё последнее письмо с дороги. На всякий случай повторяю, что сейчас наша часть отведена в тыл для короткого отдыха, после чего снова будем находиться на передовых линиях. Не знаю, куда нас направят. Сейчас мы расквартированы в одном совхозе Ленинградской области.

Привели себя в человеческий вид – вымылись в бане, побрились, занимаемся стиркой и тому подобными операциями. Живем хорошо. Плохо только, что ничего не знаю о вас. Как вы все живёте? Вот этот вопрос меня очень интересует, и я беспокоюсь о вас. Думаю, что в ближайшее время все же мне удастся получить хотя бы маленькую весточку.

Валерка, наверное, уже стал большой. Вероятно, важно разгуливает по комнате, тащит все, что плохо лежит, и начинает философствовать. Так бы и взглянул на него. Он, конечно, меня не признает, но как-нибудь я с ним подружился бы. Как дела у тебя с работой, и есть ли какие-либо изменения? А как живут ваши? Представь, ведь я ехал мимо Лумбы и невольно вспоминал наши злоключения. В какой школе работает мамаша, и довольна ли она? Как поживает Нина, и ездит ли она к вам? В общем, прошу вас всех написать мне хоть по три строчки, от кого-либо и получу и буду в курсе дела.

Скоро наступают праздники, а может быть, письмо – это письмо, ты получишь после них. Напиши, как вы проводите эти дни. Ещё раз прошу тебя следить за своим здоровьем и особенно наблюдать за Валеркой.

Береги себя. Я надеюсь, что вы все живёте дружно, и никаких недоразумений у вас не происходит. Если вы не будете выполнять моих наказов, то смотрите – плохо вам будет после моего возвращения. Ну, пока на этом заканчиваю. Крепко целую всех вас по очереди. Привет всем моим знакомым, которые не забыли меня и временами вспоминают; которые уже забыли – Бог с ними. Никаких приветов не передавайте. Владимир.

30 октября 1941 года (приписка в конце того же письма). Ещё раз сообщаю адрес: Действующая армия. Полевая почтовая станция № 617, воинская часть 1061 – мне. Жду ваших писем.

На письме печать «Просмотрено военной цензурой 13». Письмо написано на белом разлинованном листке бумаги синими чернилами. Сточки письма ровные, буквы мелкие. В.С. интересует жизнь в Архангельске, и как растет Валерка, который родился летом 1939 года. Никаких вестей из дому в октябре он не получал.

Ноябрь 1941 г.

Писем не было: шли бои.

Декабрь 1941 г.

1. Письмо от 12 декабря 1941 года.

Здравствуй, Шурика! Вчера я получил от тебя письмо 11 ноября с.г., а несколько дней тому назад получил и твою посылку, в общем, в

моё подразделении мне все завидуют изобилию писем, которое я получаю часто. Я получил, по-моему, от всех вас: 2 открытки от Нины, письмо от папаши, открытку от Макса и письмо от учениц 10-й школы. Всем написал ответы. В общем, я очень рад, что меня не забывают и держат в курсе всех событий дома. Большое спасибо всем вам. Особенно я внимательно читаю все, что вы пишете о Валерике. Я рад его успехам, но меня беспокоит, почему он ещё не говорит? Смотрите, чтобы к моему приезду он сумел мне отрапортовать обо всём. Папаша мне писал, что отправил мне валенки – не знаю, что с ними буду делать; а обратно отсыпал – так наверняка пропадут. Не присылайте мне тёплых вещей, а то у меня скоро склад их будет.

Ну, теперь пару строк о своей жизни. Нужно сказать, что мы последние дни очень довольны – наша операция закончена благоприятно: от немцев очистили район, где мы были, и несколько дней назад мы вступили в город Тихвин. Хозяйничанье немцев здесь, таким образом, закончено, и они поспешно отступают, бросая все, что им мешает удирать. Наша часть за успешное проведение всей этой компании назначена на охрану города, и мы сейчас несем гарнизонную службу в городе. Не знаю, долго ли это продолжится, но, во всяком случае, некоторый период времени мы немного отдохнем. В общем, очень приятно видеть, что немецкие фашисты потерпели здесь крупное поражение и побито их здесь много. Отдельные наши части продолжают гнать немцев дальше. Видишь, какие хорошие новости я тебе сообщаю. Я чувствую себя хорошо, никаких недомоганий или болезней не чувствую. В общем, жив и здоров, чего и вам всем желаю. Пишите только мне почаше письма.

Как у вас с топливом? Вы в случае чего обращайтесь в военную прокуратуру, Вам там помогут, если уж Райсовет ничего не хочет для вас сделать.

Ну, пока хватит. Передай привет всем знакомым. Крепко целую тебя и всех остальных. Купи Валерке игрушку – я скоро пошлю тебе деньги на подарок ему от меня. Твой Владимир. 12 декабря 1941 г., Тихвин.

P.S. Адрес мой – тот же самый.

Письмо написано на большом листке белой, сильно пожелтевшей бумаги с надорванным правым краем, частично разорванным посередине листе. Письмо написа-

но карандашом, крупными буквами, строчки не всегда ровные. Сообщается о крупной победе над немцами. взят город Тихвин. Переписка с фронтовиками учениц 10-й школы.

2. Письмо от 19 декабря 1941 года.

Здравствуй, Шурика!

Решил снова черкнуть тебе несколько строк о своей жизни. Так, сообщаю тебе, что наш кратковременный отдых кончился, и завтра мы покидаем Тихвин и отправляемся опять на фронт. Мы будем действовать снова на том же участке фронта, где были осенью. Большую часть пути, а быть может, и весь путь, мы пойдём пешком. Сейчас готовимся к походу.

Писем не от кого я давненько не получал, вероятно, скоро должен получить, ибо я надеюсь, что вы мне пишете регулярно.

Как вы все живёте и как ваше здоровье? Как растёт Валерик? Он ведь уже большой стал. Хочется повидать всех вас, но об этом пока думать рано – нужно сначала разгромить врага.

Живу я хорошо. Здоров. Самочувствие хорошее. О Сергее, значит, никаких известий нет? Следовательно, с ним что-то случилось. Вероятно, он остался там. В общем, нужно подождать. Быть может, что-либо узнаем. Думаю, что дело не безнадежно.

Это письмо вы получите, вероятно, уже в следующем, 1942 году. Поздравляю всех вас с Новым годом и желаю счастья. Привет всем знакомым. Целую всех вас; тебя дополнительно ещё раз целую.

Твой Владимир. 19/XII-41 г. Пиши, жду писем.

P.S. На днях перевёл тебе немножко денег, купить что-нибудь Валерику.

Письмо написано синими чернилами, ровным почерком, строчки ровные, буквы ровные. Почерк у В.С. очень аккуратный, слова разборчивые, легко читаются. Часть готовится к новому походу на передовую. Весь путь придется идти пешком. Опять вопросы о пропавшем в боях друге Сергее. (Имеется печать: «Просмотрено военно-полевой цензурой»).

3. Письмо от 30 декабря 1941 года.

Здравствуй, Шура!

Снова пишу тебе письмо, хотя от тебя давненько не получал писем. Надеюсь, что на днях я получу от тебя письмо, так как за почтой

вчера уехали. Получаешь ли ты мои письма? Я послал их много. Последний раз я писал тебе перед отъездом из Тихвина. В настоящий момент мы находимся на новом участке фронта, правда, ещё не на передовой линии, а в прифронтовой полосе. Здесь мы готовимся к новым боям с белофиннами.

Живу я хорошо и чувствую себя тоже хорошо. Если бы ещё получать от вас письма – то было бы ещё лучше.

А как живёте вы? Как дела у Валерика? Много ли он говорит? Наверное, стал большой и забыл своего отца! Ну ладно, если это так, то он пожалеет об этом. Думаю, что мы с ним как-нибудь сладим.

Что нового у вас? Достали ли вы дров?

Если ты встретишь длинного Жору, то поругай от моего имени, во-первых, за то, что ничего мне не пишет, во-вторых, за то, что не оказывает вам никакой помощи в ремонте и исправлении всех электрических, радиодефектов. Что интересного делается в институте?

А как живет мамаша с Ниной? Что пишет Женя? В общем пишите обо всём. Через день будет новый год. Желаю вам в Новом году всего хорошего и наилучшего. В 1942 году, безусловно, мы увидимся и побеседуем обо всём. Сегодня я переведу на твоё имя немного денег. Получишь – напиши. Мне деньги совершенно не нужны, а тебе они пригодятся. Обязательно купи Валерику от меня подарок. Да, не забудь сказать Жоре, чтобы он взял в Институте мою зачетную книжку у А.Х. Она там может затеряться, а мне она ещё пригодится.

Что слышно о Сергееве? Если никаких известий нет, то значит, он пропал без вести. Ещё я прошу тебя, чтобы Вы получили в 10-й школе все №№ (номера) журнала «Техника молодёжи». А наверно, выпишать на 1942 год этот журнал Вы забыли? Ну что с вами поделаешь.

Я очень рад за то, что ты бросила курить. Поздравляю тебя. А может быть, это уже не так? Смотри! Ну, пока закончу! Жду твоих писем! Крепко целую всех вас! Твой Владимир. 30 декабря 1941 г.

Р.С. Посылаю тебе песенку. Она очень понравилась нам всем. Думаю, и вы посмеётесь над ней. Пиши скорее.

Письмо написано на большом листке пожелтевшей бумаги, карандашом, но ровным, аккуратным почерком. Много вопросов о жизни в Архангельске. Опять вспоминает 10-ю школу и журнал «Техника молодежи». Постоянно спрашивает о сыне Валерке, как он развивается, и очень беспокоится, чтобы он не забывал отца. Опять вопросы о другом Сергееве, который пропал без вести.

3.2. Письма 1942 года

Январь 1942 г.

1. Письмо от 10 января 1942 года.

Дорогая Шура! Получил сегодня твоё письмо с «приложением». Благодарю тебя за присланный, очень дорогой для меня подарок. Невольно вспомнил этого карапета, правда таким, каким я его знал. Представить себе, какой он есть сейчас, – очень трудно. Даже фотография, на которой это трудно не узнать, уже имеет годовую давность. А за год он ёщё больше изменился, вырос. Я для него, конечно, пустой звук. Это не особенно приятно сознавать, но ничего не поделаешь.

Я зато уверен, что остальные близкие мне обо мне помнят хорошо. Всё мечтаю, как после победы над врагом мы с тобой снова встретимся. Это будет очень радостный день! И этот день уже не за горами. Тогда с тобой обо всём подробно поговорим, снова устроим хорошую жизнь и вознаградим себя за всё. Так будем уже ожидать этот день и делать всё, что от нас зависит, для того, чтобы его приблизить.

Сегодня вместе с твоим письмом совершенно неожиданно получил письмо от Нины. А я вовсю ругался за её долгое молчание, оказывается, иногда это полезно. Конечно, я в долгу перед ней не останусь и сегодня же напишу ей ответ. Ты пишешь, что приехал Петька. Неужели он ёщё околачивается дома? Как у них с Надеждой дела? По-моему, они достойны друг друга и я им, конечно, не завидую.

Нина писала мне, что ты немножко прихврнула. Как сейчас твоё здоровье? Смотри, внимательней относись к себе и береги своё здоровье. Который раз я уже об этом тебе говорю! Наверное, тебе это уже надоело, и ты про себя думаешь – вот старый ворчун привязался. Однако ты сама в этом виновата, так как не выполняешь моих указаний, и поэтому я, совсем как старый Мельник из «Русалки», должен «вам твердить сто раз». Ну, это письмо подзадержалось малость, как говорится, по вине отправителя. Начал писать, а кончую уже через 3 дня. Правда, моей вины особенно здесь нет. Так уж сложились обстоятельства, что пришлось заниматься другими делами. Главное всё уж в том, что, как видишь, начатое дело довожу до конца. Я думаю, ты особенно не будешь обижаться за эту задержку в ответе. Ожидаю твоего письма с описанием встречи Нового года у вас. Конечно, вы, наверное, кое-что схлопотали. Мамаша, наверное, опять, как в недалеком прошлом, немного «тянула» (как Нина говорила), конечно, за компанию, и вы с Ниной тоже не отстали, и тоже «чикурыкнули».

Я уже писал тебе, что послал перевод. Получила ли ты его? Как идёт твоя работа? Наверное, приходится много работать? Скоро ли будешь защищать докторскую диссертацию? Надеюсь, что к этому торжественному дню я буду вместе с тобой. Пиши мне обо всём, что у вас нового. Пока закончу. Привет всем! Крепко тебя целую. Твой Владимир.

10 января 1942 г.

Письмо написано на двух листках, вырванных из школьной тетради в линейку. Написано, как будто смешанными фиолетовыми чернилами с добавкой черных чернил. Комментирует письма из дома: в частности, семью сестры Шуры – Надежды, которая замужем за Петром Пашенко, что работает на «Красной кузнице». Удивлен, что он еще не вступил в Армию, как он. Осуждает их поведение. Шура (Александра Ивановна Злобина) не только работает, но и занимается научной работой в медицинском институте – АГМИ, возможно, планировалась защита диссертации.

2. Письмо от 12 января 1942 года.

Здравствуй, Шура!

Вот уже целый месяц я не получаю от тебя никаких известий. Между тем я писал тебе много писем. Кроме того, я посыпал письма и Нине, и мамаше, но никто из вас не удосужился написать мне хотя бы несколько строк. Не знаю, чем это объясняется. Не допускаю

мысли, чтобы вы не получили ни одного моего письма. Этого не может быть. В общем, мне очень печально видеть, что мне не хотят написать близкие для меня люди. Я получил только за этот период письмо от папы и посылку от него. Он послал мне валенки, варежки, носки, бритвенный прибор и другие вещи. Я не знал, куда мне деваться с валенками, ведь таскать с собой валенки – невозможная вещь. Я их продал и перевел по почте папе 200 рублей. Пусть хоть его затраты возместятся.

Накануне нового года я послал также и тебе 200 руб. Получишь их, так напиши. Мне, конечно, деньги совершенно не нужны. Каждый день я ожидаю писем от вас, но всё безрезультатно. Очень беспокоюсь, не случилось ли что-либо с вами. В общем, не могу понять почему вы не пишите мне.

Получили ли вы мои письма из Тихвина и более ранние, которые я послал? В общем, я тоже не буду вам больше писать, пока не получу от вас письма.

Живу я все так же. Нахожусь теперь на другом фронте, правда, в данный момент не на передовой линии. Готовимся к новым, предстоящим в недалеком будущем, боям. Пока здоров. Не хватает мне только писем от вас.

Как вы все там поживаете и что у вас нового? Как Валерик и кавовы его успехи? Да вообще меня интересует всё, что вас касается. Чертните хотя бы пару строк. Как живут Анна Степановна и Иван Никандрович? Передай им от меня привет. Как идёт твоя работа, и как ты себя чувствуешь? Как живёт Нина, бывает ли она у вас? В общем, напиши понемногу обо всех. Сейчас, вероятно, в школах каникулы и мамаша отдыхает. Пусть она напишет о школьных делах. В общем, учтите – я больше вам писать не буду до тех пор, пока не получу от вас письма. Привет всем.

Крепко целую. Твой Владимир.

12 января 1942 г.

Адрес тот же: П.П.С. номер 617, воинская часть 1061. Комендантский взвод – мне.

Письмо написано на двух листках, вырванных из школьной тетради в клеточку, черными чернилами. Почерк ровный, аккуратный, что говорит о спокойной обстановке. Беспокоится о «семейных» делах и просит писать чаще. Вспоминает Анну

Степановну и Ивана Никандровича – отца и мать супруги Шуры, которые жили в Порозове Вологодской области, где он был в гостях и где ему очень понравилась. Нина – родная сестра В.С. Мамаша: Пустохина Л.А. – учительница.

3. Письмо от 20 января 1942 года.

Здравствуй, Шурика!

Прежде всего, я извиняюсь перед тобой и всеми вами за ругательное письмо, которое я отправил тебе несколько дней назад. Я ничего не получал от вас и начинал думать черт знает что. Ну, я думаю, что ты поймёшь, что каждое письмо от дорогих для меня людей мне доставляет большую радость, и наоборот, отсутствие писем очень огорчает. Так вот, вчера я получил сразу два письма (твое и Нины) и 3 открытки. Сразу я узнал о вашей жизни. Очень благодарю вас за письма.

Я очень рад, что вы живёте хорошо и главное – дружно. Бедный Валерик немножко болел, но, если он поправился – значит, хорошо. Очень хочу иметь его фотографию. Пришли мне её. Я тебе написал несколько писем. Надеюсь, ты их получила все. Кроме того, я перёвл тебе 200 руб. денег. Получишь их – так напиши. Я ещё пошлю. Писал я тебе, что я получил посылку от папаши – валенки и др. вещи. Я валенки продал и деньги (200 руб.) перевел ему. Пожалуйста, не беспокойтесь с такими посылками (тёплые вещи), ибо всем необходимым нас, бойцов, снабжают и у меня всё есть.

Что написать о моей жизни? Могу сообщить, что я живу хорошо. Вполне здоров. Нахожусь пока всё на том же месте. Больше, пожалуй, и написать нечего. Потом уж когда-нибудь подробно расскажу обо всём. От Жорки я не получил ни одной строчки. Очевидно, они забыли о моём существовании. Ну ничего, рассчитаюсь я с ними позднее.

В одном письме тебе я послал одну забавную песенку. Не знаю, получила ли ты? Как вы обеспечены дровами и как ваши жилищно-бытовые условия? Интересно, какие успехи делает Валерка? Как вы все живёте? В общем, прошу писать почаше.

Значит, Костерин, наконец, тоже пошёл по моим стопам? Это хорошо. Очень прошу тебя беречь себя и Валерку. Я надеюсь, на твоё благородное и думаю, что ты обратишь на это самое серьезное внимание. Ну, пока кончу. Крепко целую тебя. Поцелуй за меня Валери-

ка и всех остальных. Нине и мамаше я письма тоже пишу. Большой привет им, Ю.И., Максу, Н. Садовской и вообще всем знакомым, не забывающим меня.

Не забудь написать большой привет от меня в Порозово.

Твой Владимир. 20 января 1942 г.

Письмо написано карандашом на двух сторонах одного листка серой бумаги А4 формата, ровным аккуратным почерком. Очень беспокоится о жизни семьи в Архангельске, переслал отцу 200 рублей от продажи валенок (посылки от отца). Писать о своем положении, здоровье и условиях жизни, видимо, нельзя, обещает рассказать все потом.

Февраль 1942 г.

1. Письмо от 5 февраля 1942 года.

Здравствуй, Шура! Сегодня я, как это ни странно, получил от тебя письмо. От 23.11 сего года и одновременно с ним 2 открытки от папы ешё более старые от 3.11. и 16.11. Очевидно, эти письма где-то долго задержались, так как я уже давно (около полмесяца тому назад) получил от вас более позднее написанные письма. Во всяком случае, я очень рад, что получил эти письма. Я уже давненько от вас ничего не получал и, надеюсь, что в ближайшие дни опять получу от вас письма. Получила ли ты мои письма, их я писал тебе много. Интересно, получила ли ты мой перевод (200 рублей). Я хочу послать тебе деньги, но пока не получу от тебя сообщения о получении первого перевода, посыпать не буду.

Очень доволен, что вы пока живёте хорошо. Ваши успехи радуют. Очень смеялся я над успехами «часовых дел мастера» Валерика. Он, очевидно, ведёт себя героем и делает ряд успехов. А интересно, как он говорит, или ешё не разговаривает? Ведь ему бы пора говорить свободно, насколько я себе представляю. В общем, я, безусловно, надеюсь, что он находится под наблюдением и за его воспитание не беспокоюсь. Очень хочу получить фотографию твою и Валерика. Наверно, эта фотография уже в одном из писем совершает путь до моего месторасположения.

А что нового в вашей жизни? Не притесняют ли вас с квартирой, и есть ли у вас дрова? Пожалуйста, напиши мне об этом.

О себе я, пожалуй, много писать не буду. Живу я хорошо, жив и здоров. Никаких изменений пока нет. Вы уж пока удовлетворяйтесь такими скучными сведениями, а уж когда возвращусь к вам, так уж тогда расскажу всё подробно. Каждый день ожидаю от вас писем. Работать приходится много, ибо иначе нельзя. Ты спрашиваешь, в чём я нуждаюсь. Могу сказать, что всё необходимое у меня есть, и я ни в чём не нуждаюсь – ведь о нас, бойцах, заботится вся страна и мы обеспечены всем необходимым.

Конечно, хочется увидеться с вами, но пока об этом думать нечего. Вот когда все бешеные собаки фашизма будут уничтожены, тогда это можно будет осуществить. Интересно, окончил ли Жорка институт, и много ли выпустили? Узнай у него, если встретишь. Как живёт Нина и мамаша? Получили ли они письма? Я им писал тоже. Ну, пока закончу. Жду твоих писем. Передай привет всем моим знакомым. Есть ли известия от Сергея? Крепко целую тебя и всех вас. Твой до конца Владимир. Северо-Западный фронт.

5 февраля 1942 г. Пиши чаще.

Письмо написано химическими чернилами на листке из конторской книги, разлинованной на четыре раздела. В письмах В.С. на первом месте отчет о полученных письмах. Полевая почта работает в сложных условиях, миллионы солдат ждут вестей из дома, а там дома все ждут вестей с фронта. Заботой В.С. является маленький сын Валерка, проблемы с квартирой. Вспоминает друзей. По законам военного времени о себе, своем положении, он сообщить не может.

2. Письмо от 9 февраля 1942 года.

Здравствуй, Шура! Сегодня я получил твое письмо от 12/1 и, признаться, ничего не понял. Ты пишешь, что мамаша куда-то переехала, куда – неизвестно. Твоего предыдущего письма я не получил, очевидно, ты в нем описывала об этом подробно. Куда она переехала и почему? Или ей предложили переехать, или у вас какая-либо перестройка с квартирой? Может быть, администрация вам предлагает уплотниться? В общем, я порядочно расстроился из-за этой истории. Напиши подробнее о ваших квартирных делах. Во всяком случае, выселить вас не имеют права, и в случае чего ты обратись в прокуратуру за содействием.

Одновременно с твоим письмом я получил два письма от папы. Письмо от мамаши и 2 открытки от Нины. В общем, для меня сегодня

праздник. Правда, твое письмо меня встревожило, а в письмах Нины и мамаши о переезде нет ни одного слова. Получила ли ты перевод? Я о нем писал тебе в предыдущем письме. Переводил я тебе 200 рублей. Когда получу известие, что ты его получила, то еще переведу. Кроме того, ты пишешь, что ещё в добавление ко всему ты заболела – этого еще не хватало. Пожалуйста, береги свое здоровье, ты это сделать можешь. Очень ожидаю обещанную фотографию Валерика. Он, наверное, так изменился, что его мне и не узнать, а уж меня он и вовсе не признает. Если это так, то придется принимать строгие меры, а какие – пока не скажу. Хорошо, что вы информируете меня о его развитии и успехах. Очень бы хотелось его увидеть, но пока буду довольствоваться фотографией, которую надеюсь получить. Жорка длинный, следовательно, сдает госэкзамены и теперь, наверное, уже сдал. Как я ему завидую! Поздравь его от моего имени. Правда, я на него обижен за то, что не хочет мне ни слова черкнуть. А на ком женился другой Жорик?

О своей жизни много писать нечего, она идет пока без всяких изменений. Находимся мы все пока на одном месте. Чувствую себя хорошо. Окружающие говорят, что я стал лучше выглядеть и даже пополнел.

В общем, обо всем подробно я уже тебе расскажу, когда вернусь домой, если со мной ничего не случится. Будем надеяться, что так, ибо я побывал уже во многих переплетах.

Так вот, напиши мне подробнее о переездах и их причинах. Или это произошло по вашим «внутренним соображениям». Смотрите, как бы не было хуже. Пока на этом закончу. С нетерпением жду от тебя писем. Пиши обо всем и чаще. Все ли ты получила мои письма? Привет всем. Крепко целую. Твой Владимир. 9 февраля 1942 г.

Письмо, как и предыдущие, написано также на листке из конторской книги А4 формата, фиолетовыми чернилами, но как бы другим пером, без нажима. Чернила фиолетовые, но более бледные (разведённые водой). Письмо посвящено обсуждению бытовых проблем в Архангельске.

3. Письмо от 13 февраля 1942 года.

Здравствуй, родная Шура!

Получил сразу 3 твоих письма и узнал целую кучу новостей. Нужно тебе сказать, что я очень расстроился, прочитав твои сообще-

ния о всяких неудачах, которые у тебя произошли. Особенно меня волнует квартирный вопрос, те разговоры, которые с тобой вели на счет квартиры и дров. Очень плохо, что нет Костерина. Новый же зав. – очень важный человек, на особое сочувствие которого рассчитывать не приходится. Не знаю, как они поставили перед тобой вопрос. Во всяком случае, если они настаивают на перемене комнаты, то особенно возражать, по-моему, не стоит, конечно, при условии предоставлении хорошей комнаты. Если уж они будут предлагать явно не устраивающую тебя комнату, то ты не соглашайся и добивайся оставления здесь.

Ты должна написать об Указе, который запрещает выселять семьи мобилизованных, и обратиться за содействием в советские и партийные организации и в крайнем случае – к прокурору. То же самое и насчет дров. В случае чего сходи в Райисполком и обратись за содействием. Тебе поможет во всех этих вопросах Ката, она тебе научит к кому обратиться. Попроси ее от моего имени. В общем, я надеюсь, что ты сумеешь отстоять свои права. В крайнем случае напиши мне обо всем, я тогда обращусь к командованию и попрошу написать обо всем этом от их имени. Надеюсь, что ты все это сделаешь. Напиши мне подробней обо всем. По этим вопросам попроси хлопотать и мамашу, она тоже даст ценные указания. В общем, держись. Я не ожидал такого плохого отношения к тебе со стороны администрации. Ну, тем хуже для них...

Очень рад был получить в одном из писем фотографию Валерки. Ох, какой он стал замечательный парень! Прямо прелесть. Я его совсем не таким представлял и, конечно, не узнал. Где уж ему меня узнат... Спасибо за эту посылку. Теперь хоть имею представление о нем. Хороший он, видимо, парень. Неужели еще до сих пор ничего почти не говорит? В чем дело? Ты его устраиваешь в детсад? Это, с одной стороны, хорошо. Не знаю, удастся ли тебе его устроить, ведь по возрасту он мал. Там ему, конечно, было бы лучше. Жаль, что все это происходит без меня, я бы в два счета все сделал, но, как видишь, люди не сочувствуют твоему положению. В общем, если придется, то я сумею их всех «отблагодарить» за все. Ю.И., по-моему, нужно отстаивать во всяком случае. Одной тебе не управиться. Конечно, тебе виднее, как решишь, так и сделай.

О себе много писать нечего. Больших изменений в моей жизни нет, не считая того, что меня перевели в другое подразделение той же части. Начитаю привыкать на новом месте. На днях получил от папы и посылку. Посланные им папиросы мы с большим удовольствием курим.

Получил сегодня также 2 открытки от мамаши. В общем, спасибо всем за то, что меня не забываете. Сегодня нам вручили подарки, полученные от коллектива Кизельской ГЭС. Отправили им ответное письмо, которое разработал я. Значит, ты получила мой привет. Это хорошо. На днях я снова переведу тебе такую же сумму. Не знаю, как теперь у вас со снабжением. Неужели улучшения нет? Думаю, что ты мне напишешь. Пока на этом закончу. Жду твоих писем. Крепко тебя целую! Твой Владимир. Привет всем родным. 13 февраля 1942 г.

Мой адрес: П.П.С. № 617. 1061 строевой полк, 5-я рота – мне. Пиши.

Письмо написано на таком же листке из конторской книги, что и два предыдущих. Листы бумаги, по-видимому, вырваны из какой-то «учетной» книги. Письмо большое по объему, посвящено обсуждению проблем дома в Архангельске: с квартирой, с сыном Валеркой.

4. Письмо от 15 февраля 1942 года.

Здравствуй, Шура!

Вчера я отправил тебе письмо, которое, я надеюсь, ты получила, а сегодня я снова тебе пишу. Дело в том, что мой адрес снова немного изменился. Это произошло по той причине, что нумерация некоторых подразделений изменилась, и наша рота теперь именуется 9-й. Вот только и все изменения. Ты мне пиши по адресу: ППС № 617, 1061 строевой полк, 9-я рота – мне. Правда, полевой наш почтальон меня хорошо знает, и мы с ним приятели, но все же во избежание путаницы лучше писать правильно. Вот о чем я хотел тебе сообщить. Напиши об этом папе, а то я ему тоже писал до этого изменения. Я ему сам, конечно, напишу, но, быть может, он из твоего письма узнает об этом раньше.

Очень благодарен тебе за присланную фотографию Валерика. Очень уж она мне нравится, да и не только мне, а всем, кому я ее показывал. Я часто достаю ее и смотрю на его изображение. Как мне хочется его увидеть!

Ты писала мне, что пошлешь еще одну карточку. Буду ждать. Хотелось бы иметь твою карточку. Одна у меня есть — та, которую ты приносила в Лахту.

Как устроились твои квартирные и хозяйственные дела? Или еще нет? Напиши подробнее. То же самое и про твои хлопоты насчет устройства Валерика в детский сад. В общем, я жду твои письма.

Про себя мне писать, пожалуй, нечего, кроме того, что я писал выше, в начале письма. Чувствую себя хорошо. Все время вспоминаю, как жили мы до моего отъезда. Какое это было хорошее время! Я все же надеюсь, что мы снова сберемся все вместе.

Ну ладно. Пока на этом закончу. Привет всем родным и знакомым.

Крепко целую. Владимир.

15 февраля 1942 г. Жду твоих писем.

Письмо написано на листке из той же учётной конторской книги, но более краткое. Произошло переформирование, и соединение, в котором оказался В.С., стало именоваться 9-й ротой.

5. Письмо от 27 февраля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Щура! Сего дня я вновь получил твое письмо с вложенной фотографией № 2 моего наследника. Очень благодарен тебе за это письмо и за фотографию. Она мне очень понравилась, правда, первая лучше. В общем, спасибо. К сожалению, из твоего письма я не узнал, как устроились твои квартирные дела, я об этом часто думаю и беспокоюсь. Ты не соглашайся ни в коем случае, если тебе не предоставят комнату, тебя удовлетворяющую. Как жаль, что меня там нет. Но я надеюсь на твое благородумье и настойчивость. В отношении детсада — не выходит, так и наплевать. Как-нибудь до лета Валерик дома поживет, а там его устроить будет легко. Насчет покупок всяких — я думаю, пока можно воздержаться. Старайся лучше питаться, а приобрести «инвентарь» никогда не поздно.

Завтра, если представится возможность, я схожу до почты и отправлю тебе денежный перевод на такую же сумму, а то у меня опять деньги скопились, а девать их некуда все равно.

На днях я получил несколько писем от папы. В одном из них он выражает большую обиду на меня за то, что я перевел ему деньги.

В общем, он на меня обиделся, и я написал ему письмо с выражением признательности, которую я всегда к нему питал. В последнем письме он писал мне, что решил этот перевод направить тебе, а вчера я получил от него письмо, где он сообщает, что купил мне часы ручные на эти деньги. Вот действительно – заботливый человек! Я очень благодарен ему за его постоянные заботы обо мне. Пишишь ли ты ему хоть изредка? Правда, он мне сообщает, что получает твои письма.

Как живут мамаша и Нина? Как здоровье Ю.И.? Интересно, жив ли мой велосипед, или Валерка его разобрал на составные части, как будильник? Ведь от этого механика можно всего ожидать! Очень хочется увидеть всех вас!!! Но пока об этом мечтать не приходится. Живу вашими письмами, которые перечитываю по нескольку раз.

О себе, пожалуй, много писать нечего. Пока жив и здоров. Чувствую себя хорошо. Ни в чем нужды не терплю, все у меня есть, не хватает только вас. Спасибо, что помните обо мне и частенько сообщаеете о своей жизни.

Несколько дней назад мы отмечали свой праздник – 24-ю годовщину РККА. Бойцы, в числе которых был и я, получили подарки от рабочих. В общем, о нас заботятся все.

Не получено ли каких известий о Сереге? Неужели он пропал? Я о нем часто думаю... Вернусь – расскажу, как все это произошло. В общем, прошу тебя писать мне обо всем. Ты знаешь, что я всегда жду писем, и день получения их для меня – праздник.

Пока на этом закончу. Привет всем родным и друзьям. Крепко целую. Любящий тебя Владимир. 27 февраля 1942 г.

Письмо написано на листках, не очень аккуратно вырванных из учетной книги. Заботы и беспокойство о проблемах семьи. Опять вопрос о Сергееве Суровцеве, который пропал без вести в первых боях.

Март 1942 г.

1. Письмо от 6 марта 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня я получил от тебя 2 открытки, из которых узнал, что ты давненько не получала от меня писем. Думаю, что за это время ты получила несколько, я ведь регулярно

тебе пишу. Несколько дней тому назад я перевёл тебе небольшую сумму денег (175 руб.). Думаю, что они тебе пригодятся. Через месяц снова смогу (если представится случай) опять перевести тебе немного денег. Мне, безусловно, здесь деньги не нужны.

Из твоего письма я узнал, что дело у тебя осложнилось в связи с болезнью Ю.М. Ты решила отправить Валерку в деревню. Это, конечно, с одной стороны, очень хорошо, но вместе с этим и плохо. Во-первых, ты будешь без него скучать. Во-вторых, я опасаюсь, как бы это не вызвало некоторых квартирных изменений. Вряд ли тебя оставят одну в этой комнате. Правда, меня пока со счетов списывать нельзя. Я думаю, что ты сумеешь защитить свои права. Если будут предлагать в обмен другую комнату, которая тебя устроит, то это можно сделать. В общем, я полагаюсь на тебя.

Как же ты будешь жить совершенно одна? Это меня очень интересует. Может, вам лучше с мамашей вместе снова жить? Или нет? В общем, напиши, как это все разрешится. Когда думаешь ехать с Валеркой? Не растеряешь ли во время поездки все наше нехитрое имущество? В общем, как видишь, вопросов возникает много. Одновременно с твоими открытками я получил письмо от мамаши и Жорки длинного. В общем, из всех этих писем узнал я много новостей. Напишу им ответ. Я писал тебе в предыдущем письме, что папаша купил мне ручные часы. Вот уж я ему очень за это благодарен. Ведь ты знаешь, что часы я давно мечтал приобрести.

Давненько уже мы с тобой расстались. Когда снова встретимся? Сказать трудно. О своей жизни мне писать много нечего. Есть новость — меня приняли в кандидаты ВКП(б). Правда, ещё утверждения ДПК не было, но я надеюсь, что утвердят. Это для меня большое событие. В остальном я живу все так же и все там же. Жив и здоров. Вот, пожалуй, и всё. Через некоторое время, ты, вероятно, не забыла, будет мой «юбилей». К сожалению, в этом году мы его не отметим в кругу своих родных и друзей. Ну что поделаешь! Как живёт Нина и бывает ли она у тебя? Что ей пишут друзья? Интересно, как поживают Надежда и Петро? Или всё дурака валяют? В общем, постарайся ответить мне на все вопросы. Пока на этом закончу. Жду твоих писем. Привет всем. Крепко целую. Твой Владимир.

6 марта 1942 года.

раз благодарю тебя за присланное. Нужно ли говорить, что мне она очень понравилась, ведь твое изображение очень дорого для меня, ибо с тобой у меня связано лучшее в моей жизни. А помнишь обстоятельства, при которых ты мне подарила свою первую фотокарточку? Было это перед твоим отъездом в пионерский лагерь. Я все это очень хорошо помню, наши первые встречи, первые прогулки. В общем, начинаю вдаваться в сентиментальности.

Теперь насчет твоих шагов в отношении комнаты. Знаешь, что я считаю: конечно, не нужно соваться в первую попавшуюся конуру. Мы с тобой многое помучились в свое время, и хочется, в конце концов, устроиться более или менее сносно. Поэтому не спеши с окончательным выбором, не забивайся в какую-либо дыру, да еще где-либо на Обводном канале. Не нужно идти по линии наименьшего сопротивления. В общем, я лично пришел к выводу (конечно, рано еще о таких вещах думать), что если мы с тобой не сумеем устроить свои эти жилищные вопросы, то вообще рас прощаемся с этим городом. Ну правда, еще не время так ставить вопрос, вообще сейчас еще нельзя выдвигать личные вопросы, но все же я для твоего сведения это пишу. Думаю, ты меня в этом вопросе понимаешь хорошо».

И далее: «Получил сегодня открытку из Порозова. И.Н. (Иван Никандрович) пишет мне, что все они живут хорошо, Валерка здорово вырос и чувствует себя прекрасно. Надеюсь, что летом следующего года ты будешь вместе с ним, конечно, если все устроится.

Пиши мне, дорогая, как здоровье, как отметила эти праздники. В общем, жду от тебя как всегда подробного, обстоятельного письма. Посылаю тебе открытку с приветом. Большой привет Нине, маме, моему племяннику, Надежде и другим твоим друзьям. Если встретишь Жорку, поругай за его недисциплинированность – не пишет бродяга уже давно. Конечно, дел у него много друзей и подруг еще больше, ну его дело. Крепко тебя целую. Твой Владимир».

На следующий день после написания этого письма, 8 ноября 1943 г., его супруге Александре Ивановне исполнилось 29 лет.

Без комментариев понятно, что Владимир Степанович – настоящий патриот своей страны, ответственный человек, убежденный коммунист. Таких людей невозможно победить!

Письмо на листках из конторской книги. В.С. беспокоит квартирный вопрос в Архангельске, получение отдельной комнаты для его семьи. Сорок второй год – сложное для страны время. Неожиданно возникает вопрос: куда уезжать из Архангельска? Обращает на себя внимание фраза в письме: «Давненько уже мы с тобой расстались. Когда снова встретимся? Сказать трудно». Вместе с тем большое событие: В.С. приняли в ВКП(б)!

2. Письмо от 10 марта 1942 года.

Здравствуй, Шурочка!

Вчера я снова получил от тебя 2 открытки. Очень благодарю, что ты мне довольно регулярно пишешь. Но меня удивляет, почему ты так долго не получаешь от меня писем? Ведь я их тебе посыпал не мало. Надеюсь, что сейчас ты их давно получила. Я писал тебе и о том, что получил посланные тобой фотографии Валерика, за которые очень благодарю тебя, ибо они доставили мне большую радость. Писал я тебе и о том, что перевел тебе маленькую сумму денег. Быть может, пригодятся тебе. Тем более, что ты собираешься ехать с Валеркой, так они хоть для дороги будут нужны. Как ты поедешь туда? Дороги сейчас трудные. С кем отправишь вещи? А может быть, за это время ты уже съездила?

Одновременно с твоими открытками получил я письмо от В. Плотникова. Сегодня собираюсь ему написать письмо. От Нины и папаши что-то давненько не получал известий. Но считаю, что скоро получу.

Живу все так же. Я писал тебе в последнем письме о событии, которое произошло в моей жизни. Сейчас у меня в связи с этим прибавилось работы. В общем, день уплотнен.

Скоро кончится зима. Время, в общем, течет своим чередом. Получаешь ли ты письма от Апатия? Интересно, как он живет. Наверное, все так же. У них ведь там спокойно.

С удивлением из твоего письма я узнал, что Петро с Надеждой взяли отпуск и уехали в Порозово. Интересно, как это им удалось? Вообще не понимаю, как он до сих пор отсиживается! Есть уж люди, которые всякими путями стараются увильнуть от всех событий. В общем, я презираю его сейчас еще больше.

Как устроились твои квартирные дела? Или все осталось по-прежнему. Как чувствует себя Ю.И.? Жду твоих сообщений по всем

этим вопросам. Я со своей стороны пишу тебе регулярно. Не знаю, почему ты долго не получала мои письма. Наверное, получишь сразу целую пачку.

Ну, пока кончу. Привет всем родным и знакомым. Крепко целую тебя.

Твой Владимир.

10 марта 1942 г.

Письмо написано на листке из конторской книги учета. Упоминается фамилия Плотникова. Кто такой Апатий? Осуждает поездку сестры своей супруги – Надежды и ее мужа Петра в Порозово к родителям. Отсиживаются в тылу. Там в это время находился и я, Вовка, их сын. Петр Пащенко работал на заводе «Красная кузница», где ремонтировали военные суда, и у него была броня.

3. Письмо от 24 марта 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Давненько не получал твоих писем, да видимо, еще продолжительное время не получу. Это потому, что у нас сменился почтальон, новый меня почти не знает, и ваши письма могут долго блуждать, пока я их не получу. Вы, вероятно, не указываете в адресе 9-ю роту. Попрошу указывать, тогда я буду скорее получать письма.

Последнее письмо я получил от мамаши дней 8–10 тому назад. Из этого письма я узнал, что вопрос с Валеркой пока решается в сторону оставления его дома до лета, когда можно будет его направить в детсад. С одной стороны, я, пожалуй, доволен, что он останется с тобой, хотя это связано с рядом затруднений для тебя. С другой стороны, я много думал об отъезде в Порозово. Признаться, мне несколько показалось обидно за такое решение. Я согласен с тем, что с двумя ребятами тяжело и справиться трудно, но почему нельзя было иначе решить вопрос? Ведь Вовка гораздо старше, и его можно было отправить к родителям, которые могли поместить бы его в детсад.

А то они живут, ни о чем не думают, щебечут, как птички, а ты находишься совсем в другом положении, про меня – и говорить нечего. Не правда ли, что это немножко странно. Казалось, можно было бы большее преимущество выделить для Валерика.

Ну ладно. Ничего не поделаешь. Я думаю, что ты как-нибудь перебьёшься до лета, надеюсь, что тебе во всех этих вопросах поможет мамаша, я ей писал об этом. В крайнем случае, если обстоятельства

будут складываться так, то перевези Валерку к папаше, он уж, конечно, не откажет ни в чем (в Устюг!). Думаю, что ты как-нибудь этот вопрос разрешишь и напишешь мне. Как обстоят дела с квартирой, не беспокоят ли тебя? Как здоровье твое и Валерика? Напиши мне обо всем. Получила ли ты мои предыдущие письма? Думаю, что должна получить все.

Перевел я тебе месяц тому назад 170 руб. Получила ли ты их? В этот месяц не удалось тебе послать перевод по некоторым причинам. Но в следующий месяц обязательно пошлю.

О своей жизни много писать нечего. Напишу только, что на днях будут изменения – мы уходим снова на передовую линию. Вот, пожалуй, и все. Пока я жив и здоров. Ни в чем особенно не нуждаюсь, разве только хочу видеть вас – дорогих мне людей. Пока об этом думать нечего. Через несколько дней для меня будет несколько необычный день – очередной юбилей. К великому сожалению, на этот раз мы не можем отметить его все вместе.

Ну, пожалуй, на этом и закончу. Жду твоих писем. Постараюсь написать тебе при первой возможности. Привет всем.

Крепко целую и обнимаю тебя.

Твой Владимир.

24.03.42 г.

Письмо написано на розовом чистом листке. Опять 9-ю роту отправляют на передовую. Обсуждается вопрос, почему в Порозове находится сын Надежды (Вовка, который старше), а не Валерка? Дело в том, что я (Вовка) родился 25 ноября 1938 года и почти сразу же был отправлен в Порозово, т.к. Надежда была студенткой и училась в АГМИ. условия жизни в Архангельске в комнате на Новгородском проспекте были плохие, родственников не было. Шура и ее сын Валерка (родился 20 июля 1939 г.) жили вместе с матерью и сестрой В.С. при школе № 13 (которая размещалась, вроде бы, на Набережной, недалеко от 1-й горбольницы (потом 23-я школа), где директором была его мать Лидия Александровна Пустохина (мамаша)).

4. Письмо от 28 марта 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя Шура!

Сегодня решил написать тебе письмо. Я отправил тебе 25/III письмо, в котором писал, что давно не получал от тебя писем, и, представь, в тот же день получил твои письмо и открытку. Нужно сказать, письмо твое меня поразило всеми невзгодами, которые на тебя свалились. Особенно я озабочен квартирным вопросом. Не-

ужели у людей хватило нахальства предложить тебе такую комбинацию? Я просто не знаю, как это расценить. Во всяком случае, не соглашайся и добивайся благоприятного для тебя решения. Если в крайнем случае тебе не удастся, то напиши мне, и я тогда направлю заявление в Военкомат и райком ВКП(б) и, думаю, что головотяпы будут призваны к порядку за нарушение законов. Они, очевидно, забыли, что обязаны всемерно помогать семье мобилизованного в ряды РККА.

Сегодня день для меня несколько необычный, ты, надеюсь, не забыла, что сегодня мне исполнилось ровно 29 лет. Подумай только, ведь уже до старости совсем недалеко! Этот день мы обычно отмечали в кругу семьи и своих друзей. В этом году немного вышло иначе. А как бы хотел я в этот день быть с вами! Очень я скучаю по всем вам, прямо представить себе не можете. Ведь уже давно я не вижу вас. Часто вспоминаю, Шура, все наши горести и радости, которые мы вместе переживали. Ну ладно, надеюсь, что мы еще поживем, как нам нужно.

Я в последнем письме писал тебе об изменениях, которые должны произойти в моей жизни. Сегодня мы идем в поход. Решил я сегодня в этом письме послать тебе свою фотографию, правда, она не совсем удачная, но выбора не было. Фотографировался я для документов и выпросил одну карточку для себя. Вот и решил послать ее тебе. Узнаешь ли меня на этой фотографии? Правда, пожалуй, в основном она похожа на меня, а ты, наверное, с трудом узнаешь меня. Мне кажется, что я сильно изменился. А может быть, это так только кажется.

Напиши мне, как устраиваются твои дела с квартирой и прочими вещами. Как здоровье твое и Валерика? Его слабый слух меня беспокоит, но думаю, что со временем это наладится.

Как живет Нина, и почему она мне так долго ничего не пишет? Узнай через мамашу у Жорки длинного, получил ли он от меня письмо? В общем, напиши обо всем понемногу. Привет всем родным. Крепко целую тебя.

Твой Владимир.

28 марта 1942 г.

Письмо написано на линованной бумаге, на двух листках из школьной тетради. Письмо тревожное в ожидании похода на передовую.

Апрель 1942 г.

1. Письмо от 8 апреля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня я получил твои 2 открытки и письмо. Благодарю тебя за твои поздравления по поводу моего юбилея. Твоя открытка доставила мне много радости. Письмо твое я тоже прочел с удовольствием.

Значит, наконец-то уладился у тебя квартирный вопрос. Я очень рад. Интересно, какова эта комната, я что-то не особенно хорошо ее представляю. Передай от меня большой привет и поблагодари от моего имени за участие в этом деле Зою Яковлевну. Единственный человек, которого я благодарю, из тех людей, с кем я работал. Значит, все это уладилось. Теперь насчет Валерки: так, я считаю, что никуда его возить не стоит. Как-нибудь до лета дотянешь, а летом устроишь его в детсад. По-моему, так и нужно сделать. Я во всяком случае против увоза его. Я напишу письмо мамаше, чтобы она помогла ему, в смысле всего, что она сможет сделать.

В последней открытке ты пишешь, что снова тебе не повезло в работе. Прямо не знаю, что на тебя навалилось! Неужели ты сейчас будешь опять работать в этой дыре? Или только частично? В общем, мое мнение на этот счет ты хорошо знаешь. Я очень жалею тебя и прошу, если будешь там работать, то, пожалуйста, будь благоразумной и береги свое здоровье. Помни, что ты должна сейчас особенно внимательно относиться к себе и к Валерику, и об этом никогда не забывай. Я надеюсь, что ты понимаешь меня. Ведь для меня вы все являетесь самыми дорогими и близкими людьми.

Интересно, получила ли ты мое письмо, в котором была вложена фотография, правда плохая, но все же дающая некоторое впечатление обо мне? Ведь много воды утекло с тех пор, как мы расстались. Как хочется хотя бы ненадолго увидеть всех вас и побывать с вами хоть несколько часов! Но, увы, пока нельзя об этом и думать. Я думаю, что не так уж долго еще мы не увидимся. Всё-таки с каждым днем мы приближаемся к окончательному разгрому всех врагов нашей Родины.

О себе писать много не буду. Я надеюсь, что ты получила мое последнее письмо, в котором я сообщал тебе о кое-каких изменениях в моей жизни. Больше нового ничего нет. В общем, как говорится,

за истекшее время не произошло ничего существенного. Немного у меня сдал правый глаз – опух весь, но сейчас положение восстанавливается. Вот, пожалуй, и все.

Сегодня я размышлял, почему давненько нет от тебя писем, а видишь, и получил сразу 3 штуки. Теперь буду ждать новых писем от тебя, которые, надеюсь, скоро будут. В отношении того, как я провел 28 марта (юбилей), я тебе писал в письме, которое было мною написано в тот день. Как у тебя сейчас дела с дровами и прочими хозяйственными неудачами? Напиши подробно обо всем. Очень рад бываю, когда ты обстоятельно описываешь все, что у вас есть. А как же Валерка? Неужели он таким и останется? Или это явление временное? В общем, напиши обо всем.

Привет всем родным и знакомым! Крепко целую тебя! Твой Владимир.

Мой адрес: ПНС № 617 1061 с.п. штаб полка. 8.04.42 г.

Письмо также написано на листке из амбарной книги. Сменился адрес ПНС. Вероятно, его в связи с контузией и повреждением глаза перевели в штаб полка, но на какую должность и какую функцию при штабе он выполняет – не уточняется. Вопрос В.С. к жене: «Неужели ты сейчас будешь опять работать в этой дыре?» Это суд. мед. экспертиза, куда ее направили после окончания института, или – кафедра пат. анатомии 1-й горбольницы, которая располагалась тогда в невзрачном маленьком деревянном домике.

2. Письмо от 12 апреля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Решил черкнуть тебе пару строк. Это вызвано тем, что условия жизни значительно изменились. Вот уже несколько дней я нахожусь на фронте. Наша часть ведет упорные бои с белофинскими собаками. Я пока жив и здоров. Чувствую себя хорошо. У всех нас одно желание – скорее разбить и уничтожить врага.

Привет всем родным и знакомым. Пиши, адрес старый. Тороплюсь и поэтому пока закончу. Крепко целую тебя! Любящий тебя Владимир.

12 апреля 1942 г.

P.S. Получила ли деньги и фотокарточку?

Письмо на небольшом листке белой бумаги, написано фиолетовыми чернилами, некоторые слова и фразы – жирным шрифтом. Настроение перед боем: «У всех нас

одно желание – скорее разбить и уничтожить врага». И в то же время, это может, последняя записка родным в Архангельск перед боем.

3. Письмо от 17 апреля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Решил написать тебе несколько строк о своей жизни. Дело в том, что обстоятельства несколько изменились. Я перешел на другую работу – побыв в немного времени на передовой, меня вызвали обратно и назначили на работу в партбюро – техническим секретарем. Начиная понемногу осваивать новую работу. Вот и все.

В остальном я живу по-прежнему. Сегодня получил два письма от папы и написал ему ответ. Пиши, как ты живешь и как разрешился твой вопрос с квартирой. Меня это очень беспокоит. Думаю, что все должно уладиться. В общем, жду твоего письма. Пока закончу. Привет всем родным и знакомым. Крепко целую. Твой Владимир.

Адрес: ППС № 617 1061, стрелковый полк, штаб полка. Пиши.

В письме в конце В.С. не указал дату написания. Письмо отправлено по адресу: г. Архангельск, пр. П. Виноградова, д. 59 (13-я школа). Злобиной А.И. и пришло в Архангельск (штемпель) 17.04.1942, а отправлено (полевая почта) 4.04.1942 г. В письме также указано, что из рядовых солдат он теперь переведен на должность технического секретаря. Возможно, это связано с состоянием его здоровья и с тем, что у В.С. очень четкий, аккуратный и понятный почерк.

Письмо написано карандашом крупными буквами на белом листке бумаги А4 формата. Специальный бланк-письмо для солдат: «письма с фронта», но складывается не в треугольник, а четырехугольник и без марки. Слева вверху – портрет Сталина. Справа вверху его цитата: «Необходимо... чтобы вся наша страна и все народы СССР организовались в единый боевой лагерь, ведущий вместе с нашей армией и флотом великую освободительную войну за честь и свободу нашей Родины, за разгром немецких армий».

4. Письмо от 29 апреля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня после долгого ожидания (более 20 дней) я получил твое письмо, а также письма от Нины и мамаши. Спасибо, что сообщили мне о своей жизни, а также о жизни других людей, мне знакомых. Прошу тебя только писать почаше – у тебя для этого есть все возможности, правда, я сам что-то дней 15 тоже ничего не писал тебе, но никак не мог выбрать время. В письме я получил также и фот-

графию нас всех вместе. Я долго на нее смотрел и даже не верил, что я был таким. Давно уже мы с тобой не виделись. Хочется хоть ненадолго побыть со своей семьей. Возможности, конечно, пока для этого нет. Проклятый Гитлер все опрокинул. Ну ладно, он не уйдет от ответа за все. Относительно Валерика я тебе ничего не могу советовать – ведь ты на месте можешь лучше решить, и я не сомневаюсь, что выберешь самые лучшие решения. Как решишь – так и будет. Вот, пожалуй, на этот счет и все.

Ты, конечно, не обижайся на меня, не думай, что я отказываю тебе в совете, а пойми, что ты лучше к этому вопросу подойдешь, чем я, не зная многих факторов. Не правда ли? Твое письмо я прочел несколько раз. Спасибо за подробное и хорошее письмо – ведь я живу вашими письмами и полученные письма для меня большая радость.

Я уже тебе писал, что мы сейчас находимся в боях. Я чувствую себя хорошо, жив и здоров. Много всего опять начинается, но все это ничего, иначе быть на войне не может.

Скоро (через 2 дня) первое мая. Я вспоминаю, как хорошо проводили мы майские праздники в прошлом году. Поздравляю тебя и всех остальных с праздником 1 Мая и желаю вам хорошо провести эти дни. Посылаю Валерке открытку, хотя он, быть может, пока в таких вещах ничего не понимает. Посылать ему что-либо другое пока не могу.

Пиши мне почаще обо всем, главное, конечно, – о своей жизни. Привет всем родным и знакомым. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

29 апреля 1942 г. А получила ли ты мою фотографию?

Письмо на белом тетрадного формата листке, немножко залито (чаем?). У В.С. удивительно четкий и ровный, понятный почерк.

Май 1942 г.

1. Письмо от 12 мая 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Наконец, после долгого ожидания я вчера вечером получил твое письмо от 29/IV. Этого письма я давно ждал, так как неделю тому назад получил письмо от Нины, где она сообщила об изменениях в твоей жизни в связи с Ю.И. Значит, она умерла. Представь, мне ее жалко. Но ничего не поделаешь.

Как сейчас устроишь ты свои дела? Безусловно, Валерика надо отдать в ясли. Ты спрашиваешь, как тебе лучше работать – конечно, лучше не перегружать себя работой. Жаль, что я сейчас не имею возможности оказывать тебе материальную помощь, но считаю, что нужно работать без излишнего напряжения, ибо здоровье твое не ахти какое. Думаю, что ты поступаешь правильно и благоразумно. В общем, тебе этот год достался тяжело, но, с другой стороны, ведь вообще всем пришлось испытать серьезные затруднения. Все это ничего. Все равно, в конечном счете мы победим и день победы уже недалек.

Интересно, как сейчас будет чувствовать себя Валерка в новой обстановке? Быть может, он в детском коллективе скорее разовьется?

Как ты отметила 1 мая? Нужно сказать, что мы хорошо провели день 1 мая. Во-первых, мы с утра насладились брызгами шампанского, правда, на патефоне. Но ведь я так давно не слыхал музыки! Во-вторых, мы позавтракали, перед чем выпили по 100 грамм. Далее днем мы смотрели хороший кинофильм, а вечером был маленький концерт самодеятельности. Видишь, как хорошо, если ты, конечно, учешь условия, в которых мы находимся. Ведь мы не где-нибудь, а на фронте. Кроме того, через 3 дня мы получили подарки от рабочих Вологодской типографии «Красный Север». Видишь, что майские дни у нас прошли хорошо. А как ты в этом году их отметила? А помнишь, как мы проводили первомайские дни в прошлом году? Есть что вспомнить!

Ничего, в следующем году первомайские праздники мы с тобой встретим хорошо, так как нам захочется. Главное – вместе с тобой. Как мне хочется увидеть всех вас! Давно уже мы расстались, но думаю, что до новой встречи осталось меньше времени.

Значит, ты получила мое изображение и представляешь меня в натуральном виде. Правда эта фотография не высокого качества, но вижу, маленькое сходство есть. Прошу тебя только писать почаше. Я в долгу не останусь и постараюсь найти время для ответа.

В моей жизни больших изменений нет, поэтому, пожалуй, и писать много нечего. Потом уже расскажу все подробно. В общем, я живу хорошо. Пока на этом и закончу. Привет всем родным и знакомым. Жду твоего письма. Адрес старый. Итак, пиши!

Крепко целую! Твой Владимир. 12 мая 1942 г.

Письмо написано черными чернилами на белой бумаге. Первое мая – большой праздник, который отмечался на фронте. В.С. не покидает мысль о скорой победе, и об этом он пишет в каждом письме. Письмо солдату из дома – праздник, большое событие, возможность отвлечься от войны и принять участие в жизни своей семьи. О своей жизни на фронте писать было в принципе запрещено цензурой, это также чувствуется в каждом письме В.С. На первое мая бойцы получили подарки от вологодской областной газеты «Красный Север».

2. Письмо от 14 мая 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Пользуясь свободным часом, решил написать тебе несколько строк. Немного что-то взгрустнулось, сам не знаю, почему, в такие минуты еще больше думаю о тебе и хочется поделиться с тобой своими мыслями. Трудно даже сказать, как хочется видеть тебя. Я ведь так привязался к тебе, ты вошла в мою жизнь, как составная часть. Очень уж давно тебя не видел. В общем, трудно выразить все это словами. Пиши мне, как ты живешь, что у тебя нового. Как идет работа и вообще все.

Я лично живу хорошо, здоров, этого и тебе желаю. Получил два дня тому назад письмо от Н.Д. Костерина. Он молодец – занимает сейчас большой пост, пишет, что живет хорошо. Как поживает Нина, скоро ли у нее ожидается сын? Она, видимо, так и не соберется мне написать. Конечно, делов и забот у нее много. Хорошо, что ты информируешь меня обо всем.

Время, смотри, как быстро идет. Снова опять у нас с тобой будет очередная годовщина. Как отчетливо, во всех деталях, я помню день 14 июля 1938 года. Конечно, есть что вспомнить. Ну, когда-нибудь мы с тобой вместе отметим все наиболее выдающиеся события нашей жизни. Этот день придет, и будет он очень счастливым днем. Так ведь? А пока будем ждать.

Получила ли ты посланные мною перевод и фото? Напиши, когда все это получишь. Думаю, что на днях получу от тебя очередное письмо. Передавай большой привет маме и Нине, а также Надежде. Как она поживает? Пока закончу. Жду твоих писем. Крепко целую тебя, моя дорогая. Твой Владимир. 14 мая 1942 г.

Письмо написано на линованном листке бумаги, взятом из тетради. Почему-то про Валерку не спрашивает, какое-то тоскливо напряжение. Вопросы, воспоминания, отношения с супругой.

3. Письмо от 20 мая 1942 года.

Здравствуй, Шура! Давно уже я не получал от тебя письма. Что-то ты редко пишешь. Как устроила свои дела? Или еще все также? Что нового произошло в твоей жизни? В общем, жду твоего письма, хотя бы небольшого.

Я живу хорошо. Здоров. Подробнее напишу, когда получу от тебя письмо. Получила ли ты мои последние письма? В одном из них я посыпал Валерику открытку. Как обстоит дело с твоей работой? Думаю, что ты разгрузилась. В общем, пиши. Если не будешь писать, то...! Ну всего хорошего! Привет всем. Целую Владимир.

20 мая 1942 г. Письмо-открытка. Адрес: г. Архангельск, 13-я школа д. № 59. Обратный адрес: ППС № 617 1061 с.п. Злобин Владимир Степанович.

Письмо написано наспех, видимо, какие-то события, неотложные дела. Только основные вопросы о жизни дома.

4. Письмо от 26 мая 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вчера, к моей большой радости, я получил, наконец, твоё письмо от 12.05.42 г. Письма твои, к сожалению, я получаю за последнее время редко, с интервалами 20–25 дней. А ведь ты хорошо знаешь, что для меня каждое твоё письмо доставляет мне много радости. Почему ты так редко пишешь? Я, признаться, начинал на тебя обижаться и не хотел писать до тех пор, пока не получу от тебя письма. Теперь ты, может быть, уже привыкла к моему отсутствию и начинаешь забывать о моем существовании?

Я очень доволен, что наконец твои дела с Валеркой устроились хорошо. Считаю, что пребывание в кругу детей принесет ему большую пользу, и, конечно, в смысле питания ему стало значительно лучше. Как он сейчас выглядит? Мне трудно представить, но я рад, что ты на него обращаешь большое внимание и уделяешь ему много времени, благодаря чему он делает успехи. Это очень хорошо, и я, безусловно, не думаю, что может быть иначе. Я знал, что Валерка всегда будет в центре твоего внимания. Тебе иногда доставалось трудно и сейчас не-легко, но это со временем исправится. Я считаю, что тебе разгрузиться от работы крайне необходимо. Если возможно, то сделай это. Думаю,

что в материальном отношении ты, умевшая рационально использовать наличные средства, как-нибудь выйдешь из положения. В крайнем случае, можно что-либо продать из моих вещей.

Ты часто просишь меня описать обстановку, в которой я нахожусь. Так ее нетрудно представить. Живем мы в лесу в блиндажах, которые сделаны довольно хорошо и сравнительно удобны. Во время хорошей погоды в лесу очень хорошо, а во время дождей неважко, ибо тебя обливает потоками холодной воды и снизу и сверху, если ты неосторожно толкнешь какое-либо дерево. Природа живет по своим законам, деревья зазеленели, появляется трава, птицы поют на разные голоса, в озерах плавают рыбы и т.д.

Но часто к этому прибавляются звуки войны – грохот разорвавшегося снаряда или мины (причем ты слышишь сначала вой этого снаряда в воздухе, а затем взрыв), трели пулеметов и прочую музыку войны. Ко всему этому мы привыкли и относимся хладнокровно. Ежедневно получаем газеты и письма (правда я, грешный человек, получаю письма очень редко).

Живу я, как видишь, неплохо. За последние дни только немного незддоровится. Видимо, простудился, промокнув, и у меня раздувает челюсть, и болит зуб. В общем, это дело неприятное, но надеюсь, что скоро все пройдет. Ты знаешь, что такие случаи у меня и раньше бывали. А в остальном, как говорится, все хорошо, все хорошо.

Конечно, я очень скучаю по тебе, Валерке и всем остальным, но сейчас нужно думать о другом – выполнять приказ № 130, разгромить всех врагов, а после этого мы снова встретимся, и будем жить хорошо. Не правда ли?

Получила ли ты мое письмо, в котором я послал для Валерика открытку? Ну, пока на этом закончу, итак уж много нацарапал. Прошу тебя чаще мне писать, хотя бы по несколько строчек.

Привет всем родным и знакомым! Крепко целую тебя!

Поцелуй за меня Валерку, хотя он обо мне забыл. Твой Владимир.

26 мая 1942 г. Адрес – старый! Пиши.

В письме достаточно подробно описываются условия проживания солдат во время оборонительных боев весной 1942 г. в южной части Карелии. Тяжелые условия жизни сопровождаются различного рода заболеваниями. У В.С. была контузия, поврежден глаз, болят зубы, возможно, цинга. В центре внимания остается семья, здоровье жены и сына Валерки. Получение письма из дома – главное событие в жизни солдата.

5. Письмо от 29 мая 1942 года.

Здравствуй, Шурика!

Сегодня я получил твое письмо, собственно говоря, коллективное, т. к. у этого письма оказались 3 автора. Конечно, мне очень пришлось по вкусу письмо, которое писал Валерик, я его показал всем. Письмо это пришло очень быстро (9 дней). Кроме того, оно попало ко мне через небольшой промежуток времени с момента получения твоего последнего письма. Я ведь писал, что очень редко получаю от тебя письма. Надеюсь, что буду их получать чаще. Значит, посланную мной открытку Валерик получил. Ну и хорошо. Как его здоровье? Ты писала, что он немного хворал. Поправился ли он сейчас? Прошу тебя информировать меня обо всей вашей жизни и не упускать ничего.

На днях я получил письмо от папы. Он пишет, что писал тебе о том, что если встанет вопрос о выезде тебя с Валерием, то он ждет к себе. Говорит, что со всеми вопросами уладит. Ты это имей в виду. Я, конечно, не сомневался, что он в таком бы случае что-либо иное сказал. Он ведь у меня хороший. Сейчас, наверное, в школе занятия кончились, и у вас в квартире стало значительно спокойнее. А зимой, интересно, много шума было? Как относится к тебе зав. школой и вообще «роновские» люди? Я некоторым людям очень «благодарен» и как-нибудь выскажу им все.

Что нового в городе? Сейчас, наверное, много новых людей, сно-ва оживление на реке и, наверное, на Набережной хорошо и приятно пройтись! Я думаю, что есть и некоторые улучшения и в отношении продуктов питания? Впрочем, тебе, вероятно, не часто приходится ходить куда-либо, т.к. Валерку одного не оставить. Ну ничего, как-нибудь поживи, ведь я тоже не бываю в театрах.

Не встречала ли ты Жорку? Я ему написал как-то давно письмо, но ответа не получил. Может быть, он тоже в армии. Нет ли каких-либо сведений о Сереге? Неужели он так и пропал? Ведь мы с ним до последнего момента были рядом, и я даже не представляю, как это случилось. Во всяком случае, можно только предполагать что-либо. Правда, я думаю, что о нем всё-таки что-либо вы уже знаете. В общем, расскажу тебе потом обо всем этом.

Ну как, разрешился вопрос о твоей работе? Или все осталось по-прежнему? Я думаю, что лучше, если ты немного разгрузишься,

иначе тебе трудно управляться со всеми делами. Как твое здоровье? Смотри, следи за собой, а то ты на себя не обращаешь внимания. Учи, за это придется отвечать. Нет, серьезно – следи за собой.

Я чувствую себя хорошо. Живу все так же. Я писал тебе в последнем письме немного о своей жизни. Надеюсь, что ты немного представляешь. Погода начала исправляться. Сегодня теплый день.

Ну как поживает твоя сестрица? Всё-таки она нехороший человек, правда, я ее не виню – виноват ее «кумир».

Заходит ли к тебе Нина? Она, видимо, живет хорошо. Ну, пока на этом закончу. Жду твоего скорого ответа. Адрес старый. Пиши! Привет родным. Крепко целую тебя и Валерика! Твой Владимир.

29 мая 1942 г.

Письмо написано на линованной красноватой бумаге темно-синими чернилами на двух листках. Письмо отправлено в конверте, который не сохранился. Письмо написано по обычному плану: вопросы о развитии и здоровье сына. Письмо от отца из Устюга, предложение отправить туда Валерку. Воспоминания из прошлой жизни в Архангельске, вспоминает набережную Северной Двины. О себе все стандартно – живу хорошо. Вспоминает Серегу Суровцева, который пропал в первых боях, и никто не знает, что и с ним и где он: «пропал без вести».

Июнь 1942 г.

1. Письмо от 5 июня 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Получил твое очередное письмо. Рад, что ты нежданно получаешь мои письма и все, что я тебе посылаю. В одном из следующих писем пришлю тебе свое фото, конечно, в этом отношении ты передо мной большой должник, ибо отделалась пока только одной. Я надеюсь, с твоей стороны этот пробел будет восполнен. И ты что-либо сообразишь, в крайнем случае (что, конечно, менее желательно, но, может, пришлешь что-либо из старого). В общем, предоставляю тебе широкую инициативу. Ну, лично я живу все также. Некоторые изменения, правда, есть. Это, во-первых, что мне сейчас приходится выполнять некоторые обязанности, во-вторых, приходится сожалеть о том, что мой лучший друг, с которым мы делили все, что нам не встречалось, больше 1½ лет, Миша выбыл в другую часть – перевели его. Мы с ним трогательно рас прощались, даже расцеловались.

Достаточно сказать, что это был первый поцелуй, которым я обменялся уже почти за два года. Ну, я надеюсь, ты не будешь за это на меня в претензии.

Вот, пожалуй, и все мои новости. Как ты поживаешь, и что у тебя нового? Наверное, сейчас у вас хлопот полон рот в связи с появлением на свет маленького человека – моего племянника (а может, и племянницы, кто его знает). Интересно, как выглядит Нина в роли нежной матери? Ну ладно, когда-нибудь мы посмотрим на эту идиллию. Я, конечно, представляю все эти дела и все заботы, вызванные появлением на свет нового человека, все же кое-какой небольшой опыт имею, и кто знает, может, еще этот опыт пригодится, и вновь приобретешь. Как думаешь? Ну ладно. Пока закончу. Жду твоего письма. Сердечный привет Нине и маме и твоим друзьям.

Крепко тебя целую. Твой Владимир. 5 июня 1942 г.

Письмо написано на белой линованной бумаге. Перевод куда-то друга Миши и новые обязанности? В.С. не оставляет мысль, как будет, когда он вернется домой в Архангельске. У сестры В.С. родился сын Дима, который потом с матерью переехал в Иваново и работал зав. научной лабораторией: Дмитрий Таланов.

2. Письмо от 8 июня 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Два дня тому назад я получил от тебя письмо, за которое весьма признателен тебе. К сожалению, ответить собрался, как видишь, с некоторым запозданием. Значит, дела у тебя пока идут хорошо. Это меня радует. Валерик с каждым месяцем становится все больше и все развитее и, к сожалению, с каждым днем все больше и больше забывает о моем существовании. Это, конечно, печально, но ничего не поделешь. Значит, ты говоришь, что он за последнее время стал капризным. Надо его от этого отучить. Интересно, бывают ли у него такие случаи, которые были при мне («закатывался» ли он)? В общем, конечно, я знаю, что ты за ним хорошо наблюдаешь, гораздо лучше, чем за собой. Сейчас, наверное, у вас там стало хорошо, зелени много, и Валерке есть, где побегать. Как идут твои дела и как твое здоровье? Значит, ты осталась на старом месте. Это хорошо. Только, по-моему, тебе нужно немного разгрузиться. Бывает ли у тебя Нина? Она собирается съездить в Устюг. Мне об этом писал папа. Он вообще мне кратко сообща-

ет обо всех вас. Тебя он тоже приглашает к себе. Так что можешь ехать (если, конечно, представится возможность). Я как-то писал ему, что давно уже с ним не виделся (4 года) и обещал, что приеду, как только мы рассчитаемся с Гитлером и другой сволочью.

У твоей сестры и ее «героического» мужа, следовательно, в ближайшее время следует ожидать прибавления потомства. Ну что же, рад за них, видимо, они время зря не теряли.

Я живу все так же, как и всегда. На днях у нас здесь был большой праздник – вручение орденов и медалей лучшим людям. Было много музыки. Слушали хороший концерт красноармейской самодеятельности, номера были очень хорошие. Вечером смотрели кинофильм «Оборона Царицына», где я с удовольствием смотрел игру Жарова. В общем, этот день был для нас всех замечательным днем.

В остальном наша жизнь идет размеренным порядком.

Напиши, что нового у вас. Кого из моих приятелей встречала в городе? Где Жорка длинный? В общем, пиши обо всем, ведь ты не представляешь, какую радость доставляют мне твои письма. Сейчас ведь мы можем с тобой только на бумаге делиться друг с другом своими мыслями. Как давно мы распостились! Но ничего, до новой встречи ждать недалеко.

Пока закончу. Пиши чаще. Адрес старый. Привет всем! Крепко целую.

Твой Владимир. 8 июня 1942 г.

P.S. Насчет туфлей напиши папе – он сделает. Я об этом ему черкну в следующем письме.

Половина письма посвящена обсуждению «домашних вопросов» в Архангельске. Критически обсуждает семью сестры своей жены – Надежды Батыгиной, моей матери (авт.). На фронте, видимо, некоторое затишье: «наша жизнь идет размеренным порядком».

3. Письмо от 12 июня 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя! Вчера получил твое письмо. Нельзя сказать, что теперь я получаю от тебя известия редко. Благодарю тебя и надеюсь, что и в дальнейшем буду получать твои письма регулярно. Ты спрашиваешь насчет каких-то точек, я, право, не понимаю, о чем шла речь, но считаю, что это были просто знаки препинания. Серьезно не могу вспомнить. В общем, конечно, я стараюсь выразить свои мысли

понятно для тебя. Мы ведь всегда понимали друг друга. Значит, Валерка стал порядочным забиякой и скандалистом, одним словом – герой. Ну, я считаю, что тут большой беды нет, хотя, конечно, ты попытайся «направить его на путь истинный». Все уже хорошо, что он находится в детском коллективе. Одним словом, меня радуют его успехи.

Ты, видимо, живешь и работаешь так же. Как твое здоровье? Вообще, как идут твои дела? Как обстоит вопрос с отоплением в этом году? Вероятно, что таковых не будет. Ведь сейчас все должно быть направлено на выполнение приказа № 130 т. Сталина о разгроме гитлеровских собак в 1942 году. Поэтому каждый гражданин нашей страны должен сделать все от него зависящее для достижения этой цели.

Ты мне все же напиши о состоянии твоего здоровья, меня этот вопрос интересует, и я беспокоюсь, не зная ничего.

В моей жизни особых изменений нет. Все идет своим размеренным чередом. Нас снабжают всем необходимым, и мы ни в чем не нуждаемся.

Получил я в письме от мамаши фотографию Нины и нашел, что она изменилась, причем в лучшую сторону. Очевидно, климат Липки на нее оказывает благотворное влияние.

Нет ли в твоем распоряжении хотя бы маленькой твоей фотографии (разумеется, последней)? Если есть, то прошу прислать. У меня, правда, одна твоя фотография сохранилась, помнишь, которую ты мне приносила в Лахту? Я ее тогда положил в карман гимнастерки, и она сохранилась, а все остальные остались где-то в глухих местах. Как-нибудь я тебе о всем этом расскажу.

Пишут ли тебе твои родные? Я что-то не понял, по какой причине, по-твоему, они не пишут. По-моему, просто времени нет. Надеюсь, что ты теперь от них письма получила. Что слышно об Апашке? Хотя, что особенного – он, по-моему, находится в хороших условиях. Если увидишь Демьяновну, то пусть она напишет от меня ей привет.

Ну, пока кончу. Пиши мне, жду твоих писем. А почему ты адресуешь мне письма на 9-ю роту? Этим самым они лишние сутки путешествуют и приходят ко мне позже. Привет всем! Крепко целую тебя! Твой Владимир. 12.06.42 г.

Письмо большое, первые вопросы о развитии сына – Валерки. Беспокоят семейные вопросы. Больших перемен на фронте, видимо, нет.

4. Письмо от 18 июня 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Вчера я получил твое письмо от 10.06. Письмо это пришло очень быстро – через 7 дней. Вот как здорово. Благодарю за то, что ты стала мне писать регулярно и довольно часто. Продолжай в том же духе. Почему только ты и мамаша вдруг изменили мой адрес и пишете мне на 9-ю роту? Ведь этим самым письма попадают мне в руки несколько позже. Откуда вы это взяли, ведь о каждом изменении адреса я вам сообщаю, а тут ничего не сообщал и писал несколько раз, что адрес старый, т.е. без изменения. Так вот, давай не будем путать. Ну, довольно об этих подробностях. Ты в письме выразила на меня обиду кое за какие мои высказывания. Извини меня, я думаю, что ты сумеешь понять, что в моем положении это все можно объяснить. В общем, я, конечно, всегда во всем доверял и доверяю. Безусловно, я знаю, что наши с тобой взаимопонимания прочные, но ты должна понять, что когда долго не получаешь писем, то черт знает что подумаешь. В общем, не обижайся. Что касается меня, то, надеюсь, ты не сомневаешься во мне? Не правда ли? Признаться, я очень скучаю по тебе, но знаю, что пока обстоятельства требуют нам быть в разных местах.

Ничего, скоро мы победим всех врагов, уничтожим этих собак, которые топчут нашу землю, и рассчитаемся с ними за все. Вот тогда мы с тобой снова встретимся, обо всем друг другу расскажем, и живем так, как нам хочется. Правда!

Ты всё-таки частенько прихварываешь, это говорит о том, что за своим здоровьем не следишь, о чем я тебя всегда прошу.

Валерка, наверное, уже большой, бойкий и, наверное, смышленный. По-моему, он себя в яслях чувствует хорошо. Скоро ему юбилей – исполняется ровно 3 года! Время идет очень быстро. Давно ли, кажется, я увидел его первый раз. Помнишь обстоятельства? Как много вспоминается из прошлого! Особенно мне вспоминается лето 1938 года.

Ну как ты живешь и что нового? Как здоровье тебя и Валерки? В общем, пиши обо всем. Я всегда бываю рад получить от тебя письмо.

Как живут в Порозове твои родные? Передай им от меня привет. Что написать тебе о моей жизни? Живу хорошо, здоров. Больших событий не произошло. На нашем участке нет крупных боев, но они

будут и, безусловно, закончатся нашей победой. Правда, и сейчас наши снайперы и минометчики не дают покоя (лучше сказать – дают «вечный покой») белофиннским воякам. Борьба идет ежедневная.

Интересно, почему мне долго не пишет Нина? Наверное, она решила исполнить свою угрозу – не писать мне за то, что я задержался с ответом на ее 2 письма. А может быть, у нее времени нет, наверное, расписание не выдерживает – много заместителей. Впрочем, молодо-зелено, погулять велено – гласит старая пословица. Ладно уж, я с ней рассчитываюсь как-нибудь. Конечно, я шучу. Передай ей привет. Ну, пока на этом закончу. Привет всем родным! Пиши, но адрес верно записывай. Жду письма.

Крепко целую тебя! Твой Владимир. 18 июня 1942 г.

Письмо на двойном листке розовой линованной бумаги с помаркой внизу. Воспоминания о доме, просьба писать чаще. Нина (сестра) не пишет!? Почему письма на 9-ю роту, когда он работает при штабе? Беспокоит здоровье жены. Юбилей Валерика – скоро 3 года. «На нашем участке нет крупных боев, но они будут и, безусловно, закончатся нашей победой».

Июль 1942 г.

1. Письмо от 11 июля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня я решил написать тебе письмушко. Очень давно я тебе не писал. Правда, я сначала ожидал от тебя письма, но затем узнал, что ты, бедняга, заболела и писать не можешь. Как твое здоровье? Что это случилось с твоей рукой? Вероятно, все это из-за того, что ты никогда не слушала моих советов относительно того, что надо быть осторожней и нужно беречь себя. Ты не обращаешь внимания на это. Смотри, приеду домой – за все рассчитываюсь. Через 3 дня, Шура, исполняется четырехлетний юбилей, надеюсь, ты знаешь, какой. Вспомни все детали, связанные с датой 14.07.38. г. Я все вспоминаю и очень жалею, что не могу в этот день быть с тобой вместе. Помнишь, как я зашел за тобой в 2 часа в Мединститут, как дальше мы путешествовали до Поморской, как там себя вели, как обедали в «Индустрии» и как к моему подъезду подкатила машина, из которой вышла ты! А помнишь, как мы жили до отъезда в Порозово?

В общем, воспоминаний много. Итак, пошел пятый год с того времени. Быстро время идет, и сколько больших событий произошло за этот срок!

Давно я не вижу тебя, очень хочу встретиться снова. Ничего, ждать осталось не так много. Мне кажется, что, снова встретясь с тобой, мы переживем нечто похожее на то, что было 4 года тому назад. Не правда ли?

Ну как живет Валерик («чужой дядя» все интересуется этим карапузом)? В общем, жду твоего обстоятельного письма. Надо сказать, что за последнее время я получил письма только от своих родителей. Ты не можешь писать по причинам, от тебя не зависящим (в том смысле, что не желаешь следить за своим здоровьем), в общем, ты не пишешь из-за болезни. Нина не пишет, очевидно, в силу нежелания. Между прочим, папа два раза жаловался мне, что давно не получал от Нины и тебя писем, он даже давал вам телеграмму. Я ему, правда, писал о вашей жизни то, что мне известно.

У меня больших изменений нет, не считая разве того, что мы передвинулись на другой участок фронта несколько дней тому назад. Жизнь протекает все так же. Какие хорошие места, но везде наложила отпечаток война – вещь, которая напоминает о себе каждую минуту. Правда, больших событий на нашем фронте не происходит. Напиши мне, что нового у вас. Как твое здоровье и как вы все живете.

Значит, у Надежды прибавление семейства, правда, не совсем все хорошо обстоит. Наверное, опять какие-либо фокусы у них были. Петр, как это и можно было ожидать, оказался большим скотом.

Ну ладно, пока закончу. Пиши мне поскорее, как только сможешь это сделать. Привет всем. Поцелуй Валерку, который скоро тоже будет юбиляром. А подарить ему и нечего. Жаль.

Крепко целую тебя и желаю скорей поправиться и больше не болеть.

Твой Владимир. 11 июля 42 г.

Воспоминания о доме, о том, как познакомились, встретились с супругой, прогулка по ул. Поморской, поездка в деревню Порозово Вологодской области. Беспокоит отсутствие писем от сестры Нины. Опять же негативное отношение к семейству Надежды – сестры супруги. Позиционные перемещения на фронте.

2. Письмо от 19 июля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Два дня тому назад я получил наконец давно ожидаемое твое письмо. Смотри, как ты плохо следишь за своим здоровьем! Уверен, что если бы ты внимательно относилась к себе, то второго случая не произошло бы. Ведь так? В общем, на мои бесчисленные предупреждения ты не обращаешь, как видно, внимания. Смотри, плохо будет – за все рассчитываюсь. Ну, как ты себя чувствуешь сейчас? Может быть, опять очередное осложнение?

Ты в своем письме мне напоминаешь о двух датах, очень важных в моей жизни. Я, конечно, о них не забыл и писал тебе в последнем письме, что помногу о них вспоминаю эти дни. Да, с ними связано много воспоминаний, которые сейчас как-то особенно дороги и драгоценны. Трудно выразить на бумаге все эти вещи, но я думаю, что ты, хотя бы в общих чертах, меня понимаешь.

Ничего, я надеюсь, что мы с тобой еще поговорим обо всем этом. Время движется закономерно. С каждым днем приближается срок окончательного расчета с фашистской сволочью за все лишения и страдания, которые они принесли с собой на нашу землю. Мы спокойно и уверенно смотрим на будущее и знаем, что мы победим, несмотря ни на что. Конечно, будут еще трудности, но мы к ним готовы.

Ты пишешь, что Валерка очень хорошо себя чувствует и хорошо растет. Это меня очень радует. Я, конечно, не могу себе представить, каким он стал, даже несмотря на то, что у меня есть его фотография. Удивительного ничего нет – ведь я его давно не видел, а в этом возрасте детишки так быстро развиваются.

В общем, мне его, вероятно, не узнать, а в том, что он не узнает меня, я уверен. Как вы с ним живете? Сейчас, вероятно, у вас дома хорошо. Я представляю вашу обстановку.

В моей жизни ничего особенного не изменилось. Здоров. Чувствую себя хорошо. В общем, много мне писать о себе нечего.

Надеюсь, что теперь я буду получать от тебя письма регулярно, а то в последнее время этого не было. Насчет тутфель я сегодня написал папе, только забыл № (номер), так что ты сама напиши ему и, пожалуй, без всяких «неудобств».

Ну, пока закончу. Пиши скорее. Привет всем нашим! Целую тебя.
Твой Владимир. 19 июля 1942 г.

Письмо написано на розовой линованной бумаге (28.5 × 20), согнутой пополам. Проблемы. Воспоминания о личных событиях, проблема с приобретением туфель. Забота о Валерке. О положении на фронте: «С каждым днем приближается срок окончательного расчета с фашистской сволочью за все лишения и страдания, которые они принесли с собой на нашу землю. Мы спокойно и уверенно смотрим на будущее и знаем, что мы победим, несмотря ни на что. Конечно, будут еще трудности, но мы к ним готовы».

3. Письмо от 30 июля 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

На днях я получил от тебя письмо, за которое весьма признателен. Сегодня собрался написать тебе пару страничек. Пишу тебе при свете горящих в печурке дров. На улице льет дождь, без конца. Почти целый месяц идут эти дожди. Признаться, они нам порядочно надоели. Но ничего, мы привыкли ко всему, и нас ничем не запугать. Ты пишешь мне, что твое здоровье поправилось. Смотри, еще раз тебе пишу – береги себя и брось ненужную удаль, которая у тебя встречается. Много я смеялся над твоим письмом, где ты описывала проказы маленького Валерки. Вот фокусник растет! Хотелось бы его повидать. Значит, у вас дома все обстоит хорошо. Надеюсь, что ты больше не повторишь своих ошибок, и будешь серьезнее относиться к себе.

Насчет твоей просьбы я написал папе, думаю, что он что-либо сделает. Недавно я получил от него письмо, он жалуется мне, что вы ему ничего не пишете. Я написал ему, что ты не могла писать ввиду болезни. Он очень о вас беспокоится и несколько раз писал мне, чтобы я написал тебе о том, что ты с Валеркой в любой момент можешь ехать к нему.

Как ты живешь, что нового у тебя? Как поживает Валерка? Есть ли у него какие-либо сдвиги в области разговора, или он все еще ничего не говорит? Правда, это не главное. Главное, чтобы он хорошо рос и развивался. Я за него спокоен, т.к. знаю, что ты о нем заботишься и следишь. Получил я наконец письмо от Нины. Долго она не могла собраться мне написать, видимо, дела и дела без конца. Ну ладно, я человек незлопамятный.

А давно, Шура, мы с тобой не виделись! Времени прошло много. Очень хочу тебя видеть, побывать с тобой хоть немного, но пока об этом, конечно, не может быть и разговоров. Нам надо сначала выполнить свой долг перед нашей Родиной – уничтожить бешеных собак, ворвавшихся к нам и нарушивших нашу хорошую жизнь. Только после этого можно думать о личных вопросах. Ничего, недолго осталось до часа окончательной расплаты с врагами, о которой они никогда не забудут.

О себе мне, пожалуй, много нечего писать. Живу хорошо. Здоров. Конечно, каждый день приносит кое-что новое, но в нашей жизни больших изменений нет. Что нового у Вас? Есть ли какие вести о Сереге? Как у тебя устроились все жилищно-бытовые дела? В общем, пиши мне обо всем. Жду твоего письма. Привет всем родным и знакомым. Крепко целую. Твой Владимир.

30 июля 1942 г.

Письмо написано на одном большом листке, вырванном из учетной книги, но не согнуто вдвое. В письме сообщается о том, что Шура всегда может выехать в Устюг к отцу Владимира. Опасность была в том, что Архангельск подвергался неоднократным бомбежкам и мог оказаться фронтовым городом. Не решены и жилищные проблемы. Говорит ли Валерка? И стандартные фразы о неизбежной победе. Письмо было в конверте, подвергалось просмотру военной цензурой. О себе писал мало. Позиционный фронт. Опять о Сереге – друг Владимира пропал без вести в первых боях.

4. Письмо от 31 июля 1942 года.

Здравствуй, Шура!

Сегодня я получил от тебя письмо, а вчера отправил тебе тоже письмо. Решил сегодня черкнуть тебе пару строчек. Следовательно, ты теперь поправилась и, очевидно, больше болеть не собираешься. Это, разумеется, очень хорошо. Лучше следи за собой и береги себя. Прочитал я в твоем письме, как Валерка отметил день своего рождения. Признаться, ты меня запутала с описанием своего подарка для него. Я уж думал дело ой-ой. Даже вспотел, читая эти строчки. Лишь при дальнейшем чтении все разъяснилось. Смотри, не вздумай ему в самом деле сделать такой подарок!

Ну, я живу хорошо. Ничего нового нет. Без конца идут дожди, которые всем нам надоели.

Ну, пока кончу. Пиши. Привет всем! Целую тебя. Владимир.
31.07.42 г.

Неожиданно скорое письмо на открытке со штемпелем «полевая почта». Открытка стандартная с обратным адресом «полевая почта». Адрес отправителя: 617, полевая почта 1061, стрелковый полк, штаб. Злобину Владимиру Степановичу. Цена открытки – 3 коп. Судя по обратному адресу. В.С. работает при штабе. Возможно, его заметили, в связи с тем, что он – коммунист, с педагогическим образованием и хорошим почерком.

Август 1942 г.

1. Письмо от 5 августа 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня, воспользовавшись случаем, я решил написать тебе письмушко. Думаю, что это неплохо. Письмо от тебя, вероятно, получу дней через 5 (так я рассчитываю). Но повторяю, несмотря на это, я решил написать тебе сегодня. Как ты живешь и как здоровье у тебя и Валерика? Как часто я думаю о всех вас и вспоминаю, как мы хорошо жили. Но хорошую и счастливую жизнь всех советских людей нарушил Гитлер, жалкий идиот, рассчитывающий уничтожить весь советский народ и захватить нашу Родину. Сейчас идут серьезные бои на юге, где враг бросил свои последние силы. И недолго придется ему трубить свои победы – очень скоро ему будет нами нанесен последний удар, от которого он уже никогда не оправится. Тогда ему придется рассчитываться за все то, что принесли нашему народу его двуногие звери.

Что нового у тебя? Какими делами ты сейчас занимаешься? Как поживает Валерка, которого я с трудом представляю по фотокарточке и который совершенно не представляет меня!

Продолжаю писать на следующий день. Сегодня утром прибыла почта, и я получил письмо от папы. Ты знаешь, какое хорошее письмо он мне написал! Вообще, он мне пишет очень аккуратно. В этом письме он подробно описал мне свою жизнь и написал о моих товарищах. В конце письма он пишет, что ждет того для, когда после разгрома врагов мы все соберемся у него и тогда (как он выразился) мы выпьем по маленькой и закусим огурчиком с рассолом. Я долго смеялся над этой фразой. Думаю, что ты поймешь мое удивление, прочитав такую мысль, высказанную человеком, который в жизни не

выпил ни капли какого-либо вина. Видимо, действительно он очень и непременно хочет, чтобы у него собирались мы все. Ведь еще ни разу нам не удавалось этого. Я ему написал сегодня ответ. Почему он не получает от вас писем? Он даже телеграмму вам давал и еще собирается. Напиши ему хоть несколько строк.

Сегодня снова льет нескончаемый дождь. Лета, видимо, мы в этом году не увидим. Ну, это не беда.

Я со своим другом Мишой часто беседую и рассказываю ему обо всех вас. Он мне тоже рассказал о своей жизни. Он учился в Лесной академии в Ленинграде, но окончить ее не удалось. Мы с ним уже давно находимся вместе. Я просил как-то тебя в одном из писем взять в институте мою зачетную книжку. Она оставлена была у Алины. Прошу тебя, если увидишь Жорку или еще кого-либо из ребят, то передай мою просьбу – пусть ее возьмут и передадут тебе. Я все еще думаю, что нужно будет как-нибудь закончить свое образование, а для этого потребуются документы. Потом еще просьба – нет ли у тебя своей фотографии (последней). Если есть, то пошли мне.

Как у тебя обстоят сейчас различные квартирно-бытовые дела? Встречаются ли какие-либо затруднения? Напиши мне обо всем. Да, чуть не забыл – думаешь ли ты устраивать Валерку в детский садик? Это надо делать сейчас, ибо осенью труднее будет, т. к. детсады комплектуются обычно в августе. Если будут затруднения в этом вопросе, прошу мне написать, я постараюсь что-либо предпринять. Ну, пока кончу. Жду твоего письма. Привет всем. Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир. 5 августа 1942 г.

Письмо написано на линованном листке. Отец приглашает всех собраться в Устюге. Планы на будущее: «Я все еще думаю, что нужно будет как-нибудь закончить свое образование, а для этого потребуются документы». Уверенность в победе.

2. Письмо от 9 августа 1942 года.

Здравствуй, Шура! Сегодня получил твоё письмо от 28.07. Сразу, как видишь, не откладывая дела в долгий ящик, решил ответить тебе. Да, значит, снова всплывает в который раз этот злосчастный вопрос о квартире. Скажу прямо, что новое начальство дает о себе знать. Думаю, что как-нибудь этот вопрос должен быть урегулирован. Я ведь считаю, что тебе должны дать квартиру, устраивающую тебя.

Думаю, что ты не сделаешь опрометчивого шага, т.е. согласишься на то, что снова засунут тебя в какой-либо угол, да еще где-либо у черта на куличках вроде Кузнечихи. Я прошу тебя похлопотать об этом. Жаль, что нет меня там. Я сумел бы отстоять наши с тобой интересы. Во всяком случае, пусть Нина примет участие в решении этого вопроса. Она ведь сейчас может обратиться и в райисполком, и в райком партии. Думаю, что все это должно разрешиться. Напиши мне, как будет этот вопрос обстоять, я тогда попробую написать в соответствующие учреждения о том, чтобы оказали тебе помощь. Хочется, чтобы хоть раз за 3 года этот вопрос, наконец, решился бы.

Итак, жду от тебя дальнейших сообщений. Во всяком случае в течение августа этот вопрос, по-моему, разрешится. Да, между прочим, есть ли у тебя справка, что я нахожусь в рядах РККА? Я, кажется, посыпал ее тебе еще в прошлом году.

Ну, как твое здоровье, и как живет Валерик? Правда, ты в каждом письме мне о нем сообщаешь, но ты понимаешь, что хочется знать все о вас. Сколько уже времени ведь я вас не видел! Что тебе пишут твои родители? Я как-то на днях послал им открытку. Не знаю, получат ли они ее. Хотя адрес я не забыл и думаю, что он не изменился за это время.

Пишешь ли ты что-либо в Устюг? Между прочим, я уже сегодня подумал, что если тебе не дадут квартиру, то хоть туда уезжай. Правда, думаю, что устроится дело, но, во всяком случае, имей в виду. Потом я хочу предупредить тебя, чтобы ты не прибегала к услугам «доброго дяди», о чем ты пишешь (о дровах). Лучше не ставить себя в зависимость от кого-либо, тем более, что не каждый человек предлагает свою помощь бескорыстно. В общем, его я не знаю, и судить не могу. Как поживает Нина с мамашей, и что у них нового? Я вчера фотографировался со своим другом, если что-либо из этой затеи выйдет, то через некоторое время пришлю тебе маленькую фотографию.

Я на днях посыпал тебе внеочередное письмо. Получила ли ты его? На днях я видел тебя и Валерку во сне, но, когда проснулся, снова увидел бревна землянки и привычную, знакомую картину нашей лесной жизни. Как давно мы не видим ничего больше. Но ничего, всему будет срок. Рассчитаемся со всякой сволочью, которая захо-

тела уничтожить нашу Родину. Тогда мы снова вернемся к мирной жизни и будем жить хорошо. Ну, пока на этом кончу. Пиши скорее. Привет всем. Крепко тебя целую.

Твой Владимир. 9 августа 1942 г.

Письмо на розовом листке бумаги. Опять вопросы с квартирой, проблема с дровами. Вопросы о здоровье Валерика.

3. Письмо от 12 августа 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Снова я получил твое маленькое письмо от 2/III. Благодарю за то, что периодически ставишь меня в известность о своей жизни. Значит, ты пока чувствуешь себя хорошо, и у вас с Валеркой все благополучно. Как обстоит вопрос с тем, о чем ты писала мне в последнем письме относительно возможных изменений в жилищных условиях? Я писал тебе свою точку зрения по этому вопросу. Вчера я написал об этом Нине. Напиши, как обстоит этот вопрос теперь. Рад за твои успехи в области научной работы. Молодец ты у меня. Того и смотри, что скоро тебе присвоят какую-либо учченую степень. Как твое здоровье? Наверное, ты сильно утомляешься на работе. Я, так же, как и ты, не забыл написать в Устюг и поздравить своего старичка. Как, видишь, память у меня пока хорошая. Ну, пока кончу. Жду твоего следующего письма. Привет маме, Нине и З. Яковлевне. Пиши.

Целую, твой Владимир.

12/ VIII-42.

Письмо написано на почтовой карточке ценой 3 коп. На карточке штемпель воинской цензуры. Адрес отправителя: 617 1061 стрелковый полк. Адрес Злобиной Александры Ивановны: Архангельск, пр. П. Виноградова, дом 59 (13-я школа) 617 1061.

4. Письмо от 17 августа 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Сегодня получил твою маленькую открытку, и, как видишь, сразу пишу тебе ответ. Я знаю по себе, как приятно, бывает, получить письмо от близкого тебе человека, с которым тебя связывают лучшие воспоминания своей жизни, о котором ты вспоминаешь ежедневно. Я надеюсь, что ты меня понимаешь. Многое уже прошло времени,

как мы с тобой находимся в разных местах и поддерживаем связь друг с другом только письмами.

Ты пишешь, что Валерка немножко прихворнул. По-моему, ничего серьезного нет. Я знаю, что ты за ним очень тщательно следишь, гораздо больше, чем за собой. А как твое здоровье? Что нового в твоей жизни? Думаешь ли ты устраивать Валерку в детский сад? В общем, надеюсь, что ты мне напишешь подробно.

Между прочим, чтобы не забыть, сообщаю тебе, что я писал папе о твоей просьбе, и в последнем письме он пишет, что эту просьбу он выполнит при первой же возможности. Считаю, что он это сделает.

Сегодня я обратил внимание, что уже начинают желтеть деревья, и с них падают желтые листья. Значит, приходится констатировать, что лето уходит. Скоро осень. Сколько у меня раньше было дел перед осенью. Помнишь, как я начинал готовить материал для занятий!

Лето прошло. Мы, лесные жители, констатируем время по тем изменениям, которые происходят вокруг нас в природе. Появились ягоды и грибы, и мы иногда лакомимся этими вещами. Помнишь, как мы с тобой в свое время в Порозове ходили на их полянки? Они иногда оканчивались большой удачей. Правда ли?

Сейчас некоторые обитатели нашей землянки под влиянием моего примера уселись и тоже пишут письма своим близким.

У нас сложился маленький, дружный коллектив. Это понятно. На войне люди более быстро сближаются. Когда мы укладываемся спать, то у нас вошло в традицию петь русские песни, причем мы хорошо спелись и поем на 3 голоса. Песня как-то освежает нас всех.

Что тебе пишут из Порозова? Я как-то на днях отправил туда им открытку, думаю, что они ее получат. Как поживает Надежда со своим благоверным? Не понимаю я, как его совесть не заест.

Значит, из моих институтских приятелей пока остался один Жорка маленький? Где он сейчас работает? Если его встретишь (конечно, случайно), то скажи ему, чтобы написал мне пару строк о своей жизни.

Ты мне писала в одном письме о новых затруднениях в квартирном вопросе. Как сейчас – решается или нет этот вопрос?

В общем, надеюсь, что обо всем мне напишешь.

Пока закончу. Привет всем! Привет тебе от Мишки. Я ему сказал,

что приветы я передавать, конечно, буду, но больше ничего. Он пусть и не думает. Пиши! Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир. 17.08.42 г.

Письмо на розовом листке бумаги. Квартирный вопрос, как достать туфли в Устюге, наступает осень. Негатив к Надежде, мужа которой в армию не взяли, т.к. работал на «Красной кузнице». Вспоминается Норозово.

5. Письмо от 19 августа 1942 года.

Здравствуй, Шура! Сегодня я получил твое письмо, датированное 10.08.42 г. Спасибо, что ты сейчас весьма аккуратно пишешь. Конечно, считаю, что иначе и быть не может. Значит, пока у вас там все благополучно. Это хорошо. Правда, ты пишешь, что Валерке нездоровится, но я считаю, что это не очень серьезное заболевание и надеюсь, что сейчас он уже поправился. Какие изменения предвидятся у вас в том вопросе, о котором я тебе писал в последних письмах? Я живу хорошо. Здоров. Через несколько дней напишу тебе более подробно. Сейчас уже ночь, поэтому на этом и закончу. Привет всем!

Целую тебя! Твой Владимир (пиши). 19.02.42 г.

Письмо очень краткое, возможно, происходят какие-то события на фронте. Письмо на открытке, адреса те же.

6. Письмо от 27 августа 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Я немного виноват перед тобой, что уже давненько ничего не писал тебе.

Сегодня получил твое второе письмо от 17 августа. Не мог сбраться до сего числа написать тебе письмо – не было времени. Ну ничего, думаю, ты меня извинишь.

Значит, я получил от тебя 2 письма, причем во втором даже Валеркино письмо лежало, с изображением его руки в натуральную величину. По моему заключению, рука эта выглядит ничего и пивную кружку уже держать может. Плохо, что он заболел, но я думаю, что все это благополучно пройдет.

Тебе, следовательно, снова приходится отдыхать. Это, с одной стороны, и не плохо. Правда, в материальном отношении это несколько хуже. Плохо то, что я, к моему сожалению, ничем не могу

тебе помочь в этом деле по той причине, что не имею денег. Единственное, что я могу тебе посоветовать – это продать мои некоторые вещи. Не знаю, что еще тебе посоветовать. В крайнем случае, напиши мне, если у тебя создастся трудное положение. Я тогда попробую написать куда-либо. Обратись с этим вопросом. Пусть хотя бы временно взаимообразно они выделят тебе кое-что. Во всяком случае, я думаю, что они тебе не откажут, а если они ничем тебе не помогут, то я этого никогда не забуду. В общем, напиши мне об этом. Ты писала мне, что Нина получила мои часы. Я не велел отправлять, но раз они получены, я прошу тебя, чтобы они были сохранены, иначе я могу получить их в неисправном виде. Самое главное, чтобы они были целы, ты понимаешь, что они для меня очень дороги.

Сегодня я почему-то получил обратно открытку, которую я послал в Порозово. Не могу понять, в чем дело. Я писал ее по старому адресу (В. Вологодское п/о). На открытке написано: «в Забюковском (что это за штука?) п/о адресата такого нет». Открытка вернулась обратно.

На днях мне и моим товарищам удалось посмотреть замечательный кинофильм «Александр Пархоменко». Какая замечательная картина! Смотрела ли ты ее? Это для нас большое событие. На днях ожидаем каких-то артистов. Видишь, и мы здесь не оторваны от культуры!

Живу я все по-старому. Чувствую себя хорошо. Здоров. Очень часто вспоминаю тебя и всех других членов нашей семьи. Письма регулярно получаю от тебя и из Устюга. Я со своей стороны стараюсь ни одного письма не оставить без ответа. Ну как у тебя разрешается квартирный вопрос? Думаю, что все устроится. Кто сейчас назначен зав. этой школой? Что ты думаешь с устройством Валерки в детский сад? В общем, пиши мне обо всем.

Пока на этом кончу. Привет всем! Крепко целую тебя и Валерку!
Твой Владимир. 27 августа 1942 г.

Письмо написано на двойном листке розовой бумаги. Вопросы о часах. Я видел эти часы у тети Шуры, они так и не были вручены В.С., но сохранились (авт.). Вопрос с квартирой решается трудно, трудное и материальное положение. Нужно продать вещи. Шура, как и раньше, живет в школе. Фотокарточки. В.С. сильно изменился. Живут в землянках, по 2 человека.

Сентябрь 1942 г.

1. Письмо от 3 сентября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Опять я должен посыпать свою голову пеплом и извиняться перед тобой за несвоевременность ответа. Получил я от тебя два письма, а ответить собрался только сегодня. Правда, не думай, пожалуйста, что это я поленился или не желал, прямо скажу – не было времени и условий. Думаю, что ты не будешь на меня сердиться, если учесть все это.

Из твоих писем я узнал много новостей, узнал, что у тебя все в порядке. Это очень хорошо. Валерка немного прихварывает, но считаю, что ничего страшного нет – кто из нас в свое время не прихварывал! Весьма я доволен, что и с квартирным вопросом все пока хорошо. Правда, быть может, тяжеловато тебе иногда будет по некоторым вопросам с Малютиной (правда, я от нее таких вещей не ожидал), но в случае чего ты обращайся к Шустиной или Отс. Думаю, что больших все же недоразумений не будет.

А как твои материальные стороны? Наверное, еле-еле концы с концами сводишь. Жаль, что в этом деле тебе практически помочь не могу.

Правда, вчера я послал перевод на твое имя; посылаю тебе шестимесячную мою зарплату. Не пугайся, не очень астрономическую сумму ты получишь! Напиши, когда ты получишь этот перевод. Вот все, что я мог сделать в этом вопросе. Ты писала в одном из писем, что из Устюга Нине пришла посылка, и в числе прочих вещей в ней должны быть мои часы. Получены ли они, и где сейчас находятся? В отношении Валеркиных игрушек я не понимаю, что тут выходит.

Получаешь ли ты письма из Порозова? Как там они живут? Часто ли к тебе заходит Нина? Правда, у нее много работы, но я думаю, что время выбрать можно. От мамаши я что-то давно не получал писем – видимо, трудно написать.

Я лично живу все также. Никаких изменений в моей жизни не произошло. Все в порядке. Идет уже сентябрь месяц. Подходит осень, а за ней зима. Время движется быстро и с каждым днем приближается разгром всей фашистской нечисти. Они получат за все по заслугам.

Поздравляю тебя с успешным окончанием твоей первой научной работы. Молодец ты у меня! Только смотри, не получи звание доктора наук, а то смотри, чего доброго, знаться с нашим братом не будешь. Разумеется, я пошутил. Думаю, что все же и при этих условиях мы сумели бы сохранить нормальные отношения. Так или не так?

Ну ладно пока закончу. Пиши мне обо всем. Жду письма.

Привет всем родным! Крепко целую! Твой Владимир.

03.09.42 г. Р.С. Посылаю для Валерика открытку, которую мне удалось здесь достать.

Письмо на розовом большом линованном листе бумаги, согнутом пополам. Вопросы: научная работа Шуры? Что в Порозове? Часы? Уладилось ли дело с квартирой в Архангельске? Изменений на фронте нет.

2. Письмо от 8 сентября 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вчера я получил твоё письмо от 29.08.42 г. Это письмо заставило меня кое о чём подумать. Я очень доволен, что у вас там все обстоит благополучно. Меня очень интересует и беспокоит вопрос, о котором ты упомянула в своем письме в связи с необходимостью достать дрова. Помнишь? Так вот, я хочу знать – все это обходится без каких-либо последствий или нет? Ты мне в каждом письме описываешь, как живет Валерка и все его проделки. Меня все это, конечно, очень интересует. Я очень доволен, что он растет таким сообразительным, любознательным. Это все хорошо. Что касается его недостатка, то я считаю, что все можно поправить. Не советую тебе расстраиваться по этому поводу. Время, по-моему, еще сделает свое. По-моему, что-либо еще может измениться. Во всяком случае, я сделаю все, что в моих силах (конечно, в будущем), чтобы сделать для него все необходимое.

Значит, по-видимому, вопрос квартиры для тебя пока разрешился тем, что ты осталась на прежнем месте. У меня к тебе есть еще один вопрос. Ты писала мне, что из Устюга мне прислали часы, об этом же мне писал и папа. Однако получены ли они и в каком состоянии, а также, где они находятся, ты мне не написала ничего.

Я писал тебе, что недавно перевел на твоё имя маленькую сумму денег. Получила ли ты ее? В последнем письме я послал для Вале-

рика открытку. Понравилась ли она ему? Он сейчас, вероятно, уже разбирается в картинках и понимает, что на них изображено. Сегодня я посылаю тебе маленькую и не очень хорошего качества фотографию. Здесь изображены мы с Мишкой, который, между прочим, шлет тебе сердечный привет (вот сукин сын!). Посмотри на нее и ты увидишь, наверное, почти незнакомого тебе человека, в котором только что-то немного общего найдешь с прежде хорошо знакомым для тебя человеком, пишущим данное письмо. Короче говоря, если бы я сейчас с тобой встретился, чего доброго, не узнала бы. Давно ведь мы с тобой не виделись! Ничего, придет время – снова встретимся и снова будем жить вместе. Верно?

Что тебе написать о своей жизни! Живу хорошо. Здоров. Пожалуй, и все. Приобрел я много новых навыков и, пожалуй, даже специальностей.

Сейчас, наверное, в вашем доме снова шум с утра до ночи. Правда, вероятно, ты и Валерка в это время отсутствуете. Как здоровье его и твое лично? В общем, пиши мне обо всем. Пока на этом кончу. Привет Нине и страшно занятому историку Л.А.П.

Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир. 08.09.42 г.

P.S. Приложение – фотокарточки.

Письмо написано на линованном розовом листке бумаги. Вероятно, он узнал, что у его сына Валерика имеются проблемы со слухом. Шура живет по-прежнему в школе.

3. Письмо от 10 сентября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня я решил черкнуть тебе несколько строк. Я очень много думаю по поводу изменившейся в вашей жизни, обстановке. Думаю, не лучше ли вам в связи с этим уехать в Устюг? В общем, подумай. Конечно, это надо решать сейчас, ибо если закроется навигация, то попадать туда будет гораздо сложнее. Надеюсь, что ты сумеешь выбрать правильное решение. Сегодня я получил письмо от мамаши. Она писала мне об этом же. Позавчера я послал тебе письмо, в котором направил тебе фотографию. Прямо скажу, что жалею о посылке ее. Очень уж ужасно я там получился. Что доброго, испугаешься. Но другой у меня нет. Получила ли ты мой перевод?

Я живу хорошо. Чувствую себя тоже хорошо. В общем, все обстоит благополучно. Мы со своим другом живем дружно, правда, иногда по-дружески перекидываемся.

Как движется твоя научная работа, наверное, уже скоро закончишь! В общем, я вижу, ты у меня скоро будешь кандидатом наук. В общем, ты молодец!

Что тебе пишут все наши старики? Смотри, я тебя вопросами закидал. Жду от тебя подробного письма. Пока закончу на этом. Привет всем родным! Тебе привет от Миши. Крепко целую! Твой Владимир.

10.09.42 г. Посылаю тебе одну книжку. Почитай и подумай!

Письмо на одной страничке. «Думаю, не лучше ли вам в связи с этим уехать в Устюг?» Переезд в Устюг, возможно, вызван наступлением немцев на Москву и продвижением фронта на Европейском Севере к Вологде.

Октябрь 1942 г.

1. Письмо от 2 октября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Все время не знал, куда тебе писать в связи с изменившимися в твоей жизни обстоятельствами, но сегодня решил попробовать написать тебе по старому адресу, может быть, и получишь это письмо. Я был очень удивлен, получив от тебя письмо из Вологды, хотя и советовал тебе отправить Валерку. Значит, он сейчас находится в Порозове. Считаю, что ему там будет хорошо. Конечно, ты могла бы его свезти в Устюг, мне оттуда все время папа пишет об этом и даже в последнем письме сообщал, чтобы я посоветовал тебе это сделать. По сейчас пока, конечно, этого сделать тебе нельзя. Как ты доехала обратно? Наверное, не обошлось без каких-либо приключений. Прошу тебя написать мне обо всем подробно. Как Валерка себя чувствует и как он привыкает к новой для себя обстановке? Как на все это смотрят твои родители? Кроме того, меня очень интересует вопрос твоей дальнейшей жизни. Я тут писал вам всем о моем личном мнении по этому вопросу. Я, по многим причинам, взвешивал все обстоятельства, считаю это правильным. Хотелось знать, как ты думаешь. Сейчас тебе, безусловно, будет скучно без

Валерки, но надо к этому привыкать. Я думаю, что у тебя не так уж много свободного времени, учитывая, что ты занимаешься научной работой.

Больше работай над собой, читай. Ты сейчас будешь иметь возможность чаще ходить в театр и пр., чаще гулять. Используй это, но, конечно, благоразумно. В общем, не знаю, понимаешь ли ты то, что я хочу тебе сказать? Как твое здоровье? Есть ли какие изменения в твоей работе? Получила ли ты мои последние письма, в каждом из них были кое-какие «предложения». Если не получила, то узнай, куда они делись. Я не думаю, чтобы их затеряли в 13-й школе. Мне писала мама, что вопрос о квартире еще не решен, и что тебя усиленно выживают из занимаемой тобой комнаты. Напиши мне, как все это кончилось. В общем, я очень прошу тебя писать чаще, за последнее время я получаю твои письма реже.

Я живу без особых изменений. Все по-старому... Могу лишь сообщить тебе, что наш почтовый адрес теперь изменился. Пиши мне теперь по адресу: полевая почта № 617, часть 121 – мне. Больше ничего не добавляй в адрес.

Вчера я послал открытку в Порозово. Не знаю, получат ли они ее, или снова она вернется ко мне. Я тогда тоже адрес писал точно. Напиши мне, как ты там у них пожила. Между прочим, я тоже очень часто вспоминаю, как мы там с тобой когда-то ушли и ходили за грибами. Помнишь? Ничего, думаю, что мы с тобой еще сходим туда.

Наступила осень. Время, как видишь, движется своим чередом. Наверное, ты уже смутно помнишь обо мне. Правда, я считаю, что это не так, хотя частенько на эту тему размышляю и, признаться, подобные мысли причиняют боль.

Жду от тебя письма, где ты мне напишешь подробно о своей жизни. Напиши мне точный адрес твоих. Что они тебе пишут? Получаешь ли ты письма из Устюга?

Ну, пока на этом кончу. Привет всем. Крепко целую. Твой Владимир. 02.10.42 г.

Валерку перевозят не в Устюг, а в Вологду в Порозово, к родителям Шуры – Батыгиным. Я там находился уже длительное время, был отправлен вскоре после рождения (авт.).

2. Письмо от 25 октября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Наконец, после продолжительного ожидания, я получил твое письмо, чему был очень рад. Между прочим, ты зря беспокоилась, что в связи с переменой адреса я некоторое время не получу твоих писем. Все посланные тобой письма я получил, т.е. некоторый промежуток времени старый адрес был действительным.

Очень рад, что у вас пока все благополучно. Надеюсь, что и впредь будет также. Получил я сегодня открытку из Порозова, куда я как-то писал. Пишут, что живут хорошо, Валерка чувствует себя замечательно, привык к ним и значительно поправился. Сегодня напишу им ответ и пошлю свою фотографию им, пусть посмотрят. Мне писала мамаша, что ты за время пребывания в Порозове хорошо поправилась и выглядишь замечательно. Разумеется, это очень хорошо.

Жаль только, что в настоящий момент я не могу хотя бы издали на тебя посмотреть. Как хотел бы я этого! Ничего, придет день, увидимся снова и будем жить снова счастливо, как мы жили когда-то.

Я часто в мельчайших подробностях вспоминаю отдельные моменты нашей с тобой жизни и рисую в своем воображении картины будущего. Да, мы добьёмся этой радостной жизни, мы за нее сейчас и боремся.

А ты у меня молодец. Желаю тебе быть такой же и в будущем.

Поздравляю тебя с праздником 25-й годовщины Октября, желаю здоровья, успешной, плодотворной работы и осуществления всех твоих желаний. Напиши мне, как в этом году ты отметишь этот день. И чуть не упустил – ведь этот день для тебя совпадает с днем рождения, поэтому поздравляю тебя еще и по поводу твоего юбилея.

В общем, как видишь, поздравлений и пожеланий я нашел тебе целую кучу!

Как идут твои дела? Что нового в работе? Как подвигается твоя научная работа? (Ну, беда, опять вопросами стал засыпать).

В общем, убедительно прошу тебя писать мне по возможности чаще.

Ты понимаешь, что получить маленькую весточку от тебя – для меня очень приятно и, во-вторых, я сейчас беспокоюсь о вас и не получал долго писем – не знаю, что и подумать.

В моей жизни никаких изменений нет. Сообщаю тебе, что меня приняли в члены ВКП(б). Я очень горжусь этим. Кроме этого, каких-либо значительных событий со мной не произошло. Ты мне ничего не писала – получила ли ты мой перевод? Деньги тебе сейчас, вероятно, нужны. Пока больше прислать не могу.

На улице типичная осенняя картина – грязь, перемешавшаяся со снегом. Слово «улица», правда несколько необычно в наших условиях – какая тут улица, когда нет ни одного дома, но другого слова не подберешь. Пишет ли тебе что папа? От него я тоже давненько не получал письма, правда, он, пожалуй, пишет мне всех аккуратней.

Как живут Нина и мама? Нина, видимо, очень занята великими делами.

А вот твоя сестра, выходит, начинает пользоваться всеми «благами жизни». Бывают такие вещи, к сожалению. Правда, у каждого человека свои взгляды на эти вещи, а у нее с Петром, очевидно, эти взгляды одинаковы. Передай ей от меня привет. Пусть (*написано, но зачеркнуто – авт.*).

Ну, пока закончу. Привет тебе от моего друга Миши, которому ты дала удачное название, над которым мы все смеёмся. Привет Нине, маме. Ей я сегодня также напишу ответ. Посылаю тебе открытку, как предпраздничный подарок. Пиши! Крепко тебя целую. Твой Владимир. 25.10.42 г.

Письмо большое, написано в спокойной обстановке. В жизни В.С. большое событие – его приняли в члены ВКП(б): «Я очень горжусь этим».

Ноябрь 1942 г.

1. Письмо от 7 ноября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Долго я ожидал твоего письма. Все мои товарищи получили от близких людей письма, посылки и пр., а я один все ничего не имел, но сегодня – 7 ноября – рано утром мне принесли сразу 3 письма, в том числе одно от тебя. Я был этому очень рад, тем более это совпало с праздником. Письмо твое произвело на меня большое впечатление. Благодарю тебя за высказанные твои мысли относительно меня.

С моей стороны (я надеюсь, ты тоже знаешь) я полностью отвечаю тебе взаимностью. Все свое будущее я связываю с тобой.

В общем, ты своим письмом прибавила мне сил и энергии. Не обижайся на то, что я тебе в одном из предыдущих писем поделился с тобой глупыми мыслями. Я надеюсь, что ты легко поймешь, что в моем положении подобные мысли могут появиться. В общем, не сердись.

В письме от мамаши, которое я сегодня тоже получил, много написано о тебе хорошего, читать это мне очень приятно.

Итак, сегодня праздник. Я в своих предыдущих письмах поздравил вас всех с этим праздником, посыпал вам поздравительные открытки, а тебя, кроме того, поздравил с Днем рождения. Завтра за твое здоровье выпью 100 грамм.

Не пришлось в этом году мне быть с вами в этот день, но надеюсь, что в будущем году этот день мы отметим вместе.

Валерка, значит, живет хорошо. Это меня радует. Ты, кажется, тоже начинаешь беспокоиться о том, что он тебя забудет. Я об этом уже давно тебе писал. Ничего особенного, не расстраивайся. Он тебя не забыл и забыть не может. Пусть пока живет и развивается. Имеющийся у него дефект, безусловно, исправится. Я в этом уверен.

Радует меня также и то, что ты лично также поправилась. Желаю, чтобы к моему возвращению ты выглядела также. Я уже тебе несколько раз писал о том, чтобы ты прислала мне свою последнюю фотографию. Еще раз прошу тебя это сделать. Думаю, что это можно осуществить. Ладно?

Почему ты до сих пор не получила посланного мною на твое имя перевода? Добейся, чтобы тебе его вручили. У тебя, как видно, есть серьезные успехи в области проводимой тобой научной работы. Желаю тебе успеха и в дальнейшем и очень рад за тебя.

За несколько дней до праздника я получил партийный билет. Это я расцениваю как большое событие в моей жизни. В остальном моя жизнь идет без особых изменений. На здоровье пока не жалуюсь, если не считать зубов, которых, к слову сказать, у меня почти не осталось. Считаю, что это дело поправимо в будущем.

Сегодня у нас ожидается приезд кинопередвижки. Значит, будем смотреть кино. Ну, как ты и все вы устроились на новом месте? Перебрались окончательно или нет? Как вообще условия вашей жизни? Пиши мне подробно обо всем и желательно, почаше. Пока на этом

закончу. Большой привет всем родным! Маме сегодня также напишу ответ. Получила ли она мое поздравительное письмо? Ну пока! Пиши! Крепко целую (увы, на бумаге...) Твой Владимир. 7 ноября 1942 г.

Письмо написано на двух листках белой линованной бумаги. Получение партбилета. Отсутствие зубов (цинга?). Проблемы с Валеркой, который плохо слышит и находится в Порозове. Вроде переезд на новую квартиру Шуры.

2. Письмо от 14 ноября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Два дня назад получил твое письмо и открытку от Нины. К сожалению, пока не имею возможности написать вам письма, поэтому ограничиваюсь только вот этой открыткой. Будет возможность – напишу подробнее.

Живу хорошо. Здоров. Все в порядке. Получила ли ты и мама мои предыдущие письма? Пишите, как вы живете и как ваше здоровье. Что пишут о Валерке, как он живет? Нине я напишу позже. Пусть не обижается на это. Привет всем. Пиши!

Крепко целую. Твой Владимир. 14 ноября 1942 г.

Письмо на открытке, но с английским переводом! (?) Адрес: В.С.: 617, полевая почта, часть 121. Письмо написано по новому адресу проживания Шуры: г. Архангельск, пр. Сталинских ударников, дом 118, флигель 2, кв. 8. Это деревянные двухподъездные дома возле хлебозавода, всего их было шесть. Некоторые дома, в том числе и наш дом, живы до сих пор, хотя хлебозавод снесли и на его месте построили элитное жилье для богатых с выделенным двором. В этом доме, на втором этаже, жил после войны я сам (авт.). Там же жила мать В.С. и Нина.

3. Письмо от 20 ноября 1942 года.

Здравствуйте, дорогая Шура и все мои родные!

Я перед вами в большом долгу – получил от всех вас письма, но пока не могу написать вам ответы. Ограничиваюсь пока тем, что посылаю вам эти несколько строчек. Живу хорошо. Жив и здоров. Через несколько дней буду иметь возможность написать вам всем по письму. Пока уж не обижайтесь на меня и не беспокойтесь.

Пишите, как живете и как здоровье у всех вас. Повторяю, что в ближайшие дни напишу вам. Крепко всех целую. Ваш Владимир.

20 ноября 1942 г.

Письмо написано на стандартном бланке «воинское». Письмо по объему – тетрадный лист. На как бы конверте портрет Суворова и надпись «Смерть немецким оккупантам». Под портретом Суворова цитата Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова». Есть штемпель: «Просмотрено военной цензурой». Письмо складывалось пополам и склеивались. Письмо краткое, видимо, идут активные боевые действия, поэтому В.С. не имеет возможности написать подробное письмо.

4. Письмо от 22 ноября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Наконец я снова имею возможность написать тебе ответ на полученные от тебя два письма. Ты уже, наверное, обижаться на меня начала, но, погоди, я не мог написать тебе раньше.

Я очень много думал о тебе в эти дни, а написать не мог. Сегодня, наконец, имею возможность для ответа. Я очень доволен, что у вас все благополучно и что все вы живете хорошо.

Желаю, чтобы и дальше дело обстояло именно так. Ты не представляешь себе, как хочу я увидеть тебя! Давным-давно уже мы с тобой расстались. Ничего, еще встретимся снова – и снова будем жить и делить все. Не правда ли? Говорят, что продолжительная разлука проверяет отношения людей друг к другу. Может быть, это так. Я, во всяком случае, не нуждался в такой проверке, ибо ты хорошо знаешь мое отношение к тебе, однако сейчас я особенно понял, насколько ты мне дорога. Я рад, что время не изменило и твоего отношения ко мне.

Вообще этот вопрос очень серьезный. Я писал тебе несколько раз, и даже в последнем письме тоже, об одной моей просьбе. Можешь ли ты это сделать? (я имею в виду вопрос о фото).

Ну как ты живешь и что нового в твоей жизни? Как отметила свой День рождения? Чем занимаешься, и как продвигается твоя научная работа? Что пишут о Валерке? Я недавно получил письмо из Порозова. Мне писали, что Валерка живет хорошо, значительно пополнился, забияка ужасный – их все с Вовкой совет не берет. Сообщили, что послали мне посылку, в которой принял участие даже Мохов. В общем, мне даже как-то не совсем удобно. Письменную связь я с ним регулярно поддерживаю. Правда, за прошедшее время я писем

ни от кого давненько не получал, но я и сам никому не писал. Сегодня написал вам всем по письму. Читайте на здоровье!

Живу я хорошо, все так же. Многое о моей жизни не напишешь.

Время идет очень быстро – ведь уже кончается ноябрь месяц! Недолго уже осталось до начала нового года. А помнишь, как мы весело встречали раньше Новый год? Ничего, мы еще в будущем на-верстаем за все это.

Как живет твоя сестра? Передавай ей от меня привет. Она, по-видимому, ведет довольно странный образ жизни. Конечно, каждый человек живет по-своему.

Между прочим, привет тебе от сдобного Миши. Он, разумеется, не обижается на тебя за присвоенное ему прозвище. Мы с ним дружно живем.

Ты писала, что за последнее время довольно много читаешь. Это очень хорошо, я тебе завидую и с удовольствием бы тоже почитал что-либо, но возможности нет, даже если бы и книги были.

Получила ли ты мой перевод, или он все еще плавает неизвестно где? Ты сходи на почту и подай заявление о том, чтобы его разыскали и вручили тебе. Я, в крайнем случае, могу тебе выписать квитанцию. Думаю, что его разыщут. Сейчас мы слушали последнее сообщение Информбюро (передали по телефону и записали, а потом нам зачитали) о наступлении наших войск под Сталинградом. Новости хорошие.

Ну, пока на этом закончу. Привет всем! Крепко целую. Твой Владимир.

Пиши! 22.11.42 г.

5. Письмо от 28 ноября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Очень давно я не получаю от тебя никаких известий. Почему так долго не пишешь? Правда, я лично некоторый период тебе не писал, но с тех пор посыпал тебе несколько писем. А ты молчишь. Я начинаю беспокоиться и не знаю, чем все это объяснить. Прошу тебя писать мне более регулярно. От остальных тоже давно ничего не получал.

Я живу по-прежнему. Ничего нового нет. По получении от тебя письма пошлю тебе свою фотографию, которая у меня имеется.

Пиши, как живешь, как твое здоровье и что у вас нового. Получила ли ты мои предыдущие письма? Как поживает мама и Нина? Чем они занимаются? Жду твоего письма. Привет твоим родным! И от Миши тоже привет всем.

Крепко целую. Твой Владимир. 28.11.42 г.

Письмо на открытке, краткое, возможно, связано с событиями на фронте.

6. Письмо от 30 ноября 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Наконец, после долгих отсутствий, я получил сегодня от тебя письмо. Начинал уж было беспокоиться, не имея долго от тебя известий. Из твоего письма узнал, что все у вас благополучно и что живете вы хорошо. Я очень рад этому. Прошу тебя все же писать мне чаще, чем ты иногда пишешь. Письмо из Порозова я не так давно получил, там даже Валерка своих каракулей на бумаге нацарапал. Действительно, тяжело твоей маме возиться с этими двумя орлами. Она пишет, что растет Валерка хорошо, только большой забияка. Ты пишешь, что скучаешь без него, а я ведь его не видел еще большее время. Ничего, придет время, увижу и его и тебя. Давно, давно я не вижу тебя! Часто вспоминаю в мельчайших подробностях, как мы жили с тобой. Хорошее было время, но оно еще вернется. Будет еще на нашей улице праздник!

Живу я хорошо. Несколько дней нездоровилось, но теперь уже все прошло. Посылаю тебе с этим письмом фотографию, где я изображен вместе со своими друзьями. Случайно сфотографировались, и все остались очень довольны снимком. Думаю, что ты в долгую не останешься и вышлешь мне свою фотографию.

Получила ли ты, наконец, мой перевод? Долго он где-то болтается. Что нового есть у вас? Как вы все живете? Получила ли Нина мою маленькую открытку, где я ее поздравлял с Днем рождения? Как она живет и работает? Посмеялся я над твоим описанием, как мама «клюнула» в праздник. Жаль, что меня там с вами не было. Что-то она мне давно ничего не пишет. Получила, надеюсь, она мои письма, особенно последнее, где я ответил на ряд интересующих ее вопросов. Сегодня получил письмо от папы. Он пишет, что недавно получил твое письмо или от Нины – не смог понять. Пишешь ли ты

ему хоть изредка? Как двигается твоя научная работа? Напиши обо всем понемногу.

Ну, ладно. Пока закончу. Жду твоих писем. Большой привет всем вам от моих друзей. Привет Надежде! Крепко целую! Твой Владимир. 30.11.43 г.

P.S. Посылаю фотографию. Получишь – напиши.

Декабрь 1942 г.

1. Письмо от 12 декабря 1942 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня, наконец, после долгих дней ожидания, я получил твое письмо, за которое благодарю тебя. Что-то ты за последнее время очень редко мне пишешь и заставляешь долго ждать. Прошу учесть это и писать мне чаще. Получила ли ты мое письмо, в котором я посыпал тебе фотографию, на которой был изображен я со своими друзьями? Как тебе она – понравилась? За тобой, между прочим, должок есть в этом отношении (я имею в виду фото). Для меня было бы очень приятно получить твою фотографию, чтобы на ней посмотреть на тебя, ибо, к сожалению, я уже давно лишен этого.

Очень я соскучился по тебе, но знаю, что пока на встречу с тобой рассчитывать нельзя. Но когда-нибудь придет день, и мы с тобой встретимся снова, расскажем друг другу обо всем и снова будем жить хорошо и счастливо.

Время идет своим чередом, незаметно. Кончается скоро последний месяц 1942 года. Воспользовавшись случаем, поздравляю тебя с наступающим Новым годом, желаю тебе здоровья, успешной работы и всего хорошего, что может пожелать тебе человек, который любит тебя. Сколько раз мы вместе с тобой встречали Новый год! В этот раз мы находимся далеко друг от друга, в различных условиях, но, отмечая Новый год, мы мысленно будем вместе и вспомним друг друга. Правда?

Живу хорошо. Я знаю, что тебя интересуют многие подробности моей жизни, но писать много на эту тему я не могу. Ты, надеюсь, понимаешь это. Между прочим, мне на днях присвоили воинское звание – ст. сержант. Дней 10 тому назад я получил посылку из Порозова, и мы с Мишой до сего дня лакомимся сыром, который, как ты знаешь, мне по душе.

Писем за последнее время ни от кого не получал. Очевидно, не иначе вы все сговорились мне не писать.

Получили ли Нина и мама мои письма, которые я им писал? Вообще я всем отвечаю, и за мной в этом отношении долгов нет. Как твои успехи в научной работе, которую ты ведешь? Молодец ты у меня, и я очень горжусь тобой. Встречаешь ли ты кого-либо из моих приятелей? Если что знаешь о них – напиши. Значит, Вы все отметили очередной юбилей Нины. Интересно, какая она сейчас. Наверное, «шибко важная», к ней, наверное, на 3 шага не подходит.

А что из себя представляют ее новые друзья, и часто ли они бывают у вас? Наверное, ей, бедняге, приходится график или расписание составлять. Как живет мама? У нее, кажется, в этом году нагрузка небольшая.

Получаешь ли ты письма от родных, и как они живут? Пишишь ли ты в Устюг? Видишь, сколько я опять вопросов задал. Думаю, что ты мне подробненько напишешь о себе и обо всех других. Письма твои я читаю очень внимательно и всегда бываю весьма рад каждому твоему письму и долго нахожусь под их впечатлением.

Валерка наш, как видно, живет очень хорошо и быстро растет. Конечно, он находится в хороших условиях. Мне, конечно, если бы пришлось его увидеть, то было бы не узнать его. Неудивительно – ведь я его оставил, когда исполнилось ему всего 2 года, и он сейчас, конечно, совсем другой. Меня он тем более не захочет признать. Ну ничего, мы с ним как-нибудь познакомимся.

Пока на этом кончу. Миша шлет тебе свой привет и поздравления с Новым годом. Передай от меня привет маме и Нине, а также Надежде. Пиши!

Крепко целую тебя и всех наших (правда, поцелуй на бумаге, увы, – не тот!) Твой Владимир. 12.12.42 г.

2. Письмо от 16 декабря 1942 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Сегодня получил твое письмо. На этот раз интервал между твоими письмами был небольшой. Это очень хорошо. Я даже сразу не поверил, что от тебя письмо, да к тому же было оно несколько необычной формы (я привык к треугольным конвертам). Благодарю тебя за письмо. Заранее рад, что в ближайшем будущем получу твою

фотографию. Между прочим, ты мне не написала, получила ли ты фотографию, которую я тебе послал в одном из писем? Получишь – напиши.

Посылаю тебе квитанцию на этот злополучный перевод, который где-то пропадает. Сегодня я написал заявление о его розыске, а тебе посылаю квитанцию. Учи только, что перевод был сдан на ППС № 1585. Наверное, теперь разыскать эти деньги трудно, правда, и сумма небольшая. В ближайшее время пошлю тебе снова перевод, и теперь буду регулярно посыпать тебе по небольшой сумме.

Живу я по-прежнему, без особых изменений. Писем от папы и из Порозова не получал уже давненько. Интересно было посмотреть на маленького механика Валерку. Он, как видно, большим бузотёром растет.

Ну теперь, вероятно, вы все уже обжились на новом месте. Наверное, устроились фундаментально. Собрали ли в одно место все ваше нехитрое имущество? Сохранила ли ты мои документы? А достала ли ты мою зачетную книжку, о которой я писал тебе когда-то? Значит, твоя сестра беспокоится о Петре, и, как видно, по двум причинам. Конечно, могут быть у них большие неприятности, но, быть может, все обойдется. Где Надежда работает? Она, наверное, уже приобрела большие практические навыки и теперь стала заправским врачом. Быстро как люди растут, ведь кажется, она еще недавно училась в школе. Нина ведь у нас тоже совсем недавно тряслась на защите дипломного проекта, а сейчас уже какой опыт работы приобрела! Да и ты сама, смотри, какой стаж имеешь, успешно и серьезно занимаешься научной работой. В общем, на всех этих примерах хорошо видно, как у нас в стране каждый может стать тем, кем он хочет.

Через несколько дней наступит Новый год. Поздравляю тебя и всех наших с Новым годом. Напиши, как вы отметите это событие.

Ну, пока закончу. Привет всем. Пиши! Крепко целую тебя. Твой Владимир. 16.12.42 г.

Письмо написано на белом листе линованной бумаги, вероятно, вырванном из тетрадки, но нет проколов от скрепки. Письмо «спокойное». Внимание к Надежде, какие-то проблемы, видимо, связанные с призывом на фронт Петра. У него якобы была бронь, т. к. он работал на судоремонтном заводе «Красная кузница». Переезд на новую квартиру на Набережной. Нина работает в МВД. Надежда – в 1-й горбольнице хирургом.

3. Письмо от 23 декабря 1942 года.

Здравствуй, Шура!

Сегодня получил твоё письмо. Благодарю тебя. За последнее время письма от тебя стал получать значительно чаще. Ты со своей стороны видишь, что я отвечаю на каждое твоё письмо своевременно. Мне вчера вообще повезло. Получил твоё письмо – это уже немаловажное событие, и одновременно получил посылку от папы. Он даже прислал мне «лекарство от всех болезней». Мы, конечно, сразу с моим приятелем устроили пир. В общем, провели хорошо несколько часов. Вспоминали свою прежнюю студенческую жизнь со всеми ее сторонами. Сейчас ведь мы живем совсем в других условиях, правда мы к ним привыкли и всем обеспечены. Но часто вспоминаем свою жизнь до войны, своих близких людей и друзей и мечтаем о замечательной жизни, которая будет после победы над злайшим нашим врагом. Тогда мы снова вернемся в города, будем посещать театры, кино, концерты, будем учиться, работать и веселиться. Но все это будет дальше, сейчас же мы ведем борьбу с проклятым фашистским зверем. С каждым днем приближается окончательная победа, полное уничтожение гитлеровской армии и всех пособников этого идиота. Каждый день мы узнаем о новых и новых ударах нашей Красной армии по вражеским ордам. Эти удары будут усиливаться с каждым днем.

Я рад твоим успехам в твоей работе, которую ты ведешь. Продолжай и дальше совершенствовать свои знания и свою квалификацию. Ты пишешь, что в ближайшие дни пришлешь мне свою фотографию. Буду очень рад получить ее. Тогда у меня будут изображения всех вас, дорогих для меня лиц. Мне немножко не понятно одно место твоего последнего письма. Ты там пишешь, что многие удивляются и даже считают странным, что ты сохраняешь прежнее ко мне отношение. Я не понимаю, что тут видят странного и удивительного, и кто именно? Конечно, у всех людей бывают свои взгляды, но у большинства на этот счет они бывают правильными, конечно, к сожалению, есть случаи, когда некоторые личности забывают быстро все при первом случае. Такие случаи, повторяю, к сожалению, встречаются, особенно теперь. В общем, вопрос этот очень серьезный. Мы все здесь на эту тему разговариваем.

Значит, ты получила посланную мною фотографию. Там кроме меня и Миши (которого, как видно, ты узнала), изображен еще один молодой

человек с гордым именем Виктор, герой многих романов (в прошлом) – в общем, хороший человек. Он живет со мной в одной землянке.

Я в предыдущем письме уже поздравлял тебя с Новым годом. Напиши, как вы отметите этот день.

Твой сон, о котором ты пишешь, мне понравился. Я очень желал, чтобы он был наяву, в ближайшее время. Совпадение у тебя получилось забавное.

Пиши мне, как вы все живете, что нового у вас. Пиши обо всем, ведь меня интересует все. Что тебе пишут о Валерике. Я знаю, что от живет хорошо.

Получила ли Нина мое письмо? Поздравь ее от моего имени с новым успехом. Но мы с ней заключили один договор, о котором я думаю, она не забыла, я ей об этом писал. Ну пока и закончу. Привет всем!

Крепко целую! Твой Владимир.

23.12.42 г.

Письмо на двойном листке линованной бумаги. Вопросы о Валерке, условиях жизни, ожидание Нового года.

3.3. Письма 1943 года

Январь 1943 г.

1. Письмо от 5 января 1943 года.

Здравствуй, Шурика!

Сегодня получил первый раз в этом году твое письмо. Благодарю за твое внимание. Стараюсь не оставаться перед тобой в долгу и, как видишь, своевременно отвечаю на твое письмо.

Относительно твоей фотографии, я уже писал тебе, что ее получил, и это явилось для меня очень приятным подарком к Новому году. Я был очень рад этому. На фотографии ты очень прелестно выглядишь, очень понравилась всем моим друзьям, про себя я уж не говорю.

Правда отдельные люди высказали мысль, что сейчас иметь красивую и молодую жену – очень плохо, по некоторым соображениям, и при этом привели некоторые примеры. Я, конечно, сказал им, что нельзя подходить ко всем с одной меркой, что я не считаю эти выводы тривиальными и т.д.

В общем, произошел небольшой диспут на эту тему.

Несколько дней тому назад я переслал на твое имя перевод на 400 руб. Получишь – напиши об этом. А получила ли ты мое письмо, которое я писал тебе в ночь на новый год? В это время вы, вероятно, вовсю пировали. Напиши, как в этот раз вы все отмечали встречу Нового года. Получил сегодня письмо от папы. Он тоже собирается служить в армии.

Ты писала мне в одном из писем, что 1 января у тебя предстоят изменения в работе. В чем они выражаются? Я уже высказывал тебе много раз свое мнение по этому вопросу. Сейчас, правда, условия несколько иные, но надеюсь, что ты учитывашь все.

Давно я ничего не получал от мамы и Нины. Последняя, видимо, вообще не находит нужным поделиться со мной своими успехами и другими вещами. Ничего не поделаешь.

Пока на этом закончу. В следующий раз напишу побольше. Большой привет всем обитателям кв. № 8. Пиши. Жду. Твой Владимир. 5.01.43 г.

Письмо написано на розовой бумаге чернилами. Обеспокоенность отношениями, про Валерика вопросов нет. Письмо направлено по адресу: Набережная, д.118, фл. 2, кв. № 8. В этой квартире проживали: мать В.С., Нина с сыном (в 2 комнатах) и в большой комнате тетя Шура с Валеркой, но он в это время был в деревне Порозово.

2. Письмо от 18 января 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил сегодня твое письмо от 6.01.43 г. Ты пишешь, что какое-то письмо у вас затерялось. По моим расчетам, это то письмо, кото-

рое я писал тебе в двадцатых числах декабря после получения твоей фотографии. В этом письме было фото. Если оно пропало – жаль. А может быть, предыдущее, в котором я писал о приключениях Нины. Какое из них ты не получила?

Одновременно с твоим письмом получил я письмо из Порозова, в котором сообщают, что Надежда выехала обратно и с ней послали кое-что для тебя. Вовка поправился. Валерка живет хорошо и выкидывает много номеров, и иногда изволит сердиться. В общем, хлопчик с характером. Ты сообщаешь, что получила письмо от брата Сергея. Значит, о нем до сих пор нет никаких известий. Я думаю о Сергееве и все питаю надежды (правда, сейчас они очень малы), что он где-либо разыщется и даст о себе весть.

Не могу понять, как это получилось. После боя, кажется, 26.08.41 г. его не оказалось. Он был вместе со мной, я его несколько раз видел во время боя, и в конце дня его уже не оказалось. Я сначала думал, что он присоединился к другой группе. В общем, к утру, когда мы заняли новый рубеж, его с нами не было, и, как видишь, с тех пор я о нем ничего не знаю.

Б. Хардиков вместе со мной после этого случая был некоторое время, а впоследствии он был откомандирован в другую часть. Где он сейчас, я тоже не знаю, но и он о Сергееве не знает больше того, что и я. Так что Сергей пропал без вести, и сказать что-либо определенное о его судьбе пока невозможно.

Я, конечно, постараюсь написать его брату о том, что я знаю о его судьбе.

В общем, трудно и невозможно в нескольких строчках письма описать все детали, но я думаю, что основное (о Сергееве) ты поймешь.

Интересно, знаешь ли ты, где сейчас Жорка Губенко? Я что-то давно о нем ничего не слышал. Может быть, он все еще работает на своем месте. Не встречала ты его или Г. Богового?

Пиши мне, как ты живешь и что у тебя нового. Получили ли мама и Нина мои письма?

Недавно получил я письмо от папы. Он сообщил мне, что снова направил мне посылку.

Я живу хорошо. Никаких особых изменений в моей жизни нет. Плохо лишь дело с зубами – многое выкрошилось. Но это все дело

поправимое, сейчас не это главное. Будет время, и этим делом займемся.

Получила ли ты перевод, который я тебе направил? Я думаю, в этом месяце снова тебе послать немного денег. А может быть, мне лучше их посыпать в Порозово? Как ты посоветуешь?

Как поживает твоя уважаемая сестричка с беспокойным характером? Между прочим, сейчас, к сожалению, очень многие поступают так же, как она, забывая все и не думая ни о чем. Многие из них когда-нибудь об этом пожалеют. По этому поводу много говорилось и говорится.

Ну, пока закончу. Жду твоих писем. Надеюсь, что мои письма больше теряться не будут. Между прочим, вы живете на 1-м или на 2-м этаже? Пиши обо всем. Привет маме, Нине. Крепко тебя целую!
Твой Владимир.

18.01.43 г.

Надежда вернулась из Порозова, Вовка поправился. В письме В.С. осуждает Надежду за какие-то поступки, идущие вразрез с нормами морали того времени. Хочет послать деньги в Порозово. Опять вспоминает о Сергеев Суровцеве, который пропал в первых боях 1941 года.

3. Письмо от 23 января 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня я опять получил твое письмо. Меня очень радует, что ты пишешь мне часто. Спасибо тебе. Но вот почему ты не получаешь моих писем просто непонятно. Я все время пишу и с очень маленькими промежутками. За это время много писем написано тебе. Не знаю, чем это объяснить. Может быть, за это время ты их все же получишь.

Живу я хорошо. На здоровье жаловаться не приходится. Все в порядке. Желаю, чтобы и ты всегда была здорова. В одном из писем я посыпал тебе фото. Получила ли ты его?

Пиши, как вы все там уживаитесь и что нового. Как закончилась история с вещами Сергея? Что нового в Архангельске? Большой привет маме и Нине! Пусть они мне тоже напишут. Пока! Крепко-крепко целую. Твой Владимир. 23.01.43 г.

Письмо «войнское». На стандартном почтовом бланке надпись: «Смерть немецким оккупантам» и стихотворение: «За страну Советскую Бей зверье немецкое. Бей штыком, гранатой бей, Бей, чем можешь, но убей».

Призыв: «Боец Красной армии! Будь стоек в бою! Немцы напрягают свои последние силы. Крепче удары по ненавистному врагу! Выдержать – значит победить». Есть на письме штемпель: «просмотрено воинской цензурой».

4. Письмо от 25 января 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил я сегодня твое «колючее», злое письмо, полное серьезных обвинений в мой адрес, незаслуженных с моей стороны. Я не могу понять, почему ты не получаешь моих писем. Пишу я тебе регулярно, с интервалами 3–5 дней. Не одно твое письмо не оставляю без ответа, а кроме того, еще иногда пишу, не дождавшись твоего письма. Вижу, что ты не получила многих моих писем. В частности, сразу после твоей маленькой фотографии, которую я так долго ждал и, получив которую, был очень рад. Я в тот же день послал тебе письмо, в котором писал, какое впечатление произвела на меня эта карточка, благодарил тебя и послал в этом же письме свое фото. Как видно, этого письма ты не получила. Послал я его 26.12.42 г. Я прошу тебя написать мне, за какие числа ты получила мои последние письма. Я надеюсь, что ты сейчас получила все мои письма. Чем объяснить долгое неполучение моих писем, я думаю и не могу понять. Я понимаю, что, долго не получая моих писем, ты нервничаешь, и это очень неприятно. Но все же обвинять меня в нежелании написать тебе – совершенно необоснованно.

Я думаю, ты хорошо должна меня знать и должна быть во мне уверенной.

Твои заключения, сделанные в этом письме, меня очень обижают. Как можешь ты так думать? По-моему, я никогда не давал тебе для этого поводов. Поэтому я прошу тебя выбросить из головы подобные мысли и никогда к ним не возвращаться. Так и договоримся. Как ты можешь представить себе, что я тебя забыл или еще что-либо в этом роде? Этого никогда не может быть! Знай это и пойми. Ведь с тобой связано у меня самое лучшее в моей жизни. Я только и мечтаю о том, как мы с тобой вновь встретимся после продолжительной разлуки. Ты убедишься, что я буду таким же, каким ты меня все время знала. Поэтому не думай обо мне так плохо.

Конечно, иногда могут быть некоторые перерывы в письмах, по причинам, от меня независящим. Я надеюсь, ты это понимаешь. Но

ты в таком случае будь уверена, что при первой возможности я тебе всегда напишу.

Что касается твоей фотографии, то я скажу тебе, что она мне доставила большую радость. Ты очень замечательно выглядишь. Считаю, что ты очень изменилась с того момента, как мы расстались, но изменилась в лучшую сторону. Все мои товарищи также говорили мне, что ты хорошо выглядишь. Я писал тогда тебе, что я, к сожалению, представляю собой другую картину. Ты очень хороша. Я этим горжусь. Ты должна быть и дальше такой же. Самое главное – быть уверенной во мне.

А последнее твое письмо так и дышит холодом и обидой. Напрасно это.

Как идет твоя работа? Ты сейчас много работаешь и, наверное, очень утомляешься. Письма из Порозова я получаю довольно часто и на каждое отвечаю. Пишут, что Валерка живет хорошо. Ты, вероятно, сама от них получаешь письма, и в курсе дел.

Вспомнил, как мы с тобой были у Т. Левитиной (о чем ты пишешь). Действительно, жалко, что тогда малость переборщили. Передай от меня Тасе привет. Где она сейчас работает?

Как поживает твоя многоуважаемая сестричка? Не под влиянием ли разговоров с ней ты написала это письмо?

Пиши обо всем.

Привет всем родным и знакомым! Крепко целую тебя.

25 января 1943 г. Твой Владимир. Р.С. Посылаю тебе цветочек с лепестками!

Письмо написано зелеными чернилами на двух листках белой бумаги из тетради в линейку и посвящено выяснению отношений с супругой. Действительно, в письме сохранились фрагменты цветка.

5. Письмо от 27 января 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Ты мне в нескольких письмах подряд сообщаешь, что не получаешь уже давно от меня писем, что ты не знаешь, на что подумать и выкладываешь разные предположения. Между тем, я пишу тебе регулярно и часто. Надеюсь, что за этот период ты получила все посланные мною тебе письма и убедилась в ошибочности своих предположений.

Живу я хорошо. Конечно, очень хочу тебя видеть, поговорить с тобой обо всем, но сейчас это невозможно. Придет день нашей новой встречи со всеми его радостями. Пока же приходится довольствоваться только письмами. Пиши, как живешь, получила ли мои письма. Как твое здоровье? Вообще, пиши мне обо всем. Я, конечно, не задержусь тебе ответить. Привет всем! Крепко-крепко целую! Твой Владимир. 27.01.43 г.

Р.С. Получила ли ты цветочек? Я тебе его послал в предыдущем письме.

Письмо «воинское». На нем надпись: «Смерть немецким оккупантам». Портрет Кутузова и слова И. Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков». Обратный адрес: почта 617, часть 121. Злобин В.С.

Письмо написано как бы наспех, стандартные вопросы, ответы. Видимо, отмечается какая-то боевая активность, занятость.

Февраль 1943 г.

1. Письмо от 2 февраля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил сегодня твое письмо. Наконец ты пишешь, что получила мои письма. Правда, по моим расчетам, ты еще не получила 2 моих письма, которые я посыпал раньше. В одном из них было фото. Жаль, но сейчас ничего не поделаешь. Постараюсь что-либо придумать (с фото). Теперь я надеюсь, ты убедилась в ошибочности твоих некоторых взглядов. А то уж начала придумывать разные небылицы. Что-что, а уж того, о чем ты мне тогда писала, быть не может. Поэтому никогда так плохо обо мне не думай. А здорово, видно, ты на меня сердилась! Бедняга я!

Получила ли ты мои предыдущие письма? Вообще я стараюсь писать тебе чаще. В этом ты можешь быть уверена. Сейчас ведь только письмами мы и можем поддерживать связь. Много воды ушло с тех пор, когда мы с тобой расстались. Много накопилось, о чем поговорить. Придет день нашей новой встречи, тогда будет у нас с тобой много радости.

Я очень доволен, что живете вы все хорошо. У тебя сейчас, как видно, дел еще прибавилось. Как проходит твоя работа? Что нового у вас? Пиши мне обо всем. Твоя сестра совсем «за ум взялась». Ну, что уж, это ее дело. Подобные вещи нельзя объяснять и оправдывать разными причинами, все зависит только от себя.

Как поживает наш Валерка? Конечно, жить ему там хорошо, но возиться с ним, видимо, приходится много.

Посылаю тебе открытку. Она очень хороша и, думаю, тебе понравится. Получишь – напиши.

Значит, ты начинаешь готовиться к сдаче кандидатского минимума. Это очень хорошо. Молодец ты у меня. Придется тебе меня на буксир брать. Ну, пока. На этом и закончу. Большой привет маме и Нине и всем друзьям вашего дома. Крепко целую тебя! Твой Владимир. 2.02.43 г.

Письмо написано на белом линованном листке бумаги. Кризис отношений вроде бы закончился. Опять осуждается поведение сестры – Надежды. Валерка в Порозове. Шура готовится сдавать экзамены (вероятно, так называемый «кандидатский минимум»).

2. Письмо от 9 февраля 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Ну, в этот раз приходится, очевидно, мне на тебя сердиться – писем от тебя давненько нет. А быть может, ты их и не пишешь? Конечно, шучу, такой мысли я не допускаю. Надеюсь, что сегодня или завтра получу опять узенький конверт с написанным тобой адресом и в нем подробное большое письмо.

Получила ли ты мое последнее письмо и открытки, которые я послал тебе? Как живешь, что нового у вас? Как здоровье? Неужели так и не получила ты мое фото? Я послал тебе, а также Нине с мамашей. А они тоже не получили? В общем, досадно. Я все мечтаю, как мы с тобой и Валеркой вместе сфотографируемся. Вот это, наверное, снимок будет отличный. Один, правда, такой снимок у тебя есть. Ну, пока закончу. Пиши. Привет маме и Нине. Крепко целую. Твой Владимир. 9.02.43 г.

Письмо написано на почтовой карточке. На стороне адреса репродукция известного плаката того времени: «Воин Красной армии, СПАСИ». На нем женщина с ребенком на руках, в которых нацелен штык немецкой винтовки. Указана цена открытки – 10 коп. и тираж – миллион экземпляров. Автор плаката – художник Корецкий.

3. Письмо от 14 февраля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шурика!

После довольно продолжительного ожидания я получил сегодня твое письмо. Очень был этому рад. Спасибо за хорошее, теплое пись-

мо. Очень рад за тебя, что ты живешь хорошо, что все у тебя в порядке. Надеюсь, что ты получила мои открытки, которые я тебе послал. Правда, у меня в моих письмах получился опять небольшой резерв, но я каждый вечер ждал твоего письма и, как видишь, немножко просчитался. Ну, ничего, постараюсь впредь более регулярным быть.

Значит, ты какой-то сюрприз готовишь для меня и Миши? Заранее благодарю тебя от себя и от его имени. Я ему уже об этом сообщил. Наверное, только у тебя не выйдет дело с отправкой. Ну, быть может, и выйдет. Твою просьбу о фото выполняю. К счастью, я нашел еще одну не совсем удачную фотографию и посылаю тебе. Снимок этот сентябрьский, фото, повторяю, не очень удачное, но пока лучше нет. Учи, что перед съемкой я прошел 15 км и не успел даже отдохнуться. Не очень я похож получился, но, быть может, признаешь как-нибудь.

Страшно хочется увидеть тебя и побывать с тобой хоть немного. Но сейчас, конечно, об этом и думать нечего, нужно ждать. Придет всему свой черед. Наступит и день нашей новой, радостной встречи. Я воображаю, какой это будет счастливый день для нас. Тогда мы с тобой будем снова неразлучными. Правда? Эти проклятые гитлеровские собаки нарушили жизнь всей нашей страны, все сейчас направлено на быстрейший разгром и уничтожение этих гадов. Они за все ответят и расплатятся своей черной кровью за свои злодеяния. Каждый день приближает нашу победу. Снова все советские люди будут жить свободной, радостной жизнью.

Как-то, интересно, живет Валерка, вернее, как он выглядит, так как живет он хорошо, я это знаю. Прямо не представляю, как мы с ним встретимся, как он отнесется ко мне. Конечно, он проявит мало радости при виде какого-то, совершенно незнакомого ему типа. Это не совсем приятно сознавать, но что поделаешь. Конечно, в таком возрасте, каким я его оставил, уходя в армию, ничего не значит, и не понимают еще детишки. Ты, наверное, замечаешь, что к этому вопросу я частенько возвращаюсь. Ничего, как-нибудь мы установим с ним взаимопонимания, хотя бы дружеские.

Получаешь ли ты письма из Устюга и пишешь ли туда? Как идут твои дела в области научной работы и как проходят занятия со студентами? Напиши, как устроились дела у Нины и как она себя чув-

ствует. В общем, пиши обо всем. Пока закончу. Жду твоего письма. Горячий привет всем! Тебе привет от Миши! Крепко тебя целую. Твой Владимир. 14.02.43 г.

П.С. Посылаю фото.

Письмо написано на двойном белом листке линованной бумаги. Фото вставлено в лист бумаги. Спрашивает о научной работе Шуры.

4. Письмо от 18 февраля 1943 года.

Здравствуй, дорогая!

Получил сегодня твое письмо от 7.02.43 г. и, не переводя дыхания, т.е. без малейшей задержки, спешу ответить.

Я считаю, что всякие инциденты по поводу некоторых перебоев в письмах полностью исчерпаны. Наговорили мы друг другу всяких вещей, и думаю, что все это не имеет почвы и все прошло бесследно.

Ты немного погорячилась, поторопилась с некоторыми выводами, убедилась в своей неправоте. В общем, как говорится, все хорошо, что хорошо кончается. Я понимаю, что можно всего надумать в нашем с тобой положении. Но уверенность друг в друге не должна покидать нас никогда. Я очень доволен, что ты и все остальные живут хорошо. У тебя сейчас, наверное, много работы. Я, конечно, не сомневаюсь, что твоя работа во всех направлениях идет успешно.

Получил я сегодня письмо из Порозова. Валерка живет хорошо. За последнее время возится усердно с козленком, который там приобретен.

В прошлом письме я послал тебе свое фото. Получила ли ты его? В этом письме посылаю свой портрет, написанный малоизвестным в широких кругах художником Михаилом Фищевым. Когда-то летом он выразил желание нарисовать меня, но испортив несколько листов бумаги, отказался от этого. Очевидно, моя физиономия такова, что ни в какие рамки не входит. Один из забракованных набросков я подобрал, недавно нашел его и решил тебе его послать. Похож хоть немножко или нет – тебе судить.

Вообще как-то мое изображение даже на фото редко бывает похоже на оригинал. Во всяком случае, я помню только единственное свое изображение, в точности на меня похожее. Это было, как ты, наверное, помнишь, в пионерском лагере в Емецке, помнишь, ты мне

его показывала? В моей памяти очень хорошо сохранился этот эпизод, как и многие другие, связанные с тобой.

Как поживает новоиспеченный «моряк», вернее, «морячиха»? Она, конечно, имеет способность плавать. Даже ты мне в одном каком-то письме писала об ее «плавучих» приключениях. Понятно, мамаша в свое время, особенно, когда мы жили на Петроградском, ее перешеголяла в этом. Ну, разумеется, недаром у нее тоже появилось желание быть поближе к морскому делу. Работает ли она в Мортехникуме? Конечно, я думаю, они на меня не обидятся по поводу моего злословия в их адрес. Они ведь знают, что уж такой я зловредный человек. Я еще всех вас в свое время не раз разыграю.

Пиши, что у вас там нового. Меня ведь интересует все, что с вами связано. Пока закончу. Привет и самые наилучшие пожелания маме, Нине и другим. Жду письма. Крепко целую. Твой Вовка. 18.02.43 г.

P.S. Посылаю «портретик».

Письмо написано зелеными чернилами, по характеру «спокойное», но с некоторой агрессией. Кто «морячиха»? Возможно, моя мать (авт.). Надежда Ивановна, которая перешла из 1-й гор. больницы в больницу водников им. Семашко, куда ее пригласил ее будущий, как деликатно выражались в те времена, друг: профессор Г.А. Орлов? Вряд ли. Подпись тоже необычна – «Вовка». Портрет: солдат в пилотке, не очень похож, но имеет надпись на обратной стороне: «Не сразу определишь, кто тут изображен? – так подумает каждый. Тем хуже для тех, кто не хочет признать!»

5. Письмо от 23 февраля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Шлю тебе, маме и Нине горячий сердечный привет в день 25-й годовщины Красной армии!

Наша Красная армия встречает свой праздник большими победами над ненавистным врагом, гонит его все дальше и дальше на Запад, освобождая каждый день новые и новые города. Каждый день – это новый шаг к победе, к полному разгрому и уничтожению фашизма. Скоро вновь ярко будет светить солнце над нашей Родиной, отбросившей вражьи орды от своих рубежей. Снова будут жить мирной трудовой, радостной жизнью советские люди. Встретятся вновь со своими близкими людьми, которые вернутся с фронта в свои родные дома.

Желаю всем вам здоровья и счастья. Любящий тебя Владимир. Крепко целую всех вас. 23.02.43 г. P.S. Привет от Миши!

Письмо «воинское», на открытие надпись красным цветом: «Смерть немецким оккупантам». На письме нарисовано красное знамя и звезда. 25 лет Красной армии (1918–1943). Обратный адрес отправителя: 617, часть 121. Письмо по тону несколько странное, может, заказное. Никаких вопросов про Валерку, про родственников. Вероятно, бойцам было предписано так поздравлять родных с этим праздником. Вспомним, что вся фронтовая переписка контролировалась цензурой.

6. Письмо от 28 февраля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил вчера посланную вами посылку, опять был удивлен ее быстрому получению. Вскрыв ее, обнаружил все в том порядке, в каком вы ее послали. Твои кисеты очень хороши. Они понравились и мне, и Мише, и вообще всем, кто их видит. Табак, конечно, прислала напрасно – у нас его вполне достаточно. Воротнички вполне по размеру и очень мне нужны. Все остальное также будет использовано, но незначительно, особенно одеколон, который сохранился – бутылочка не разбилась благодаря твоей тщательной упаковке. Напрасно вы, по моему, отказываете себе, посылая мне сухари, консервы и рыбу. Как-то неудобно себя чувствуешь. Лучше бы вы сами их кушали. Мы ведь всем снабжены хорошо. В общем, очень благодарю всех вас за проявленное внимание ко мне и моим товарищам. Привет всем от Миши.

Твой Владимир. Пиши! Крепко целую. 28 февраля 1943 г.

Письмо «воинское». Адреса те же. На письме изображен солдат во время боя, бросающий гранату и стихи: «За честь жены, за жизнь детей, За счастье Родины своей. За наши нивы и луга Убей захватчика-врага!» В конце февраля очень короткие письма, возможно, это связано с какими-то обстоятельствами, боевыми действиями.

Март 1943 г.

1. Письмо от 3 марта 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня я рассчитывал получить от тебя письмо, но, увы, мои сложнейшие расчеты оказались, к большому сожалению, неточными (может быть, конечно, я забыл некоторые математические рассуждения, это факт), и письма от тебя не оказалось. Скорбно вздохнув три раза, я все же решил тебе сам написать немного. Думаю, что плохого здесь ничего нет. Верно? Ты, наверное, удивишься, читая эти строки,

дескать, парень белены объелся или укусила его мушка (помнишь, как собаку в одной популярной песенке мушка укусила). Спешу рассеять эти мрачные мысли и уверяю тебя, что ничего подобного нет.

Я уже писал тебе, что получил посылку, которую вы мне послали. Твои кисеты вызывают восхищение у каждого, кто их видит. Они действительно очень хороши. В общем, все что вы мне посыпали, я получил. Пользуясь случаем, еще раз благодарю тебя, Нину и маму за все, что вы мне прислали. Между прочим, получила или нет ты мою злополучную фотографию? Я ее вторично тебе послал, неужели, и эта не дошла!

Жду твоего письма. Надеюсь, что в ближайшие дни оно будет. Пиши, как поживаешь, как твои успехи в работе, как поживают «адмиральши» и прочее, что вас всех касается.

Посылаю тебе открытку с текстом знакомой тебе песни. Да, чуть не забыл поздравить вас всех с вашим женским праздником – 8 марта.

Большой привет маме, Нине. Пиши. Крепко (к сожалению, на бумаге) целую тебя. Твой Владимир. 3 марта 1943 г.

P.S. Приложение – открытка с текстом песни «И кто его знает...»

«На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего». И т. д.
(М. Исаковский).

Изображены девушка с листками бумаги в руках и молодой солдат.

На открытке худ. И. Кулешова надпись:

«Шура! Посылаю тебе... Открытку с письмом, отнюдь не загадочным. (Намекать, пожалуй, нечего, мы с тобой и так хорошо друг друга понимаем). Адреса почты те же».

Письмо написано на листке белой линованной бумаги. Письма из дома от родных всегда на первом месте.

2. Письмо от 6 марта 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя Шура!

Вот сегодня, наконец, получил я твое письмо с ошибкой в сроке получения, по моему расчету – на 2 суток. Я уже писал тебе письмо

в тот день, когда рассчитывал получить твоё письмо. Итак, получил твоё письмо. Конверт был большой, но, увы... каково мое удивление, когда я извлек из этого конверта 2 микроскопических листочка, написанные твоей рукой. Пе очень много ты мне написала.

Я со своей стороны также решил не оставаться в долгу перед тобой и решил написать тебе ответ также на двух, примерно такого же размера листочках, вырванных из присланного тобой блокнота.

До сих пор у нас был всегда разговор с одним другом, которому жена присыпала письма размером в среднем 18 строк. Он всегда завидовал мне, видя внушительные твои письма. Но за последнее время начинает надо мной трунить, ибо наши роли поменялись. Вот видишь, какой я теперь бедняга!

Думаю, конечно, ты сделаешь для себя выводы и сочувственно отнесешься к моему положению. Ниши обо всем. Начала ли ты работу со студентами? Обязательно напиши свои первые впечатления по этому поводу. Я нисколько не сомневаюсь в том, что занятия твои пойдут успешно. Наверное, сейчас много занимаешься своей подготовительной работой, быть может, этим и объясняются твои крохотные письма.

Я лично живу по-прежнему. Особых изменений нет. Писем за последнее время почти не получаю, не знаю почему. На днях направляю перевод в Порозово. Откуда мне пишут аккуратнейшим образом.

Получила ли ты мое фото и другие «приложения»? Нривет маме, Нине, а также Надежде и Тасе Л., с которой ты, как видно, коротаешь время. Жду твоего письма. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

06.03.43 г.

Письмо написано на двух листочках из блокнота размером 10 × 12 см. Упоминаемая Тася Л. – это, возможно, Тася Левитина (врач-педиатр из АГМИ). Ал. Ивановна некоторое время преподавала в АГМИ на каф. патанатомии.

Апрель 1943 г.

Письмо от 2 апреля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил твоё письмо от 28.03.43 г. Благодарю за своевременные ответы на мои письма. В предыдущем письме я посыпал тебе свою

фотографию. Не знаю, получила ли ты ее. Очень будет досадно, если ты ее не получишь. Между прочим, ты мне не написала, получила ты или нет ранее посланное мной фото? Так и не знаю. Известно, что первую фотографию ты не получила, я примерно месяц тому назад, может быть, немного раньше, посыпал тебе вторую, и ты мне так и не написала об ее получении. А в последнем письме я выслал тебе третью. Ее особенно хочу, чтобы ты получила.

Ты уж довольно порядочное время работаешь на новом месте и, как я и был уверен, успешно справляешься с новыми для тебя обязанностями. Конечно, в каждой работе всегда бывают трудности, но нет ничего невозможного. Главное, что ты сейчас значительно повышаешь свои знания (практические) и свою квалификацию. Наверное, ты очень важная теперь стала. Разумеется, так и должно быть, надо серьезно относиться к делу. Конечно, я тебя вполне понимаю, что иногда и трудно приходится, но, наверное, все это и к лучшему. Мне очень нравится твое серьезное отношение и твои очень правильные взгляды по этому вопросу. Чувствую, что у тебя появится желание поймать меня на слове, по окончании предыдущей фразы. Поэтому спешу заявить, что ты вообще серьезная и вообще правильно рассуждаешь.

Теперь несколько слов о художественных способностях моего друга Миши. Конечно, портрет ему не удался, но вообще он рисует далеко не плохо. Мне, бедняге, от него досталось на орехи, он ругал меня за то, что я послал тебе этот портрет, ибо он совсем не был предназначен для этой цели.

Ну, как ты решила устраивать свои жилищные вопросы? Меня это очень беспокоит. Я хочу очень, чтобы все это было устроено самым лучшим образом и для всех хорошо. Надеюсь, вы все там сможете найти правильное решение. Я уже писал по этому поводу много тебе и в последнем письме мамаше тоже. Лучше всего, если бы вы окончательно все вместе договорились обо всем. Как поживает Нина? Она, как видно, легкомысленно относится к своему здоровью. Это плохо, надо ей больше следить за собой. Мне не нравится то, что она ничего не сообщила папе и даже мне. Ну, что поделаешь ей, наверное, виднее. На днях я получил письмо от папы и хотел ему написать об этом, но, подумав, воздержался.

Я живу хорошо, настроение бодрое. На днях к нам приезжали артисты, дали нам концерт и поставили замечательную вещь – «Русские люди». Очень мы все остались довольны этим.

Ну, пока закончу. Жду твоего письма. Большой привет Нине и маме, а также всем твоим друзьям. Привет от Миши! Крепко тебя целую! Твой Владимир.

2 апреля 1943 г.

Письмо «спокойное», на двух листках белой линованной бумаги. Опять квартирный вопрос? Хотя Шуре выделена квартира на Набережной имени Сталина.

2. Письмо от 10 апреля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Давно уж я не получал от тебя никаких известий. Начинаю серьёзно беспокоиться. Прошу тебя писать почаше, ты хорошо знаешь, какую радость для меня приносит каждое твоё письмо. Получила ли ты мою фотокарточку, которую я тебе прислал? Как у вас дела идут? Что нового и как вы все живете? Пиши обо всем, мне все очень важно. О себе много писать нечего. Живу хорошо. Как поживает Нина и как она себя чувствует? Большой привет всем родным и знакомым. Жду твоих писем. Привет от Миши. Крепко целую.

Владимир, 10 апреля 1943 г.

Письмо на почтовой карточке. Полевая почта изменилась – 17783. Что видимо, говорит об изменениях в дислокации части. Цена почтовой карточки – 3 коп.

3. Письмо от 12 апреля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

После многих дней ожидания получил я сегодня от тебя письмо. Из твоего письма я определил, что ты не получила одного моего письма, т.к. ты пишешь, что узнала мой новый адрес из письма моего к мамаше, а я двумя днями раньше писал тебе письмо, в котором сообщил о своем адресе. Этого письма, как видно, ты и не получила. Очень я сожалею об этом. Дело в том, что то письмо было очень важное, я высказал в нем ряд моих соображений и взглядов по целому кругу вопросов. Письмо это я коротко помню. Досадно, что именно его ты и не получила. Значит, моего другого письма тебе не дали и прочитать? Интересно. Я в нем писал о тебе, об устройстве всех ва-

ших дел, о своих взглядах на эти вещи и пр. Ну что же, раз ты его не читала, то мне ясно, что вы не очень делитесь друг с другом своими планами и мнениями.

Интересно, что я получу в ответ на мое письмо? Основным вопросом моего письма, которое тебе не дали читать, был вопрос о ваших взаимоотношениях. Думаю, что ты представляешь, что я мог написать.

Получила ли ты мою фотокарточку, которую я тебе послал в конце марта? Кроме того, я уже сообщил тебе, что посыпал тебе перевод, о получении которого также прошу сообщить. Почему все же некоторое мои письма до тебя не доходят? Жаль! Твои письма я все получаю, ни одного из них не оставляю без ответа. Только ведь при помощи писем мы с тобой и можем поделиться своими мыслями. Конечно, в письмах невозможно выразить все, но, во всяком случае, каждое письмо твое приносит мне много радости. Нужно ли говорить о том, как я соскучился по тебе!? Такой длительный срок мы находимся с тобой вдали друг от друга. Время иногда (и нередко) меняет взаимоотношения людей, отдаленных друг от друга к тому же и пространством. Иногда знаешь, что только и не передумаешь по этому вопросу. Понимаешь, что все это глупость, но часто вновь возвращаешься к этому вопросу. Я надеюсь, что ты прекрасно меня понимаешь.

Очень доволен я, что ты начинаешь входить в круг своих новых обязанностей по работе. Ты, конечно, очень серьезно к ним относишься и имеешь уже большие успехи. Я в этом не сомневаюсь. Поздравляю тебя также и со вступлением в партию. Ты молодец у меня, от жизни не отстаешь, иначе и быть не может.

Как ты живешь? Наверное, тебе вовсю «затирают»; по-моему, вы все не очень дружно живете. Это очень для меня неприятно, я много усилий всегда направлял на то, чтобы этого не было. Ничего, Шура, как-нибудь все обойдется. Ты знай свое дело, не вмешивайся в другие вопросы, и все пойдет более или менее нормально. Придет время, встретимся мы с тобой и тогда устроим свою жизнь, как нам будет нужно. В общем, ты мне пиши подробно обо всем. Я, признаюсь, многое не понимаю. Почему вдруг все окутано какой-то тайной? Что даже мне ничего не говорили, не говоря уже о папе. Это мне очень не по душе. Я вспоминаю, что сам я немедленно известил всех своих

родных о событии в моей жизни, которое было 14.07.38 года (скоро уж 5 лет с этого дня). Какое это было счастливое время! Я надеюсь, что будет еще впереди много радостных счастливых дней!

Из Порозова я что-то давненько ничего не получал, но я уверен, что Валерка там живет очень хорошо. Большой, наверное, сейчас стал проказник и до всего ему надо дойти. Много с ним приходится, вероятно, бабушке возиться.

Ну, пока на этом закончу. Пиши мне, родная, обо всем. Привет моей маме и Нине, а также всем твоим друзьям. Пиши! Крепко тебя целую, твой Владимир. 12 апреля 1943 г.

4. Письмо от 16 апреля 1943 года.

Здравствуй, родная Шура!

Получил твое письмо от 31 марта. Как видишь, не откладывая дел в долгий ящик, решил немедленно написать тебе ответ. Да, к сожалению, ты, очевидно, одного моего письма не получила. Почему это так? А может быть, ты его еще получишь – бывает так, что отдельные письма часто продолжительное время где-то путешествуют. Письмо то, насколько я помню, было довольно обширное, я в нем высказывал ряд своих соображений по основным вопросам (какой бюрократический оборот последней фразы)! Ну, ничего, меня больше интересуют вопросы, получила ли ты мою фотографию, которую я послал тебе в одном из твоих писем. Вот если ее не получишь – очень жалеть буду.

Очень рад за тебя, за все твои успехи в производственной и основной работе. Однако мне не очень понравилась одна твоя фраза в последнем письме – «иногда забирает хандра, и чувствуешь страшное одиночество». Это никуда не годится. Нужно решительным образом бороться с этим, никогда не допускать подобных вещей. Иногда вдолбит себе в голову какой-либо человек такие мысли и начнет разные «фокусы» творить. Я думаю, что ты написала это просто под каким-либо впечатлением. Думаю, что не так уж это серьезно все обстоит, как ты пишешь. Значит, ваши старые друзья времена от времени навещают вас. Отчтливо представляю себе «усача», который обычно «совершенно случайно» заглядывает на огонек, благо, теперь он вне всякой конкуренции. Жаль, что не знаю я новых друзей Нины,

особенно самого главного. Даже письменно не желают меня с ними познакомить. Со мной вообще, видимо, не особенно считаются, как это ни тяжело мне признавать. В чем тут дело – не понимаю. Письмами меня тоже не особенно балуют. Чем я заслужил такую немилость? Не знаю.

Живу я хорошо, настроение бодрое. Начинается весна, даже в наших лесах. У вас, наверное, давно и снега нет. Скоро май месяц. Пользуясь случаем, поздравляю тебя и всех родных с праздником – 1 Мая. Этот праздник обычно мы очень хорошо отмечали раньше, и много было у нас веселья в первомайские дни. Все это еще вернется. Будет много впереди хороших, счастливых дней. Итак, поздравляю тебя с этим праздником, желаю тебе здоровья, дальнейших успехов в жизни. Пиши мне, Шура, как ты живешь, что у вас нового. Я очень хочу знать все, что касается тебя и вообще вашей жизни.

Из Порозова дней 20 ничего не получал. Наверное, у них забот сейчас в связи с войной много и писать некогда. Валерка, наверное, всю грязь с улицы стаскал и принимает во всем самое деятельное участие. Ну, пока закончу. Жду твоих писем. Привет маме и Нине. Крепко тебя целую! Твой Владимир.

16 апреля 1943. Привет от Миши.

Письмо на белой бумаге, чернилами. В.С. вспоминает «усатого дядю», который случайно заходит в гости. «Усатый дядя» – это Петр Петрович (бывший капитан какого-то судна) – старый знакомый Л.А. Пустохиной, матери В.С., он часто приходил к ней в праздничные дни и после войны. компанией они любили полвечера играть в преферанс. Что касается новых знакомых Нины – это ее начальник из КГБ. Вместе с ним она после войны перевелась на работу в Иваново. Отец ребенка Нины, Дима, как будто уехал в Москву!

5. Письмо от 27 апреля 1943 года.

Дорогая Шура!

Два дня тому назад получил я твое письмо, немного несвоевременно, как видишь, отвечаю тебе – не было возможности раньше написать, хотя и чувствую, безусловно, угрызения совести. Очень рад за тебя, что все у тебя в порядке. Получила ты, стало быть, мою фотографию. Наверное, не узнала меня – много ведь времени прошло с того дня, как мы с тобой вместе были. Помню я все до мельчайших подробностей из моего прошлого житья. Хорошо мы с тобой

жили. Конечно, ты понимаешь хорошо, как я часто о тебе думаю, и как я желаю скорее вновь быть вместе с тобой. Ничего, придет и этот день, когда мы с тобой снова встретимся и посмотрим друг на друга, и поговорим обо всем, что накопилось за продолжительное время. Как же будет выглядеть эта встреча? Как там в популярной песне поется:

«Может, встретишь – улыбнешься,
Может, гневно вскинешь бровь,
Может, вспомнишь с трудом,
Может, вспыхнет огнем
Твоя нежная любовь».

Конечно, смешно сейчас заниматься такими вопросами, это прекрасно я понимаю, но иногда и помечтать не мешает.

Ну, как ты поживаешь и что у тебя нового? Почему-то я также давно не получал из Порозова писем. Как там Валерка поживает?

Я лично живу хорошо. Совершенно здоров, что и тебе желаю.

Значит, ты начинаешь осваиваться на новом месте и не прекращаешь своей научной работы. Молодец! Конечно, надо всегда стремиться больше знать и совершенствоваться в своей отрасли.

Как у вас у всех взаимоотношения друг с другом? Обсудили ли все внутренние проблемы? По-моему, ведь нет ничего неразрешимого. Ты так и придерживайся всегда – молчи и не старайся своих взглядов высказывать, ибо своего мнения вообще другому не навязешь, кроме единичных случаев.

В общем, пиши, как и что. Твоя сестричка, видимо, пошла по линии наименьшего сопротивления. Ну что, уж каждый поступает, как хочет. Между прочим, интересно, что каждый человек всегда находит оправдания и никогда не признает себя неправым. Впрочем, я все что-то не то пишу – голова болит. Ну, пока закончу. Привет всем. Крепко-крепко тебя целую! Твой Владимир.

27.04.43 г.

Письмо написано на линованной бумаге, вырванной из тетради в линейку. Пытается решить семейные проблемы в общей квартире Пустохинах. Как бы в противовес «правильной» Шуре осуждает поведение ее сестры Надежды, которая идет по пути «наименьшего сопротивления». В чем это проявляется, не вполне ясно. Из Порозова нет писем.

Май 1943 г.

1. Письмо от 5 мая 1943 года.

Дорогая Шура!

Получил вчера твою открытку. Благодарю за внимание. Очень рад, что живешь ты хорошо и все в порядке. Я тоже живу хорошо. Послал тебе в последнем своем письме художественное фото. Получила ли ты его? Как провела первомайский праздник? Ты не обижайся, что посылаю тебе такую коротеньку весточку, имею в распоряжении только несколько минут, немного погодя напишу подробное письмо. Пиши, как живешь, что нового в жизни и работе.

Валерка наш живет хорошо, на днях я получил письмо из Порозова. Наверное, стал уже очень большой. Интересно бы на него посмотреть, что он из себя представляет. Да, все мы, очевидно, сильно изменились. Ну, ничего, как-нибудь признаем друг друга в будущем. Ну, пока закончу. Пиши! Большой привет всем родным и знакомым. Крепко целую, твой Владимир.

5 мая 1943 г.

Письмо на открытке «воинское». Полевая почта – 17783. На ней рисунок: «1 Мая – летят три самолета и стоят три бойца. Впереди – звезда с серпом и молотом и флаги. Надпись: «Под знаменем Ленина, под руководством Сталина – вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!»

Отношения Шуры и Владимира: в некотором роде недопонимания друг друга. Он не может писать много о своей жизни из-за занятости. Шура также живет напряженно. Опять письмо из Порозова: «Валерка наш живет хорошо, на днях я получил письмо из Порозова».

2. Письмо от 9 мая 1943 года.

Здравствуй, моя дорогая!

Сегодня получил твое письмо и решил немедленно ответить, дабы не оказаться перед тобой в долгу. Значит, у тебя все обстоит благополучно со всеми твоими делами. Это меня радует. Начинаешь привыкать к новым служебным обязанностям, правда, пишешь, что не особенно тебе нравится новая работа. А я считаю, что она дает тебе много нового, ты значительно вырастешь, а что касается твоей предыдущей работы, то, по-моему, жалеть нечего. Мы с тобой в свое время много говорили на эту тему. Помнишь? Эх, давно мы с тобой не говорили ни о чем! Как все же мне не хватает тебя, поговорил бы с тобой, посо-

ветовался, но, увы, об этом и мечтать пока не стоит. Когда-нибудь это снова осуществляется, и наша встреча станет фактом.

Живу я хорошо. Погода у нас установилась замечательная, четвертый день пригревает солнце, совсем как летом, правда, наши леса круглый год зеленые, но везде чувствуется приход лета. Воображаю, как хорошо сейчас на набережной у вас – я ведь в свое время любил там прогуливаться, и мы с тобой немало десятков километров находили по этим местам.

Как провела ты первомайские праздники? Что у вас нового? Попал я тут недавно тебе 2 плохоньких фото. Получила ли ты их? Правда, это скорей не фото, а загадочные картинки, ибо трудно определить, что на них изображено, но при желании можно уловить нечто, похожее смутно на меня.

Ну, пока закончу. Большой привет маме Нине и твоим друзьям. Пиши. Крепко тебя целую много раз! Твой Владимир.

9 мая 1943 г.

Письмо достаточно «спокойное», много воспоминаний, вопросов. Письмо на белой линованной бумаге.

3. Письмо от 17 мая 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Получил твое письмо и, как видишь, без большой задержки отвечаю.

Следовательно, живешь ты и все остальные хорошо и у вас все в порядке. Это конечно, очень замечательно. Давно уже я не видел тебя, не слышал твоего голоса, но по твоим письмам я имею возможность знать твои мысли и все события в твоей жизни. Конечно, письма это не все, но сейчас в нашем с тобой положении они, безусловно, играют очень важную роль. Я очень благодарен тебе за твою аккуратность в отношении нашей переписки.

Я по-прежнему живу хорошо, особых новостей нет. Кругом все те же, привычные ко всему мои товарищи. Все идет своим закономерным порядком. В общем, много расписывать нечего. У вас так, конечно, дело другое.

Получил я на днях письмо от папы. Он получил мое фото, которое я ему послал (последнее), и пишет, что он находит, что, разумеется, после 5 лет со дня нашей с ним последней встречи (помнишь, мы с

тобой его случайно встретили в Вологде) я сильно изменился, стал более серьезным и пр., но говорит, что, учитывая все обстоятельства и пр., и пр., ты (т.е. я) еще выглядишь молодцом. Вот дипломат какой – вместо того, чтобы прямо сказать, что, дескать, ты здорово постарел, он, видишь, какие туманные выражения подобрал.

Видимо, против фактов не пойдешь – да, действительно, я здорово изменился, конечно, самому трудно заметить это, но со стороны виднее. Конечно, я думаю, что еще кое-кому из молодежи нос утру, как говорится. Как твое мнение по этому вопросу? Вообще-то все это глупости – не это сейчас главное.

Ну, как идет твоя деятельность и научная работа? Наверное, уж ты теперь кончаешь ее и скоро будешь выступать перед специалистами с большим трактатом на тему, над которой ты работаешь? В общем, ты молодец, только смотри, очень не зазнавайся.

Как вы все поживаете? Как дела у Нины? Передай от меня всем большой привет. Конечно, не мешало бы Нине мне и написать, да уж ладно, наверное, не до меня сейчас. Ну, пока на этом и закончу. Пиши! Крепко тебя целую (увы, не в действительности, а только на расстоянии мысленно). Твой Владимир. 17 мая 1943 г.

Письмо написано на листке из ученической тетради в клеточку. Видимо, никаких активных болевых действий полк не ведет и выполняет роль заслона от белофиннов. Озабоченность внешним видом. Вопросы о делах дома. Сына не вспоминает.

Июнь 1943 г.

1. Письмо от 8 июня 1943 года.

Здравствуй, Шурика!

Получил твое письмечко. Благодарю, дорогая, за внимание. Я, конечно, тоже стараюсь не оставаться перед тобою в долгу. Значит, живешь ты по принципу: все работаешь, и все не особенно тебе нравится своя новая работа. Я, конечно, не знал, как следует, особенности твоей работы и не могу высказывать свое мнение, но мне кажется, что в каждой работе есть свои хорошие и теневые стороны. Иначе ведь и быть не может. Ты, по-моему, еще не совсем вошла в курс новых обязанностей, тебе, наверное, кажется, что у тебя ничего не выходит и пр. Отсюда именно и берется твоя неудовлетворенность.

Но, в общем, со временем это все устроится. Надо смелее браться за любое дело, трудностей бояться нечего. В общем, мне тут нечего тебе много расписывать, ты сама это все понимаешь, и сама, безусловно, пришла к таким же выводам.

Я уже тебе писал, что мой друг Миша теперь находится в другом месте, и мы с ним расстались. Ничего не поделаешь – так нужно. В общем, конечно, у меня друзей хватает.

Живу я хорошо, настроение прекрасное. Конечно, нечего скрывать – очень хочется увидеть тебя, поговорить обо всем, что накопилось. Но нужно пока подождать, это совершенно понятно. Самое главное, очень приятно сознавать, что о тебе думают, что тебя не забыли. Будет день новой радостной встречи со всеми вами. Пока остается ждать.

Ну, как дело с Ниной, по-моему, сроки давно прошли. Правда, врачи в этом случае частенько ошибаются. Я помню один случай, когда ошибки были чуть ли не месяц. Но, по-моему, сейчас Нина благополучно разрешила все свои дела. В общем, очевидно, сообщения о том, что у меня появился племянник, и в честь этого собираюсь выпить кружку чая (других жидкостей, более удачных для этого, к сожалению, в моем распоряжении не имеется).

В предыдущем письме я писал тебе о фото. Но все же решил тебе пояснить этот снимок. Тем не менее, думаю, что ты примешь во внимание то, что было написано в предыдущем письме и сделаешь для себя практические выводы. Итак, посылаю тебе фото, на котором я запечатлся со своими друзьями (среди них и Миша). Случайно все вышло, а на деле оказалось не случайно, ибо его через 2 дня перевели, и вышло, что как бы в знак нашей разлуки мы и сфотографировались. Ну вот, и посылаю это фото тебе. Посмотрите все и узнайте меня. А ты подумай насчет того, чтобы не оставаться в этом отношении передо мной в долгу.

Ну, пока и закончу. Привет маме, Нине!

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

8 июня 1943 г.

Письмо написано на белой линованной бумаге. У Нины кто-то должен родиться. видимо, Димка Таланов. Шура освободилась от работы заместителя главного врача 1-й горбольницы и стала работать там же, на кафедре патологической анатомии АГМИ, патологоанатомом.

2. Письмо от 19 июня 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Что-то, думаю, она мне давно не пишет – оказывается, с тобой целая история получилась. Бедная, ты что-то часто оказываешься в лечебных заведениях в качестве пациентки. Смотри, лучше следи за собственным своим здоровьем. Очень рад, что все окончилось благополучно. Надеюсь, что ты уже поправилась окончательно и больше не будешь болеть. С чего у тебя все это случилось? Наверное, и прошлое твое заболевание было связано с этим. Сейчас, поскольку операция сделана по всем правилам, думаю, что в будущем с тобой ничего не произойдет. Ну как осуществляется твой проект насчет визита к Валерке? Судя по срокам, сейчас ты, наверное, уже готовишься к поездке, а может быть, и едешь уже в Порозово. Да, несколько раз мы вместе с тобой совершали эти поездки, и сколько было интересных моментов.

Значит, у меня теперь появился племянник. Конечно, я так и предполагал. У меня есть нюх на эти вещи, и я пока не ошибался. Очень рад, что все хорошо окончилось. Передай Нине мое глубокое удовлетворение этим событием и пожелай ей здоровья и успехов. Какое имя придумали для нового гражданина?

Как вы все поживаете, пиши мне подробнее. Как ты сейчас себя чувствуешь? Посыпал я недавно тебе свое фото. Получила ли ты его? Пиши все, что есть у вас новенького. Я лично живу по-прежнему (надоела тебе, наверное, эта фраза, но много писать нечего о себе, ты понимаешь).

Ну, пока и закончу. Привет всем. Крепко целую и обнимаю тебя.
Твой Владимир. 19 июня 1943 г.

Александра Ивановна (моя тетя Шура – авт.) неожиданно попала в больницу на операцию. У Нины родился ребенок (Дима). О себе В.С. ничего нового сообщить не может.

3. Письмо от 29 июня 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Очень уж я виноват перед тобой, долго тебе ничего не писал. За это время получил 3 твоих письма. Но поверь, дорогая, так уж случились обстоятельства, что совершенно не имел возможности написать. Вот сегодня улучил такой момент и пишу тебе хоть несколько строчек,

чтобы ты не беспокоилась. Через 2–3 дня я смогу написать подробное письмо, и ты не обижайся особенно на меня за перерыв в нашей переписке. Ничего, я перед тобой в долгую не останусь. Письма получил за это время от всех вас и вот не знаю, как и ответить. В общем, пишу.

Очень рад за то, что ты поправилась от своих болезней и успела, видимо, хоть немного отдохнуть, а главное, повидаться с Валериком. Обязательно напиши подробней, как он тебя встретил, узнал ли и пр. Как он выглядит и как себя чувствует? Наверное, эти дороги тебя порядочно измучили – плохо ездить, особенно сейчас. Я думаю, что, несмотря на это, поездка многое тебе дала. Ну, в общем, напиши обо всем. Письмо твое (предпоследнее) мне понравилось. Там ты высказываешь интересные выводы, но я, конечно, хочу тебя предупредить, чтобы ты не делала для себя практических выводов. Во всяком случае, до моего приезда (речь идет о «заботах», о которых я тебе писал). Конечно, я шучу, это не принимай в обиду или еще что-либо в этом роде. Вот когда вернусь я, то мы с тобой вплотную подойдем к решению этого вопроса. Я надеюсь, ты понимаешь, о чем идет речь.

Живу я хорошо, чувствую себя превосходно. Между прочим, мой друг Миша снова вернулся к нам, и мы с ним опять вместе служим. Как поживает Нина и мой племянник? Интересно бы на нее посмотреть, как она выглядит в роли молодой мамочки.

Как твое здоровье? Ты смотри, не вздумай болеть. Пора серьезно отнестись к состоянию своего здоровья. Жду от тебя письма с фотокарточкой. Получила ты, надеюсь, мое фото, посланное в одном из последних писем?

Ну, пока и закончу – спешу.

Большой привет маме, Нине и племяннику. Крепко тебя целую.

Твой Владимир. 29 июня 1943 г.

Какие-то срочные обстоятельства на фронте у В.С. Александра Ивановна (Шура) выписалась из больницы и ездила в Порозово навещать Валерика.

Июль 1943 г.

Письмо от 2 июля 1943 года.

1. Здравствуй, дорогая моя!

Воспользовавшись свободной минутой, решил я черкнуть тебе

несколько строчек о своей жизни, чтобы не думала ты, что я вовсе от рук отбился. Конечно, я немного задержался с ответом на твои последние письма, но сейчас, как видишь, свой небольшой долг еще уменьшаю – ибо данное письмо – внеочередное. Ну как ты, голубушка, съездила в Порозово? Какие впечатления остались от этой поездки? Как выглядела ваша встреча с Валеркой, и как живет он и вообще все там? Вопросов перед тобой поставил много, но думаю, что ты сумеешь на них ответить хоть в общих чертах. Что касается меня, то я живу хорошо, здоров, ни на какие болезни не жалуюсь. Вот было бы хорошо, если бы мне удалось еще повидать всех вас хоть на несколько часов, этого очень мне хочется, но, конечно, об этом пока можно лишь только мечтать. Но придет срок и эти мечты сбудутся. Помнишь, как мы с тобой встретились в 2 часа дня 14 июля 1938 года? Какие переживания были у нас! Да! Все это отчетливо помнится до мельчайших подробностей. Скоро снова будет 14 июля, по этому поводу разреши поздравить тебя с этой датой, сыгравшей большую роль в нашей жизни.

Получила ли ты мою посланную фотографию, и какие меры принимаешь для того, чтобы выполнить мою просьбу?

Недавно мы показывали концерт нашей самодеятельности, о которой я тебе писал. Концерт этот мы давали на смотре. Прошел он очень хорошо, и о нем даже написали в газете. Вырезку из газеты я тебе посыпаю вместе с этим письмом. Посмотри и убедись, что мы в этом направлении кое-что сделали. Свое мнение напиши. Песенку, о которой идет речь, я тебе как-нибудь вышлю.

Ну, жду твоего письма с подробным описанием твоей поездки. Как живет Нина, как себя она чувствует, как здоровье маленького моего племянника? Передай ей большой привет и наилучшие мои пожелания.

Ну, на этом закончу. Привет всем! Крепко целую! Твой Владимир.
2 июля 1943 г.

Письмо написано на тетрадном листке в клеточку. Настроение В.С., видимо, хорошее, что может быть связано с успехом организованной им группы самодеятельности. Еще школьником В.С. участвовал в самодеятельности в школе, играл на струнном инструменте.

2. Письмо от 6 июля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил твоё письмо из Порозова. С большим интересом прочел описание Валерки, твою встречу с ним и его успехи. Видимо, парень стал совсем другим, безусловно, ничего общего с тем, что я знал когда-то давно. Трудно представить мне его, я ведь не видел его уже два года, и за это время и мы все, взрослые люди, изменились, а о маленьких и думать нечего. Я рад за тебя, что ты съездила туда и увидела его. Наверное, он крепко к тебе привязался за время твоего там нахождения. Вот если бы я там появился и уехал через несколько дней, то это для него было бы совершенно незаметным фактом – побыл какой-то чудной дядя и испарился. В общем, это факт и ничего не поделаешь. Ну, поживем-увидим, не стоит гадать и размышлять на подобные темы.

Ну, как ты закончила свое путешествие, не было ли каких приключений в дороге? Наверное, получила по приезду несколько моих писем? В одном из них посыпал я тебе фотографию. Получила ли ты ее? Когда ты получишь это письмо, конечно, уже после нашей с тобой очередной годовщины. Поздравляю тебя с памятным юбилеем, а каким – говорить тебе нечего. Смотри уже, сколько времени прошло с этого дня, а ведь почти половину мы живем в разных местах и в разных условиях. Ничего, еще много подобных годовщин мы с тобой отметим впереди. Все еще будет после нашей встречи. Ну, пока и закончу. Большой привет маме, Нине и племянничку моему. Посылаю тебе открытку в подарок. Крепко тебя целую! Твой Владимир.

6 июля 1943 года.

P.S. За цветок благодарю. Пиши, дорогая!

Письмо написано на белой в линейку бумаге. В.С. вспоминает первую встречу с будущей супругой (Шурой) в Архангельске в июле. Поездка Шуры в Порозово.

3. Письмо от 14 июля 1943 года.

Дорогая моя! Сегодня исполняется очередная годовщина памятного для нас с тобой дня. Все это очень отчетливо сохранилось в моей памяти, как будто это было совсем недавно. Вспоминаю все наши переживания, усиленное чтение газет, бледный мой вид и пр. Было много всего, что вспомнить приходится. Много уже воды с тех

пор утекло, много крупных событий произошло, много изменилось. Не изменились лишь наши с тобой отношения, и я думаю уверенно, что они и не изменятся, во всяком случае, с моей стороны никогда не будет для этого никаких оснований. Конечно, утверждать можно все, но ты меня знаешь хорошо и согласишься со мной. Не правда ли?

Ну, как ты живешь, как закончилось твое путешествие? Благодарю тебя, что писала мне на всех этапах твоего пути. Не обижайся, что не написал тебе в Норозово, я решил, что получить мое письмо там ты не успеешь, а с пересылкой срок его получения удлинится. Поэтому я отвечал не на каждое твое письмо по основному адресу.

С восхищением читал описание Валерки и его похождений. Меня удивил маршрут его прогулки. Как это он перебирается через реку? Опасаюсь, как бы он еще куда-либо не убрел далеко. В общем, следить за ним стало, как видно, очень трудно. Ты, выходит, с ним успела подружиться, впрочем, он не так уж надолго с тобой и расстался.

О себе мне здесь говорить не приходится. Меня он, к великому сожалению, безнадежно забыл, как будто я для него никогда и не существовал. Ничего не поделаешь, как это ни печально.

Как идет твоя работа, нет ли каких изменений? Как живет Нина и племянник мой? В общем, ты, конечно, мне пиши обо всем. Я живу хорошо и все в порядке. Очень хочу поскорее увидеть тебя и всех других близких, но пока это невозможное желание. На этом и закончу. Получила мое фото? Крепко целую тебя.

Твой Владимир. 14 июля 1943 г.

Письмо написано на белом листке бумаги. Опять вспоминает Порозово.

4. Письмо от 26 июля 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил твое письмо. Очень доволен, что ты мне пишешь за последнее время очень часто, ну а я, разумеется, перед тобой в долгу не остаюсь, это тоже факт.

Вижу, что живешь ты хорошо и работаешь по-прежнему, правда, не особенно тебе нравится твои обязанности по службе, но я думаю, что со временем ты втянешься в эту работу. Опять у вас какие-то «мелкие дрязги» разводятся. Я, конечно, не придаю этому большое значение, и думаю, что все это перемелется. Все уж вы, видимо,

очень упрямые и принципиальные. Ладно, вот вернусь я, всех вас сумею примирить раз и навсегда. Правда, надо, конечно, считаться с тем, что дел у вас всех много и вы здорово издёрганные. Но больше спокойствия и хладнокровия, и все будет в порядке.

Впрочем, философствовать всегда легче. Но, повторяю, надеюсь, что все это мелочи и вы легко с ними справитесь сами, без моего вмешательства.

Жду от тебя обещанные фотокарточки, наверное, они уже находятся в дороге, и я скоро их получу. Так ведь? Исполняю твою просьбу – посылаю тебе песенку, сочиненную мной и Мишой. Конечно, она большой художественной ценностью не отличается, но мы ведь писали ее для собственного использования. Свое мнение напиши, я всегда с твоим мнением считаюсь. Пиши, как живешь, что нового. С кем сейчас дружишь (разумеется, если не секрет)?

Я живу хорошо, все в порядке. Привет тебе от Миши. Он тут сидит и ехидничает по поводу меня – прокатывается по твоему адресу.

Привет маме, Нине и Вадику (Димке). Крепко целую. Твой Владимир.

26.07.43 г.

P.S. Посылаю нашу песню.

Письмо написано на одном белом линованном листке бумаги. В.С. пытается участвовать и разобраться в семейных проблемах.

Август 1943 г.

1. Письмо от 2 августа 1943 года.

Здравствуй, Шурика!

Получил твое письмо. Ты пишешь, что не получаешь моих писем. Я, конечно, иногда несколько задерживаюсь с ответом, но, в общем (я надеюсь, ты согласишься с этим), я тебе пишу регулярно. Безусловно, ты сейчас получила несколько моих писем. Я все ожидаю обещанное тобой – имею в виду фото.

Живешь ты, как видно, хорошо, только разные мелочи продолжают иметь место, но я считаю, что все это ерунда. Ты спрашиваешь моего мнения в отношении возможности получить дополнительную комнату. Считаю, что это неплохо. Сейчас ведь обстоятельства ваши

изменились, конечно, в связи с появлением в семье нового гражданина, вам нужно создать и ему сейчас условия. Поэтому, если возможность представляется, о комнате надо вопрос решить, как ты уже писала. Я одобряю твое решение. Надо так и сделать.

Получил вчера открытку из Порозова, там все в порядке. Валерка здоров и чувствует себя хорошо. Впрочем, ты сама его видела и представляешь все.

Я живу хорошо. Вчера у нас был праздник – очередная годовщина нашей части. Давали концерт. Наш коллектив готовился к смотру, который будет на днях. У всех есть, конечно, желание взять первое место. Сегодня исполняется очередная годовщина папы. Я ему послал поздравительную открытку. Время, видишь, идет очень быстро – ведь последний летний месяц наступил. Мы здесь сейчас в больших количествах употребляем ягоды их у нас много.

Ну, пока и закончу. Привет маме, Нине и племяннику. Пиши!
Крепко целую. Твой Владимир. 2 августа 1943 г.

На фронте, видимо, затишье, позиционная оборона.

2. Письмо от 6 августа 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Выбрал сегодня свободную минутку и решил написать тебе несколько строк. Думаю, это не плохо.

Живу хорошо, все в порядке. Страшно хочу видеть тебя, Валерку и всех других родных. Очень уж давно мы расстались. Ты, наверное, хорошо меня понимаешь. Как хорошо мы жили до войны! Иногда даже не верится, что все это было. Ну, ничего, я уверен, что в будущем мы еще лучше заживем. Не так долго уже осталось ждать до радостного дня нашей новой встречи. Снова вся наша семейка сберется вместе.

Сегодня я послал тебе перевод на 500 руб. Отправлял перевод мой приятель Миша. Получишь его, напиши. Как идут твои дела, что у тебя нового? Все ожидаю с большим нетерпением твое фото. Наверное, в одном из ближайших писем оно будет.

Как обстоит дело с комнатой, о которой ты мне писала в последнем письме? Как сейчас ты себя чувствуешь и как твое здоровье? Не вздумай снова болеть. Бери пример в этом отношении с меня.

Как поживает Нина? Где она работает, почему мне ни слова не пишет? Или она так уж на меня сердится? Я ведь не считаю себя в чем-либо виноватым перед ней.

Кто из друзей остался в Архангельске? Встречаешься ли ты с Т. Левитиной и другими подружками? Наверное, там не много сейчас моих приятелей осталось, вернее, никого.

Ну, пока и закончу. Жду твоего письма. Привет маме, Нине и Вадику.

Крепко тебя целую. Твой Владимир. 6 августа 1943 г.

Письмо написано на одном листке из тетради в линейку, черными чернилами. Письмо очень однообразное, стандартные однотипные вопросы. Вспомнил Таисию Левитину (педиатр, нам преподавала педиатрию в АГМИ). Надежду не вспоминает.

3. Письмо от 10 августа 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо. Прямо скажу, удивился его содержанию. Очевидно, писала ты его под каким-то неприятнейшим впечатлением и, по-видимому (не знаю только, по какой причине), ты здорово обижена на меня. В чем дело? По-моему, я тебя ничем не мог обидеть. Я не знал, что тебя так рассердит факт наличия в моем письме материала, который, как ты пишешь, адресован не тебе. Думаю, ты понимаешь, что я не могу безучастно отнестись к этому вопросу, а с кем, как не с тобой, мне поделиться своими мыслями? О каком изменении моих взглядов по этому вопросу ты пишешь? Мои взгляды остались прежними, я, конечно, их еще полностью не высказал. Могу повторить слова отца, что съедемся вместе, выясним все, тогда и определим все дальнейшее. Ну, довольно об этом, могу опять повторить свою ошибку, заняв много места этими рассуждениями. Прошу тебя написать мне подробнее в следующем письме, на что ты обиделась. Ты, по-моему, должна знать мое отношение к тебе, мои мысли и чувства. Знаешь ты и то, что мне гораздо труднее, чем тебе, ждать нашей будущей встречи, ибо наши с тобой условия совершенно различные. Тем не менее я ни на минуту не сомневаюсь в тебе и уверенно смотрю на будущее. В общем, очень трудно передать в нескольких фразах на бумаге свои мысли, особенно самые дорогие. Правда, иногда говорят, что бумага все стерпит, но зная друг

друга, нам с тобой легко разобраться в наших отношениях. Конечно, длительная разлука иногда имеет значение, иногда предпочитают «ловить счастье», легко забыть все самое дорогое в прошлом. Но, к счастью, так поступают не все, а незначительное меньшинство. Об этом, правда, слишком много говорится. Не хочу, чтобы ты опять пришла к выводу, что это я написал ввиду своего недоверия и пр. Все это не так. Повторяю еще раз – я ни на минуту в тебе не сомневаюсь. Ничего, Шура, время идет, придет и день нашей новой встречи, он уже не за горами и не так далек, как это иногда кажется. Мы будем с тобой вместе, и ничто не может этому воспрепятствовать. Хватит распространяться на эту тему, по-моему, все ясно. Так ведь?

О себе много писать нечего. Все идет своим чередом. За это большое время мы все втянулись в свою солдатскую жизнь, свыклись со всем, все нам кажется обычным. Трудно себе представить, как идет сейчас жизнь в каком-либо тыловом городе. Достаточно тебе сказать, что мы с товарищами уже более 1 1/2 года (одного с половиной) не видели ни одного штатского человека, разве что в нескольких кинофильмах. Но мы не чувствуем себя оторванными. Мы выполняем свои задачи и знаем, что о нас заботится весь советский народ. Что-то я сегодня все в философские рассуждения залезаю!

В общем, я живу хорошо. Письма от всех вас получаю, чему очень рад. Между прочим, обещанного твоего фото уже очень долго нет. Ты ведь писала, что фотографировалась с группой своих сотрудников, и что на днях фото вышлешь. Надеюсь, ты свое обещание выполнишь и доставишь мне большую радость.

Что тебе пишут о Валерике? Конечно, самое главное – ты сумела с ним повидаться, ведь никакими письмами не достичь того, что видишь своими глазами. Эх, наверное, большой парняга стал! Когда-нибудь посмотрю, что он из себя представляет. Пиши, как живешь, что у тебя нового. Обязательно подробно напиши, на что ты разобилась. Пока закончу. Привет всем. Крепко целую. Твой Владимир.

10 августа 1943 г.

Письмо написано черными чернилами на двух линованных белых листках тетрадного формата – 14×20 см. Какие-то разногласия насчет будущей жизни с родственниками.

4. Письмо от 12 августа 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Получил сегодня твое письмо, очень благодарю тебя за аккуратность. Письмо твое очень мне понравилось. Написано оно совсем не так, как предыдущее, которое, видимо, ты мне писала в другом настроении. То письмо навело меня на кое-какие, не совсем хорошие размышления, под влиянием их я написал тебе резковатое письмо, в общем, зря. Надеюсь, что ты меня поймешь, я не хотел тебе ничего неприятного причинить. Одним словом, вижу, что был не прав в своих мыслях. Ведь ты знаешь, что я живу только тобой, к тебе именно направлены все мои мысли и надежды. Поэтому я очень резко реагирую на все то, что с тобой связано. Да что тут много распространяться, по-моему, мы с тобой понимаем друг друга. Лето уже проходит, скоро начнут желтеть и осыпаться листья, начнется осень, с которой обычно у меня было связано много хлопот. Сейчас я почти не представляю свою доведенную специальность, ибо от нее я давно оторван. Но я не разочаровался в ней, наоборот, сейчас еще лучше ценить свой труд, а я, ведь ты знаешь, никогда не был сухим формалистом.

Все уже здорово подзабыл, удивительного здесь ничего нет. Конечно, вспомнить и восстановить в своей памяти все будет нетрудно. Надеюсь, что все мои книги, записи и пр. сохранились в порядке.

Недавно получил письмо от папы. Он все вспоминает мои увлечения жареной картошкой и рассолом и пишет, что ждет меня к себе. Между прочим, за последнее время между нами и ним переписка очень интересная, он передо мной откровенен полностью. Поздравили ли вы его с Днем рождения (2 августа)? А ведь давно я его не видел – целых 5 лет.

Ничего, придет время, увижу всех вас, и не только увижу, а буду с вами постоянно. Так что готовьтесь к этому!

Пиши, как живешь, что у вас там нового есть, чем занимаешься и вообще все, все. Получила ли ты мой перевод, который я недавно тебе посыпал? А как дела с фото? Ну и все пока! Пиши! Привет маме, Нине и Вадиму. Крепко тебя целую. Твой Вовка.

12 августа 1943 г.

5. Письмо от 18 августа 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя! Получил сегодня твое письмо, в котором ты пишешь большие объяснения. Ты, конечно, ошиблась в том, что я на тебя зол, я не вижу причины для этого. Дело в том, что я ни на минуту не допускал мысли о том, что ты меня забываешь. Я уже несколько раз писал тебе по этому вопросу. Поэтому я не сделал для себя никаких ложных выводов. Я знаю, что ты не допустишь ничего плохого по отношению ко мне. Наши с тобой взаимоотношения всегда строились на взаимном доверии и понимании друг друга. Ведь, в конце концов, мы имели много времени для того, чтобы хорошо изучить друг друга, мы осуществили то, о чем давно договорились друг с другом, и у нас не было ничего скороспелого. Следовательно, не может быть, чтобы за время нашей разлуки могло что-либо измениться в нашем сознании. Так ведь? Вот почему я за тебя спокоен.

Конечно, ты вполне понимаешь, что иногда дурацкие мысли лезут в голову, но это не характерно, происходит редко и, вполне понятно, все быстро рассеивается. Ты меня вполне понимаешь, ибо ты знаешь, что иногда бывает тяжело. В общем, нет нужды много об этом рассуждать – все у нас с тобой уж договорено.

Вот настанет день – встретимся снова, и ты убедишься, что я такой же, каким ты меня знала.

Плохо, что ты до сих пор еще полностью не оправилась после операции, это никуда не годится, я все время тебе твержу, что надо быть более внимательной к состоянию своего здоровья. Разумеется, я еще имею к тебе одну претензию – ты до сих пор не выполнила своего обещания насчет фото. Я все ж надеюсь на тебя и в этом отношении. Хотелось бы, конечно, иметь фото Валерки, но я знаю, что эта вещь невозможная в настоящее время, поэтому приходится свое желание умерить. Эх, как мне хочется поскорее увидеть всех вас!

Живу я как всегда хорошо. Ничего особо нового нет. Вчера смотрел кино, привозили к нам комедию «Антоша Рыбкин». Конечно, большого содержания картина не имеет, легкомысленна, но смотрится легко, в общем, мы все остались довольны.

Посыпал я дней 10 тому назад перевод на твое имя. Получила ли ты его? Из Порозова получил пока одно письмо, там все в порядке.

Ну, пока и закончу. Пиши все! Привет маме, Нине и Владику. Будь здорова!

Крепко целую, твой Владимир.

18 августа 1943 г.

P.S. Наверное, ты с трудом разбираешь мои каракули?

Письмо написано на двух листах линованной бумаги, причем второй лист на 1/4 оборван. Возможно, там было что-то написано. В письме обсуждение отношений, которое возникло после долгой разлуки.

6. Письмо от 24 августа 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил твое письмо. Благодарю. Не откладывая дел в долгий ящик, пишу ответ. Значит, у тебя теперь дела прибавились. Я очень доволен за тебя. Тебе доверили большое, важное дело, и я нисколько не сомневаюсь, что ты вполне, с успехом с ним справишься. Это для тебя самой очень важно, будешь больше значить. Я также много работаю по агитационной работе. Спрашиваешь ты моего мнения насчет комнаты. Я уже тебе по этому поводу писал. Конечно, это не будет хуже. А насчет твоих волнений по части основной работы, по моему, ты напрасно очень много значения придаешь тому, что все твои пр. всегда должны отходить на задний план. И ничего тут щепетильничать. Другое дело – во внеслужебной обстановке. Я теперь понимаю, что это является для тебя главным, почему ты не чувствуешь себя на своем месте.

Надо быть более твердой. В общем, конечно, я не хочу вмешиваться в твои дела. Конечно, работать лучше там, где чувствуешь удовлетворение. Интересно ты мне сообщила о Жорках. Значит, они оба находятся в прежних условиях и работают. Авось получу от одного из них письмо, т.к. ты им мой адрес давала. Пожалуй, кроме этих двух «близнецов» у меня там не осталось никого из приятелей, хотя и было-то их не так уж много.

Живу я без изменений. Уже третий год пошёл, как мы расстались; даже не верится. Очень уж хочется увидеть всех вас. Ты все же своего обещания до сих пор не выполнила. Конечно, я не сомневаюсь, что ты сдержишь свое слово и пришлешь мне обещанное. Старая карточка, конечно, у меня сохранилась – как это ты можешь сомневаться?

ваться в этом, но хочется иметь новую. Так и договоримся. Как твое здоровье, оправилась ли ты полностью после операции? Пиши обо всем. Привет маме, Нине, Вадиму и всем другим. Привет от Миши. Пиши.

Крепко целую тебя. Твой Владимир. 24 августа 1943 г.

В письме сообщаются некоторые сведения о работе Владимира в части, видимо, он один из организаторов самодеятельности, культурно-массовой работы, политинформаций в части, пропаганды, агитаций (член партии). Советы, которые он даёт Шуре, показывают его принципиальное положительное отношение к партийной работе. Шура тоже стала секретарем парторганизации больницы, что Владимир оценил, как важное достижение, дает советы об отношениях с коллегами по работе. На первом месте принципиально должны быть рабочие, деловые отношения.

Сентябрь 1943 г.

1. Письмо от 4 сентября 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Решил черкнуть тебе несколько строк. Дело в том, что я несколько дней уже нахожусь в командировке, знаю, что у меня скопилось несколько твоих писем, но пока ответить на них не могу все равно, как и прочитать их. Ничего, через несколько дней вернусь к себе, и тогда буду иметь огромное удовольствие прочесть твои письма и ответить тебе на них. Так что ты не обижайся на мое некоторое молчание, ты видишь, что причины от меня не зависят.

Живу хорошо, все по-старому. Здоров.

Как твое здоровье? Отправилась ли ты после операции совершенно, или все еще есть некоторые осложнения? Как сейчас устроились ваши домашние дела в связи с тем, что начался учебный год и, видимо, мамаша снова начала работу? Как ты живешь, где решила работать? Получила ли ты мой перевод? Кажется, закидал вопросами. Конечно, я еще один вопрос не задал — думаю, догадаешься сама, что я жду. Пиши! Привет всем. Крепко тебя целую, твой Владимир.

4 сентября 1943 г. Полевая почта — 17783.

Письмо написано на стандартном бланке «Воинское». «Смерть немецким оккупантам»; «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, за разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины». Нарисован танк, знамя и солдаты с автоматами.

2. Письмо от 9 сентября 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Сегодня я получил твои два письма. Мне их переслал мой приятель Миша. Я все еще нахожусь в отъезде, писал уже тебе об этом в последнем письме. В одном из твоих писем, полученных сегодня, была фотокарточка. Я ее внимательно рассмотрел, и она мне очень понравилась. Напрасно ты не хотела мне ее прислать. Судя по снимку, ты почти не изменилась со времени нашего расставания, и главное, по сравнению с предыдущей твоей фотографией. Ты выглядишь очень хорошо. В общем, я благодарю тебя за присланное фото.

Ты спрашиваешь мое мнение по поводу твоей покупки, о которой ты мне сообщила. Тут много нечего распространяться, я считаю, что ты поступила совершенно правильно. Вообще я ведь всегда говорил и тебе, и другим, что ты практичная женщина, и в этом отношении я, по сравнению с тобой, выгляжу довольно печально. Невольно вспоминаются наши совместные с тобой хождения по магазинам в выходной день. Помнишь, как мы с тобой путешествовали по воскресеньям и затем возвращались домой, занимались сложными хозяйственными вопросами, а Ю.И. отправлялась на прогулку? Как давно все это было! Сколько всего за это время произошло, сколько накопилось у нас с тобой, о чем поговорить! Придет день, и снова будем вместе.

Ты мне пишешь насчет великих философских вопросов, о которых вы с мамашей ведете длинные разговоры. Интересно, к каким результатам вы с ней приходите? Конечно, говорить можно много обо всем. Что касается меня, то я вполне уверен в том, что наше с тобой взаимопонимание не изменится. Я ловлю себя на том, что стал часто возвращаться в своих письмах к этому вопросу. Правда, ничего удивительного здесь нет, ибо вопрос этот волнует меня и всех тех людей, которые давно расстались со своими семьями, а ведь их у нас сейчас очень много (этих людей). Между прочим, ты мне вскользь упомянула, что ты узнала из разговоров много интересного, чему даже не веришь. Что же эти за такие необыкновенные вещи? Может быть, в общих чертах ознакомишь меня с ними?

Я живу хорошо, здоров, самочувствие хорошее. Из Порозова тоже давненько ничего получал, но уверен, что там у них все хорошо.

Интересно, как у Валерки с речью дело обстоит, или все по-прежнему? Я надеюсь, что со временем все же это дело наладится,

ничего невозможного и безнадежного нет! Насчет твоей работы я затрудняюсь что-либо советовать, но считаю, что ты сгущаешь краски. Ты ведь у меня молодец и уверенно справляешься со всеми обязанностями. Нацарапал я тут тебе, наверное, и не разобрать будет, но извини, под рукой нет больше подходящей бумаги для письма. Ну, будь здорова, желаю тебе успеха. Пиши! Привет всем! Крепко тебя целую. Твой Владимир.

9 сентября 1943 г.

Письмо написано на бланке «Полевая почта». Записано целиком и послано, видимо, в конверте. Серая эмблема – автомат и молот. Настроение у В.С., вероятно, положительное, хорошее.

3. Письмо от 17 сентября 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Решил написать тебе несколько строк, ибо уже давненько не писал тебе ничего. Письма твои, видимо, меня ожидают – я все еще нахожусь в командировке. Прежде всего, хочу тебе сообщить, что, вероятно, я буду сейчас в другом месте служить. Меня выдвигают на очень ответственную работу, пытаюсь отказываться, но пока ничего не выходит. Вопрос относительно этого решится на днях, тогда я тебе подробно напишу обо всем. Видишь, дела как у меня складываются. Не хочется расставаться со своими товарищами, с которыми уже много времени насидался вместе. Ну, в общем, как все решится – напишу дополнительно. В остальном все по-прежнему.

Живу хорошо. Все ожидаю твоей фотокарточки, правда и последняя, присланная тобой, мне очень понравилась. Недавно получил открытку от Жоры Губенко. Он, значит, снова вернулся к своему делу и работает. Пожалуй, ведь кроме него у меня там сейчас друзей нет – всех война раскидала в разные стороны.

Ну а как ты поживаешь, что нового в твоей работе? Все, значит, тебя не оставляет мысль ухода на старую должность. Не знаю, дело, конечно, твое, мне трудно советовать, но, по-моему, надо все узнать, и чем больше стаж дела узнаешь, тем лучше. Продолжаете ли вы вести разговоры, о которых ты мне писала в каждом из последних писем? По-моему, нечего тут зря голову ломать, мы с тобой лучше, чем кто-либо, знаем себя и уверены друг в друге. Это самое главное. В общем, когда-нибудь при встрече мы с тобой поговорим на эту тему подробно.

Как у вас идут дела? Что нового в жизни всех вас? Устроили ли вопрос о моем племяннике? Наверное, вы все сейчас снова работаете, и следить за ним некому. Что тебе пишут из Порозова? Я от них давно ничего не получал, но отчетливо представляю себе, что дел там у них сейчас много и писать некогда. Конечно, Валерик там живет замечательно, но твоей маме здорово достается с ним возиться. Как твое здоровье, неужели до сих пор ты еще не оправилась полностью от операции? Настоятельно требую от тебя, чтобы ты обратила на это самое серьезное внимание. Как у тебя дело с обувью? Наверно, плохо. Ты напиши, я попрошу что-либо сделать в этом направлении папу. В общем, жду от тебя подробного письма обо всем.

Посылаю тебе открытку с песней. Пока на этом и закончу. Большой привет всем! Пиши!

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

17 сентября 1943 г.

В.С. с 4-го сентября находится в командировке, ожидает направления на новую работу. Вопросы с работой Шуры – работа ей не нравится. Всех приятелей разбросала война. Валерик в Порозове, писем нет. Вопрос с обувью тоже не решен, достать сложно. Родился Димка, и как устроились с ним. Мамаша пошла на работу. О Надежде не вспоминает. Новую работу ожидает с удовольствием, хотя и жаль приятелей в лесу. Письмо написано на двух листках белой бумаги.

4. Письмо от 22 сентября 1943 года.

Сегодня я прибыл на новое место службы. Я уже писал тебе, что меня назначили на другую должность. Работы много, начал предварительно ознакомляться. Через пару дней напишу тебе подробнее, а сейчас тороплюсь тебе сообщить свой новый адрес. Полевая почта 26408 – мне. Конечно, все письма, которые придут по старому адресу, мне перешлют, я об этом уже договорился. Ну, будь здорова! Пиши чаще! Привет всем. Крепко тебя целую, твой Владимир.

22 сентября 1943 г.

Новое место работы у В.С. Письмо написано на почтовой карточке, которая посыпается без марки. Изображена звезда с серпом и молотом. Цена 3 коп. Штемпель «Осмотрено военной цензурой. 1064».

5. Письмо от 25 сентября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя! Снова пишу тебе, хотя твоих писем давно не получал. Конечно, ты тут не причем. Виноваты обстоятельства смены места моей службы. Не знаю, получила ли ты мои предыдущие письма, но я тебе писал об этом. Меня назначили на новую работу, в общем, большое повышение. Работа ответственная и вполне самостоятельная. Начинаю понемногу входить в круг своих новых обязанностей. Жаль было расставаться со своими друзьями, ведь мы с ними в одной части служили почти 2 года, а какой путь за это время прошли! Проводили меня очень хорошо, до сих пор вспоминаю. Был даже организован прощальный ужин, после которого наши участники оркестра (в котором я принимал, как ты знаешь, активное участие) поиграли, погорланили мы песен и разошлись!

На новом месте меня также встретили хорошо, несмотря на то, что здесь я никого не знал. Ну ладно, потом по мере ознакомления напишу тебе подробнее еще. Сейчас скажу тебе, что живу я хорошо, конечно, буду всеми силами стараться оправдать большое доверие, которое мне оказали. Вот и все мои новости пока. Письма твои, разумеется, я получу, мне их перешлют сюда, адрес свой я на старое место сообщил. Очень хочу знать, как ты живешь, что у вас там нового есть. Кроме того, знаю, что в ближайшее время получу твою последнюю фотографию.

Пиши мне подробнее обо всем, что есть у тебя нового, как твои дела, как здоровье. Я в одном из писем посыпал тебе открытку. Получила ли ты это письмо? Эх, и соскучился я по тебе, ты, наверное, не представляешь, как. Ничего, Шура, придет день, снова будем вместе. Будет это большим событием. Наверное, к этому дню ты будешь вместе с Валеркой, и я сразу увижу вас обоих. Как живут мама и Нина? Они что-то совсем разленились, не желают мне написать. Впрочем, быть может, письма от них лежат и ожидают пересылки. Ты недавно обижалась на меня, что за последнее время редко получала мои весточки. Но пойми, что я не был виновен. Во всяком случае, я старался всегда черкнуть тебе время от времени. Так что смени гнев на милость. Ну, пока закончу. Пиши, родная! Мой адрес: полевая почта 26408 – мне. Привет всем! Крепко целую. Твой Владимир.

25.09.43 г.

Письмо написано на белой линованной бумаге, на двух листах. В.С. очень доволен новым назначением, у него хорошее настроение. Видимо, назначение не очень далеко от прежнего места. Возможно, это общий штаб, где ему предложили должность по культуре или информации. У него хороший почерк, и он хорошо пишет.

6. Письмо от 27 сентября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Сегодня получил твое письмо от 13 сентября. Видимо, теперь снова наладится у нас с тобой регулярная переписка, а то некоторый промежуток времени были перебои, правда, так уж обстоятельства сложились. Тебе я обо всем все же писал, ты не можешь сказать, что это не так. Ну вот, следовательно, получил твое письмо, теперь хоть опять в курсе твоей жизни. Видимо, больших изменений там у вас нет. Все обстоит благополучно. Одновременно с твоим письмом получил и от папы письмо. Он тоже давненько от меня ничего не получал, правда, в последние дни я послал ему два письма.

О себе могу сообщить, что живу я хорошо. Начинаю обвыкаться на новом месте, понемногу осваиваюсь. Надо, конечно, во все мелочи вникать, чтобы чувствовать себя на своем месте. Думаю, что сумею справиться, во всяком случае, чувствуя себя уверенно, а это самое главное. Может быть, конечно, и недолго продлиться моя деятельность на новом поприще – вдруг не утвердит мое назначение вышестоящая организация. Сие, конечно, от меня не зависит.

Как поживает Валерка? Я давно уже ничего от них не получал. Сейчас, конечно, ему там живется замечательно, я в этом нисколько не сомневаюсь. Если бы он был с тобой, для тебя и его было бы хуже, у тебя забот прибавилось бы. В общем, я за него спокоен совершенно. Конечно, он на меня чихает, но уж что тут поделаешь. Такое положение сейчас не только у меня, обстоятельства сложились так, что уже давно все расстались со своими семьями, и многие отцы не видали своих детишек. Все со временем устроится, надо только гитлеровской сволочи голову свернуть.

Ты пиши мне почаще, сейчас я перед тобой в долгу оставаться не буду, да и фото шли.

Привет маме, Нине и племяннику, а также всем друзьям. Жорке длинному я написал ответ на его письмо, другого его письма не по-

лучил, может, он его по рассеянности опустил в мусорный ящик. Ну, пока закончу.

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

27.09.43.

Письмо написано на одном листке, бумага не линованная, иная, чем раньше. Как и предыдущее, письмо написано темно-синими чернилами, но буквы более толстые. Высказывает сомнение в его утверждении на новом месте. Все обычно. Письма, Валерка, обстановка, приветы. Обстановка, видимо, стабильная.

Октябрь 1943 г.

1. Письмо тот 5 октября 1943 года.

Здравствуй, моя дорогая!

Два дня назад получил твое письмо, но, как видишь, немного задержался с ответом. Вчера целый день находился на одном совещании. Между прочим, там получил большое удовольствие, т.к. вечером после совещания ставили кино (фильм «Актриса») и концерт, который давал нам фронтовой ансамбль «Песни и пляски». В общем, здорово. Такие вещи у нас не так уж часто бывают.

Живу я, дорогая, хорошо. Почти свыкся с новыми обязанностями. Чтобы удовлетворить твое законное любопытство, сообщаю, что сейчас я нахожусь на руководящей партийной работе в одной из частей. Работа интересная и многогранная. Писем я теперь, кроме как от тебя и от мамы, больше никаких не получаю. Правда я и сам больше никому сейчас не пишу. Жорке длинному послал письмо, но ответа от него пока нет.

Как ты поживаешь, каковы твои служебные и прочие дела? Как твоя общественная работа идет? Я очень рад за тебя и уверен, что ты успешно справляешься с агитационной работой.

Приближается день твоего очередного юбилея. Очень хотелось бы провести этот день вместе с тобой, но в этот раз еще это невыполнимо. Когда-нибудь мы должны будем с тобой наверстать за все. Устроим такой праздник, что чертам тошно будет.

Как живет Валерка? Есть ли у него какие-либо успехи в разговорной речи? Надежда, наверное, вернулась оттуда и рассказала тебе о нем.

Ожидаю с нетерпением твою фотографию, которую, по моим расчетам, ты уже должна выслать мне. Правда, по присланной тобой ранее фотокарточке я имею представление о том, как ты сейчас выглядишь, но эта будет, конечно, лучше еще отображать действительность. Как поживают мама и Нина? Что это они мне не соизволят ничего написать?

Ну, пока закончу. Жду твоих писем. Большой привет маме, Нине и племяннику, а также твоим друзьям. Крепко целую. Твой Владимир.

5 октября 1943 г.

Письмо написано на одном листе линованной бумаги. Новая должность В.С. связана с партийной работой в штабе одной из частей фронта, которая, видимо, в крупном населенном пункте. О том, что у Валерки нарушение слуха, ему не сообщают. Надежда ездила в Порозово, видимо, когда я (Вовка – авт.) болел в сентябре-октябре 1943 г., возможно, гепатитом.

2. Письмо от 10 октября 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил сегодня твое письмо и немедленно, как видишь, отвечаю. Очень рад, что ты живешь хорошо, имеешь пока все необходимое, а главное, здорова. С большим вниманием прочел все, что ты пишешь о Валерке. Конечно, он здорово вырос и изменился, это мне совершенно понятно. Почему же он пока не говорит? Этот вопрос меня серьезно беспокоит, но я надеюсь, что это явление времменное, во всяком случае, мы с тобой сделаем все, чтобы исправить это положение. Ничего, все со временем устроится. Надежда, следовательно, приехала из Порозова и, наверное, многое тебе рассказала о Валеркиной жизни. Ты ведь его совсем недавно видела, так что представление имеешь полное, а вот я? Правда, я не теряю надежды, что мы с ним установим дружеские взаимоотношения, и он ко мне привыкнет. Иначе придется кое-какие практические меры принимать нам с тобой, т.е. повторить. Не знаю, поняла ли ты мою мысль, но, кажется, я выразился ясно.

Живу я хорошо. Все больше и больше вникаю в работу, начинаю уже чувствовать себя уверенно, думаю, что справлюсь. Сделал уже немало. В общем, когда-нибудь расскажу тебе подробно обо всем, в письме ведь многое не напишешь. Работаю я много, это вполне понятно. Сегодня видел тебя во сне и так наглядно, почти ощутимо,

так что, когда проснулся, не сразу сообразил, где нахожусь и почему один. К сожалению, это был лишь дивный сон. Правда этот сон свершится в свое время наяву, но как хочется скорее увидеть тебя, ты не представляешь, как мне не хватает твоей ласки. Но ничего, все это сейчас пустые разговоры, всему будет свой черед. Чем больше ждать, тем радостней будет встреча. Пусть тогда будут горько сожалеть те, кто не сумел побороть трудности ожидания. Подобные факты, к большому огорчению, встречаются. Сегодня мне рассказывал один командир историю некрасивого, вернее будет сказать, подлого поступка его бывшей жены, которая вышла замуж за какого-то хлюста. Ну, я опять в какие-то рассуждения пустился. Не думай, что этим я высказываю какое-то недоверие по отношению к тебе.

Если встретишь «длинного Жорку» спроси его, получил ли он мое послание, а если получил, почему не отвечает? Быть может, он стал рассеянным и забывает ответить. Скажи ему также мой новый адрес, он его не знает, и, само собой, разумеется, передай от меня дружеский привет.

Как у вас жизнь идет? Установились ли хорошие взаимоотношения между вами (я имею в виду тебя, маму и Нину). Пиши, в общем, подробнее обо всем. Жду твою фотокарточку, конечно, знаю, что, как только ты ее получишь, вышлешь мне.

Большой привет Нине, маме и «огромных размеров мужчине» (это я имею в виду единственного моего племянника). Крепко тебя целую! Твой Владимир.

10 октября 1943 г.

Письмо написано на двух красноватых листках бумаги, описывает эпизод беседы с командиром и свой сон, в котором он видит Шуру. Тон спокойный, довольный. Надежда приехала из Порозова и рассказала, почему Валерка не говорит. Почему-то не возникает вопроса о том, что он еще и не слышит.

3. Письмо от 14 октября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил сегодня твое первое письмо, написанное по новому адресу. Теперь, стало быть, снова наладилась регулярная переписка между нами. Очевидно, в ближайшие дни я получу твою долгожданную фотокарточку и посмотрю на тебя, вернее, на твое изображение. Посмотреть на тебя – мое заветное желание. Третий уж год пошел,

как мы с тобой расстались, сколько за это время каждый из нас пережил! Но, зато, когда мы с тобой встретимся снова, какая радостная будет эта встреча! Я в этом не сомневаюсь никакого.

Моя жизнь идет по-старому. С каждым днем все уверенней я себя чувствую на новом месте. Конечно, накопленный опыт мне много дает. Ты, конечно, знаешь, что я никогда не подходил к делу формально, а сейчас в особенности. В общем, я стараюсь делать все, что в моих силах. А дело интересное, живое. Здоровье мое в полном порядке, как всегда, вообще я могу с тобой состязаться по части здоровья. Сегодня послал на твое имя перевод на 700 рублей. Как получишь его, извести. Значит, ты деятельно подыскиваешь себе комнатку. Может быть, так и лучше будет, ибо вы будете учить более спокойно и не раздражать друг друга. Какие вы все «бузотеры», посмотрю на вас! Я, разумеется, шучу, все это мне понятно, и я все придумал.

Правда, с другой стороны, одной учить хуже, и я, как тебе известно, не учел этого, но сейчас понимаю, что будет лучше вам по отдельности. Вам на месте виднее еще лучше, чем вижу я.

Как поживает Надежда? Опять возвращается ее возлюбленный муженек? Я ей не завидую, впрочем, какое я имею право лезть со своим мнением? Дело их. А неприятный он человек. Берет досада, почему такой молодой, здоровый лоботряс отсиживается в тылу? Он цепляется за все, лишь бы отсидеться «переждать». Гадко! А может быть, ты не разделяешь моих мнений, может быть, я неправ?

Начинаем получать зимнее обмундирование, значит, незаметно подходит еще одна зима, время идет и идет. Эта зима сыграет решающую роль в ходе войны. Безусловно, расплата с проклятым врагом близка, как никогда. Это факт! Скоро снова наш народ будет жить счастливой, мирной творческой жизнью, и наши дети не будут знать ужасов войны.

Пиши Шура, как ты живешь, как идет твоя работа и что у вас нового? Письма твои всегда доставляют мне большую радость. Скоро ведь наступит день твоего рождения, который мы с тобой обычно всегда отмечали в тесном кругу родных и друзей. Отметим еще в будущем много раз.

Большой привет маме, Нине, Вадику, Надежде и всем друзьям. Пиши.

Крепко целую тебя, твой Владимир.

14.10.43 г.

4. Письмо от 17 октября 1943 года.

Здравствуй, дражайшая моя!

Получил твое очередное письмо, миниатюрное письмо, и, увы, снова без фотографии. Ну, ничего, видимо, еще придется подождать. Я понимаю, что в задержке ты не виновата, почему не делаю никаких выводов по отношению к тебе. Ты сообщаешь, что предоставляется возможность приобрести, наконец, небольшую комнатку. Очень хорошо. Мне, конечно, нравится ее расположение, ибо дом, о котором ты пишешь, я немного представляю. Вообще-то он давненько дряхлый и вида бодрого не имеет, но ведь это в самом центре, ближе от всех культурных мест. В общем, ты добейся, чтобы тебе помогли с ремонтом, и начинай обживать новую жилплощадь. Видимо, действительно так будет вам всем лучше. Конечно, в связи с этим и у тебя (и не скрою, у меня) забот прибавится, но повторяю, так будет лучше. Я недавно перевел тебе некоторую сумму денег, они тебе пригодятся на устройство всех хозяйственных дел. Буду стараться посыпать тебе ежемесячно примерно такую сумму. Получила ли ты этот перевод?

Я живу хорошо. Приходится сейчас много работать над собой, повышать свои знания, иначе в моем положении нельзя, это вполне понятно. Это напоминает мне в известной степени былые студенческие годы, время подготовки к сдаче экзаменов. Помнишь, как мы вместе с тобой занимались, годились сдавать очередные зачеты? Невольно вспоминаешь 4-й этаж одного здания. Мы ведь с тобой довольно плодотворно работали и помогали друг другу. Да, студенческие годы имеют особую прелест! У меня, правда, все это как-то нескладно получилось, уж видно, так я и останусь вечным студентом, но все уж я не теряю надежды, когда-нибудь закончить свое образование. Ты у меня зато молодец, и сейчас продолжаешь совершенствовать свои знания, имея на руках диплом об окончании вуза.

Пиши, как живешь, что нового у тебя? Письма эти – сейчас единственная возможность для нас с тобой общаться друг с другом. Получил я вчера письмо из Порозова и ответил им. Как и ожидал, живут они все хорошо. Когда-нибудь мы с тобой навестим этот мирный уголок, с которым у меня связано много дорогих воспоминаний.

Всему свой черед, будет еще у нас с тобой много, много хороших дней, когда мы будем питаться не мечтами, а действительностью.

Привет маме и Нине, а также твоим друзьям. Не забудь передать мой привет Надежде. Крепко целую. Твой Владимир.

17.10.43 г.

Письмо на одном листке, опять насчет квартиры Шуры. размер пересылаемых денег повысился с 600 до 700 руб. Снова приветы Надежде, упоминания о Порозове. Работает над повышением знаний.

5. Письмо от 22 октября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя! Получил сегодня одновременно два твоих письма. Конечно, была у меня надежда, что в одном из них обнаружу твое фото, но ее опять не было. Правда, я не обвиняю в этом тебя, ибо причина задержки от тебя не зависит, однако не теряю надежды получить к празднику этот дорогой подарок. Итак, твои поиски комнаты пока не увенчались успехом, а я уже считал, что все в порядке. Конечно, ты очертя голову не стараешься приобрести какую-либо совершенно неудовлетворяющую комнату. Надо из всех зол выбирать наименее, т.к., заняв помещение, не будешь сразу возобновлять поиски нового. Поэтому ты правильно поступила, что отказалась. Обо всех твоих действиях в этом направлении и результатах извещай меня. Видимо, ты начинаешь привыкать к своим служебным обязанностям. Ничего, все понемногу уладится, и ты незаметно для себя полностью освоишься и будешь чувствовать себя на месте.

Да, Шура, через несколько дней ты будешь отмечать свой очередной юбилей. Хотелось бы мне быть в этот день вместе с тобой, провести несколько счастливых мгновений, но это только мечты, придется их осуществление еще несколько отложить.

Разреши, дорогая, поздравить тебя с днем твоего рождения, пожелать тебе много, много радостей в твоей жизни и скорой встречи со мной.

Третий раз уже этот день я отмечаю далеко от тебя, в суровых условиях. Но всему придет черед – встретимся снова и тогда все наверстаем с лихвой. Так ведь!?

Я живу хорошо, без каких-либо изменений. Пожалуй, много писать о себе пока нечего. Все в порядке, это для тебя главное. Не беспокойся, когда-нибудь ты получишь от меня самый подробнейший отчет обо всем.

Как твое здоровье? Не осталось ли каких последствий после твоей

операции? Ты смотри, относись к состоянию своего здоровья со всей серьезностью – все с тебя будет спрошено. Я посыпал тебе дней 10 тому назад перевод. Получила ли ты его? Как идут у вас всех дела? Пиши подробнее. Я ведь только из твоих писем узнаю о вашей жизни, остальные мне пишут весьма редко. Меду прочим, у меня к тебе просьба – пришли мне в одном из писем пару перьев, скоро нечем будет тебе писать, а достать здесь очень трудно, магазинов ведь в наших глухих дебрях никогда не было. Я думаю, ты это сможешь сделать.

Как поживает твоя сестра и каковы ее дела? Наверное, успела многим головы закружить, правда, она очень впечатлительна и имеет склонность к мечтаниям. Впрочем, чего ради я начал психологическими проблемами заниматься? Передай ей мой привет, мы все же с ней были приятели.

Привет и наилучшие пожелания маме, Нине. Крепко тебя целую. Твой Владимир (дождливая, осенняя ночь). Пиши.

22 октября 1943 г.

Ноябрь 1943 г.

1. Письмо от 2 ноября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя! Наверное, ты порядочно сердишься на меня за мое довольно продолжительное молчание, но всему есть причина. Дело в том, что я находился в отъезде, был на 6-дневном семинаре, довольно далеко от места своего расположения. С дорогами в общей сложности отсутствовал дней 10. Время там было очень уплотнено, все время занимались. Таким образом, никак не мог сбраться написать тебе. Сегодня, возвратившись в часть, я получил сразу кучу писем, пришедших без меня, и в их числе 3 письма от тебя. В одном из них я, к своей большой радости, нашел твое фото. Очень оно мне понравилось. Ты выглядишь замечательно. Конечно, одна деталь мне бросилась в глаза, придется мне тебя снова перевоспитывать, смотри, я человек отчаянный, могу и за волосы тебя оттаскать, благо, они довольно длинные. Конечно, я шучу, ты это знаешь, а о чем я пишу, думаю, догадываешься – в свое время я часто тебе говорил об этом. В общем, ты очень хорошо выглядишь, и я премного благодарен тебе за этот подарок. Между прочим, надпись

на обороте пришлась мне весьма по сердцу. Большое спасибо тебе за внимание. Знаешь, посмотрел я на фото, и мне сразу представилась вся ты, какой я тебя знал, и безумно захотелось хоть на мгновение увидеть тебя. Но все это сбудется, придет день, и встретимся мы с тобой снова, нам не придется с тобой фальшивить друг перед другом. Будем ждать этого радостного для нас дня.

Итак, я сегодня возвратился из этой поездки. Конечно, я получил большую зарядку, прослушал много замечательных лекций и докладов и многое получил для своей работы. Дорога, правда, довольно утомительная. Приключений со мной в дороге было порядочно. Достаточно тебе сказать, что на одном участке пути машина, на которой я ехал, опрокинулась и я, описав в воздухе дугу, воткнулся головой в канаву. Не знаю, как на мое счастье там не оказались камни, пни или еще какие предметы, в противном случае я не писал бы сегодня тебе письма. Все окончилось благополучно для меня, хотя произошло это на полном ходу. Вообще впечатлений от этой поездки порядочно, но чувствую большую усталость. Все это, конечно, «рассосется».

Через несколько дней будем отмечать праздник. У тебя лично приближается день рождения. Еще раз мы с тобой не вместе в этот день. Желаю тебе здоровья, успеха в жизни и работе и всего того, что может пожелать любящий тебя человек. Напиши мне, как ты проведешь праздники. У меня, конечно, эти дни мало будут отличаться от обычных, нам здесь особенно праздничным настроениям предаваться нельзя. Но, во всяком случае, мы отметим эти дни.

Пиши мне, как живете, что у тебя нового. Я, безусловно, свой некоторый долг перед тобой в отношении переписки, погашу – буду писать тебе аккуратно, без перебоев. Думаю, что ты в этом не сомневаешься. Еще раз благодарю тебя за фотографию, она понравилась и моим товарищам.

Большой привет и наилучшие пожелания маме, Нине, Вадику, Надежде и всем твоим друзьям. Желаю всем вам хорошо провести праздники. Пиши, родная! Крепко тебя целую много раз. Твой Владимир.

02.11.43 г.

Письмо на белом листке нелинованной бумаги. Возвращение из командировки. авария в пути. День рождения Шуры и праздники ноябрьские – 7 ноября. (В то время это главный праздник страны). Чувствуется усталость. возможно, последствия тяжелой травмы. избежал гибели.

2. Письмо от 7 ноября 1943 года.

Здравствуй, дорогая женушка!

Получил сегодня твое письмо, и, не откладывая дела, пишу ответ. Спасибо за твои поздравления с праздником, получил их я как раз, видишь, весьма своевременно. Сегодня великий день – 7 ноября. Большой праздник для всех наших людей. Ликует народ нашей Родины! Какие замечательные подарки преподнесли герои-воины Украинских фронтов к этому дню! Сейчас мы закончили чтение и обсуждение доклада тов. Сталина. Настроение у всех приподнятое, впечатление от этого исторического документа осталось очень сильное. Ты спрашиваешь, как я провел праздник 26-й годовщины? Постараюсь тебе ответить.

Вчера мы провели у себя торжественное заседание, после которого устроили скромный концерт своими силами. Сегодня утром я был в одном подразделении нашей части, сделал доклад. Вот, пожалуй, и все. Правда, в этом году я лично встречаю этот праздник в несколько других условиях – в прошлые 2 раза обстановка была гораздо сложнее.

Сейчас невольно вспомнил, как раньше, когда я был вместе с тобой, мы встречали эти праздники. Ничего, впереди еще много будет замечательных праздников, которые мы с тобой встретим вместе.

Теперь несколько строк по затронутым тобой в письме вопросам. Твою фотокарточку я получил и об этом уже тебе написал. Еще раз благодарю тебя за присланное. Нужно ли говорить, что мне она очень понравилась, ведь твое изображение очень дорого для меня, ибо с тобой у меня связано лучшее в моей жизни. А помнишь обстоятельства, при которых ты мне подарила твою первую фотокарточку? Было это перед отъездом твоим в пионерский лагерь. Я все это очень хорошо помню, наши первые встречи, первые прогулки. В общем, начинаю вдаваться в сентиментальности.

Теперь насчет твоих шагов в отношении комнаты. Знаешь, что я считаю – конечно, не нужно соваться в первую попавшуюся конуру. Мы с тобой многое помучились в свое время, и хочется в конце концов устроиться более или менее сносно. Поэтому не спеши с окончательным выбором, не забивайся в какую-либо дыру, да еще где-либо на Обводном канале. Не нужно идти по линии наименьшего сопротивления. В общем, я лично пришел к выводу (конечно, рано еще о

таких вещах думать), что, если мы с тобой не сумеем устроить свои эти жилищные вопросы, то вообще рас прощаемся с этим городом. Ну, правда, сейчас еще не время так ставить вопрос, вообще сейчас еще нельзя выдвигать личные вопросы, но все же я для твоего сведения это пишу. Думаю, ты меня в этом вопросе понимаешь хорошо.

Получил сегодня открытку из Порозова. И.Н. (Иван Никандрович) пишет мне, что все они живут хорошо, Валерка здорово вырос и чувствует себя прекрасно. Надеюсь, что летом следующего года ты будешь вместе с ним, конечно, если все устроится.

Пиши мне дорогая, как здоровье, как отметила эти праздники. В общем, жду от тебя, как всегда, подробного, обстоятельного письма. Посылаю тебе открытку с приветом. Большой привет Нине, маме, моему племяннику, Надежде и другим твоим друзьям. Если встретишь Жорку, поругай за его недисциплинированность – не пишет, бродяга, уже давно. Конечно, дел у него много, друзей и подруг еще больше, ну его дело.

Крепко тебя целую. Твой Владимир. 7 ноября 1943 г.

3. Письмо от 11 ноября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя. Решил черкнуть тебе «накоротке» несколько строк. Дело в том, что сегодня я снова убываю (если можно так выразиться) на 10-дневный учебный сбор и поэтому, видимо, этот период времени не получу твоих писем, если мне их не перешлют. В общем, как видишь, учат меня уму-разуму. Это, конечно, мне весьма необходимо. Сегодня послал тебе перевод снова на такую же сумму, как и в прошлый раз. Получишь – напиши. Живу хорошо, все в порядке. Прихворнул тут немного в праздники – грипп с чего-то привязался, но сегодня уже совершенно здоров, так что не беспокойся. Как ты поживаешь, как отметила свой очередной юбилей?! В общем, ты мне продолжай также аккуратно писать, я постараюсь перед тобой в долгую не оставаться. За это время также постараюсь тебе время от времени черкнуть пару строчек. А пока на этом и закончу свое коротенькое послание. Привет маме, Нине и огромному племяннику. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

10.11.43 г.

P.S. А на обороте какая замечательная картинка! Подумать только!

Предыдущее письмо на белой линованной бумаге, стиль несколько бравурный. Это письмо «воинское», обратный адрес – 26408. «Смерть немецким оккупантам». На письме изображены женщина и ребенок, встречающие советского солдата. На заднем плане танк. Штамп военной цензуры.

4. Письмо от 16 ноября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя. Давненько не получал твоих писем, таких желанных для меня. Это, по всей вероятности, объясняется некоторым перерывом, который был в моих письмах тебе во время моего отсутствия. Сегодня, выбрав свободную минутку, решил я черкнуть тебе.

Как-то ты живешь, чем занимаешься? Как провела праздники и встретила свой юбилей? Я в этот день все вспоминал тебя и дни, прожитые нами вместе. Вспомнить есть что. А что будет, когда мы с тобой снова встретимся! Подумать только!

Я живу хорошо, здоров как обычно. Сейчас много занимаюсь. Мне придется еще 1 ½ месяца упорной учебы. Надо за этот короткий срок многое познать. После этого нужно будет сдать экзамен. Как все это закончится, пока не представляю. Конечно, я приложу все силы, чтобы разрешить эту стоящую передо мной задачу, преодолеть эти трудности. В общем, я сейчас учусь.

Как разрешаются твои дела квартирного порядка? Я о них тебе писал в одном из своих последних писем. Думаю, ты учтешь.

Послал недавно тебе перевод на такую же сумму, как и предыдущий. Наверное, ты его уже получила.

Несколько дней тому назад смотрел я хорошую картину, очень мне понравившуюся – «Два бойца». Смотрела ли ты ее? Если нет, советую. Писем за последнее время не получаю, кроме как Миша иногда по старой памяти напишет. Правда, и самому сейчас писать, пожалуй, некогда. Жорка «длинный» все же довольно свинское поведение обнаруживает, до сих пор больше ничего от него не получал, наверное, много друзей заимел, старых забывать начинает. Ладно, когда-нибудь с ним посчитаюсь.

Посылаю тебе маленькое стихотворение, которое написал один мой приятель Лева, напечатанное в нашей газете. Оно очень отражает мое настроение, поэтому решил тебе его послать. Свое мнение о нем напиши, передам автору.

Жду твоего письма со всеми подробностями твоей жизни. Пока ведь мы с тобой только при помощи писем и можем общаться друг с другом, да воспоминаниями довольствоваться. Однако придет время иное, когда мы вновь будем вместе. Будем уж ожидать этого, ждали больше. Ну, пока закончу. Мой привет маме, Нине и всем вашим друзьям. Пиши! Крепко целую и обнимаю тебя. Твой Владимир.

16.11.43 г.

Письмо написано на белом нелинованном стандартном листке бумаги синими чернилами. Речь идет о предстоящей учебе, экзамене. Психологическая доминанта та же: условия и жизнь дома. Квартирная проблема, планы на будущее. Желание сохранить представление о жизни дома, что не забыли.

5. Письмо от 17 ноября 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил сегодня твое письмо и решил ответить без промедления. Очень рад за тебя, что ты живешь хорошо, неплохо провела праздник и отметила свой юбилей. Все очень хорошо. В следующий раз, когда ты будешь праздновать свой новый юбилей, конечно, я буду вместе с тобой разделять это торжество, и Валерка будет при этом также присутствовать. Так и готовься.

О себе, пожалуй, много писать нечего, я писал тебе в последнем письме, как дела у меня сейчас идут. Занимаюсь много, но пока еще, в общем, сделано мало, а время идет очень быстро, и назначенный срок для подготовки сокращается с каждым днем. Знаешь, невольно вспоминаешь свои былые студенческие годы, напряженную работу перед зачетами. Тебе, конечно, как бывшей студентке, это, разумеется, тоже все хорошо знакомо. В общем, я живу хорошо. Как идут твои дела? Надеюсь, что с зубной проблемой у тебя все разрешилось. Пиши обо всем. Большой привет маме, Нине, Вадику и Надежде. Крепко целую и обнимаю. Твой Владимир.

17.11.43 г.

P.S. Перья получил. Благодарю.

Письмо написано на стандартном бланке «воинское» с изображением оказания помощи раненому в бою. Стоит печать цензуры. Видимо, написано в спешке, синими чернилами.

Декабрь 1943 г.

1. Письмо от 4 декабря 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Собрался сегодня черкнуть тебе пару строк о своем житье-бытье. Я пишу тебе, что начинаю учиться. Вот уже 4 дня, как я нахожусь на курсах. Довольно трудно пока, ибо отвык уже, но как-нибудь втянусь в колею. Сделать предстоит много, а времени мало. В общем, я буду находиться здесь около 1 1/2 месяца. За это время хочу получить от тебя несколько писем. Поэтому напиши мне по адресу полевой почты 17633 «Д». Твои письма идут все по старому адресу (вернее, по-новому).

Живу хорошо, здоров. Занимаюсь много. Достаточно сказать, что личного времени у нас здесь 20 минут в сутки.

Как ты живешь и что у вас там нового? Жду твоих писем, скажи и Нине, чтобы писала мне. Большой привет всем родным и вашим приятелям. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

4.12.43 г.

Письмо «воинское», написано простым карандашом, даже адрес. На воинском письме, темно-коричневого цвета. «Смерть немецким оккупантам». Изображена картина боя: танки, атака солдат, и медсестра оказывает помощь раненому солдату! Штемпеля цензуры нет.

2. Письмо от 10 декабря 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вновь, как видишь, собрался я черкнуть тебе пару строк о своей жизни. Очень жаль, что давненько не получал от тебя писем, не знаю, как ты живешь. Правда, имею надежду, что скоро мне перешлют твои письма, я написал об этом к себе. Уже 10 дней я нахожусь на курсах. Учеба дается нелегко, но я пока не унываю, надеюсь овладеть новыми знаниями. Между прочим, за первую декаду результаты успеваемости у меня приличные – средний балл 4,5. Не знаю, как будет дальше. Срок пребывания здесь на курсах до 15.01.44 года. Так что еще больше месяца.

В остальном ничего нового нет, здоров, чувствую себя хорошо. Сейчас, разумеется, все мои действия направлены на то, чтобы закончить учебу, и тогда будет другое дело, иначе придется снова

сменить свою должность. Ну, пока закончу. Большой привет маме и Нине. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

10.12.43 г.

Письмо «воинское», стандартное, написано карандашом. На нем изображена женщина с ребенком, встречающая воина в каске, с винтовкой и вешмешком. На заднем плане поле боя. Имеется штемпель цензуры.

3. Письмо от 15 декабря 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Сегодня получил одновременно 4 твоих письма, мне их переслали сюда. Очень был рад, ибо сразу узнал все, что у тебя там нового есть. Следовательно, ты сейчас работаешь на своей прежней должности, и видимо, ты довольна. Ну что же, тебе лучше судить, где лучше. А твои усилия подыскать комнату все не увенчались успехом. Ничего, рано или поздно все устроится.

Я живу хорошо, учеба идет пока ничего, что будет дальше, не знаю. Время загружено весьма плотно. Поэтому прошу не обижаться на краткость письма, пойми, что фактически не могу сейчас. Вот закончу учебу, отпишусь за все. Ты мне по этому временному адресу не пиши после 1 января. Ибо письма могут меня не застать. После этого срока пиши по основному адресу (26408).

В одном из твоих писем получил мордашку Валерки, видимо, это один из снимков, которые я фотографировал.

Скоро ли мы все вместе соберемся, давно ведь уже разбросало нас по разным местам? Но ничего, все у нас еще впереди, еще будем жить лучше, чем раньше. В общем, больше ждали.

Передай привет всем родным и друзьям. Соберусь как-нибудь напишу маме, давно ей не писал. Ну, пока и все. Пиши! Крепко целую тебя. Твой Владимир.

15.12.43 г.

Письмо написано на белом листе бумаги крупными буквами карандашом. Чувствуется занятость учебой.

4. Письмо от 20 декабря 1943 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Снова, как видишь, собрался написать тебе, правда, от тебя письма пока не получил – причина в моей кочевой жизни. Действительно,

я что-то за последние месяцы много странствовал. Порядочно надоело это, скорей бы вернуться в свою часть. Правда, теперь уж недолго осталось. Учеба моя идет пока ничего, но достается трудновато, конечно, не все, некоторые вещи и легко даются, а некоторые и тяжеловато. Но, в общем-то, все надеюсь одолеть как-нибудь. Тебе, наверное, уже надоело, что я в нескольких письмах все пишу о своей учебе, но сейчас это для меня это главное, и ты, надеюсь, меня поймешь.

Через несколько дней Новый год. Поэтому разреши поздравить тебя с Новым годом и пожелать тебе счастья, здоровья и еще много хороших вещей. И в этот раз мне не пришлось вместе с тобой быть в новогодний вечер. Давненько мы не встречали вместе Новый год. Ведь последний раз мы встретили более или менее нормально 1940 год, а сейчас наступает 1944-й. Время идет своим чередом. Очень печально сознавать, что с каждым днем все стареешь и стареешь, чего доброго, к моменту нашей встречи буду совсем старишкой. Правда, мы еще кое-кому из молодых нос утрем. Так ведь? Согласна со мной или ты думаешь иначе?

Конечно, ты совсем не изменилась, все такая же, а я, увы, не могу этого сказать про себя. Ну, в общем, нечего много распространяться. Об этом потом будем судить. Наверное, тебе покажется все это очень странным, но не удивляйся, иногда раздумываешься обо всем и приходишь к довольно неутешительным выводам. Впрочем, хватит.

Как ты живешь и что у тебя нового? Пиши подробнее, не обижайся на краткость моего письма, кончу курс науки, напишу тебе подробно обо всем, а сейчас, погоди, совершенно не имею времени и условий. Передай большой привет маме и Нине и всем твоим друзьям. Пиши по основному адресу. Крепко тебя целую и обнимаю.

Твой Владимир.

20 декабря 1943 г.

Письмо написано карандашом на белом нелинованном листе бумаги. Почерк у В.С. очень понятный, строчки ровные. Однако это письмо очень уставшего человека, который задумывается о смысле жизни и бытия, неизбежном старении.

5. Письмо от 25 декабря 1943 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил твое письмо. Отвечаю на основной вопрос, затронутый

тобой, это насчет возможности твоего приезда. Конечно, я думаю, нечего много распространяться о том, как хотел бы я увидеть тебя, хотя на мгновение, но, увы, сейчас нет к этому возможностей. Видишь, вопрос обстоит сложно, здесь есть много трудностей, представить которые тебе невозможно, ты не представляешь всех сторон этого вопроса. В общем, не беспокойся, когда представится какая-либо возможность, я поставлю тебя об этом в известность, а сейчас этого нет. Здесь на курсах я буду недолго, через 15 дней кончу и возвращаюсь в часть. Признаться, здесь мне порядочно надоело и тянет обратно в часть. Я тебе как-нибудь напишу о всяких злоключениях моих во время этой учебы. Будет что вспомнить.

В общем, живу хорошо, здоров. Немного нога болела – стер здорово, но сейчас уже все в порядке. Результаты учебы пока приличные, не знаю, как будет дальше. Хлопцы здесь со мной все подобрались крепкие в смысле подготовки.

Ты, как вижу, тоже работаешь много, времени, наверное, совсем нет. Скоро все-все будете встречать Новый год. Мысленно я буду с вами. Вот бы посмотреть на вас издали! Все это мечты, но придет уже время, когда эти мечты осуществлятся!

Пиши, как живешь, что нового, чем занимаешься и вообще, что у вас нового? Получил сегодня открытку из Норозова! Живут там все по-старому. Валерка здоров и чувствует себя прекрасно. И всё же меня не покидает мысль, что я для него понятие относительное. Ты мне сейчас пиши по адресу части, здесь твои письма меня уже не застанут.

Большой привет маме, Нине и моему племяннику. Пиши! Крепко целую и обнимаю тебя. Твой Владимир.

25.12.43 г.

Письмо написано карандашом на белой бумаге. Впервые обсуждается вопрос о встрече. Учеба, видимо, проходит в достаточно большом населенном пункте – в тылу. Состояние В.С. уставшее.

6. Письмо от 26 декабря 1943 года.

Шура! Получил твоё письмо, благодарю за аккуратность. Жизнь моя пока без перемен, все учусь и ожидаю конца учебы. Теперь уж до

окончания «академии» осталось пятнадцать дней. После окончания ожидаю вернуться снова в свою работу. Ты, наверное, неправильно понимаешь меня из-за краткости ответа. Напишу все подробно немного позже. Как ты встречаешь Новый год? Наверное, чего-либо там сообразишь. Мне, конечно, осталось только вспоминать, как раньше все мы с тобой встречали этот день. Помнишь, как один раз я уквасился и заснул! Как жаль этого времени! Все это кажется каким-то дивным сном. Рано или поздно вернется все, снова мы будем встречать Новый год совершенно иначе, чем сейчас.

Ну, довольно философствовать. Пиши, как живешь и что нового. Адрес старый. Привет маме, Нине, Вадику и Надежде. Жду твоих писем. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

26.12.43 г.

Письмо написано на маленькой цветной открытке (сине-красной), где нарисована молодая девушка, пишущая письмо, а на столе портрет солдата. Текст внизу открытки: «Родной, поздравляю с праздником!» Цена 10 коп. Тип. газеты «Правда» имени Сталина. 2727 гираж. Есть печать «Просмотрено Военной цензурой».

3.4. Письма 1944 года

Январь 1944 г.

1. Письмо от 1 января 1944 года.

Дорогая моя!

Сегодня первый день нового 1944 года. Наверное, все вы сейчас в сборе, находитесь в своем кругу и вспоминаете, вернее, делитесь впечатлениями о встрече Нового года. Как вы отметили эту

дату? Я вчера был очень доволен – за несколько часов до нового года принесли почту, и я получил две поздравительные открытки (твою и Миши) и, кроме того, закрытую бандероль от папы (он прислал мне хороший блокнот), и получилось, таким образом, очень удачно.

Нахлынули на меня воспоминания о прошлом, порядочно взгрустнулось, что греха таить. Встречал, конечно, я Новый год уже третий раз вдалеке от близких и дорогих мне людей. Ничего особо не было здесь, мы сами скоропалительно организовали нечто вроде концерта, перед которым был доклад. Вот и все. В общем, через 2 минуты после наступления нового года я уже спал. Сегодня обещают показать кино. Как видишь, кое-что было, но все это не то. Если бы в этот вечер я был с вами!

Ну, будем надеяться, что встретим 1945 год вместе, как должно быть.

Благодарю тебя за открытку и хорошие пожелания. Со своей стороны я тоже послал тебе поздравление, не знаю, получила ли ты. В моей жизни нового ничего нет, все идет по-прежнему. С нетерпением жду, когда закончится «академия», ибо надоело здесь до чертиков, скорей бы обратно в часть. Правда время идет довольно быстро, как в колесе крутится.

Ну а как ты живешь? В этом месяце я не послал тебе денег, это потому, что не получил сам, получу, когда вернусь в часть, и тебе пришлю. Пиши, как живешь и что нового? Как идут твои дни? Большой привет маме, Нине, племяннику и другим вашим друзьям.

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

01.01.44 г. Р.С. Адрес новый, туда и пиши (26408).

Письмо написано на белом листке бумаги карандашом. Чувствуется определенная усталость, крупные буквы, строчки не очень ровные.

2. Письмо от 7 января 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Снова решил черкнуть тебе пару строчек. Письма твои теперь идут, наверное, по старому адресу, поэтому получу их я, вероятно, дней через 15, не раньше, ибо, учитывая дороги, мне раньше не вернуться в свою часть.

Живу я хорошо, сейчас начинаем понемногу готовиться к сдаче экзаменов, которые начнутся через неделю. Придется поработать, но хорошо, что осталась уже неделя. Мы уже начинаем готовиться к выпускному вечеру, который собираемся устроить в пределах возможностей более или менее сносно. В общем, я тебе в дальнейшем напишу обо всем.

Как ты поживаешь, что у вас нового? Твои письма я всегда жду с нетерпением, и они действительно мне много радости и придают мне бодрости. Иногда ведь, знаешь, бывает довольно тяжело на душе. Ну, пока и кончу. Большой привет всем. Целую тебя, твой Владимир.

07.01.44 г.

Письмо «воинское» стандартное, написано карандашом, изображен бой: танки пехота и медсестра, перевязывающая раненого.

3. Письмо от 8 января 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вновь решил черкнуть тебе пару строчек. Сегодня 8 января, с этим днем кое-что связано, ты мне говорила, что все определится в этот день. Ну и что? Я очень беспокоюсь за тебя, тем более, пока писем не имею и, к большому огорчению, не получу еще, вероятно, дней 5. Почему они так медленно идут – понять не могу. Ты не можешь себе представить, как я жду твоего первого письма. Не знаю, как ты доехала, как твои здоровье и пр.

У Кима больше не был, и пока такой возможности не предвидится, да, надо сказать, и не особенно стремлюсь туда, все ведь там теперь будет не так. В моей жизни никаких изменений не произошло. Настроение мое тебе должно быть понятным. Пиши, родная, как ты живешь, как устроились все твои дела, одним словом, обо всем. Как чувствует себя Валерик, ему без тебя, видимо, жилось неважно, заботиться о нем никто не хотел, кому он, кроме нас с тобой, нужен? Ну ладно, хватит. Пиши! Большой привет всем родным. Крепко целую тебя и Валерку. Ваш Владимир.

08.01.44 г.

Письмо «воинское». На нем изображена атака танков, самолетов и пехоты. Содержание письма несколько неожиданное. Такое впечатление, что в январе была

встреча Владимира Степановича со своей супругой. «Ким» – это, возможно, Капитон Васильевич Балашов, наш родственник, который жил в Вологде. Не вполне понятны и слова о Валерке, который, судя по прежним письмам, жил хорошо в Порозове.

4. Письмо от 31 января 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил сегодня твое письмо и немедленно отвечаю. Я очень рад твоим успехам в работе, а также в общественной жизни. Молодец ты у меня! Конечно, я знаю твое сердечное отношение к делу, не сомневаюсь в результатах. Это и для тебя очень полезно – больше следишь за всеми событиями и даешь им правильную оценку. Мне тоже приходится сейчас много работать в этой области, правда, мои условия отличаются от твоих.

Вот бы нужно нам с тобой собраться на конференцию и обменяться опытом своей работы. Право, было бы замечательно, правда, мы бы с тобой, пожалуй, отвлеклись несколько в другую сторону. Так ведь?

Ну, что тебе написать о своей жизни? Видишь ли, много распространяется нечего. В общем, я живу хорошо, совершенно здоров – вот, пожалуй, и все. Конечно, нечего распространяться о том, как я безумно хочу видеть тебя, но все эти желания пока совершенно невыполнимы. Трудно выразить на бумаге, что у меня накопилось, но думаю, ты меня великолепно понимаешь. Знаешь, иногда бывают моменты, хочется написать тебе все, что есть на душе, схватишь перо... и ничего не получается, все как-то шаблонно и не то... Почему так – не могу понять. Не умею я иногда словами передать, что думаю, а не то, что на бумаге. Черт его знает, в чем дело. Вообще, по-моему, я какой-то черствый человек. Ну, довольно об этом, еще как-нибудь поговорим на эту тему.

Ну, что тебе порассказали о Валерке? Как он живет? Надежда недавно вернулась оттуда и рассказала тебе все интересующие тебя вопросы о его жизни. Скоро снова ты сможешь съездить к нему, а быть может, и взять его к себе. Конечно, это будет связано со многими трудностями. Пока предрешать этот вопрос не будем, как условия будут, в зависимости от этого посовещаемся и решим.

Пиши, дорогая, как живешь, что у вас там нового, меня ведь все интересует. Вышло ли что из твоего проекта с комнатой? Скажу прямо – твой вариант очень замечательный, и если бы он осуществился, было бы хорошо. Большой привет маме, Нине, Вадику и всем вашим друзьям. Не обижайся на некоторую небрежность, письмо пишу ночью, а коптилка еле светит. Ну, будь здорова! Крепко тебя целую, много раз. Твой Владимир.

31 января 1944 г.

Письмо по настроению резко отличается от предыдущего. Видимо, В.С. уже в своей части, в своей землянке. Вопросы опять о семье. Валерке, своих переживаниях и чувствах. Желание активно участвовать в семейных делах. Советы жене. Они занимают одну и ту же позицию в общественной работе и можно обменяться даже опытом.

Письмо написано на белом листке бумаги темно-синими чернилами, аккуратным почерком.

Февраль 1944 г.

1. Письмо от 8 февраля 1944 года.

Шура!

Получил сегодня твое письмо, и оно меня порядком удивило и заставило о многом подумать. Слишком много незаслуженных упреков по моему адресу. А чем я перед тобой провинился – не пойму. Нельзя уж переносить разные дрязги и неприятности, которые там у вас между собой имеют место (к большому моему сожалению), на меня. Неужели я в этом повинен? По-моему, я всегда старался все это урегулировать, сделать для всех хорошо, но, видимо, все это оказалось безрезультатно.

Читая твое письмо, я понял, что ты основательно разобижена на меня. Оказывается, причиной всего служит факт, что я имею переписку с какой-то «особой», как ты выражаяешься. Догадаться о ком идет речь, для меня не представляло большого труда, ибо круг моей переписки весьма ограничен. Не знаю, что ты здесь нашла особого? Ты пишешь, что тебе это неприятно и т.п. А что здесь особого? Ты можешь легко представить характер этой переписки. Во всяком случае, я не собирался никогда делать из этого тайны для тебя. Она прекрасно знает меня, знает мое отношение к тебе, равно как я знаю хорошо,

как она относится к своей семье, а, следовательно, никаких целей с моей стороны эта переписка не ставит. Ты, по-моему, ни в коей мере не можешь упрекнуть меня в неискренности по отношению к тебе или в обмане. Я этого ничем не заслужил, ты ведь должна, по-моему, знать, что всю свою жизнь я связываю с тобой. В общем, что-то есть в твоем раздражении.

Не знаю, может быть, причиной к этому явилось что-либо другое, а это явилось поводом. Кто знает, что там у вас на уме. Сейчас особенно люди не доверяют друг другу и очень, очень многие легко рвут с прошлым и «ловят момент». Конечно, это дело каждого. Время покажет кто прав, кто виноват. Во всяком случае, я за себя спокоен – моя совесть чиста, и я этим горжусь.

В общем, хватит философию разводить. Жду от тебя, что ты мне подробно напишешь обо всем без всяких намеков. А в последнем твоем письме ярко выражено желание уколоть меня, но зачем?

Живу я пока без особых изменений. На днях пришлось побывать в своей старой части. Как много там изменений произошло. Своего друга Мишу повидал, поговорили с ним обо всем, тряхнули стариной. Сегодня привезли к нам кино. Смотрели замечательную картину «Секретарь райкома». Оставила очень большое впечатление. Видела ли ты эту картину? Между прочим, собираюсь скоро тебе прислать свою фотографию, как только получу ее. Получила ли ты мой перевод, который я тебе послал в январе?

Ну, пока и закончу. Жду твоего письма. Привет всем. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

8 февраля 1944 г.

Письмо написано на белом листке бумаги темно-синими чернилами, ровным, понятным почерком. Проблемы взаимоотношений носят обостренный затяжной характер. Создается впечатление, что в этот период никаких особых боевых действий не ведется: ни срочных заданий, ни перемещений.

2. Письмо от 20 февраля 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил очередное твое письмо. Благодарю за внимание. Что это вы все, видимо, решили похворать, и ты в том числе? Ты смотри у меня, я ведь тебе много раз писал о том, чтобы более внимательно

относились к своему здоровью, видимо, ты это не особенно учитывала. Я прошу обратить на это самое серьезное внимание. Отец пишет, как не болел с 1913 года, что тоже основательно прихворнул. Видимо, пришлось ему тяжело. Правда сейчас пишет, что начинает поправляться. Получил письмо из Порозова, там тоже все гриппом переболели, кроме Валерки. Пишут, что был Петро у них. Сначала Вовка обрадовался отцу, но скоро стал его сторониться – своей, видимо, грубостью оттолкнул ребенка. А когда он уехал, так Вовка заявил, что такого отца ему не надо, что лучше иметь такого, как у Валерки. Я долго смеялся над этим и все же подумал, что, наверное, Валерка так не думает, ибо для него понятие «отец» слишком неопределенное. Что уж поделаешь.

Устроились ли твои дела насчет комнаты? Все же осуществить этот вариант было замечательно. Насчет того, чтобы написать мне заявление на имя пред. Райсовета, то я пока не знаю, видишь ли, ведь он не возражает в принципе. В общем, ты действуй, а если будут какие-либо проволочки, т.е. задержки в этом деле, тогда я сделаю, что напишут бумагу в соответствующие организации от имени командования нашей части. В общем, ты меня информируй по этому вопросу.

Живу я все также. Со своими болезнями начинаю справляться и довольно успешно. В общем, все в порядке. Сегодня перевел на твое имя очередную сумму. Между прочим, ты так и не написала мне, получила ли ты предыдущий мой перевод?

Сегодня видел тебя во сне и почему-то с Сергеем? Интересно, имеешь ли ты какие-либо сведения об Анашке? Где-то он сейчас? Вообще все мои бывшие друзья расселились. Один Жорка где-то у вас болтается и тоже, по всей видимости, совсем забыл о моем существовании. Ну, дело его, в конце концов, за все рассчитается. Пиши, как живете и что у вас нового. Большой привет всем! Крепко тебя целую. Твой Владимир.

20 февраля 1944 г.

Письмо написано на белом листке бумаги ровным, обычным, мелким почерком. Спокойное. Правда, упоминается, что все болеют, в том числе и он. В письме из Порозова сообщили, что приезжал туда Петро и Вовка (т.е. я – авт.), заявил, что такого отца ему не нужно. Может, они, просто вспомнили старый эпизод, который был летом. Возможно, мои родители приезжали летом 1943 года.

3. Письмо от 25 февраля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Решил в ожидании почты написать тебе письмо, у меня предчувствие, что с этой почтой получу от тебя письмо, а следовательно, надо заранее приступить к ответу. Как ты там поживаешь и что поделываешь? Эх, как хочется побыть с тобой хотя бы самое короткое время! Трудно сказать, вернее выразить. Сегодня снова видел тебя во сне, но, увы – только во сне, а когда же увижу наяву? Конечно, сейчас об этом можно только мечтать, но придет срок, и эти мечты осуществлятся. В общем, ты видишь, что мы здесь иногда и мечтаем, у каждого есть свои мечты. Может быть, я иногда в сентиментальность ударился, но не всегда уж быть сухим официальным человеком. Пишу какую-то чушь – всегда у меня так получается, что не могу ясно выразить свои мысли, особенно, когда дело касается личного, самого интимного. Почему сам не знаю. Я уж когда-то писал об этом моем недостатке.

Наш праздник – 26-ю годовщину Красной армии, я встретил довольно хорошо. Правда, никаких особых торжеств в наших условиях не могло быть, но настроение было хорошее, приподнятое. Получили мы подарки от трудящихся Челябинской области. Вот сейчас пишу тебе письмо и курю хороший табак из кисета, на котором вышито: «Привет с Урала!»

Принесли почту, но мое предчувствие не оправдалось – письма я, к большому сожалению, не получил. Как видно, не повезло. Ничего не поделаешь. Буду надеяться, что завтра все же письмо будет.

Пиши подробно о своей жизни и всех новостях. Твои письма для меня являются большим, радостным событием. Ведь мы с тобой сейчас только письмами можем держать друг друга в курсе событий нашей жизни.

Как поживает Надежда, или она уже уехала вслед за своим благоверным? Странную жизнь они ведут, но я сейчас им завидую – ведь они вместе. Почему они не берут с собой Вовку, или уж они решили его совсем «в аренду сдать»? А он уже сейчас, конечно, все понимает. В общем, это их дело и нам тут вмешиваться нечего.

Ну, пока и закончу на этом. Буду ждать нового письма. Сердечный привет маме, Нине и Вадику. Пиши. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

25/II-44 г.

Письмо написано на белом листке бумаги тетрадного формата в ожидании почты. Вспоминает Надежду и отъезд Петра, видимо, он не совсем в курсе их развода, причин и событий (Вспоминает и меня, Вовку – авт.). Вроде жалеет. (Спасибо, Владимир Степанович!). Возможно, к одному из писем, по случаю для Красной армии, 23 февраля была приложена открытка с поздравлением. На ней изображен автоматчик, который строчит из автомата по врагам с надписью: «Били, бьем и будем бить!» На открытке написано: «Дорогая Шура! Поздравляю с праздником 26-й годовщины Красной армии. Желаю здоровья и счастья. Привет маме, Нине и Вадику. Твой Владимир. Ниши. 20/II-44».

Март 1944 г.

1. Письмо от 17 марта 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Со дня на день ожидал я твоего письма, все думал, ну, сегодня получу, но письма от тебя все нет и нет. В конце концов, решил тебе черкнуть несколько строк. Почему так долго не пишешь? Что случилось? Я не знаю, что и думать. Прошу тебя писать почаше, ты сама знаешь, что значит долго не получать писем. Правда, я иногда тоже допускал неаккуратность в переписке, но ведь мои условия совсем иные, чем те, в которых находишься ты.

Я живу хорошо, здоров, пока все в порядке. Сегодня перевел тебе очередную сумму, правда, в этот раз чуть поменьше, ибо я писал тебе, что послал перевод в Устюг и поэтому малость «вылез из бюджета». Получила ли ты февральский перевод? В последнем письме посыпал тебе свое фото, как оно тебе, понравилось? Скоро буду отмечать свой очередной юбилей. Время-то идет быстро. Итак, прошу писать подробно о своей жизни, и главное – почаше, ибо ты за последнее время что-то меня письмами не особо балуешь. Ну, пока и кончу. Привет всем. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

17 марта 1944 г.

Письмо написано на стандартном бланке «В действующей армии». На письме голубой краской изображены зенитчики. Имеется штемпель цензуры. Нолевая почта 26408. Цена без марки – 3 кон.

2. Письмо от 19 марта 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Два дня назад получил твое письмо от 8/III, а сегодня получил

письмо от 2/III. Видимо, на этот раз почта набедокурила, поэтому я полмесяца не получал от тебя известий, а сейчас вижу, что ты здесь не причем. В общем, я, как видишь, тоже немного несвоевременно отвечаю тебе, правда, условия не позволяли ответить тебе немедленно. Я очень рад, что ты живешь хорошо и здорова. Это для меня самое главное, и ты, вполне вероятно, меня понимаешь. Как видно, работать тебе приходится порядочно, и ты справляешься со всеми обязанностями, возложенными на тебя. Твои успехи в области агитационной работы меня радуют. Молодец ты у меня, и я желаю тебе всяких успехов в этот деле в будущем. Я знаю, как серьезно ты относишься ко всему, что тебе поручают и уверен, что справишься с этим делом блестяще. Мне тоже в этом направлении приходится работать порядочно.

Я живу хорошо. Больших изменений в моей жизни нет. Знаю, что тебе надоели такие короткие фразы о моей жизни, но ты легко поймешь, что ничего особо расписывать. В свое время все тебе расскажу подробно, всему придет свой черед. Между прочим, я теперь отпустил усы, и ты бы меня, наверное, не узнала в таком виде. Не знаю, надолго ли хватит терпения, наверное, скоро их ликвидирую.

Пиши, как идут твои дела, что у тебя нового, вообще обо всем. Что-то порядочно утомился, голова плохо варит, поэтому извини за такое нескладное письмо. Через пару дней напишу другое. Пока закончу. Большой привет маме, Нине, Вадику. Привет Надежде и всем твоим друзьям. Пиши! Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

19.03.44 г. Р.С. Удивился я, что ты написала о Л. Руевой. Как быстро люди растут! Передай ей привет.

3. Письмо от 22 марта 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо и спешу ответить, но заранее извиняюсь за краткость – спешу. Значит, ты получила все, что я тебе посыпал в феврале. Это хорошо. Получил сегодня письмо от папы, он, знаешь, мне такую нотацию прочел за то, что я послал ему деньги. Говорит, что надо о Шуре и Валерке заботиться, а не о нем. Что эти деньги он перешлет тебе и пр. Прямо не знаю, что с ним и делать. Я, правда,

написал ему, чтобы он не чудил, не знаю, как он поступит. Благодарю тебя за поздравления к моему дню рождения. Не удалось нам в этом году быть вместе в этот день, уже ведь 3 раза отмечал я свой юбилей без тебя. Пиши, как живешь и как твое здоровье. Через некоторое время напишу подробнее, а сейчас обстановка не позволяет. Ну, пока и кончу. Большой привет всем. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

Письмо написано на стандартном бланке «Воинское» (бесплатное). На нем изображение пулеметчика и надпись: «Били, бьём и будем бить!!! В 1918 г. И под Нарвой и под Псковом». На письме печать «Просмотрено Военной цензурой (15887).

Апрель 1944 г.

1. Письмо от 4 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя! Решил сегодня черкнуть тебе несколько строк, т. к., очевидно, некоторое время я не смогу написать тебе ввиду некоторых обстоятельств, поэтому не беспокойся. Живу я хорошо, все в порядке. Маленькие заболевания, о которых я тебе писал в последнем письме, успели ликвидировать. Вообще я сейчас прохожу курс лечения, пичкаюсь витамином «С» и прочими снадобьями. Да несколько дней тому назад делали нам прививку от 6 болезней сразу – какую-то комбинированную, так что сейчас никакая хворь ко мне не привязывается. Тут на днях удалось мне сфотографироваться, так что в следующем письме вышлю тебе свое изображение.

Получил вчера письмо от папы, и он сообщил, что тот перевод, который я для него послал, он решил переправить на твое имя. Ну, что мне делать с этим упрямцем! Я ему написал, что этим он меня очень обидел и, наверное, снова вышлю ему деньги, если он действительно послал их тебе. Он, чудак, думает, что я забываю и о тебе, и о Валерке, а помогаю ему. Ну, пока и закончу. Пиши, как живешь и что у вас нового. Большой привет всем!

Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

04.04.1944 г.

Письмо «воинское» на стандартном бланке. На нем изображен Суворов и его изречение: «Воюют не числом, а умением». И слова Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти».

2. Письмо от 8 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил твое письмо и, воспользовавшись случаем, решил ответить. Благодарю тебя за очень теплые пожелания по случаю дня рождения. Я очень рад за тебя, не могу даже передать словами, как я признателен тебе за твое внимание и отношение ко мне. Теперь о твоем требовании насчет запроса в КЭЧ. Видишь ли, дорогая, я пытался это сделать, но обстановка так сложилась, что никак пока нельзя об этом и думать, мы уже давненько кочуем и, право, нельзя требовать об этом, пока личное же мое письмо ни к чему не приведет, здесь надо официальные отношения с печатями и пр. Очевидно, дней через 10 такая возможность будет. Я знаю, что ты обижена на меня, но должна понять, что сейчас нельзя.

Чувствую себя не особенно хорошо, все эти проклятые фурункулы дают себя чувствовать, тем более, сейчас, но надеюсь, что эта хворь кончится, ибо улучшение есть. Ну, пока кончу. Будь здорова. Большой привет маме и Нине. Пиши!

Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

8/4.44 г. Р.С. Насчет перевода ты поступила правильно. А получила ли ты последний перевод (500 р.)?

Письмо солдатское, изображен воздушный бой над Днепром. Печать цензуры 09986. Апрель, весна. В.С. болеет фурункулезом, часть куда-то перемещается, настроение подавленное, нет эмоций, не вспоминает Валерку, привет передает только маме и сестре Нине.

3. Письмо от 14 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя Шура!

Получил сегодня от тебя 2 письма и вижу, что ты за последнее время не получила нескольких моих писем. Ты пишешь, что из моего письма Нине узнала о моем пустяковом заболевании, а я до этого писал тебе очень подробно об этом, видимо, это письмо ты не получила. Вообще, ты не обижайся на меня – я тебе стараюсь систематически писать, надеюсь, что ты большинство моих писем получаешь. Ты не беспокойся за мое здоровье, все обстоит благополучно, ничего страшного нет. В одном из писем я сообщил тебе, что оформил денежный аттестат на твое имя, с мая месяца ты будешь по нему полу-

чать в Октябрьском РВК. Не знаю, как сделать насчет отношения в КЭЧ. Постараюсь на этих днях это дело оформить. Знаю, что ты недовольна такой задержкой, но пойми, что ведь не все от меня зависят.

Пиши, как ты живешь и что у тебя нового. Постараюсь писать тебе по возможности чаще. Живу хорошо, все в порядке.

Значит, твоя сестричка снова развелась. Который раз! А смотри все же, как много глупостей люди делают! Ну и пока все. Большой привет всем. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

14.04.44 г.

Письмо «воинское» на бланке, где изображен бой на Днепре, сбитый немецкий самолет падает в воду. Уже второй раз письмо написано не пером, а карандашом. Штамп цензуры (15924) другой, что говорит о перемещениях части. Почта полевая 26408. Письмо также свидетельствует о перемещении и тяжелой обстановке. В.С. болеет.

4. Письмо от 19 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Решил тебе черкнуть пару строк, воспользовавшись свободной минуткой. Правда, ты, наверное, на меня обижаяешься, что я не выполняю твоей просьбы о заявлении. Так вот, наконец, сегодня я это сделал по всей форме – от имени моего начальства запрос послан в КЭЧ. Что получится, не знаю, боюсь, что отпишутся они, что, дескать, у вас все в порядке и моя претензия не обоснована. Это не очень приятно будет для меня. В общем, ты форсируй этот вопрос и сообщи о результатах.

Сегодня уже я послал тебе очередную сумму, в следующий месяц ты должна получить по аттестату. Пиши, как живешь и как твое здоровье, вообще, что там у вас нового. Я живу все по-прежнему. Все в порядке. Хворь моя как будто закончилась, сейчас совершенно здоров. Большой привет маме, Нине и Вадику. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

19/04-44 г.

Письмо на официальном бланке «воинское», «бой над Днепром». Цензура 10648. Полевая почта та же. Настроение В.С., видимо, несколько улучшилось, но не сильно. Возможно, перемещения части заканчиваются. Нет информации о друзьях, вопросов про Валерку.

5. Письмо от 21 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил сегодня твое письмо. Благодарю тебя за внимание, я ведь, грешный человек, последнее время не так уж часто тебе писал, правда, целиком меня обвинять в этом нельзя, ибо не все бывает так, как хочется. Ты, видимо, сильно беспокоишься обо мне, считаешь, что я серьезно заболел, но это не так. Были легкие дефекты в моем здоровье, так что ты не беспокойся. Я обещаю тебе в дальнейшем не допускать больше никаких осложнений и своевременно обращаться за помощью. Так и условимся. Я тебе сообщал в последнем своем послании о том, что, в конце концов я выполнил твою просьбу о посылке заявления в КЭЧ. Не знаю, что из этого выйдет, почему-то думаю, что ничего не получится. Во всяком случае, ты это дело продвигай и информируй меня обо всем.

Сегодня мы получили извещение, что тебе вручен аттестат. Следовательно, теперь ты будешь получать на месте.

От твоих старичков я давненько ничего не получал, но знаю, что сейчас там, в связи с весной, работы очень много и, конечно, выбрать время для этого трудно. Во всяком случае, уверен, что у них все обстоит благополучно, в противном случае они бы известили нас с тобой.

Как поживает твоя сестра? Очередной каприз у нее или на этот раз твердо принято решение? Меня очень удивило твое сообщение о Н. Бр. – я считал ее более серьезной. Конечно, трудно со стороны судить о других. Сообщенные тобой факты еще раз доказывают о слишком легком отношении, к сожалению, многих людей, к жизненным вопросам. Для меня, конечно, все это совершенно непонятно и не укладывается в моем сознании. Ну, дело их, во всяком случае, когда-нибудь эти люди будут серьезно сожалеть, но будет поздно. В общем, на эту тему разговоров, особенно здесь, у нас, очень много.

Пиши, как поживаешь и что у тебя нового. В следующем письме я отправлю тебе свое фото, которое удалось мне заполучить. Качество его довольно хорошее, я образец видел. Чуть не забыл поздравить тебя с наступающим праздником 1 Мая и пожелать тебе хорошо его провести. Большой привет маме, Нине и всем твоим друзьям. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

21/4-44 г.

Письмо написано темно-синими чернилами на белом листке бумаги, достаточно ровным, крупным почерком. В.С. интересуется родственниками, деревней Порозово в Вологодской области, где Валерка живет у родителей Александры Ивановны Злобиной. Рассуждает о взаимоотношениях людей во время войны, разговоров много! Проблема семейных отношений! Вероятно, перемещение части закончилось, весна. Из письма: «Сегодня мы получили извещение, что тебе вручен аттестат. Следовательно, теперь ты будешь получать деньги (зарплату В.С.) на месте (т.е. в Архангельске).

6. Письмо от 24 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя Шура!

Получил сегодня твое письмо. Спасибо за своевременный ответ. Вообще я очень доволен, что ты мне часто пишешь и держишь меня в курсе твоей жизни. Конечно, никакое письмо не заменит личной встречи, но пока мы вынуждены довольствоваться этим. Из твоего письма вижу, что ты сильно озабочена состоянием моего здоровья. Это, конечно, лишний раз показывает твое отношение ко мне. Я очень тебе благодарен за твою заботу. Прошу не беспокоиться, ибо сейчас у меня все обстоит благополучно. По-моему, все эти хвори закончились, во всяком случае, я уже дней 8–10 чувствую себя вполне нормально и ничем не страдаю. Так что не волнуйся. А вообще я обещаю тебе более серьезно относиться к вопросу своего здоровья и больше не запускать его.

Я уже писал тебе, что твою просьбу о посылке заявления, я выполнил, правда, быть может, несвоевременно, но раньше не мог.

Спасибо за поздравления к празднику, я тоже, дорогая, желаю тебе хорошо встретить этот праздник, желаю тебе здоровья и радости в жизни. Послал сегодня открытку Валерке, письма оттуда я также давно не получал. Паш Валерка сейчас, вероятно, выглядит солидно, я, безусловно, его не могу даже представить. Когда уж я увижу его и тебя?

В жизни моей никаких изменений не произошло. Все идет своим чередом, так что о себе мне нечего много расписывать. Посылаю тебе свое изображение, снимок был сделан месяца полтора тому назад. Случайно удалось сфотографироваться. Как он тебе понравится, не знаю.

Получил недавно письмо от Жорки. Он пишет, что был у вас, остался доволен.

Пиши, как живешь, что нового у вас, как идут твои дела. А когда ты думаешь оформляться в члены партии? По-моему, пора. В общем, желаю тебе успеха.

Пока закончу. Большой привет маме, Нине, Вадику и всем твоим друзьям. Пиши. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

24/4-44 г. Р.С. Посылаю фото.

Письмо написано на белом листке бумаги, по тону достаточно спокойное. Интересуется Валеркой, вступлением А.И. в партию. Неясны результаты его учебы в «академии» и положение в части.

7. Письмо от 30 апреля 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня получил посланную тобой и твоего приготовления поздравительную открытку. Благодарю тебя за внимание. Очень мне понравилась твоя открытка. Ты, видимо, порядочно потрудилась. Оказывается, ты мастерица! Ну вот, до майских праздников снова дожили. Завтра 1 мая. Невольно вспоминаешь, как весело проводили эти дни в прошлом. Только ведь сейчас можно все ценить, тогда мы недооценивали многое. Ну ладно, будущее у нас будет еще прекрасней. Как ты поживаешь, что у тебя в нового?

Как обстоит дело с квартирным вопросом? Получил недавно письмо от папы, он пишет, что перевод получил и использует его. В общем, мы с тобой его убедили. Он, наверное, тебе написал сам. Погода стоит отвратительная – снег с дождем сыплется без конца. Это накануне мая. А как у вас? Ну, пока и закончу. Большой привет всем! Крепко целую. Твой Владимир.

30/4-44 г.

Письмо «воинское» на официальном бланке. Изображены красное знамя, красная звезда, пулепет «максим», автомат и сабля. Внизу надпись «Первомайский привет». Письмо написано мелким, но понятным почерком синими чернилами. Внизу номер телефона 3-88-71. Почта полевая 26408. Цензура военная 11223.

Май 1944 г.

1. Письмо от 3 мая 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя! Получил сегодня твоё письмо. Очень тебе признателен за аккуратность в переписке, по мере возможности

и я стараюсь не оставаться перед тобой в долгу. Вообще, я очень ценю твое отношение ко мне. Все же далеко не все сейчас такие, как ты. Это главное. Из твоего письма я вижу, что ты много работаешь и ведешь большую общественную работу. Смотри, какие серьезные мероприятия проводишь! Похвально, могу пожелать тебе дальнейших успехов. В каждом деле самое главное – желание и серьезный подход к делу. И то, и другое у тебя есть, значит, и результаты будут хорошие. Жалею, что нет меня с тобой, я бы мог тебе оказать кое-какую помощь, ибо практика работы у меня некоторая есть. В общем, я весьма радуюсь твоим успехам, ты делаешь большое, полезное дело. Присланная тобой открытка мне очень понравилась, я уже тебе об этом писал. Выдумщица ты у меня! Надо ведь додуматься, да и осуществить задуманное. У тебя есть в этом опыт – помнишь, как ты сумела снять мерку с рубашки и вообще историю с подарком к моему дню рождения, я ведь тогда был весьма удивлен, когда ты сумела это сделать, что я даже не заметил ничего. Моим товарищам эта открытка также понравилась.

Ты пишешь насчет заявления в КЭЧ, я ведь писал уже тебе о том, что с моей стороны это сделано, не знаю, каков будет результат, но не хотел бы, чтобы они ответили бюрократической отпиской, что, дескать, не так уж плохо дело обстоит. Сейчас, безусловно, запрос поступил по адресу.

Относительно моего здоровья, то могу сказать, что все обстоит в порядке. Я, конечно, принимаю все меры, чтобы в дальнейшем это не повторилось, знаю, что допускать этого нельзя. Сейчас дело идет к лету, будет гораздо легче не допустить этого заболевания. Так что не беспокойся. Обещаю тебя подробно информировать обо всем, что касается моего здоровья.

Из Порозова я также давно ничего не получал, послал им поздравительную открытку. Там ведь у них сейчас в связи с весенними полевыми работами дел много, и я прекрасно понимаю, что расписывать некогда. Если бы что-либо случилось, они, конечно бы, сообщили и поскольку они молчат, значит, все обстоит в порядке.

Ну вот, прошли первомайские праздники. Конечно, дни эти у нас, пожалуй, ничем не отличались, но все же настроение было праздничное, хотя и погода выдалась нередко отвратительная. Весна какая-то

странная, снегу везде еще много. Как-то вы там встретили первое мая? Раньше ведь хорошо мы праздновали, есть что вспомнить. Конечно, в будущем будем еще лучше отмечать такие даты. Верно! Скоро три года, как я уехал от вас и не видел больше тебя. Какой это большой срок, подумать только! Но за это время взаимоотношения наши с тобой не изменились, это большое дело. Ну, пока закончу. Пиши, как живешь и что нового. Большой привет маме, Нине, Вадику. Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир

3/V-44 г.

Письмо написано на розовом листке бумаги, согнутом пополам. Спокойное, уравновешенное, но какой-то казенный стиль, язык. Что, видимо, связано с агитационной официальной работой. Удивительно ровные строки письма и понятный почерк, т.к. бумага не линованная.

2. Письмо от 10 мая 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил сегодня твое письмо и, прежде всего, выражаю свое не-довольство, ибо ты пишешь, что получила мои 3 письма, в ответ написала только одно. Видишь, какой долг за тобой накопился. Так не пойдет, давай не будем (как раньше я говорил). В общем, я разгневан, и злость моя бушует, ох, наверное, ты читаешь и от страха не знаешь куда деваться. Ну ладно, надеюсь, понимаешь, что шучу. Выходит, ты получила фото, которое я тебе послал, и у тебя много вопросов по этому поводу возникло. Постараюсь ответить на них: изображен там я вместе с одним из моих товарищей, его фамилия Марков, он партийный работник. Фотографировались мы с ним у него в жилье, так что все изображенное на снимке принадлежит ему, в том числе и заинтересовавший тебя портсигар с изображением одной особы. Вот и все, что ты спрашивала по этому поводу. Если Надежда интересуется Марковым и хочет написать ему письмо, могу прислать его адрес и инициалы. Все же вы там люди наблюдательные и обращаете внимание на все детали. Это, конечно, вполне понятно. Как Надежда устроила свою жизнь или «плавает по течению»? Правда, трудно судить о намереньях других людей, им самим виднее. Конечно, с таким «золотом», как П., жить тяжело и, пожалуй, невозможно. Но нужно, по-моему, быть более серьезным в своих дальнейших ша-

гах. У нее этого, как видно, нет. Разумеется, все это, между нами говоря, доказывать уж что-либо ей я не хочу, да и какое я имею право. Впрочем, довольно отвлекаться.

Вопрос с комнатой, видимо, у тебя до сих пор не разрешился. Не знаю, будет ли результат от моего заявления, но считаю, что без ответа его не оставят.

Как идет твоя агитационная работа, как успехи? Наверно, прошла большую работу по подписке на заем? Я, между прочим, подписался на 3000 рублей.

Скоро лето, невольно вспоминаешь прошлые годы, как мы с тобой летом ездили в отпуск. Особенно вспоминается лето 1938 года. Как мы с тобой его хорошо провели! А сейчас уже скоро три года мы с тобой находимся в разлуке. Трудно представить, но это факт. Много я отдал бы за то, чтобы увидеть тебя, хоть ненадолго, но об этом нечего и мечтать сейчас. Теперь уж меньше ждать осталось до дня нашей с тобой встречи. Наступит этот день, и мы снова будем вместе. Пока же подождем – больше ждали. Ничто не помешает нам быть вместе, этого мы с тобой вполне заслужили.

Так Валерка уже, следовательно, научился отдельные буквы писать и рисовать. Это очень хорошо и меня радуют успехи его. Большой он, вероятно, сейчас! Большой, вероятно, баловник и бабушке с ним достается основательно. Я живу все по-прежнему. Дефектов в здоровье больше не обнаруживается. Так что за мое здоровье не беспокойся. Сегодня был у меня Миша (помнишь – мой приятель). Мы с ним давненько не виделись и наговорились всласть обо всем. Он сейчас получает новое назначение, куда пока точно не знаю, обещал сообщить.

Ну, пока закончу. Жду твоего письма. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

10/V-44 г.

P.S. У меня к тебе большая просьба – пришли в письме несколько патефонных иголок, можно бы иногда послушать музыку.

3. Письмо от 17 мая 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил вчера твое письмо. Благодарю за аккуратность. Вижу,

что ты много работаешь. Теперь, наверное, немного подразгрузилась в связи с тем, что студенты кончили занятия. Большая ли группа у тебя была? Ты, наверное, стала сейчас штатным преподавателем. Вообще я уверен, что ты занятия с ними проводила хорошо, и я поздравляю тебя с успехом. Наверное, только, ты сильно утомилась. Как твое здоровье? Я очень доволен, что ты живешь хорошо. Скоро ты увидишься с Валеркой. Ты его думаешь взять с собой. Это, безусловно, вызовет ряд добавочных трудностей, нужно все продумать. Конечно, сейчас вполне можно вам быть вместе, но повторяю – надо все предусмотреть. Меня немного беспокоит одно обстоятельство – кто за ним будет следить во время твоего отсутствия? В общем, конечно, вместе вам будет лучше. Пора уж начинать собираться вместе всем. Ты мне напиши свои соображения по этому поводу. Следовательно, Жорка уехал лечиться, и ты пишешь, что вряд ли вернется! Ну что же ему, конечно, лучше там будет. Мне он ни о чем не писал. Ну, будь здорова и счастлива! Большой привет маме, Нине и всем твоим друзьям. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

17/V-44 г. Р.С. Я так и не понял, что вы получили за вредность?

Письмо «воинское» на стандартном бланке. На нем изображен Александр Невский и его слова: «Кто с мечем к нам войдет, от меча и погибнет», а также изречение И. Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти». Полевая почта 26408. Печать цензуры отсутствует.

4. Письмо от 20 мая 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя! Получил твое письмо и вижу, что дела твои не совсем хорошо обстоят. Чувствуется, что ты основательно издергалась с различными бытовыми вопросами. Насчет этой злополучной комнаты прямо не знаю, что тебе и посоветовать. В самом деле, больше полутора лет идет волокита, а практических результатов никаких нет. Я еще советую тебе обратиться за помощью в РК партии, может быть, там помогут в решении этого вопроса. Что это твоя администрация ничего не помогает тебе? Пора бы им понять, что нельзя такой большой промежуток времени быть без квартиры. В общем, не знаю, чем тебе помочь, плохо, что меня там с тобою нет. Ты пиши, какие будут в дальнейшем результаты. Да и в других отношениях, видимо, ты во многом нуждаешься. Страйся как-либо

улучшить дело. Я сейчас, к сожалению, могу тебе оказывать лишь материальную помощь, и все, что в моих силах, в этом отношении я сделаю. Все же, по-моему, постепенно дело будет улучшаться. Как ты думаешь устраивать Валерку? В общем, пиши подробно о своей жизни. На днях я получил очень интересное письмо от Анны Сергеевны. Она там высказала очень откровенно свои взгляды по отношению меня и отца, написала подробно о состоянии его здоровья, чересчур расхвалила меня и т.п.

В общем, письмо, повторяю, написано от сердца. Она хороший человек, я в этом еще раз убедился. Это о письме я сообщаю для тебя, и ты не говори остальным (почему – думаю, поймешь).

Ну, я живу хорошо, за меня не беспокойся. Конечно, очень соскучился по тебе, но придется нам еще подождать до встречи. Насчет какого-либо отпуска нечего и думать. Это вещь невозможная, во всяком случае, сейчас и в недалеком будущем. Ничего, придет все в свое время. Ну, будь здорова! Желаю тебе удачи. Большой привет всем!

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

20.05.1944 г.

Письмо написано на розовом листке бумаги (возможно от времени) синим чернилами. Аина Сергеевна – новая супруга отца В.С. из Устюга. По адресу Наб.118, ф. 2, кв. 8, куда посыпает письма В.С. – в квартире на втором этаже 3 комнаты и кухня. Две комнаты маленькие занимала Пустохина Л., Нина С. с сыном Вадиком, а большую комнату занимала А.И. Злобина с сыном. Однако почему-то она настоятельно просит отдельную комнату. Возможно, в то время эти комнаты принадлежали Нине или Пустохиной Лидии – матери В.С.

5. Письмо от 25 мая 1944 г.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо, на этот раз ты оказалась на высоте своего положения – письмо солидно выглядит, ничего не скажешь. Видимо, ты испугалась моего гнева! Совершенно справедливо на этот счет еще в священном писании сказано: «пусть жена да убоится мужа!» Так что примечай и руководствуйся. Очень благодарю тебя за такое быстрое выполнение моей просьбы – присланные иголки получил. Мои товарищи также благодарят тебя, ибо мы будем теперь иметь возможность при случае послушать музыку. Вообще они (мои товарищи) говорят по твоему адресу много комплиментов, но я их пере-

сказывать тебе не буду – чего доброго, голова у тебя вскружится. Итак, еще раз повторяю – примите наши благодарности. Из твоего письма вижу, что живешь ты ничего, на работе справляешься со своими обязанностями успешно. Очень этому рад и желаю, чтобы и впредь дело также хорошо шло. Осталось только еще разрешить квартирный вопрос. Надеюсь, что все же твои усилия в этом направлении увенчаются успехом, рано или поздно все устроится благополучно. Отвечаю тебе о Маркове. Он, конечно, служит в другой части, но я иногда с ним встречаюсь, адрес его точно не помню, но могу узнать. Он женат, его жена живет в Ленинграде, есть у него сынишка примерно возраста Вовки. Человек он замечательный. Впрочем, не стану много расписывать – не хочу возбуждать твоего любопытства! Кто знает, может быть, тут Надежда и не причем! (Не делай возмущенного вида, разумеется, шучу).

Эх, когда же мы с тобой снова встретимся? Уже почти 3 года не видим друг друга – подумать только. Но пока придется еще подождать.

Пиши, как живешь, что у тебя нового. Правда, ты меня постоянно держишь в курсе всей твоей жизни, пишешь все подробности, не то, что я. Однако придет время, и ты все будешь знать. Ну, пока и закончу. Большой привет маме, Нине, Вадику и Надежде.

Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

25.05.1944 г. Р.С. В одном из следующих писем пришлю тебе фото.

Письмо написано на розоватой бумаге, возможно, порозовевшей от времени. Письмо свидетельствует об определенном благополучии жизни В.С., он шутит, в начале письма о «священном писании», про Маркова, с которым рекомендовал познакомить Надежду и меня.

6. Письмо от 27 мая 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Воспользовавшись минуткой, решил черкнуть тебе пару строк. Думаю, лишний раз написать тебе не плохо. Живу по-прежнему: никаких перемен нет. Погода сейчас как будто наладилась – стоят теплые дни. В лесу сейчас хорошо, только разные букашки и жучки надоедают, особенно приходится терпеть неприятности от клещей. Между прочим, вчера видел Маркова, рассказал ему о впечатлении, которое он произвел на некоторых жен-

щин. Он посмеялся и просил передать Надежде от него привет, так что можешь ей об этом сказать.

Ну а как идут твои дела, что у тебя нового? Скоро мы с тобой будем отмечать очередной юбилей. Времени ведь уже породично прошло с того лета – есть, что вспомнить. Если бы знать, нужно было это гораздо раньше сделать. Как ты думаешь? Ну, пока и все. Большой привет всем. Пиши. Крепко тебя целую. Твой Владимир. 27/V-44 г.

Письмо «воинское» с изображением солдата с автоматом и поднятой рукой «С первомайским приветом». Есть штамп военной цензуры. Тип газеты – «Правда». Письмо написано карандашом, неровным почерком, что свидетельствует, видимо, о каких-то военных мероприятиях в этот период. Любопытно упоминание о нашествии лесных клещей, представляющих тоже большую опасность.

Июнь 1944 г.

1. Письмо от 1 июня 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил я вчера твое письмо, очень доволен я, что твои труды по квартирной части, наконец, увенчались успехом. Молодец ты у меня, действительно, пришлось тебе порядком похлопотать и много порогов обить, пока, наконец, все не разрешилось в твою пользу. Еще раз говорю – молодец! Ты добилась своего и сейчас, стало быть, имеешь комнату, значит, за Валеркой можно ехать. Конечно, сейчас я уверен, что комната останется за тобой, все равно, если КЭЧ и будет протестовать. Выселить тебя без санкции прокурора не могут, а если вопрос встанет так, то они все равно обязаны предоставить тебе равноценную площадь. Так что успокойся и больше не расстраивайся.

Ну что касается меня, то у меня никаких изменений нет, живу по-прежнему, все в порядке. На здоровье также жаловаться не приходится. Все бы хорошо, но, но очень соскучился по тебе, ты представить не можешь, как. Но как-то ни было, придется нам с тобой немного подождать до встречи. Между прочим, мы ведь с тобой были вместе как раз такой же промежуток времени, какой находимся порознь, далеко друг от друга. Так ведь?

Но самое главное и основное то, что это продолжительное время не отразилось на наших взаимоотношениях. Я даже считаю, что наоборот, они еще больше укрепились. Это особенно ценно, ибо слишком

много встречается обратных явлений, за примерами далеко ходить не приходится. Пиши, как теперь устроилась в своем уголке, что у тебя нового? Я обещал тебе прислать фото, но знаешь, получился я на ней очень неважно и решил пока не посыпать. Может быть, представится возможность более лучшее приобрести со временем. Конечно, придется и тебе подумать относительно возможности в этом отношении. Ну, пока и все. Желаю тебе успехов и здоровья. Пиши обо всем. Большой привет всем! Крепко тебя целую и обнимаю. Твой Владимир.

1/6-44 г.

П.С. А как поживают мои подшефные? Я их во сне сегодня видел... Увы!

Письмо написано на пожелтевшей бумаге. Произошли положительные изменения с комнатой у А.И. Она получила ее в собственность. До этого у нее, видимо, собственного жилья не было, и она жила в семье мужа. Не ясно, кто такие «подшефные» (может, близкие родственники?) Проблема с фотографией? Какие-то, видимо, изменения происходят.

2. Письмо от 5 июня 1944 года.

Дорогая Шура! Письмо твое получил. С ответом спешу, пока есть несколько минут времени. Дело в том, что я сейчас уезжаю по телефонному вызову для переговоров. Поэтому подробно напишу через несколько дней, т.к. не знаю, что будет дальше. Буду стараться оставаться на старом месте, не хочется менять свою часть на другую. В общем, пока не знаю, для чего и как.

Жди через несколько дней обстоятельного ответа. Хотел сначала не писать, да все же счел необходимым пару строчек послать.

Живу хорошо. Здоров.

Пиши, как ты живешь. Ты что-то за последнее время не особенно отличаешься аккуратностью в переписке и практикуешь присылку одного ответа на мои два письма. Ну, думаю, это больше не будешь повторять. Пока на этом и закончу – спешу. Будь здорова! Большой привет всем. Крепко целую тебя! Пиши. Твой Владимир.

5/6-44 г.

Письмо написано на светло-зелёной бумаге. Письмо «воинское» без марки. На нем спереди изображен воин, покидающий госпиталь. Прощается с доктором: «Спасибо, родная». Штемпель цензуры. Адрес Шуры тот же. Архангельск пр. Стalinских ударников, д. 118. ф.2, кв. 8. Полевая почта 26408. Цензура № 11228.

3. Письмо от 12 июня 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Ну вот, сейчас вопрос о моей дальнейшей службе решен, и я пишу тебе. Ты, наверно, получила мою наскоро написанную весточку, где я сообщил о моем вызове. Я ездил на переговоры к начальству и меня послали работать в другую часть на более серьезную работу, опять, как видишь, оказали мне доверие, и я постараюсь оправдать его.

Работа большая, подробно напишу в следующем письме, сейчас хочу лишь тебе адрес новой сообщить. Я уже два дня на новом месте. Мой новый адрес: полевая почта 26600-В – мне. По этому адресу и пиши. Сегодня написал и на старое место службы, оттуда письма перешлют. Пиши подробно, как живешь, что нового, как устроилась и вообще все. Большой привет маме и Нине. Крепко тебя целую и обнимаю.

Твой Владимир.

Письмо «воинское», на стандартном бланке. «С первомайским приветом»: боец с автоматом поднял руку для приветствия. Есть штамп цензуры 15522. Письмо написано синими чернилами. почерк не совсем ровный, некоторые слова разной величины. Волнуется, но в целом назначением, видимо, доволен.

4. Письмо от 22 июня 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Вчера получил, наконец, 2 твоих письма, которые мне переслали. Очень рад за тебя, что все у тебя в порядке и ты устроила свои хлопотливые дела. Выходит, тебе приходится адвокатскими делами заниматься, защитницей своей сестры. Я очень удивлен ее странной позицией в этом вопросе, она лишь себе хуже делает. А того идиота давно надо призвать к порядку.

Я живу хорошо. Настроение очень замечательное. Вчера вечером о нас объявили в сводке Информбюро. Идем вперед, и это радует всех нас. Извини, что пишу маленькую записку (если можно так выразиться) ибо времени совершенно сейчас нет. В ближайшие дни напишу более подробно. Ты, разумеется, напишешь мне большое письмо о своих делах. Пока и все. Желаю тебе здоровья. Пиши, дорогая. Большой привет маме и Нине.

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

Письмо написано карандашом, достаточно ровно. Очень негативно отзывается о Петре. Какие-то разбирательства с Надеждой, в которых участвует Шура, видимо, связанные с разводом. Письмо «воинское». Изображены танкисты с автоматами и красным знаменем, прорывают укрепление врага, внизу подпись «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина – вперед за разгром немецких оккупантов...» Цензура 17810. Адрес отправителя 26600-В.

Июль 1944 г.

1. Письмо от 12 июля 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил вчера твое письмо. Ты уж извини меня за то, что не очень часто пишу тебе, правда, стараюсь более или менее писать регулярно. Время очень горячее. Все ближе и ближе подходим мы к нашей государственной границе. Каждый день в сводках Совинформбюро сообщают пункты, которые мы освободили. Вот и вчера мы заняли крупную ж.-д. станцию. В общем, мы все очень рады, что успешно выполнили свой долг.

Получаешь ли ты мои письма? Очень рад, что к вам приезжал папа, что вы все с ним встретились, еще приятно, что состояние его здоровья видимо, не так страшно, как он себе представлял и как он мне писал. В общем, я очень рад всему: и квартира у тебя сейчас есть и дела все устраиваются. Когда ты собираешься ехать к Валерке?

О своей работе много писать нечего. Скажу лишь, что не особенно я доволен, одно лишь приятно, что мы идем вперед. Видишь ли, обязанности серьезные, а помочи мне оказывается немного, да еще место совсем новое, людей знаю еще очень мало. Ну, ничего не сделаешь, все, что в моих силах, сделаю. Я занимаю должность вроде такой же, как в последний год передвойной. Ну, когда-нибудь напишу подробнее.

На здоровье жаловаться не приходится, вообще, у меня все обстоит хорошо. Жду твоих писем. Надеюсь на днях получить на счет твоей фотокарточки, ты правильно надумала – приветствуя. Ну, пока все. Будь здорова! Большой привет всем. Крепко тебя целую – твой Владимир.

Письмо «воинское» на стандартном бланке «С первомайским приветом». Воин с автоматом. Рассказывает о своей новой работе, видимо, он занимает должность

инспектора или что-то в этом роде. Письмо написано карандашом, но достаточно аккуратно. Видимо, нет полной удовлетворенности новым назначением. Штемпеля цензуры нет.

2. Письмо от 15 июля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Решил написать тебе несколько строк, ибо сейчас не так уж часто пишу тебе. Разреши, во-первых, поздравить тебя с минувшей вчера очередной годовщиной (какой, я думаю, ты знаешь). Да, Шура, много времени прошло с того дня, и печально, что давно мы не вместе. Не знаю, как описать тебе, как хочу я увидеть тебя! Однако ясно, что недалек этот день, о котором мы часто пишем друг другу. Подождем еще, терпения у нас хватит.

Я живу хорошо, все обстоит благополучно, жизнь мы ведем сейчас интересную, продолжаем двигаться вперед. Вот это главное. Я не получил, видимо, многих твоих писем, не знаю, почему мне их не переслали. Но сейчас наша связь с тобой наладилась и дальше перебоев в переписке не должно быть. Получил письмо от папы, он очень хорошо отзывается о своей поездке к вам, пишет, что остался доволен всем, отмечает твое участие в его лечебных делах. Ты мне пиши сейчас почаще, я все же постараюсь всегда ответить. Ну, пока и все. Большой привет маме, Нине. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

Письмо написано карандашом на тетрадном листке в клеточку, вырванном не очень аккуратно. Никаких новых событий, но связь со старой частью, видимо, потеряна. Отец его приезжал в Архангельск лечиться. Этот лист свернут треугольником и послан Злобиной по старому адресу. Не изменилась почта и В.С. Есть штамп цензуры 10136 с гербом СССР.

На письме рукой А.И. написан адрес: Угол И. Виноградова и Карла Либкнехта, в субботу к 8 часам.

3. Письмо от 21 июля 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо, как видишь, спешу ответить сразу. Благодарю за поздравления по поводу нашего юбилея. Читая твое письмо, я убедился, что наши с тобой мнения полностью совпали (по этому поводу). Прямо как сговорились и я, и ты, писали друг другу почти одинаковые фразы. Это, конечно, вполне понятно. К Валеркино-

му дню рождения я тоже послал очень красивую открытку. Писем, правда, из Порозова я тоже давно не получал, но, очевидно, им просто некогда писать.

Живу я хорошо, все, как видишь, благополучно. Условия боевой жизни, конечно, во многом отличаются от ваших. Но мы к ним привыкли. Сейчас у нас всех, конечно, одно желание – быстрее рас считаться за все с подлыми лихтерами. Снова история повторяется. Мы сейчас достигли исторических рубежей, на которых шли бои в 1939/40 г. Все здесь сохраняет следы тяжелых сражений – нет почти ни одного целого дерева, вся земля изрыта. Ну и сейчас, конечно, ничто не спасет проклятых гадов от бесславного конца.

Знаешь, сегодня видел тебя во сне, да еще как! Когда же наяву увижу? Ну, пока, пожалуй, и все. Пиши мне, дорогая, чаще. Жду твоих писем. Большой привет всем! Крепко тебя целую. Твой Владимир.

Письмо также написано на тетрадном листке в клеточку и свернуто в треугольное письмо. Штамп цензуры 17510. Видимо, определенные юбилейные дни. Наступление на Карельском перешейке, вышли на историческую границу. Финская война! Адреса те же.

Август 1944 г.

1. Письмо от 3 августа 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Получил сегодня твое письмо, вижу, что ты обижаешься на меня за то, что редко пишу. Правда это, пожалуй, так и есть, но ты должна понять, что не всегда можно заниматься письмами, во всяком случае, я стараюсь тебе времени от времени черкнуть хотя бы несколько строк о своей жизни. Обещаю тебе, что буду использовать каждую возможность для того, чтобы написать тебе, так и договоримся. Думаю, ты учтешь это и не будешь на меня в претензии.

Ты пишешь, что собираешься продолжить свое образование дальше. Я очень одобряю твое решение и конечно, поддерживаю его. Правда, сам я здорово отстал от всех вас, но что поделаешь, так случилась обстановка, что не удалось закончить свое образование, пришлось заниматься другим. Я, однако, не теряю надежды на окон-

чание института, как бы это ни было трудно. Конечно, я сейчас все решительно забыл, из головы все вылетело, но, быть может, все сумею преодолеть. Так что действуй. Сейчас ты, вероятно, деятельно готовишься к отъезду в Порозово. Побываешь снова в тех местах, где мы с тобой провели много счастливых дней. Все это вспоминается как дивный сон, даже не верится, что так было, слишком уж отличается окружающая обстановка от той. Да, очень много мы не полностью ценили раньше, только сейчас это можно сделать. Так ведь? Я надеюсь, ты мне напишешь, когда поедешь, и думаю, получу от тебя весточку с дороги. Не знаю, сумею ли ответить тебе туда, это зависит от того, сколько ты там будешь, но, во всяком случае, получишь мои письма по возвращении. Обстоятельно напиши мне подробно о Валерке, как он будет себя чувствовать в новой обстановке и как устроишь свои дела.

Еще один совет – ты много переживаешь в вопросе Надежды и самодура П. Надо что-то ей посоветовать. Нужно разрубить этот узел. Раз и навсегда. Я не вижу, чтобы вмешательство партийных организаций не привело бы к нужным результатам. А может быть, Надя сама ведет двойственную политику? Во всяком случае, я не хочу, чтобы ты вмешивалась в это дело и принимала в нем участие большее, чем это нужно. По правде сказать, я не понимаю это.

Я живу все по-старому, новых изменений нет. Конечно, всяко бывает, но в общем все в порядке. Между прочим, приятель мой, Хардиков, выбыл в госпиталь по ранению, опять пока мы с ним расстались. Жду, когда напишет и сообщит свой адрес. Как устраиваются твои хозяйствственные дела? У тебя их очень много, а помогать некому. Пиши обо всем понемногу. Жду писем. Большой привет маме, Нине, Надежде и всем друзьям. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

3.08.1944 г.

Р.С. Посылаю тебе открытку, можешь ее Валерке подарить.

Письмо написано на белой, слегка глянцевой бумаге, простым карандашом. Вопрос, который беспокоит: не окончил институт, прошло 4 года, все забыл, но хочется продолжить учебу. Проблема с Надеждой, которая решается: это, видимо, квартира и алименты. Якобы он договорился, чтобы Надежда жила в комнате от «Красной кузницы», но, видимо, этого недостаточно, а с жильем в Архангельске проблема. т.к. город неоднократно бомбили и некоторые дома разрушены. Вдобавок, в Архангельске селятся беженцы, эвакуированные. Шура собирается в Порозово.

2. Письмо от 8 августа 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо и без задержки отвечаю. Правда я полагаю, что это письмо тебя не застанет дома, по моим расчетам ты, наверное, уже уехала за Валеркой. Повезёшь к себе этого огольца, и конечно, тебе веселей будет, хотя один с тобой будет вместе. Прошу тебя подробно описать, как он выглядит, каково его общее развитие и пр. При первой возможности прошу сфотографироваться с ним и прислать мне фото. Это, конечно, мое большое желание. Все хоть на фото да увижу вас, слишком давно расстались мы. Знаешь, в твоем письме у меня невольно вызывало улыбку то место, в котором ты пишешь о разговоре с Ниной по поводу жизни некоторых «фронтовиков». Да, это, конечно, наблюдается в мире «сильных духом», я знаю несколько фактов, но что касается меня, то я никогда не стремился к подобным вещам и вообще не сторонник приключений, да, в общем, не хочется даже и писать об этом. Я неоднократно высказывал свою точку зрения. Меня, конечно, удивили твои опасения. Слишком далеко до этого в условиях, когда вообще думаешь о другом.

Я живу пока без изменений, все обстоит по-прежнему. Жду вот только каждый день письма от тебя, и когда получу его, бываю очень рад. Ты пиши почаше. Ну, а как твои дела хозяйственные? У тебя одно дело свалится с плеч, как появляются другие. Ну, пока и все. Пиши. Большой привет всем родным. Крепко тебя целую, твой Владимир.

8/08-44 г.

Письмо написано на белой, слегка пожелтевшей бумаге, коричневым карандашом. Обсуждается вопрос поездки Шуры в Порозово, а также поведение мужчин-фронтовиков, «сильных духом» во время войны при отсутствии жен. Обмен фотографиями помогал не потерять связь с семьей, родными. Письмо складывалось в треугольник. Адреса те же.

3. Письмо от 17 августа 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо и отвечаю без задержки. Очень сочувствуя тебе в твоих хозяйственных неудачах. Конечно, опыт приобретается практикой, в следующий раз уже ты будешь гарантирована от подобных ошибок в огородной практике. Как дела с дровами? Неужели

тебе не помогают в РОНО? Много дел выдалось в этом году у тебя. Сейчас еще предстоит поездка в Порозово за Валеркой. После этого, конечно, тебе будет лучше, а самое главное, я питаю большие надежды, что Валерке может быть оказана опытная медицинская помощь и, быть может, его недостаток и устранится. Я очень много обычно думаю по этому поводу и уверен, что все наладится, лишь бы скорее все вошло в норму, сейчас, конечно трудно что-либо сделать. Меня очень интересует вопрос: как у него со слухом?

Вообще, Шура, не горюй, мы с тобой сделаем все, чтобы добиться благоприятных результатов, не остановимся не перед чем. Я думаю, ты согласна со мной. Мы сделаем все для него. Поэтому не расстраивай себя.

В последнем моем письме я, видимо, много чепухи нагородил, как-то слишком болезненно я отнесся ко всякой ерунде. Плевать на все, на мнения всех, на разговоры и пр. Мы с тобой знаем друг друга, и поэтому напрасно будут стараться другие обсуждать какие-то сенсационные «разоблачения» и «истины». Во всяком случае, будущее покажет, кто был прав. Кто может судить о чувствах и мыслях другого человека? Конечно, долго ждать – это большое дело, это не каждый может, но тем больше и радости будет у тех, кто сумеет выстоять перед трудностями. А как все же могут изменяться люди! Впрочем, пусть каждый устраивает свою жизнь так, как ему нравится.

Я живу хорошо, все в порядке. Однако только мне не хватает тебя. Слишком много накопилось высказать тебе, слишком чувствуется одиночество. Но все в свое время будет, исполняются все заветные желания, вознаградятся все лишения и горести. Так будет и будет уже скоро.

Желаю тебе успеха в твоих делах и здоровья. Привет всем. Крепко тебя целую. Твой Владимир. Жду твоих писем.

17.08.1944 г.

Письмо написано на большом листке, вырванном из какой-то книги учета. Рассуждения о любви и верности, а также о последствиях армейской службы. Он знает уже о врожденном дефекте Валерки, но надеется на то, что его удастся исправить.

4. Письмо от 25 августа 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура! Сегодня получил твое письмо от 9 августа. Что-то сейчас письма стали ходить гораздо медленнее, впр

чем, может быть, это случайность. Меня очень интересует вопрос: как ты совершила экспедицию в Порозово, привезла ли Валерку и как он себя чувствует? Думаю, что сейчас ты должна уже вернуться, во всяком случае, к моменту получения письма, обязательно вернешься. Вот и напиши мне обо всем. Я страшно соскучился по тебе и Валерке, черт знает что и не придумаешь. Особенно у меня не выходит из головы мысль, что тебя усиленно обрабатывают некоторые. Конечно, я знаю, что это все ерунда, но прекрасно понимаю, как трудно тебе иногда бывает. Правда говорят, что в трудностях закаляется характер. Тебя, наверное, весьма удивляют мои не слишком умные рассуждения, но думаю, ты учитываяешь, как дорого мне все, что связано с тобой. Ничего, мы долго с тобой находимся в разлуке, но сейчас осталось уж немного ждать. Сейчас каждый день происходят настолько огромные события, совершенно очевидным стало, что победа очень близка.

Я живу по-прежнему. Все еще не могу привыкнуть на новом месте, но ничего, постепенно войду в курс. Удалось мне недавно запечатлеть свое изображение. Посылаю тебе это фото. Конечно, его качество оставляет желать много лучшего, но учитывая наши условия – сойдет. Не знаю, узнаешь ли меня. Будет что лучше – пришлю. Ты мне пиши почще – дай возможность лишний раз порадоваться получению твоего письма. Не забудь о моей просьбе, которую я высказал в одном из недавних писем (фото твое и Валерки). Ну, пока и все. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерика. Пиши! Твой Владимир.

25.08.1944 г.

Письмо говорит об определенном напряжении в состоянии и положении В.С. Ему трудно привыкнуть к новой должности и обязанностям, оказывается длительная разлука с семьей. Письмо написано фиолетовыми чернилами на листе из школьной тетради в клеточку, достаточно ровным, понятным почерком, что говорит о стационарном расположении В.С.

5. Письмо от 31 августа 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо, немного задержался с ответом. Дело в том, что я отсутствовал несколько дней, был в командировке. Но думаю, что это письмо все равно будет лежать несколько дней, ожидая тебя, ибо сейчас ты, безусловно, в отъезде. Все ожидаю твоего сообщения

о том, что ты с Валеркой благополучно возвратилась, устроила, наконец, все свои хозяйствственные дела и живешь спокойно. Конечно, приезд Валерки для тебя создает много новых забот, но все же вам с ним будет веселее. Скоро и я к вам приеду, дело идет к концу войны. Все наши с тобой желания исполняются. Я живу хорошо, все в порядке, и ты обо мне не беспокойся. Послал тебе в предыдущем письме фото. Получила или нет? Получил сегодня письмо от папы. Он пишет, что живет хорошо, все вспоминает Димку и жалеет, что не было нас троих. Ну, когда-нибудь и соберемся. Как ты съездила, надеюсь, напишешь подробно обо всем. Сколько раз по этому маршруту мы с тобой ездили вместе и какие это были дни! Пиши, как живешь, что поделываешь и как твое здоровье? Ты знаешь, что меня интересует все. Посылаю тебе фото одного моего приятеля, тебе он должен быть немножко знаком, думаю, что узнаешь с трудом. Пиши! Привет всем! Крепко тебя целую. Твой Владимир.

31.08.1944 г.

Письмо написано на блестящей коричневатой пергаментной бумаге на одной стороне. В.С. с нетерпением ожидает возвращения Шуры с Валеркой из Порозова. Работа его связана с командировками, возможно, с инспектированием частей, партийной работой.

Сентябрь 1944 г.

1. Письмо от 5 сентября 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя! Наконец я получил твое письмо, которое я долго ждал. Признаться, начинал беспокоиться, зная, что в дорогу тебе много всего пришлось брать и главное, Валерку. Думал, уж не случилось ли что-либо. Благодарю тебя за подробное письмо, которое ввело меня в курс вашей жизни. Очень рад, что вы с Валеркой благополучно доехали. Как он себя чувствует и привыкает к новой обстановке? Тебе, видимо, придется еще много похлопотать об его устройстве. Конечно, я уверен, что ты сделаешь все для него, чтобы решить вопрос с ним в самую лучшую сторону. Только бы скорее нам всем вместе собраться, тогда все бы устроилось вполне хорошо. Я тебя прошу держать меня в курсе всех твоих решений, а также подробнее писать о Валерке. Думаю, ты вполне меня поймешь, я ведь совершенно его не представляю. Как он относится к тебе? И т.д.

Вот получу ваше фото с ним, тогда хоть посмотрю. Ты представить себе не можешь, как хочу я вас увидеть, побывать с вами. Увы, пока еще не пришло для этого время. Недолго, правда, уже осталось ждать.

Я живу пока без изменений, здоров. Обо всех изменениях я тебе писал и, по-моему, ты знаешь много. Условия здесь, конечно, во многом отличаются от прежних. Суровый край, кругом горы, лишенные какой-либо растительности. Все это выглядит интересно. Мы все уже освоились со всем, человек ведь может везде приспособиться.

В общем, живу хорошо. Прошу тебя почаше писать мне, я всегда постараюсь ответить. Посылаю тебе свое фото, самое свежее. По-моему, признаешь на нем меня. Ну, пока и все. Жду твоего письма. Большой привет маме, Нине, Надежде и всем друзьям. Крепко целую тебя и Валерика. Ваш Владимир.

5.09.44 г.

Письмо написано на тетрадном листке в линейку. Создается впечатление, что его перевели еще дальше на Север. Шура успешно съездила в Порозово и увезла Валерку, а я (авт.) остался там же. Надежда, видимо, решила все вопросы.

2. Письмо от 10 сентября 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Снова пишу тебе, как и обещал. Путешествие мое продолжается. Живу, как всегда, здоров. Все хорошо, но соскучился по тебе очень. Между прочим, вчера встретил на станции моего друга (помнишь, фото его я прислал тебе в последнем письме). Он просил передать тебе привет, едет он в Мурманск. Все вспоминает свою крошку. Я еще не знаю, как ты, вернулась ли из своей поездки за Валеркой? Писем твоих давненько не получал, все виновато это путешествие. По моим расчетам, ты уже должна бы вернуться. В общем, напиши подробнее обо всем. Пока на этом и закончу. Передай большой привет маме и Нине. Через несколько дней вновь напишу. Пока и все. Будь здорова. Крепко тебя целую. Твой Владимир. Пиши.

10.09.1944 г.

Письмо написано карандашом на стандартной почтовой открытке. Адрес отправителя не указан. Штамп цензуры 09773. Несколько странно, т.к. в предыдущем письме он от 5 сентября 1944 года писал: «Наконец я получил твое письмо, которое долго ждал... Очень рад, что вы с Валеркой благополучно доехали (вернулись в Архангельск)». Вероятно, В.С. ездит с инспекцией по частям Северного фронта.

3. Письмо от 12 сентября 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя. Как видишь, вновь собрался черкнуть тебе пару строк о своем бытье. Наверное, ты еще не возвратилась из поездки и все странствуешь, как и я. Я живу хорошо, все еще в дороге, добрался уже до Мурманска. Когда доберусь до конечной цели – напишу подробнее. Как ты съездила и как себя чувствует Валерка? Конечно, он привык к тебе быстро не то, что к некоторым «туманным» для него личностям вроде меня. Как устроились твои дела, или все продолжаешь хлопотать, порою безуспешно? Ну, пока и все. Пиши мне чаще. Большой привет маме, Нине. Крепко всех целую. Твой Владимир.

12.09.1944 г.

Письмо написано на стандартной почтовой открытке фиолетовыми чернилами. первом с нажимом. Цензура 21305. Впервые на открытке, где пропечатана марка 20 коп., наклеены еще две марки на сумму 30 коп., где изображен солдат в форме.

4. Письмо от 18 сентября 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил вчера твое письмо, вижу, что забот и хлопот у тебя не убавляется, а наоборот, появляются все новые и новые проблемы. Меня очень волнуют перспективы с Валеркой. Неужели его даже нельзя будет поместить в детсад? Как будет обстоять дело, ты напиши. Насчет поездки с ним в Москву, было бы очень хорошо, но выйдет ли сейчас что-либо, все же этот процесс длительный, одним приемом его не исправишь. Я не хочу допускать мысли, что все будет безрезультатным. Думаю, что мы с тобой сделаем все для того, чтобы Валерка избавился от этого недостатка. Сейчас ведь медицина творит чудеса. Прошу тебя писать подробнее о состоянии Валерки и вообще, как он выглядит и каковы его успехи. Сейчас-то уже ты, помоему, должна возвратиться из своей поездки, правда, еще не знаю, когда ты поехала.

Ну, о себе пару строк. Живу хорошо, привыкаю к новым условиям. Не предполагал, конечно, что судьба забросит меня сюда, на край земли. Но нужно ведь побывать. Местность здесь гористая, растительность почти отсутствует, природа суровая и по-своему красивая. Конечно, мы все не собираемся долго здесь находиться, выполним

свою задачу, уничтожим проклятую немчуру и вернемся к своим мирным делам. Ясно, что недолго ждать осталось до этого дня.

Так что, Шура, скоро мы с тобой вновь встретимся, сколько радости будет! Много ведь мы с тобой пережили за это время, но самое ценное мы с тобой сохранили – это наши с тобой взаимоотношения, несмотря ни на что. Поздравляю тебя от всей души с большим событием в твоей жизни – вступлением в партию. Желаю тебе дальнейших успехов в работе, учебе и вообще в жизни. Ты у меня молодец и сильно выросла за эти годы. Я, конечно, немного поотстал, но постараюсь тоже подтянуться.

Жду твоего подробного письма по итогам твоей поездки. Как-то ты съездила и провела несколько дней в местах, о которых у меня столько воспоминаний сохранилось?

Посылаю тебе открытку, на которой изображен ландшафт, вполне соответствующий окружающей меня действительности.

Большой привет всем родным и друзьям. Пиши! Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир.

18.09.1944 г.

Письмо написано фиолетовыми чернилами на розоватой бумаге. Он находится на Крайнем Севере Кольского полуострова в составе, видимо, небольшой бригады. Впервые, видимо, узнал о нарушении слуха у Валерки. Поздравляет жену со вступлением в партию. Вспоминает поездку в Порозово. Подчеркивает, что главное – взаимоотношения, они с Шурой, несмотря на трудности и времена.

5. Письмо от 22 сентября 1944 года.

Получил твоё письмо. Наконец узнал, что ты выехала за Валеркой и сегодня, по моим расчетам, должна возвратиться обратно. С нетерпением жду твоего подробного письма о поездке, о встрече с Валеркой и обо всем, что у тебя сейчас нового. Конечно, дел и хлопот у тебя теперь прибавиться, но ты будешь вместе с нашим наследником, а это очень много значит. Семейка наша начинает собираться вместе, вот подожди, скоро и я появлюсь на вашем горизонте, тогда снова мы узнаем огромное человеческое счастье. Так и будет, и повторяю, будет скоро.

Ну, о себе, пожалуй, много писать нечего. Если ты получила мои предыдущие письма, то ты знаешь все основные новости в моей жизни. После этого никаких изменений нет. Живу по-прежнему.

Чувствую себя хорошо. На днях получил письмо от Жени Ковалевского, очень был рад этому. Само собой разумеется, я ему немедленно ответил.

Следовательно, ты получила мои фотографии и находишь, что я мало изменился. Это меня радует. Вот жду с нетерпением, когда получу фото тебя и Валерки, это для меня будет большой радостью. Для Валерки я посылаю открытку, пусть пока это будет моим скромным подарком ему. Придет время, он получит настоящий подарок, а сейчас больше ничего не придумаешь. Как ты устроишь его в детсад? Напиши. Конечно, ему надо быть в детском коллективе. В общем, пиши мне все, все. Большой привет маме, Нине, Димке. И всем твоим друзьям! Пиши! Крепко целую тебя и Валерку.

Ваш Владимир.

22.09.44 г.

Письмо написано на белом листке линованной бумаги из тетради. Вероятно, он еще на Крайнем Севере. Кто такой Женя Ковалевский? Ранее не упоминался. Детсад для Валерки?

6. Письмо от 28 сентября 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вот, наконец, получил я от тебя письмо из Порозова, рад, что первая половина пути благополучно закончилась, несмотря на приключения. Надеюсь, что и обратный путь также закончится хорошо, и вы с Валеркой уже успели отдохнуть после поездки и начинаете устраиваться. Как Валерка себя чувствовал в дороге и как он привыкает к своей новой жизни? Конечно, для него эта новая обстановка совершенно необычна, у него, безусловно, никаких воспоминаний о прошлом нет. Как ты решила с ним вопросы? Меня еще очень интересует, каково мнение о Валерке специалистов, которым ты хотела его показать? Я почему-то уверен, что все это явление временное и все благополучно разрешится.

Как ты доехала? Много ведь у тебя набралось багажа. Обязательно напиши мне об устройстве всех твоих хозяйственных дел (дрова, устройство Валерки и пр.). Если у тебя по-прежнему будут затруднения в этих вопросах, напиши, тогда я напишу Васильеву или еще куда-либо. В общем, пиши обо всем.

Я живу хорошо, за меня не беспокойся. Нового пока ничего нет. Все жду нашей с тобой встречи, она уже не за горами. Между прочим, надеюсь, что ты выполнишь свое обещание прислать ваше с Валеркой фото. Мне на днях совершенно случайно дали фото, на котором ты увидишь меня (я его посылаю тебе с этим письмом). Здесь нас фотографировали в одной освобожденной от врага деревне, после беседы с мирными гражданами. Так что сейчас дело за твоим фото. Учи!

Пока на этом и закончу. С нетерпением жду твоего письма. Большой привет всем. Крепко целую тебя и Валерку. Ваш Владимир.

28.09.44 г.

P.S. А караули Валерки, что ты мне прислала, привели меня в умиление.

Октябрь 1944 г.

Писем нет. Шли бои.

Ноябрь 1944 г.

1. Письмо от 8 ноября 1944 года.

Дорогая Шура!

Поздравляю тебя с Днем рождения, желаю тебе, моя дорогая, счастья, исполнения всех твоих заветных желаний. Шлю тебе самые наилучшие пожелания и сердечный привет из Норвегии. Живу я хорошо. Праздник провел замечательно, так как еще в период войны не проводил. Мы все очень рады, нам присвоено наименование Печенгская, награждена наша часть орденом Красного Знамени. Да, мы немало сделали здесь на Севере. Будет, что рассказать при нашей встрече. Ты пиши, как живете с Валеркой, что нового в вашей жизни. Как отметила ты свой юбилей? Ну, конечно, это в последний раз мы с тобой не были вместе в этот день. Так ведь?

Большой мой привет маме, Нине и Димке. Жду все фото тебя и Валерки вместе.

Пиши, родная, чаще. Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир.

8.11.1944 г.

Письмо написано мелким почерком, карандашом на заграничной открытке, где изображен букет белых цветов в круглой белой вазе. Открытка заграничная, куплена, видимо, в Норвегии. У Шуры (Александры Ивановны Злобиной (Батыгиной) 7 ноября День рождения.

2. Письмо от 18 ноября 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Конечно, я не хотел сегодня писать тебе, ибо почта пришла, а писем от тебя нет. Сколько уж можно молчать? Между прочим, мне даже обидно немного, что вы все меня даже с праздником не поздравили. Один лишь отец оказал внимание, а от тебя и вообще всех вас я не имею писем уже две недели. Видимо, начинаете понемногу забывать о моем существовании, и может быть, у вас что-либо случилось. Во всяком случае, начинаю беспокоиться.

Я живу хорошо. В моей жизни произошло большое событие – меня наградили орденом Красного Знамени и еще раз представили к награде. В остальном пока все без изменений. Встретил недавно сына Л.А. Пустохиной. Он собирался уезжать куда-то и шлет тебе привет. Узнаю о нем более подробно – напишу.

Ну, пока и все. Жду твоих писем. Крепко всех вас целую. Твой Владимир. Как поживает Валерик?

18/11.44 г.

Письмо «воинское». Изображена Москва. Кремль, салют. Подпись: «Родина салютует героям». Адрес Архангельска – тот же, полевая почта 26600 В. Отметка цензуры 06700. Письмо написано химическими чернилами, почерк ровный. Написано о встрече с «сыном Пустохиной». Но ведь В.С. и есть сын Пустохиной. Видимо, В.С. сообщает о своем отъезде, чтоб цензура не придралась.

3. Письмо от 26 ноября 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Получил твое письмо и очень удачно, т.к. имею возможность ответить немедленно, что бывает особенно теперь не часто. Я очень рад за вас, что все вы здоровы и все у вас в порядке. С большим интересом читаю все, что ты пишешь о Валерке. Конечно, дел у тебя вполне достаточно, времени свободного почти нет, но я считаю, что с ним тебе гораздо веселее, да и ему лучше быть с тобой. Вот скоро и я к вам приеду, все тогда будем в сборе, не так уж ведь долго осталось ждать до нашей встречи.

О себе пока много писать нечего. Живу хорошо, здоров. В последнее время пришлось перенести большие трудности, но ведь без них не может быть, мы ведь выполняем трудную задачу.

Все у меня в порядке, за меня не беспокойся. Буду тебе писать обо всех изменениях в моей жизни, как это делал и до сих пор. Прошу и тебя аккуратно отвечать мне. Посылаю для Валерки открытку, ибо, очевидно, он их очень любит, пусть получит маленькую радость. Рад бы ему что-либо лучшее послать, но, увы, пока, кроме писем и открыток, ничего не пошлешь. Пусть уж он меня должником считает, будет время, рассчитаюсь с долгами.

Ну, пока на этом закончу.

Пиши мне, адрес прежний. Большой привет маме, Пине и всем друзьям. Крепко целую тебя и Валерика.

Твой Владимир. 26/XI.44 г. Р.С. Посылаю открытку для Валерки.

Письмо написано на белом листке бумаги фиолетовыми чернилами крупным почерком, явно в спешке. Нет вопросов. Как будто все ему хорошо известно.

Декабрь 1944 г.

1. Письмо от 6 декабря 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Жду и жду твоего письма, но пока ожидания не увенчались успехом. Почему ты так редко начала писать? Начинаю беспокоиться, все ли у тебя в порядке? Я прошу тебя писать чаще. Так и договоримся. Знаю, что время у тебя очень загружено, но все же, по-моему, можно выбрать несколько минут. Я пишу тебе более или менее аккуратно. Получаешь ли ты мои письма? Буду надеяться, что в ближайшее дни получу твое письмо. О себе много писать нечего, я тебе пишу обо всем, что было нового. Живу хорошо, здоров. Очень желаю скорее увидеть тебя и Валерку, но, к сожалению, пока это вещь невозможная. Ничего, мы с тобой долго ждем этой встречи, сейчас, конечно, не так уж долго осталось ждать.

Очень тяжело бывает, когда долго нет от тебя писем. Всякие мысли лезут в голову, все же слишком много встречаются таких примеров. Ну ладно все это, разумеется, ерунда. Как здоровье твое и Валерика?

Я жду, когда вы с ним сфотографируетесь и пришлете мне свои фото. Пока присылаю вам свое изображение – фотография месячной давности, но во всяком случае свежая. Как понравится – напиши.

Пока и все. Большой привет маме, Нине, а также твоим друзьям. Пиши, не заставляй беспокоиться. Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир.

6/XII.44 г.

P.S. Посылаю фото.

Письмо написано карандашом на белой нелинованной бумаге, крупными буквами, неровным почерком, возможно, в спешке.

2. Письмо от 9 декабря 1944 года.

Здравствуй, дорогая моя! Наконец сегодня получил твое письмо, которое я так долго ждал. Для меня очень было радостно получить письма и от тебя, и от Нины одновременно. Благодарю тебя за поздравление и теплые пожелания. С большим интересом прочел описание жизни Валерки. Он, действительно, делает большие успехи. Я очень рад, что он хорошо себя чувствует в детском коллективе, это очень важно. Вообще я вижу у тебя большие достижения в его воспитании. Очень желаю, чтобы и дальше дело шло так же успешно и тогда, безусловно, результаты скажутся. У него, видимо, есть успехи в рисовании. Посланные тобой его рисунки я рассмотрел с большим интересом. Молодец он, так ему и передай от моего имени.

Жду вот, когда получу его фотографию, чтобы иметь о нем представление. В последнем своем письме я посыпал тебе свое фото, получила ли ты эту карточку?

Живу хорошо, здоров, как всегда. Конечно, это самое главное. На днях удалось даже впервые за 3,5 года побывать в театре, посмотреть пьесу, и знаешь, обстановка показалась слишком необычной, отвык ведь от всего этого. Конечно, остался очень доволен этим вечером, несмотря на то, что артисты играли неважно. Невольно вспомнил как мы с тобой, бывало, посещали театр, и тут все было не так, и знаешь, как бы еще ощутительней почувствовалось твое отсутствие.

Да это легко сказать, но как трудно переживать! Правда, мы с тобой успешно выдерживали все трудные испытания и, безусловно, выдержим их до конца. Это самое основное.

Рад за тебя, что ты успешно справляешься с научной работой. Конечно, советую взять тему для кандидатской диссертации. Вообще ты молодец у меня, и я очень горжусь тобой. Хочется скорей увидеть тебя, но, увы, пока это вещь невозможная. Может быть, когда-нибудь в недалеком будущем такой случай представится, конечно, я бы им воспользовался. Во всяком случае, до нашей встречи не так-то уж долго осталось ждать, это тоже факт.

Ну, пока и все. Закончу на этом. Жду твоего письма. Пиши. Большой привет маме, Нине и Димке. Думаю, на днях побывать у К.В. Балашова.

Крепко вас всех с Валеркой целую. Твой Владимир.
9/XII-44 г.

Письмо написано на большом линованном белом листке бумаги, карандашом, довольно ровным почерком. Просит писать почше, понравились рисунки Валерки, побывал в театре. Однако не пишет, где находится, в каком городе. Высказывает возможность встречи. В конце письма пишет, что думает на днях побывать у К.В. Балашова, а это значит, что он, возможно, находится в Вологде, где жили наши родственники Балашовы.

3. Письмо от 12 декабря 1944 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Снова собрался написать тебе пару строк. Очень тяжело сознавать, что сейчас я с каждым километром отдаляюсь от тебя все дальше и дальше. Я все мечтал, что смогу приехать хотя бы на несколько часов, но, к сожалению, ничего нельзя было сделать, ибо отставать я не мог. Жаль, но ничего не поделаешь. Теперь будем надеяться на будущее. Авось что-либо смогу сделать, буду пытаться. Как бы то ни было, я считаю, что теперь недолго ждать осталось.

А что ты думаешь относительно возможности тебе приехать ко мне на несколько суток? Конечно, все будет зависеть от моего местонахождения. Вообще стоит подумать об этом. Особенно, если дорога не будет занимать больше двух суток. Как считаешь? Ну, пока и все. Привет всем. Мой адрес без изменений. Крепко тебя целую. Твой Владимир.

12/XII-44 г.

Письмо написано карандашом на стандартном бланке «воинское»: «Героическому тылу октябрьский привет с фронта!» Изображены солдат в пилотке и женщина-тан-

кист с поднятой рукой. Письмо написано в спешке, крупными буквами. Идет переноска части с Севера на Западный фронт в Польшу. Появилась возможность кратковременной встречи. Письмо опущено на станции Емца Архангельской области, просмотрено цензурой 17787. Он был в это время совсем близко от Архангельска.

3.5. Письма 1945 года

Январь 1945 г.

1. Письмо от 3 января 1945 года.

Родная моя!

Сутки прошли с момента, когда я вновь простился с тобой, и мы разъехались в противоположные стороны. Очень трудно вновь привыкать к одиночеству после огромного счастья, выпавшего на мою долю, снова со всей остротой почувствовать, как мне придется тяжело ожидать новой встречи с тобой. Теперь вновь единственной возможностью общения с тобой являются письма, будем уж писать друг другу часто.

С нетерпением ожидаю твоего письма, очень беспокоюсь за то, как ты доехала. Ругаю себя, что не остался на день, чтобы проводить тебя, чувствовал бы себя в этом случае гораздо спокойнее. Весь вечер вчера я ждал, что, быть может, ты еще вернешься, но этого не случилось. Видимо, ты уехала, и сегодня уже находишься дома.

Я снова один, вновь наедине со своими мыслями. Ну, ничего,

недолго сейчас нам еще осталось ждать светлого дня нашей новой встречи. В этом я уверен. Разумеется, я попытался кое-что предпринять, о чем мы договаривались. Ты не можешь себе представить, насколько длинными показались мне эти сутки.

Как твое здоровье? Меня очень беспокоит этот вопрос. А как тебя встретил Валерик и как он себя чувствовал за время твоей поездки? Пиши мне больше и подробнее и, пожалуйста, без украшений. Твоя записка несколько раз перечитана мной и сохраняется как реликвия.

Передай мой привет всем родным и твоим коллегам. Пиши!

Крепко тебя целую. Твой Владимир.

3/I-45 г.

Письмо написано карандашом на белой линованной бумаге, вырванной из тетради. С Кольского Севера часть перемещают на Западный фронт. Видимо, была пересадка, возможно, в Обозерской. Встреча супругов была кратковременная, в течение, видимо, одних суток (хотя в следующем письме говорится о нескольких сутках).

2. Письмо от 5 января 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вновь пишу тебе, хочу поделиться с тобой своими мыслями. Очень тяжело мне сейчас, испытав большое человеческое счастье, проведя вместе с тобой несколько радостных дней, оказаться вновь одному, наедине со своими думами. Я очень беспокоюсь за тебя, как ты доехала, а знаю, что письма от тебя еще не будут дней 10. Как я раскаиваюсь, что не остался проводить тебя, несмотря на все, я бы чувствовал себя гораздо спокойнее. Знаешь, я не могу все привыкнуть к факту твоего отъезда, мне все кажется, что ты здесь, но все это не так. Каждая вещь мне напоминает о твоем присутствии. В моей памяти остро стоит твоя удаляющаяся фигура, я тогда с трудом удержался от того, чтобы догнать тебя.

Ну, ничего, мы с тобой скоро встретимся вновь, чтобы в дальнейшем уж никогда не расставаться. Очень прошу тебя писать подробно о своем здоровье, я ведь имею много оснований для беспокойства за тебя. Пиши мне чаще, я в долгую не останусь. Как ты себя чувствуешь и как устроились твои дела после приезда?

О себе мне, пожалуй, много писать нечего, все без изменений, кроме, пожалуй, настроения, о котором хорошего сказать нечего.

Снова приходится жить воспоминаниями и мечтами на будущее. И знаешь, по-моему, мы с тобой заслужили прекрасного, светлого будущего. Я уверен в том, что ничто не изменит наших с тобой взаимоотношений. Так ведь?

Итак, жду с нетерпением твоего письма. Пиши о себе, Валерке и о том, что мы обсуждали часто – это меня волнует. Привет тебе от Ларика, Гадина, Мозура и др. От меня сердечный привет маме, Нине, Диме и твоим коллегам. Пиши скорее!

Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир.

Р.С. Свою программу (все пункты) ты, смотри, выполняй.

5/I-45 г.

Письмо написано на белой, тонкой пергаментной бумаге фиолетовыми чернилами, внизу лист оборван. Почерк ровный, обычный, как всегда, понятный. Первое письмо после встречи с Шурой.

3. Письмо от 11 января 1945 года.

Любимая моя!

Сегодня, вернее сейчас, я, наконец, получил долгожданное письмо от тебя, и даже сразу 2. Ты не представляешь, как я беспокоился за тебя, что только не передумал, какие только мысли не приходили в голову. Я ведь не знал, приехала ли ты, когда уехала, как устроились твои дела и пр. Лишь вчера я успокоился более или менее. Совершенно случайно, разбудив меня ночью, мне предложили срочно ехать к Киму на помочь к Ларику, который, уехав накануне, не мог провернуть одного важного дела.

И вот, зайдя к Балашовым, я, прежде всего, разузнал от Риммы, когда и как ты уехала, и прочел у нее твою предварительную телеграмму (к слову сказать, вредная, не догадалась мне телеграфировать, что доехала благополучно). Узнал и то, что Надежда приехала через час после твоего отъезда, и Густя расстраивается, не зная, как послать тебе 2 посылки и валенки, привезенные Надеждой. Сходили мы вечером с Лариком и Густей в кино, посмотрели «В 6 часов вечера после войны» (советую тебе этот фильм посмотреть). Кима дома не было – в командировке. Так что, видишь, уже вчера я имел кое-какие известия о тебе.

Знаешь, я не могу привыкнуть к мысли, что ты уехала. Как остро вспоминается все, даже мельчайшие подробности нашей встречи.

А сейчас все не то. Прочитав твое письмо, я узнал, что мы с тобой уходили в противоположные стороны совершенно в одинаковом состоянии, я ведь тоже не случайно не сразу вошел в вагон.

Ничего Шура, теперь уж недолго осталось нам ждать окончательной встречи, она придет, и быстро забудутся все невзгоды, все мучительные переживания. Мне очень стыдно, что я рассказал тебе в последний день эти глупые рассуждения некоторых моих товарищей. Прошу тебя, не думай, что я их разделяю. Я всегда был уверен в тебе, а сейчас еще больше. Ты для меня все, и это ты знаешь. Ничто не сможет помешать нашему будущему, мы достаточно хорошо знаем и ценим друг друга.

Из твоего письма я узнал, что Валерик оказался без всякого внимания со стороны Надежды. Я возмущен этим до глубины души. Неважно можно так опуститься, так отнести к ребенку? Я даже не нахожу слов охарактеризовать ее отвратительные поступки. Хорошо, что все обошлось благополучно. В общем, прошу тебя сделать из этого самые серьезные выводы и постарайся не забывать об этих проявлениях «заботы» с ее стороны. Пиши мне, пожалуйста, подробнее о своей жизни, о Валерике. Очень рад, что теперь еще чаще буду получать твои письма, конечно, можешь быть уверена, что я в долгу перед тобой не останусь.

Относительно возможности быть у вас: конечно, я буду стараться и не постою ни перед чем, но, к сожалению, не все зависит от меня, пока ничего определенного не вырисовывается.

Как ты себя чувствуешь и как твое здоровье? Учи, что это для меня самое основное, и я об этом тебе говорил много раз.

Особенно много я размышляю относительно одного вопроса, о котором ты меня неоднократно спрашивала – как поступить? Знаешь, до сих пор не могу твердо решить, но самое основное возражение – это то, что ты сейчас без меня, одна, и состояние твоего здоровья оставляет желать много лучшего. Все же, по-моему, лучше нет. Впрочем, быть может, не нужно об этом и размышлять, может быть, никаких оснований нет.

Фото еще не готово, т.к. Саша уезжал по делам, вернулся только вчера. Буду форсировать и первый экземпляр немедленно вышлю тебе.

Ну, пожалуй, и заканчивать пора, наверное, уже читать устала. До следующего письма остановись. Большой тебе привет от Гадина, Ларика и Кажева и др.

Сердечный мой привет маме, Нине и Димке, а также твоим коллегам по службе. Пиши, жду, письма твои для меня все. Крепко целую тебя и Валерика. Твой Владимир.

11/I-45 г.

Большое письмо на листке А4 формата. Письмо написано фиолетовыми чернилами, аккуратным почерком, есть несколько помарок. События происходили в городе Вологде, где, видимо, на несколько дней остановился эшелон, который перевозил часть, где служил В.С., с Севера на Запад. Он посещал по каким-то делам наших родственников Балашовых (Капитона Васильевича и Августу Николаевну (Густю). Римма – их старшая дочь, в дальнейшем: Вайсберг Римма Капитоновна). Они проживали на ул. Подлесной, д. 14 (ныне ул. Горького). Капитон Васильевич работал в Облторготделе Вологодской области. (Видимо, решался вопрос о снабжении военной части). Надежда (Батыгина Надежда Ивановна – моя мать. – авт.), возможно, ездила в д. Порозово, где был я (Пашенко В.П. – авт.) (см. книга «Вовкино детство в Порозове (когда была война)». Архангельск. 2019).

4. Письмо от 14 января 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя Шура!

Получил сегодня одновременно два твоих письма от 4 и 5 января. Благодарю тебя за внимание, молодец, что выдерживаешь свое обещание писать мне часто. Письма твои приносят мне большую радость, они мне очень дороги. Знаешь, как я мучительно переживаю твое отсутствие, это ты вполне понимаешь. Как быстро пролетели счастливые мгновения нашей встречи! А сейчас вновь пусто кругом, лишь воспоминания остались, да мечты. Около тебя, хотя Валерка есть, а у меня, кроме этого дурака Л., ничего нет. Ну ладно, теперь недолго осталось до нашей новой, и на этот раз окончательной встречи. Все вернется и все мечты воплотятся в действительность. Как ты себя чувствуешь – меня этот вопрос волнует. Ты пишешь, что есть основания решить вопрос, который нас с тобой волновал. Мое мнение я высказал в прошлом письме. Видишь ли, самое основное то, что ты сейчас одна, без меня, поддержки получить тебе негде, сложно будет обстоять вопрос с Валеркой, состояние твоего здоровья очень неважное, все это является весомыми аргументами против. Только боюсь, как бы все это не повлекло неприятных последствий,

но надеюсь на опыт специалистов. В общем, посоветуйся с ними. Но обязательно держи меня в курсе всех событий и не скрывай ничего. Конечно, если бы я был с тобой, то и думать было бы нечего. Еще все будет не поздно. Прошу тебя совершенно оперативно высказать мне свою точку зрения по этому вопросу.

В моей жизни больших изменений не произошло. Кое-какие общие изменения есть, но они пока большого изменения не дают. Усиленно работаю, прочел несколько лекций в нашей «академии». Относительно возможности побывать у вас, вопрос решится окончательно на днях, но прямо скажу, шансов на успех немного. Как определится положение – сообщу. Сегодня смотрел у Саши негатив одного фото, качество замечательное. Через пару дней буду иметь возможность послать тебе пробную карточку. Она будет о многом нам с тобой напоминать, взглянув на нее, вспомнишь нашу встречу, принесшую нам большое счастье. Как устроились твои хозяйствственные и материальные дела? Вероятно, ты сейчас концы с концами никак не сводишь. Постараюсь тебе помочь, чем могу.

Валерик сейчас, наверное, полностью вошел в русло, все его злоключения кончились. Пиши мне обо всех его успехах. Не забудь устроить возможность получения мной его изображения, желательно вместе с тобой.

Только сейчас передали по радио приказ Верховного Главнокомандующего о прорыве обороны немцев в районе Сандомицы. Значит, скоро и наш Костя будет участвовать в больших событиях.

Ну ладно, пока на этом закончу. Жду твоего очередного письма. Большой привет маме, Нине и Диме.

Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку. Твой Владимир.

14.01.1945 г.

Письмо написано на белой линованной бумаге А4 формата фиолетовыми чернилами, аккуратным почерком без помарок. Фотография встречи. Прорыв обороны в районе Сандомицы. «Костя» – видимо, сокращенное наименование Конева?

5. Письмо от 17 января 1945 года.

Дорогая моя!

Ты что-то начинаешь понемногу отступать от своего обещания по части сроков нашей с тобой переписки. Видимо, захлестнули тебя

различные хозяйственные и служебные дела. А может быть, ты забыла? За состояние твоего здоровья я сильно беспокоюсь. Напиши, как ты себя чувствуешь. Между прочим, удалось ли тебе ликвидировать свой ужасный кашель?

Я сегодня чувствую себя как на иголках. Завтра должен решиться вопрос относительно того, могу ли я приехать к вам. Ты понимаешь, что, если ничего не выйдет, я буду чувствовать себя совершенно отвратительно. Если бы все зависело лишь от меня! Страшно хочу видеть тебя, поговорить с тобой. Как мне тебя не хватает!

Ну ладно, во всяком случае, наша встреча с тобой не за горами. В жизни моей пока изменений нет. Все также. Пока и закончу — почта сейчас отправляется. Пиши мне! Большой привет маме, Нине и Димке.

Крепко целую тебя и Валерку. Твой Владимир.

17.01.1945 г.

Письмо написано на белом листке из тетради фиолетовыми чернилами. Ровным почерком. Решается вопрос о возможности В.С. приехать в Архангельск.

Письмо свернуто в треугольник. Адрес полевой почты 26600 В. Злобиной. Набережная: пр. Сталинских ударников, 118, ф. 2, кв. 8. Цензура 17731.

6. Письмо от 22 января 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя! Давненько тебе не писал, не потому что не было твоих писем, нет, я их за это время получил 2 и одно от мамаши. Не отвечать вам не думал лишь потому, что мне обещали устроить поездку к вам в пределах 24–26 января, и я рассчитал, что мои письма будут гораздо позже. Сегодня я все же решил написать тебе пару строк, ибо вдруг мои намерения не смогут осуществиться — дело все во многом зависит не от меня. Тогда чтобы в нашей переписке не было перерывов, я и решил черкнуть тебе сегодня. Все у меня пока обстоит без изменений, так, как было. Я сейчас все жду 24.01, надеюсь, что смогу увидеть вас, если этого не удастся осуществить, буду чувствовать себя ужасно — иметь такую поездку и вдруг! Ничего, пока еще надежды не теряю. Крепко целую вас всех. Твой Владимир.

22.01.1945 г.

Письмо «воинское», на розовой бумаге без марок. Цензура 17732. Адреса те же. Нарисованы Спасская башня Кремля и салют. Подпись «Родина салютует героям». Ожидание разрешения на поездку для встречи с семьей.

Февраль 1945 года.

1. Письмо от 2 февраля 1945 года.

Дорогая моя!

Итак, я сегодня благополучно прибыл на место и, надо сказать, очень удачно, т.к. иначе пришлось бы маршрут продолжить. Дал отцу телеграмму, чтобы он не трогался в дорогу.

Здесь на месте много новостей меня застало. Между прочим, сообщаю тебе, что меня наградили вторым орденом Красной Звезды, а кроме того, сегодня получил медаль «За оборону Заполярья». Так что, видишь, сколько нового у меня за эти сутки произошло.

Конечно, очень печально сознавать, что еще вчера я был с тобой и Валериком, а сейчас остался один. Правда, время настало горячее, сейчас особенно размышлять нечего. Ты мне пиши чаще, я хочу знать все мелочи вашей жизни.

Вообще я очень удачно съездил к тебе, прямо скажу, если бы на день поездки ничего бы не получилось, только подумать, действительно, мне вновь повезло. Об остальном о себе много писать нечего, ты вполне понимаешь мое настроение. В моем воображении в мельчайших подробностях запечатлелись дни, проведенные вместе с тобой, это самое лучшее, что было в моей жизни за время войны. Сейчас, безусловно, недолго нам придется ждать новой и окончательной встречи.

Напиши, как вы с Валеркой живете, что нового в вашей жизни, как здоровье обоих? А как ты выдерживаешь свой договор по части курения? Позволю надеяться, что ты его выполняешь. Очень признателен и благодарен тебе за твое исключительное внимание и заботу обо мне, не нахожу даже слов выразить это.

Получил сегодня несколько писем от тебя и от Кости. Он пишет, что находится в дороге на фронт, пока не знает куда, но обещает написать мне о дальнейшем. Он шлет тебе самые наилучшие пожелания и сердечный привет.

Ну, пока и закончу на этом. Очень много дел. Жду твоих писем. Сердечный привет маме, Нине, Димке, Жоре и твоим коллегам. Крепко целую вас с Валеркой.

Твой Владимир.

2.02.1945 г.

Письмо написано на линованном листке из тетради. Таким образом, это была уже вторая встреча В.С. с семьей (в январе 1945 года). Эта встреча была, видимо, в Архангельске. Письмо «спокойное», чувствуется определенное удовлетворение автора письма, побывавшего в семье в Архангельске. Его работа на фронте была высоко оценена, и он получил ряд наград.

2. Письмо от 4 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая Шурочка!

Снова пишу тебе о своем житье. Из последнего письма ты узнала много новостей, подумай, сколько изменений сразу. Вчера у меня был довольно солидный скандал с К.Н., причем основную подлую роль в нем сыграл небезызвестный Л. Он сумел ей внушить, что я ничем не отблагодарил ее и пр. В общем, не хочу писать всей этой грязи и всех провокаций, которые К.Н. применяла вплоть до угрозы идти жаловаться на меня. Какие неблагодарные люди, как можно потерять всякое чувство меры. Ну, плевать на это, а этому негодяю я не прощу подлости.

Сегодня еду, следующее письмо получишь с дороги. Ты мне пиши чаще. Очень хочу знать, как вы с Валеркой поживаете и что у вас нового. Передай сердечный привет маме, Нине, Димке и твоим коллегам. Жду твоих писем. Желаю тебе здоровья и успехов в жизни. Крепко обнимаю и целую тебя и Валерку. Твой Владимир.

4/II-45 г.

Письмо «воинское», изображена танковая и пехотная атака с Красным знаменем. Подпись: «Под знаменем Ленина под водительством Сталина...» На письме штемпель «доплатить 60 коп.». Почтовый круглый штемпель на письме «Грязовец Вологодской области». Скандал произошел, видимо, со знакомыми из Грязовца, где, вероятно, останавливался В.С.

3. Письмо от 6 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя! Пишу тебе вновь коротенько о себе. Ты из моей телеграммы и последних писем знаешь все в основном, что у меня было нового. Пишу тебе с дороги, все дальше и дальше едем, скоро прибудем в Москву, а куда дальше – узнаем. Я, во всяком случае, тебе буду продолжать регулярно посыпать коротенькие известия о себе. К сожалению, твоих писем, видимо, долго не буду иметь, но ничего, я все уже чувствую себя уверенно и знаю, как вы живете.

С этой К.Н. я рассчитался, ну их к дьяволу, она порядочно испортила мне настроение перед отъездом своими угрозами и провокациями. С Л. я также ни словом не обмениваюсь, скотина он мерзопакостный оказался.

Как ты поживаешь, и как Валерик себя чувствует? Пиши мне обо всем. Я живу хорошо, чувствую себя тоже хорошо. В общем, все в порядке. Все вспоминаю счастливые дни, проведенные вместе с вами. Сердечный привет всем. Крепко целую и обнимаю тебя. Твой Владимир.

6 февраля 1945 г.

Письмо «воинское» «27 лет героическому тылу». Письмо написано карандашом, обратного адреса еще нет. Штемпель «доплатить 60 коп.». Почтовый штемпель города неразборчиво. Возникли какие-то проблемы с К.Н. и Л. Где он останавливался?

4. Письмо от 8 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Видишь, как часто я пишу тебе, но ответов на свои письма пока не получаю, разумеется, не по твоей вине, ты, безусловно, здесь не причем. Все объясняется тем, что я давненько путешествую. Сейчас я уехал уже далеко – подъезжаю к Брянску. Жизнь идет однообразно, самочувствие хорошее, одно плохо, что твоих писем нет и, видимо, еще не скоро будет. Я пишу всем родным регулярно. По-моему, в этом отношении никто ко мне претензий предъявить не может. Как вы с Валериком живете? Наверное, его фонарь уже разрядился, а все выключатели вновь поломаны его стараниями. Ничего, приеду к вам – все снова отремонтирую. Как успехи в твоей научной работе? Тебе просит передать привет Годин. Мы с ним соседи, рядом спим. Он хороший человек, в этом ты тоже убедилась. Пока на этом и закончу. Ты не сердись, родная, на краткость наших писем – все это результат условий. Большой привет всем родным и друзьям нашим.

Крепко целую и обнимаю. Твой Владимир.

8/II-45 г.

Письмо написано фиолетовыми чернилами на почтовой карточке, посыпается без марки, с печатью цензуры. Почтовая печать «Михайловское по Сумской области». Видимо, идет передислокация полка, передвижение по железной дороге.

5. Письмо от 7 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя! Вновь собрался написать тебе. Прибыли в Москву, видел вчера салют в честь наших войск. Картина красивая. Путешествие мое продолжается. Разумеется, буду писать тебе маленькие весточки регулярно. Жаль, что твои письма нагонят меня не скоро. Пиши, родная, о себе, о всем новом у вас. Как живет Валерка? Я все представляю нашу последнюю встречу и с нетерпением жду дня, когда я приеду к вам окончательно и навсегда. Живу я хорошо, все обстоит в порядке. Пока и все. Пиши! Сердечный привет маме, Нине, Димке и твоим друзьям. Крепко целую. Твой Владимир.

7/II 1945 г.

Письмо на обычной почтовой открытке, написано карандашом. Почтовый штемпель «Москва».

6. Письмо от 9 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Пишу очередную весточку. Надеюсь, что все предыдущие мои письма ты получила и, следовательно, можешь судить о том, насколько часты они. Конечно, многое сейчас расписывать нечего, да и невозможно, но основное все ты знаешь. Путешествие мое продолжается. Еду по Украине, по дорогам войны, где на каждом шагу видишь все зло, которое принесли немецкие гитлеровские сволочи. Ничего, они за все это получат сполна и недолго ждать до полной расплаты с ними. Я живу хорошо, все идет своим чередом. Все время вспоминаю те счастливые дни, которые я провел вместе с тобой и Валериком. Конечно, сейчас я знаю о всех сторонах вашей жизни и это очень хорошо. Во мне прибавилось спокойствия и уверенности. Пиши, родная, я очень скучаю о твоих письмах, а их, очевидно, еще не скоро получу. Пока и все. Сердечный привет мама, Нине, Димке и твоим коллегам. Крепко целую вас с Валеркой. Твой Владимир.

9 февраля 1945 г.

Письмо треугольник, написано фиолетовыми чернилами. Без обратного адреса. есть печать цензуры. Почтовая печать Сумской обл.

7. Письмо от 10 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Снова пишу тебе очередную весточку. Ты должна за это время по-

лучить порядочное количество писем от меня, правда, не особенно содержательные, написанные наспех, но, во всяком случае, писем.

Живу хорошо, все идет однообразно. За дорогу здорово отоспался, даже бока болят. Все еще находимся в движении, дальше и дальше уезжаю от тебя – скоро Киев.

Все мои мысли с тобой, все вспоминаю дни, проведенные с тобой. Сейчас недолго нам еще осталось ждать до того дня, когда мы окончательно будем вместе. Это очень приятно сознавать. Ну а как ты живешь и что у вас нового? Пиши подробнее, не бери в этом отношении примера с меня, я ведь все же сейчас в дороге и писать приходится наспех. Ну, пока и все. Сердечный привет родным и друзьям.

Крепко целую тебя и Валерку.

Твой Владимир.

10/II-45 г.

Письмо написано фиолетовыми чернилами на листке белой линованной бумаги и свернуто в солдатский треугольник. Сообщается о скором прибытии в Киев. Штемпель – «доплатить 60 коп.» Почтовый штемпель – неразборчиво, печать цензуры 81544.

8. Письмо от 11 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая Шурика!

Как видишь, вновь пишу тебе. Все путешествую, начинает на-доедать дорога. Жизнь на колесах протекает однообразно и каждый день одно и то же. Конечно, если взять в целом февраль, то у меня столько разных событий произошло, вообще в 1945 году я знал счастливые дни, а несколько позже их будет много. Так ведь? Очень плохо, что писем твоих, видимо, еще некоторое время не получу, это сознавать не особенно приятно, но ничего не сделаешь. Между прочим, в начале своего путешествия я совершенно случайно встретился с С.А. Мадановым, он ехал в командировку. Мы с ним минут 5 поговорили, он был весьма удовлетворен, узнав, что я недавно побывал у вас. Больше ничего особенного за дорогу не произошло. Привет тебе от Година и Кожева. Пока и все. Сердечный привет маме, Нине, Димке. Крепко целую и обнимаю вас с Валеркой.

Твой Владимир.

11/II-45 г.

Письмо на белой линованной бумаге, написано фиолетовыми чернилами, а затем свернуто в солдатский треугольник. Печать почтовая «Киевская обл.». Кто такой С.А. Маданов? Может быть, начальник?

9. Письмо от 14 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Пишу тебе очередную весточку о себе. Все еще путешествую, еду дальше и дальше, скоро доеду до Львова. Надоедает эта дорога, правда, заботиться ни о чем не приходится. Здесь уже чувствуется приближение весны, на улице тает, снега осталось очень мало. Так что видишь, в этом году особых холодов я не видел и не предвидится. Это, разумеется, не плохо. Видимо, сейчас уже недалеко ехать осталось. В общем, я напишу тебе сразу, когда приеду на место. Думаю, что ты получила все мои предыдущие письма, а следовательно, все знаешь.

Я вот не могу хвастаться получением твоих писем, но в этом нет никакой твоей вины, знаю, что письма твои рано или поздно доберутся до меня. Надеюсь, что жизнь ваша с Валеркой протекает так же, как я знал. Надеюсь, что вы все здоровы, одним словом, все обстоит благополучно. Пиши, как живете, что нового, каковы твои успехи и как себя чувствует Валерка. Я очень рад, что сейчас имею о нем представление и убедился, что мы с ним подружимся. Как обстоят твои хозяйствственные дела, есть ли у тебя дрова и пр. Пиши мне чаще, я перед тобой в долгу не останусь. Пока и все. Большой привет маме, Нине, Диме, Надежде, Жорке и всем твоим коллегам. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку.

Твой Владимир.

14/II-45 г.

Письмо написано на листке белой линованной бумаги фиолетовыми чернилами. Во всех отношениях письмо «спокойное», «уравновешенное», написано четким ровным почерком. Видимо, было запечатано в конверт, который не сохранился.

10. Письмо от 15 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Собрался вновь черкнуть тебе несколько строк. Конечно, больших изменений в моей жизни за последнее время не произошло. Все еще нахожусь в дороге. Вероятно, сейчас в нашей переписке насту-

пает небольшой перерыв, ибо я через несколько часов буду уже за границей, следовательно, пока не наладятся воинские отправки корреспонденции, писать тебе, очевидно, не смогу. Конечно, быть может, это и быстро наладится. Ты, разумеется, мне пиши, твои письма меня разыщут. Адрес мой, разумеется, не изменился. Впечатлений от дороги за последние дни много осталось. Удалось ознакомиться с одним из больших и красивых городов, побывал на концерте и пр. Подробнее напишу, когда приеду на место, пока приходится писать на коротких остановках.

Страшно хочу знать, как ты живешь, что у вас нового. Ничего, придет время – узнаю, письма твои получу. Ну пока и все. Сердечный привет всем родным и друзьям. Крепко целую. Твой Владимир. Город Самбор.

15/II-45 г.

Письмо на стандартном бланке «Смерть немецким оккупантам», на обратной стороне «Гимн Советского союза». Адрес отправителя: Самбор (проездом). Злобин В.С.

11. Письмо от 24 февраля 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Давно я не имею от тебя писем и, видимо, еще некоторое время не буду получать. Разумеется, это ни в коей мере не зависит от тебя. Я уверен, что письма мне ты пишешь аккуратно и с такими же интервалами, как и ранее. Из моего последнего письма ты должна знать, что и я некоторое время был лишен возможности написать тебе, вернее, написать бы я мог, но отправить письмо было невозможно. Сейчас все это кончилось, и с этого числа в нашей переписке не будет никаких перерывов, все утряслось. За последнее время в моей жизни произошло очень много изменений.

Путешествовать мне пришлось долго, и после этого мои странствия не прекращаются по сей день. Впечатлений, совершенно новых, очень много. В общем, позднее все тебе расскажу. Все думаю, какое большое расстояние отделяет нас с тобой друг от друга! Только представь себе это! Никогда я не думал раньше, что буду так далеко от тебя находиться, да еще в чужой стране. Но факт остается фактом. Пришлось побывать везде за период войны. Надеюсь, еще

побывать в Берлине, а после этого приехать к тебе и рассказать обо всех странствиях и приключениях.

Как ты живешь, что у тебя нового? Как себя чувствует Валерик? Ты мне пиши подробнее о вашей жизни, меня ведь интересуют все подробности вашей жизни. Все, до мельчайших подробностей, вспоминаю счастливые дни, проведенные вместе с тобой. Как все же удачно сложились тогда обстоятельства, что я сумел повидаться со всеми вами! Какие изменения в вашей жизни за это время произошли? Конечно, я думаю, что все обстоит хорошо, так как я видел и знал.

Я живу хорошо, здоров, условия моей службы прежние, в этом отношении никаких изменений нет. Жизнь за последний период времени веду кочевую — каждый день на новом месте. Погода в последнее время неважная — идут дожди, все заполнено жизнью, скоро уже настоящая весна будет, дело идет снова к теплу. Нишу тебе это письмо, сидя в маленькой теплой комнатке. На койке сладко спит Годин (мы с ним вместе все обитаемся), за окном ветер и дождь, который сегодня меня не мочит. Завтра снова идем вперед и будем идти, пока последний немец не бросит оружие или не будет уничтожен.

Ну, пока, пожалуй, и все. Да, между прочим, недавно получил письмо от Кости. Он сейчас находится в Польше (везде наши хлопцы есть). Он просил передать тебе свой сердечный привет и что с нетерпением ждет от тебя письма.

Итак, кончаю. Большой привет маме, Нине, Димке, Жоре и всем твоим друзьям. Тебе шлют привет Годин и Казиев. Пиши!

Крепко тебя целую и обнимаю. Поцелуй за меня Валерика. Твой Владимир.

24 февраля 1945 г.

P.S. Извини, что прожег папиросой письмо, нечаянно. Пиши скорей.

Письмо написано на белой линованной бумаге. Видимо, он уже находится на месте дислокации части, вероятно, в Польше или Чехословакии. Работа, видимо, связана с разъездами.

Март 1945 г.

1. Письмо от 1 марта 1945 года.

Здравствуй, родная моя!

Вновь собрался написать очередную весточку. Побеседовать с тобой, хотя бы на бумаге, – для меня большая необходимость, и я думаю, что и ты будешь рада, получив лишнее письмо от меня.

Ты не представляешь, как я жду твоих писем, как мне их сейчас не хватает. Но пока этих долгожданных писем нет, ничего не поделаешь, в этом мы с тобой не виноваты. Я утешаю себя мыслями, что через несколько дней получу одновременно несколько твоих писем и узнаю из них о твоей жизни и обо всем новом, что у вас есть. Я все вспоминаю в мельчайших подробностях те счастливые дни, которые мы с тобой провели вместе. Сколько счастья мне они доставили! Как-то даже не верится, что это все было и притом недавно. Сейчас меня утешает мысль, что недолго нам с тобой осталось ждать до новой встречи, когда уж навсегда мы будем вместе. Впереди у нас с тобой будет много радостных дней, много счастья, и это мы с тобой заслужили.

Как ты живешь? Какие успехи делает Валерик? Он, по-моему, очень развитый мальчик и, конечно, каждый день узнает много нового. Наверное, он сейчас опять производит «ремонт» электрооборудования и т.д.

Пиши мне подробнее обо всем, знаешь ведь, как меня интересует каждая деталь вашей жизни.

О себе мне пока много писать нечего. Живу хорошо, все так, как было. Будет что новое – сообщу в пределах возможного. Пока и все. Сердечный привет маме, Нине, Димке, Наде, Жорке и всем твоим коллегам (которых я уважаю за их заботу о тебе). Пиши мне чаще. Крепко целую и обнимаю всех вас с Валеркой. Твой Владимир.

1 марта 1945 г.

P.S. Чуть не забыл: разрешите поздравить всех вас с вашим праздником – 8 марта!

Письмо написано на большом неподвижном розоватом листе бумаги (A4 формата), синими чернилами. Никаких подробностей о месте нахождения, достаточно «спокойное». Воспоминания о встрече.

2. Письмо от 4 марта 1945 года.

Здравствуй, дорогая Шура!

Снова пишу тебе, воспользовавшись случаем. Много уж писем я тебе отправил, не получив пока ни одного от тебя. Сейчас, конечно, осталось переждать еще несколько дней до получения твоих писем, которые я так давно ожидаю. Не думал я, что наша переписка с тобой так надолго прервется. Конечно, трудно все предвидеть вперед. Очень хочется знать, как ты живешь, как твое здоровье и что вообще у вас нового. Сегодня я видел во сне, что был у вас, благо, обстановку вашей жизни знаю хорошо, поэтому сон был весьма похож на действительность. Но все это пока сон. Правда, по сравнению с тем временем, которое мы с тобой прожили в разлуке, сейчас уже до окончательной встречи осталось очень немного. В ближайшие дни напишу тебе вновь.

В моей жизни пока больших изменений нет, все обстоит по-старому. Изменяется только место, каждый день оно новое. Писем ни от кого не получаю. Только Костя прислал недавно весточку – он где-то в Чехословакии воюет.

Прошу тебя писать мне чаще, я, безусловно, перед тобой в долгу не останусь – и хотя бы несколько строк, но всегда отвечу. Как живет Валерик? Вспоминает ли он хотя бы изредка меня или забыл совершенно? Пока все. Привет всем. Крепко тебя целую.

Твой Владимир.

4/III-45 г.

Письмо написано на большом нелинованном розоватом листе бумаги (A4 формата), черными чернилами. Никаких подробностей о месте нахождения, тон несколько напряженный. Воспоминания о встрече. Сообщает о Косте, который воюет в Чехословакии, значит, В.С. находится в другой стране.

3. Письмо от 16 марта 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Снова собрался черкнуть тебе пару строк о себе, считая, что нельзя долго не подавать о себе вести. Все еще не получил ни одного твоего письма, не знаю, когда уж наконец наша переписка восстановится. Не представляешь себе, как хочу знать о вас, хотя бы самое основное. Все же надеюсь, что скоро письма твои будут прибывать.

О себе много писать пока нечего, да и условия не позволяют. Скажу лишь, что по-прежнему воюю, пока все обстоит благополучно. Нахожусь я очень далеко от тебя, так далеко, что и представить трудно.

Прошу тебя подробнее писать мне о том, как вы все живете. Я буду стараться писать тебе более или менее часто, считаю, что ты будешь держать в курсе моей жизни и всех остальных. Что у тебя нового и как ваше здоровье? Наверное, у тебя много различных дел накопилось, и наверное, ты крутишься, как в колесе. А Валерик каких успехов добился за это время? Вспоминает ли он, каким-либо образом, хоть изредка меня? Что тебе пишут из дома? Я получаю письма только от Кости. Он пишет, что участвует в серьезных боях, но бодрости, как всегда, не теряет.

Пожалуй, пока и все. Извини за краткость. Передай сердечный привет маме, Нине, Димке и всем твоим друзьям. Пиши, родная, чаще. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерика.

Твой Владимир.

16/III-45 г.

Письмо на розоватой бумаге, как и два предыдущих, но только на половине листа, видимо, для экономии. Написано карандашом и крупными буквами особенно в конце, возможно, в спешке. Видимо, идут и боевые действия. Сообщает, что по-прежнему воюет, но все обстоит благополучно.

4. Письмо от 20 марта 1945 года.

Здравствуй, дорогая моя!

Вчера, наконец, я получил от тебя одновременно целых шесть писем! Прямо скажу, не было, не было, но зато сразу появилось известие о тебе, Валерке. С твоими письмами я получил 2 письма от отца и письмо от мамаши. Так, что мне хватило читать их на целый вечер и мое настроение, конечно, самое замечательное, правда, все дело портила одна вещь, но об этом нельзя.

Я очень рад, что все вы живете хорошо и без особых изменений. С большим вниманием прочел твое подробное описание всех успехов Валерки и все его занятия. Вижу, что он стал большим забиякой и выдумщиком. Очень я смеялся над описанием, как он разыскивал меня. Видимо, немного он все же обо мне помнит. Это, разумеется, меня весьма радует. Ты мне пиши и впредь подробно о его нравах и привычках. Очень рад и тому, что у тебя лично никаких изменений нет, а самое главное, что ты здорова и, если правда, что вы с Валеркой начинаете вообще поправляться, то это уж совсем замечательно. Плохо, видимо, обстоит у тебя вопрос с дровами, тебе приходится

много возиться с ними, а результатов, как видно, мало. Жаль, что ничем не могу тебе в этом помочь.

Вчера я оформил аттестат на твое имя, на сумму 550 руб. Так что деньги будешь получать тем же путем. Получишь извещение о получении его военкоматом, напиши.

Из твоих писем вижу, что ты не получила часть моих весточек, но думаю, что все же рано или поздно ты получишь их все, почта не всегда соблюдает аккуратность, тем более, что сейчас, благодаря очень огромному расстоянию, которое нас с тобой отделяет, письма идут очень медленно (между прочим, последнее твое письмо я получил, датированное 25 февраля).

Представь себе, что эта история с К.Н. до сих пор не окончилась. Вчера я получил письмо от отца, которое он писал мне по адресу Грязовца. Это письмо К.Н. получила после нашего отъезда, вложила в конверт, написала мой адрес (узнаю «услугу» Л.) и там же была записка от нее, что я еще, кроме того, что отдал ей перед отъездом 200 р., якобы должен выслать ей еще 400!

Действительно, аппетит у нее самый разнужданный. Она пишет, что в противном случае будет писать на имя К-ра и отца. Знаешь, я, во-первых, сильно удивлен и возмущен ее провокациями (иначе это нельзя назвать), а во-вторых не могу понять, как могут низко упасть некоторые людишки. Ну ладно, мне все это надоело! Конечно, я ничего не собираюсь больше пересылать, ибо я никогда не думал, что за проживание в течение каких-то 20 дней придется платить такие сумасшедшие суммы.

В общем, пусть она успокоится на этом, а ее пустых угроз я не боюсь, я ничего нечестного не сделал, и моя совесть чиста. Так что видишь сама, какие уроки дает жизнь!

Ну, хватит об этом.

В моей жизни больших изменений нет, все также. Мазур у нас уехал учиться в Ташкент, так что твой привет пока передать не могу. Я живу по-прежнему, здоров и бодр, как всегда.

Через несколько дней знаменательная дата в моей жизни – очередной юбилей. Сколько уж этих юбилеев было! Действительно, скоро и совсем состаришься и не заметишь как. Ничего не поделаешь!

Пока на этом и закончу. Пиши мне, родная, чаще. Передай мой сердечный привет Маме, Нине, Димке, Надежде, Жорке. (К слову

сказать, я забыл его адрес, он ведь был записан в моей записной книжке). Желаю тебе успехов, а самое главное – здоровья. Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку.

Твой Владимир.

20 марта 1945 года.

Письмо написано на голубой бумаге на двух тетрадных листах после получения нескольких писем из Архангельска от супруги Александры Ивановны (Шуры). Письмо обстоятельное. Вспоминает какие-то острые проблемы с оплатой пребывания в течение 20 дней на квартире в Грязовце. Из письма: «вчера, наконец, я получил от тебя одновременно целых шесть писем! Прямо скажу, не было, не было, но зато сразу появилось известие о тебе, Валерке. С твоими письмами я получил 2 письма от отца и письмо от мамаши. Так, что мне хватило читать их на целый вечер и мое настроение, конечно, самое замечательное, правда все дело портила одна вещь, но об этом нельзя». Что он имел в виду – навсегда осталось тайной.

5. Письмо от 23 марта 1945 года.

Здравствуй, моя дорогая Шура!

Решил написать тебе пару строк, думаю, что ты не будешь возражать. Я уже писал тебе, что получил одновременно несколько твоих писем и надеюсь, что сейчас наша с тобой переписка вновь наладится. Очень хочу видеть тебя, быть снова с тобой, но пока все это лишь мечты и желания. Ничего, мы с тобой дольше ждали и умеем ждать, это доказано, а теперь ждать уж недолго осталось.

Я живу хорошо, немного, правда, нездоровится, видимо, простудился, но это чепуха. Погода здесь сейчас теплая, совершенная весна, а как у вас? Что поделывает Валерик? Наверно опять что-либо изобретает. Очень уж он сообразительный мальчик. Посылаю ему открытку, ему открытки нравятся, пусть посмотрит. Постараюсь как-нибудь более существенного что-либо ему послать, но это дело будущего. Пиши, как живешь, что у вас нового и как здоровье? Твои письма я жду с большим нетерпением. Сердечный привет маме, Нине, Димке и твоим коллегам. Пиши чаще!

Крепко целую и обнимаю тебя и Валерку. Твой Владимир.

23/III-45 г.

Это письмо написано на одной стороне тетрадного листа розоватой бумаги черными чернилами. Сообщает, что болен. Возможно, с этим связана и краткость письма, хотя пишет, что «это чепуха». Почерк ровный, правда, в начале письма перо обмакнуло в чернила слишком сильно и буквы расплылись.

До очередного дня рождения Владимиру Степановичу оставалось всего 5 дней. Ему бы исполнилось 32 года.

Это было последнее письмо Владимира Степановича, которое получила Александра Ивановна, его жена Шура. А 12 апреля 1945 г. она получила официальное извещение, которое изменило все, о чем они мечтали.

Их переписка оборвалась – вместе с жизнью Владимира Степановича.

4. ПИСЬМА СЫНА К МАТЕРИ С ВОЙНЫ: «ЗДРАВСТВУЙ, МАМА!..»

К сожалению, не все письма, написанные Владимиром Степановичем родственникам – маме и сестре Нине, сохранились. Вероятно, они были: письма из учебного лагеря под Архангельском, письма об отправке на фронт, письма о первых кровопролитных боях на Карельском фронте, о тяжелых боях за Тихвин. Они, видимо, начинались так: «Здравствуй, мама! Сегодня получил я от вас письмо...». Возможно, они были похожи на те, что сохранились у его любимой жены – «дорогой Шуры». Всего их оказалось 65.

Владимир Степанович принимал активное участие в решении семейных проблем в Архангельске, которые не всегда были для него понятны. Он давал советы и старался уладить острые внутрисемейные проблемы, которых в то время у них было много.

Сохранившиеся письма Владимира Степановича к матери и родной сестре Нине мы решили опубликовать отдельно: они касались проблем жизни учительницы, которой нужно было выживать в тех непростых условиях войны, и молодой сестры Нины, которая еще только выбирала свой жизненный путь.

Мама Владимира Злобина, **Лидия Александровна Пустохина**, – учительница истории. Родилась 17 марта 1892 года в старинном русском городе – Великом Устюге, который расположен на берегу реки Сухона, притоке Северной Двины, в семье мещанина, православного вероисповедования. В 1899 году она поступила в первый класс Великоустюгской женской гимназии, где дополнительно обучалась также чистописанию и рукоделию. Вела себя отлично и после окончания начальных классов была переведена в высшие классы гимназии 1, 2, 3 и 4-й ступени, которые окончила в 1909 году.

Учились на хорошо и отлично (средний балл 4.28). В 1910 году было выдано удостоверение-аттестат об окончании Великоустюгской женской гимназии. После ее окончания работала учительницей начальных классов в сельской местности. После Октябрьской революции 17-го года вступила в компартию большевиков (ВКПб).

После развода с мужем переехала в Архангельск. В 1933 году поступила и 1938 году окончила Архангельский педагогический институт, после чего ей было присвоено звание учителя средней школы (преподаватель истории).

Преподавала историю в 10-й средней школе г. Архангельска. В 1939 году назначена исполняющей обязанности директора 10-й средней школы Октябрьского района. В 1939 году, со слов родственников, «была арестована (по доносу) за то, что по злому умыслу или недосмотру приняла на работу в школу учителя немецкой национальности – немца. Была за этот проступок лишена всего как «враг народа».

Во время войны, как репрессированная, она не могла найти постоянное место работы: периодически работала в 10-й школе преподавателем истории, была даже начальником отдела местного радиовещания, преподавателем в профилактории-интернате, преподавателем 23-й школы, преподавателем школы рабочей молодежи, преподавателем истории в электротехникуме связи, в 1943 году перешла на работу в мореходный техникум преподавателем. В 1947 году освобождена от работы по болезни и без пенсии.

Несмотря на репрессии, опять же со слов родственников, когда умер в 1953 году И.В. Сталин, бабушка (Л.А.) плакала. Только в 1955 г. она была реабилитирована по настойчивым письмам в различные инстанции ее дочери Нины Степановны, выпускницы АЛТИ. После этого мама была восстановлена в правах и стала получать пенсию 35 руб. Лидия Александровна скончалась в 1977 году в городе Иваново, куда после войны переехала вся ее семья. Там же, в Иваново, продолжали жить и другие родственники В.С. Злобина. Нина Степановна Злобина работала в органах МВД, а ее сын Дима, которому Владимир Степанович с фронта также передавал приветы, окончил школу и поступил в Ивановский энергетический институт.

Дмитрий Николаевич Таланов в 1965 г. с отличием окончил учебу в Ивановском энергетическом институте на кафедре автоматизации

технологических процессов и производств и в 1967 г. стал ассистентом этой кафедры, а с 1968 г. – старшим преподавателем, а затем доцентом этой кафедры, там же написал диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Затем ему было присвоено звание профессора, а с 1994 г. он стал заведующим этой кафедрой. В настоящее время на пенсии. Его дело продолжают сыновья, которые работают в городе Иваново.

4.1. Письмо 1941 года

Здравствуй, мама!

Решил написать тебе пару строк о своей жизни, дабы не оставаться в долгу перед тобой, так как я получил от тебя письмо. Ты, вероятно, знаешь из моего письма Шуре, которое я писал 12.12, что наша часть в настоящее время несет гарнизонную службу «в освобожденном Тихвине» (зачеркнуто цензурой, но можно прочесть), который освобожден от хозяйствичанья немцев. Мы принимали весьма активное участие в этой операции и благодаря этому мы сейчас здесь. Вот уже целую неделю мы живем спокойно, не слыша разрывов снарядов и мин и даже стрельбы. Враг очень быстро удирает, так что за ним не угонишься. Это очень хорошо. Наши части не дают ему обогреваться и гонят фашистских бандитов с нашей земли. В общем, эти «непобедимые вояки» показывают недюжинные способности в беге от красноармейского штыка.

Я лично чувствую себя хорошо. Совершенно здоров. Частенько получаю от всех родных письма, но теперь, видимо, некоторый период времени не буду получать, ибо наша полевая станция быстро движется вперед за нашими частями, и наш почтальон не знает, как добраться до места ее расположения. Но это не беда, все равно получу все ваши письма рано или поздно.

Ну а как живете вы, и как идет твоя работа? Что нового в школе? В общем, напиши мне все по этому вопросу. Я недавно получил письмо от Н. Броновицкой и Ж. Едовиной. Спасибо девушкам, что не забыли своего учителя. Передай им большую благодарность от меня и наилучшие пожелания. Ответ я им направил сразу же.

Как у вас с хозяйственными делами? Шура писала, что неважно с дровами. Как сейчас? Как здоровье всех вас? В общем, жду ваших писем. Адрес пока тот же. Привет всем друзьям и знакомым. Крепко всех целую.

Твой «Высы» 17.12.1941 г.

Наверное, Вы получите это письмо перед новым годом. Поздравляю всех с Новым годом!

Письмо на пожелтевшем листке бумаги, написано темно-синими чернилами. Сокращение «Высы», возможно, расшифровывается как «Ваш сын».

4.2. Письма 1942 года

Здравствуй, мама! Сегодня собрался написать тебе письмо. Открытку твою я получил. Вижу, что живете вы хорошо, и это меня очень радует. Как идут твои дела в школе, и что нового есть у вас? О себе скажу, что я жив и здоров. Нахожусь в данный момент не на передовой линии, а недалеко от нее, так как наша часть находится пока в резерве. В любую минуту готовы выдвинуться вперед и вступить в бой с белофинской сволочью. Вот, пожалуй, и все. Когда приеду, подробно все расскажу обо всем! Довольно продолжительное время

я не получал от вас писем и очень беспокоился, но наконец получил от всех вас известия. Я написал всем по письму. А получила ли ты письмо от меня из Тихвина? Я писал тебе оттуда. Как Вы живете? Особенно меня беспокоит состояние здоровья всех вас. Как Валерка себя чувствует? В общем, жду, что получу письма от всех. Передай большой привет и самые наилучшие пожелания учителям 3-й школы, которые, как мне сообщила Нина, не забыли обо мне и даже какую-то посылку приготовили. В общем, поблагодари их.

Пока закончу. Жду писем. Целую всех. Владимир.

22 января 1942 г.

Письмо написано на желтом листке бумаги, карандашом.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо от 12.01 и сразу же, не откладывая дел в долгий ящик, решил ответить. Ты мне сообщила много нового и напрасно сделала заключение, что читать надоест. Ведь ты знаешь, что каждое письмо из дома доставляет мне много радости, так как я всегда беспокоюсь за ваше житье.

Хорошо, что все обстоит благополучно у вас, правда в полученном письме от Шуры я с удивлением узнал, что ты куда-то переехала. Это известие было очень неожиданно для меня. В твоем письме нет ни слова об этом. Чем это вызвано? Или на вас нажали, или это еще по какой-либо причине. Я не хочу допускать мысли, что это сделано по той причине, что вы опять что-то «не поделили» и рассорились. Если это так, то очень плохо. Я всегда говорил, что нужно жить дружным коллективом, особенно сейчас. Из ваших писем я видел, что вы все дружно живете в полном согласии, и вдруг такое дело. Очень прошу написать подробнее: чем это вызвано, куда ты переехала, и как сейчас вы все устроились. В общем, я порядком расстроился из-за этого случая.

Получила ли ты мои письма? Я тебе писал, и ты должна их получить.

Значит, скоро ты будешь отмечать свой юбилей... Жаль, что я не буду с вами.

Вообще время идет, и все люди растут и старятся. Ведь и я стал уже далеко не молодым человеком. Ничего не сделаешь.

О себе, пожалуй, писать много нечего. Живу хорошо, жив, здоров. Вот, пожалуй, и все. Вот когда встретимся с вами снова, на много вечеров хватит рассказов, а в письме, пожалуй, писать трудно.

Всегда с нетерпением ожидаю почты, и бывают иногда счастливые дни, когда получаю несколько писем от родных.

Со всеми поддерживаю связь и ни одного письма не оставляю без ответа. Не знаю куда адресовать это письмо, напишу по адресу работы.

Пока закончу. С нетерпением жду писем от вас всех. Пиши!

Привет всем учителям и учащимся 9 – 10 кл.

Целую! Владимир.

9 февраля 1942 г.

Здравствуй мама! Вчера получил твое письмо. Из него узнал много интересных вещей. Спасибо за подробную информацию. Особенно я рад за вас, что все дружно живете с Шурой, и что я ошибся в оценке факта переезда тебя на новое место. В общем, вы молодцы. Я прошу тебя помочь своими советами Шуре; у них положение сейчас осложнилось. Надеюсь, что так ты и будешь делать и что вы будете дружны все время. Это доказывает мне, что вы не забыли мой наказ.

С удовольствием прочитал я обо всех школьных новостях, твои меткие замечания насчет директоров. С этими выводами я вполне согласен. Скоро наступит твой юбилей, а вместе с тем и мой. Правда, в этом году мы его не сможем встретить все вместе. Ну что ж, ничего не поделаешь. Нужно думать о самом главном – окончательном разгроме фашистских собак.

Тебя интересовали вопросы, связанные с моей жизнью. Могу тебе сообщить, что я участвую в общественной жизни своего подразделения. Я являюсь председателем товарищеского суда, редактором «Боевого листка» и агитатором. Могу порадовать тебя, что на днях меня приняли в кандидаты ВКП(б). Правда, еще не утвердила вышестоящая парторганизация, но я надеюсь, что утвердят. В общем, ты видишь, что в моей жизни это не маловажное событие. В остальном я

живу все также, и каких-либо особых перемен нет. Всегда бываю рад получить от вас письмо и стараюсь сразу же отвечать всем вам. От папаши я получил недавно письмо, которое очень меня растрогало, правда, в этом письме он высказал мне большую свою обиду на меня, о чем ты уже знаешь. Я, как мог, постарался ему высказать свои искренние намерения и свою глубокую признательность за все заботы обо мне. В последнем письме он писал мне, что купил для меня часы. В общем, я очень ему благодарен. Как живет Нина? Часто ли она бывает в Архангельске? Я получил от нее несколько дней тому назад 2 открытки, но там очень мало пишется о ее жизни. Жду от нее письма, о котором она мне сообщит. Передай ей мой горячий братский привет.

Пока закончу. Привет всем знакомым.

6 марта 1942 г. Твой Владимир.

Письмо написано на линованном листке из конторской книги.

Здравствуй, мама! Вчера вечером я получил от тебя письмо. Спасибо за все, что ты в нем сообщила. Я уже узнал из предыдущих писем причину твоего переезда в 10-ю школу и успокоился. В твоем письме это еще раз подтверждено (наверное, ошибку сделал). Значит, Валерик остается пока на своем месте. Я, признаться, тоже почти доволен этим, хотя, быть может, в некотором отношении и хуже. Значит, вы с Шурой как-либо подберите нового человека вместо Ю.И., и тогда, я думаю, все устроится хорошо. Я считаю, что это можно сделать. В общем, конечно, вам виднее, что сделать. Как решите, так и хорошо. Постарайтесь этот вопрос обсудить со всех сторон, чтобы не ошибиться.

Что-то давненько я ничего не получал от Нины. Как она живет, и какие планы на будущее? Что ей пишут друзья? Хотелось бы мне быть вместе с вами всеми к 28 марта, ведь этот день мы всегда отмечали. Но в этом году, очевидно, этого не будет — Гитлер, собака. все перепутал. Ничего, скоро до него доберемся. Время идет вперед. Сейчас ведь уже недалеко до конца учебного года. Интересно, как пойдут испытания.

В общем, я надеюсь, что ты меня информируешь по всем вопросам школьной жизни, я ведь в этом году нахожусь в другой обста-

новке. Вчера вместе с твоим письмом я получил письмо от папы. Он мне всегда пишет хорошие, теплые письма. В общем, я ему очень благодарен за все. Шура мне писала в последнем письме (с неделю тому назад), что давно не получала от меня писем. Я думаю, что сейчас она получила. Ведь я всем вам писал много писем, и ни одного письма без ответа не оставляю.

Ты живешь, значит, в бывшей моей комнате. А куда уехала Рита? Или она совсем выехала из Архангельска? Навещают ли тебя твои друзья и в их числе постоянные соперники? Я часто вспоминаю бывшие сборища и не могу без улыбки вспоминать, как они друг друга подъегоривали (опять слово-то какое!).

Я живу пока без каких-либо перемен. В предыдущем письме я тебе сообщал новость о себе. Больше ничего нет. Работы у меня прибавилось, в связи с этим. Здоров как никогда. В общем, выражаясь словами забытой песни: «Я по-прежнему такой же нежный...»

Попрошу тебя, узнай, получили ли Н. Броновицкая и Ж. Едовина мой ответ на их письма, который каждой я направил еще в начале декабря? Быть может, они его не получили, тогда я им снова напишу. Получил недавно письмо от В. Плотникова. В общем, я очень доволен, что меня не забыли мои бывшие воспитанники. Я ему тоже ответил.

Кончую тебе это письмо 18/VII. Вечером вчера вызывали меня на Д.П.К. и утвердили кандидатом ВКП(б). Вот и все. Пока кончу. Привет всем. Пиши! «Высы».

18 марта 1942 г.

Письмо на красном (покрасневшем от времени?) линованном листке. Сокращение «Высы» – возможно, «Ваш сын».

* * *

Здравствуй, мама!

Вчера получил твое письмо от 22.03. Благодарю за теплые пожелания и вообще за все, что там было написано. Значит, вы все там живете хорошо и дружно. Это меня очень радует. Я уж прошу тебя и впредь жить так же и оказывать помощь и содействие Шуре с Валериком. Я написал ей, чтобы она не отправляла Валерку никуда, а как-либо до лета продержалась, а летом поместила бы его в детсад. Только я предупреждаю вас, что заявление о приеме его в детсад подавайте забла-

говременно, а то смотрите – момент упустите и опять останетесь так. Ты уж помоги через РОНО это оформить. Быть может, там еще кто-либо помнит меня. Очень доволен я, что, наконец, вопрос с квартирой урегулировался. Это очень хорошо. Значит, наша Нина находится в зените. Рад за нее. Я как-то писал ей насчет всяких дел и, между прочим, требовал только одного – без меня ни в коем случае не выходить замуж, ибо я, безусловно, рассчитываю быть в числе участников данного торжества. Она заверила меня, что так и сделает. Буду надеяться, что не обманет. Пишешь ты, что Ж. Губенко уже не работает в 10-й школе. Неужели у него неважно дела шли, и он не понравился ученикам? Я думал, что он все же будет вполне на своем месте, судя по отзывам и его словам. В общем, он парень простой и неглупый. Не знаю, в чем дело. Ну, если будет заниматься Б.А. Кузнецовым, то этот покажет ребятам, что значит знаток своего дела.

Предай от меня большой привет учащимся 10-го кл. и вообще всем, кто меня помнит. Я недавно получил письмо от В. Плотникова и был очень рад успехам его и всех бывших моих воспитанников. Все же ведь этих ребят знаю очень хорошо и был с ними вместе несколько лет. Я очень скучаю по школе и по своей бывшей деятельности. Но ничего, надеюсь, что еще поработаю, обогащенный новым опытом и получив новые знания. В общем, надо считать, что недалек тот день окончательной победы над извергами – фашистами, и тогда мы все будем снова мирными людьми и будем снова трудиться на благо нашей Родины.

О себе мне много писать нечего. Все идет по-старому. Я писал тебе обо всем. Кроме того, писал Нине и Шуре, и ты от них можешь узнать.

28.03.42 г. (день-то какой!) я получил кандидатскую карточку. Таким образом, я теперь стал коммунистом. Это самая большая новость из моей жизни. Большое спасибо всем вам, что регулярно пишите мне, и я всегда бываю рад, получив от вас письмо.

Ну, пока на этом закончу. Пиши по адресу: ППС № 617, 1061 стр. полк, штаб полка. Привет всем! Желаю успешно закончить учебный год! Крепко целую!

Твой Владимир.

9 апреля 1942 г.

Письмо написано на листке из конторской книги.

Здравствуй, славная Нинуха!

Сегодня получил твое письмо. Спасибо, что ты недолго гневалась на меня и все же решила мне написать. Ты ведь не знаешь, какую радость доставляют мне письма от вас, близких и дорогих для меня людей, которых я всех люблю. Поэтому пиши чаще. Я, конечно, не всегда имею возможность ответить всем вам, но стараюсь кому-либо написать, думаю, что вы друг друга информируете. Я рад твоим успехам в работе. В общественной деятельности и, конечно, в любви. Это все хорошо.

Получил я сегодня маленькую фотографию, где мы все вместе запечатлены, и она заставила меня многое вспомнить и... Очень печально, что у Жени в семье случилось такое несчастье. Напиши ему от моего имени дружеское сожаление. Писем от него я не получил. Я писал Шуре, что мы сейчас снова в боевой обстановке. Я потерял многих друзей, но ничего не поделаешь, война – веъцъ жестокая и требует жертв. Я лично жив и здоров, много работаю, иначе, разумеется, и быть не может. Время идет быстро. Уже весна наступает. Снег даже в лесу почти отсутствует.

Интересно, получила ли Шура мою маленькую и неважную фотографию? Я ей писал. Пиши мне, как ты живешь и как проводишь время. Поздравляю тебя и всех остальных с праздником 1 Мая и желаю хорошо его провести. На этом и закончу. Пиши чаще! Привет всем!

Твой Владимир.

29 апреля 1942 г.

Письмо на белой нелинованной бумаге.

Здравствуй, Нинуха!

Получил два дня тому назад твое письмо. Ответить нашел время только сегодня. Итак, уже боюсь, что ты успела разгневаться на меня за долгое молчание. Правда, я писал тебе дней 10 тому назад. Надеюсь, что ты получила это письмо. Разреши тебя поздравить от души в связи с приемом тебя в партию. Я ведь здесь говорю о том, какая у меня хорошая сестра. В общем, я рад твоим успехам. Как в

этом году ты и вообще все вы провели 1 Мая? Наверное, не так, как это мы практиковали в прошлом, но я думаю, что неплохо. Условия, правда, в этом году были иными.

Все в этом проклятый Гитлер виноват. Но ничего, он за все расчитается. Недолго уже осталось ему ожидать расплаты за все черные дела. Вот когда человечество избавится от коричневой чумы, и на всем мире наступит мир. Ты знаешь, с каким воодушевлением в части нашей Красной армии был встречен приказ № 130 т. Сталина? В общем, это замечательный документ!

Мы 1 Мая отметили неплохо. Был киносеанс, состоялась самодеятельность бойцов под аккомпанированием баяна, гитары и даже скрипки. Иногда, правда, аккомодировали другие «инструменты», не музыкальные. Мы получили подарки от Вологодских рабочих. В общем, как видишь, 1 Мая мы отметили.

Ты мне написала о некоторых серьезных изменениях дома. Я ведь ничего не знал до твоего письма. Почему-то от Шуры и мамы я давно ничего не получал, так что твои сообщения были для меня неожиданными. Как сейчас Шура устроила свои дела? Ей ведь сейчас будет очень трудно. Жду с нетерпением от нее письма. Как-нибудь Валерка будет устроен? В общем, я очень беспокоюсь за все это. Вещь не совсем хорошая. Прошу тебя информировать меня обо всех этих вещах. Главное, надо как-то помочь Шуре в устройстве всех дел. Я надеюсь, что ты и мамаша сделаете в этом отношении все, что в ваших силах.

О себе, пожалуй, много писать нечего. Особых изменений в моей жизни нет. Как-нибудь уж я вам все расскажу. Прошу вас всех писать почтой. Пожалуй, самым аккуратным корреспондентом является папа, который мне пишет часто. Я ему даже не всегда успеваю отвечать. Ну, пока закончу. Привет всем близким. Пиши, жду. Адрес старый.

Целую, Владимир.

10 мая 1942 года.

Здравствуй, мама!

Несколько дней тому назад я получил от тебя письмо, но вот с ответом немного задержался. Но считаю, что лучше поздно, чем ни-

когда. Значит, ты скоро кончаешь учебный год. Как все-таки быстро проходит время! На «дворе» уже почти лето. Погода хорошая и вообще природа не считается с войной и совершают свои закономерности. Читал я в газете, как будут проходить испытания в этом году. Вам, видимо, особенно историкам, работы во время испытаний будет меньше. Жалею, что в этом году я в стороне от жизни школы. У тебя, стало быть, накопился солидный опыт в части психологии – ты писала, что сделала для себя много выводов по части коллективов учителей в школах, где работала.

Значит, ты собираешься переехать к Нине на Мечку. Для тебя, разумеется, неплохо сменить обстановку и избавиться от предубеждения некоторых людей.

Как сейчас устроила свои дела Шура? У нее сейчас положение усложнилось. Я прошу тебя помочь ей всем, что в твоих силах! Ей ведь очень трудно будет. Как себя чувствует Валерка и как он развивается? Как мне хочется его увидеть! Прошу тебя передать от меня горячий привет выпускникам 10-й школы, пожелать им успешного окончания школы и хороший плодотворной деятельности на пользу нашей Родины. Я сбирался побывать на выпускном вечере, но, как видишь, не придется.

Получаю я очень часто письма от папы. Он в этом отношении аккуратнее всех вас и пишет мне часто. Следует всем взять с него пример.

Ну, пока на этом закончу. Жду письма. Целую!

Твой Владимир.

15 мая 1942 г.

Письмо написано на порозовевшей белой бумаге в линейку (расчерченной, но не из тетради).

Здравствуй, мама!

Вчера я получил твое письмо от 7 мая, а сегодня решил сразу же ответить. Надеюсь, что, когда ты получишь данное письмо, ты уже закончишь учебный год в школе, закроются двери классных комнат на лето, новые выпускники с аттестатами в руках устремятся по своим дорогам. В общем, все эти хорошо знакомые мне картины многое мне напоминают.

Поздравляю тебя и всех учителей с окончанием еще одного учебного года, который проходил для нашего народа в трудных условиях войны с озверелым фашизмом. Летом вам тоже придется поработать на другом поприще, для нужд нашего хозяйства и обороны.

Твое письмо я прочел с большим удовольствием. Да, чуть не забыл написать, что присланную тобой фотографию я тоже получил. Спасибо.

У меня понемногу накапливается «коллекция» фотографий моих родных. Хочется, чтобы Шура прислала мне свою фотографию, а также Нины. Правда, я из дома в прошлом году брал несколько фотографий, но в силу серьезных обстоятельств я их лишился, да и не только их, а и еще целого ряда вещей. Было это осенью прошлого года, писал вам об этом.

Меня очень беспокоит состояние Валерика, неужели ничего нельзя сделать, и чем это все объясняется? Ведь его общее развитие вполне нормальное. Не знаю, что тут может быть. Все же надеюсь, что это дело поправимое.

У вас сейчас там, вероятно, хорошие дни. Представляю Набережную, тихие воды широкой Двины, вереницы больших и маленьких пароходов! В общем, картина красавая.

Я живу хорошо. Работаю много, иначе нельзя. Как-нибудь напишу подробнее. Пока на этом кончу. Привет Шуре и Нине. Поцелуй их за меня. Конечно, не забудь и Валерика.

Твой Владимир. 20 мая 1942 г. Пиши чаще!

Письмо также на белой нелинованной бумаге.

Здравствуй, мама!

Дней 5 тому назад я получил от тебя письмо, но, как видишь, с ответом несколько задержался. Работы очень много и трудно выбрать время. Но ничего, все же я не остался у тебя в долгу. Сегодня выбрал минуту и решил тебе написать.

Ровно год тому назад фашистская банда напала на нашу Родину. Помнишь, как мы отмечали последний мой сданный экзамен в институте? Было это вечером 21 июня, а назавтра мы все узнали о начавшейся войне. Да, бешеные собаки нарушили нашу хорошую

жизнь. Но ничего – они получат по заслугам, недалек день их окончательного разгрома, и тогда мы снова будем жить и трудиться.

Ты писала мне, что учебный год закончился, был выпускной вечер, на котором выпускники, между прочим, вспоминали и меня. Знаешь, меня очень тронуло это сообщение. Я очень благодарен всем им за хорошие пожелания для меня и за то, что они не забыли меня. Поблагодари их от моего имени. Я думаю, ты их еще увидишь.

Как сейчас ты работаешь и где? Будешь ли ты переходить в Мечку? Почему мне Нина ничего не напишет? Или она решила сдержать свои обещания, не писать мне больше? Я думаю, что как-нибудь пора сменить гнев на милость.

От Шуры письма получаю регулярно. Валерка хорошо растет и развивается, и я думаю, очень хорошо, что он сейчас находится в детском коллективе.

Что нового в Архангельске? В общем, жду, что обо всем понемногу мне напишешь. Интересно, какие изменения произошли в учительских коллективах? Кто сейчас возглавляет РОНО?

О себе, пожалуй, много писать нечего. Живу я хорошо. Конечно, скучаю по вас, но ничего не сделаешь. Со встречей с вами нужно повременить.

Посланную тобой фотографию Шуры получил, но у меня такая была, а вот какой-либо посвежее – нет. Как она выглядит, и как со здоровьем? По-моему, она за своим заболеванием не следит, и все внимание переносит на Валерку.

Ну, пока и закончу. Пиши, жду письма. Адрес – тот же.

Твой Владимир.

22 июня 1942 г.

Письмо написано на линованном листке белой бумаги, не из тетради.

Здравствуй, мама!

Вчера получил несколько твоих писем после 15-дневного ожидания (никто не писал). Спасибо за это подробное письмо. Мне стало ясно, почему не пишет Шура. Как теперь ее здоровье? Я все время ей говорил, что надо следить за собой, она, как видно, этого не выполняет, ну и получилась такая вещь. Пусть она не выходит на

работу пока совершенно не поправится, а иначе может быть вещь очень серьезная. Ты мне так много написала о Валерике, что я почти представил себе все его привычки и проделки. Даже не верится, что он такой стал! Пусть растет и развивается. Правда меня, конечно, удручет мысль, что он забыл меня и я для него совсем посторонний человек, но ничего не поделаешь, думаю, что, авось, да и свыкнемся с ним, когда я вернусь.

Время идет быстро – уже июль месяц. Лето скоро пройдет. У вас снова начнется учебный год (я пишу у вас, ибо себя я, конечно, пока не причисляю к работникам школы). Где ты будешь работать в следующем учебном году? Или уже решила ехать в Мечку?

Между прочим, почему Нина ничего не пишет? Мне даже и папа жаловался в последнем письме на ее продолжительное молчание. Придется, видимо, призвать ее к порядку. Как думаешь?

Я живу по-старому. Чувствую себя хорошо, здоров. Работаю много, работа очень серьезная, я думаю, ты представляешь в общих чертах. В общем, это для меня большая политическая школа. Часто вспоминаю, как мы жили до войны и всех вас. Ничего. Мы скоро снова будем вместе и будем учить еще лучше. В этом я уверен.

Что нового в жизни школ вашего района? Где ты работаешь, или уже кончили работу? Поедешь ли куда-либо с бригадой в этом году? А может быть, даже ты получишь маленький отпуск? Правда работать вам всем нужно гораздо больше – этого требует обстановка, иначе нельзя. В общем, пиши, как вы все живете. Пока на этом закончу. Привет Шуре, Нине и, конечно, Валерику.

Целую. Твой Владимир.

2 июля 1942 г.

Письмо на красноватой линованной бумаге.

Здравствуй, Нина!

Думаю, что такая важная персона, какой ты сейчас стала, надеюсь, не обидится на такую фамильярность с моей стороны – все-таки я тебе немного сродни прихожусь. Во-первых, в строках моего письма спешу сообщить тебе, что твое письмо, наконец, дошло до меня. Признаться, срок довольно большой прошёл со времени полу-

чения моего предыдущего твоего письма (3 месяца), но это, видимо, объясняется особыми объективными причинами, которых, говоря откровенно, у тебя не было. Просто так не хотелось писать. Далее разреши поздравить тебя с большим продвижением по работе. Слов нет, тебе поручили ответственный участок работы, это значит, что тебе оказали большое доверие. Работай лучше. Я уверен, что ты, безусловно, справишься с этой работой. Представляю тебя на новом месте, тем более тот дом, где ты работаешь, мне хорошо известен. А кто тут был до твоего назначения? При мне на этом месте была Исаева. Куда ее перевели? Интересно, кто из старых работников сейчас в Райкоме? Как ты справляешься с новыми для тебя обязанностями? Во всяком случае, не падай духом, если на первых порах будут встречаться трудности, старайся их преодолевать. Главное – спокойствие и уверенность в себе.

А все-таки я на тебя начинаю сердиться, что так долго не получал от тебя ничего. И не думай, что я уже не сержусь. Ты ведь знаешь, какой я злой! Смотри, если еще раз ты также долго не будешь мне писать, я буду знать, что мне делать. Как живет Женя? Пишет ли он тебе? Передай ему от меня сердечный привет. Все-таки я всегда его уважал и уважаю (что пока не могу сказать об остальных известных мне твоих поклонниках, а о неизвестных тем более).

Вот есть у меня здесь друг Миша. О нем я тебе писал. Вот это парень хороший (но не думай, что я тебе его проектирую в список твоих ухажеров – у него и так много своих, что он до сих пор не может выбрать, на ком же, черт возьми, остановиться).

Пу, хватит ерунду писать. В общем, я думаю, ты мне будешь иногда писать о своей жизни и работе.

Я живу все также. Здоров. Чувствую себя хорошо. Письма из дома получаю часто (но не от всех). Ты все же заходи к Шуре и Валерке. Навещай их по мере возможности. А где сейчас ты живешь? Наверно, на старом месте. В общем, напиши обо всем понемножку. Пока кончу! Привет всем.

Твой Владимир.

30 июля 1942 г.

Здравствуй, мама!

Опять я дней 5 задолжал с ответом на твое письмо, которое я получил. Думаю, что ты извинишь меня, ибо трудно выбрать время для письма. Сегодня все-таки решил, хоть эту открытку написать тебе. Немного позже напишу большое письмо. Ну как, наверно, твой отпуск уже давно кончился, и ты детально готовишься к началу нового учебного года. В какой школе ты будешь работать, и какую примерно нагрузку тебе обещают? Как ты живешь и что нового у вас с Ниной? Она сейчас, следовательно, живет вместе с тобой. Работу ей доверили большую и ответственную. Молодец она! Я ей писал дня 2 тому назад письмо, думаю, что она его получила. Как сейчас живет Шура и каково ее здоровье. Разумеется, меня интересует и Валерка. Бываете ли Вы у них?

Я живу хорошо. Чувствую себя также. Хорошо. Каких-либо изменений не произошло в моей жизни. Вот, пожалуй, и все. Ниши мне. Жду письма. Привет всем. Твой Владимир.

1 августа 1942 г.

Письмо на обычной почтовой открытке с гербом. Печать «Проверено военной цензурой». Адрес отправителя: 617. Полевая почта 1061 стр. полк. штаб. Злобин Владимир Степанович. Цена открытки – 3 коп.

Адрес получателя: г. Архангельск, ул. Народная дом. № 2 (10-я школа). Пустохиной Лидии Александровне.

Здравствуй, мама!

Сегодня я получил твое письмо и, как видишь, не откладывая дела в долгий ящик, решил написать тебе ответное письмо. В твоем письме написано много интересных для меня вещей. Я благодарю тебя за то, что ты держишь меня в курсе жизни школ, где я работал в свое время. Много нового у вас. Я прошу тебя писать мне и дальше обо всем. Лето уже, можно считать, прошло, совершенно незаметно подходит осень. Скоро у вас снова наступит учебный год, снова начнутся дни интересной и очень важной работы, дни большого, кропотливого труда. Это уже второй учебный год, когда я нахожусь в стороне от своего дела. Правда, сейчас мы все решаем более важные дела.

Из твоего письма я узнал адрес О. Глебовой, вспомнил ее и добрую С.К. и решил написать им открытку – быть может, получат и черкнут мне пару строк. Да много людей сейчас раскидано по разным концам нашей страны.

Как поживает моя шибко важная сестра? Наверное, закрутилась на новой работе. Надеюсь, что не настолько, чтобы забыть обо всем. Получила ли она мое письмо? Как идут ее дела? Работа у нее серьезная, но я считаю, что она с ней вполне справится.

Шура мне писала, что у нее там опять всплывает квартирный вопрос. В случае чего вы все коллективно что-либо предпринимайте, чтобы этот вопрос устроить. Этим вы для меня сделаете большое дело. Надеюсь, что все устроится хорошо. Шура мне регулярно пишет, и я очень этим доволен.

Я со своей стороны не перед кем не останусь в долгу и на каждое письмо стараюсь отвечать. Пусть, быть может, не всегда аккуратно.

Значит, всё-таки некоторые «математики» дают тебе о себе знать. Вот что значит постоянство. Ох, и «пожулил» бы я над всеми вами по поводу всех деталей «науки страсти нежной». Ничего, доберусь я когда-нибудь до вас! Напугал?

Интересно, кто будет работать в этом году на моем месте?

Что написать тебе о своей жизни? Пожалуй, особенного ничего. Так же, как и раньше, живем мы в лесах, привыкли к этому своему положению и даже не верится, что где-то есть города, в которых живет много людей и не все ходят в серых шинелях. Каждый день проходят обычные для нас вещи, а в общем, ничего существенного. Ничего, всему свое время. Придет день, когда мы рассчитаемся полностью со всей сволочью из гитлеровского гнезда. И снова вернемся к нашей хорошей, радостной жизни. Не правда ли? А сейчас наша цель – приблизить этот день.

Ну, пожалуй, на этом закончу. Жду, что ты мне напишешь обстоятельное письмо. Привет Нине, Шуре и всем другим!

Твой Владимир.

16 августа 1942 г.

Письмо написано на линованной красной бумаге.

Здравствуй, мама!

После довольно продолжительного перерыва я получил от тебя письмо. Признаться, я начинал даже немножко сердиться на тебя. Что вы с Ниной весьма редко мне пишете. Думаю, что в дальнейшем это учитете. Следовательно, у вас много различных изменений. Прошу тебя и впредь сообщать мне обо всем. Между прочим, ты мне писала о возможном переезде Валерия. Я прошу подойти к этому вопросу серьезно и сделать все, что требуется в этом вопросе. Неужели эта проблема выдвигается серьезно? В общем, надеюсь на ваше коллективное благородство.

Ты сообщаешь в своем письме, что Гельперин вернулся к исполнению своих обязанностей. А когда он отсутствовал? Разве он был в армии, а если так, то почему так быстро вернулся? Между прочим, адрес Костерина я от тебя не получил. Какие есть о нем вести?

Относительно друзей Нины, то признаться, мне не особенно нравится ее очередной («номинально и пр.») друг. Конечно, я о нем не имею представления, но, во всяком случае, у меня существует к нему большая неприязнь. Конечно, я надеюсь, что Нина достаточно благородна.

Поблагодари У.П. Зуеву за ее привет и передай от меня ей также.

Скоро вы, все учителя, начнете новый учебный год в условиях войны. Из газетных статей я узнал о новых требованиях, которые выдвигаются перед школой. В общем, я стараюсь держать себя в курсе дел. В моей памяти хорошо сохранились воспоминания обо всей работе, которую мы проводили в последние дни перед началом учебного года. Желаю вам всем успеха в своей работе.

Между прочим, мне писал папа, что он послал к вам мои часы. Получили ли вы их, и где они находятся? Прошу их сохранить, ибо они мне очень дороги.

Часто ли бывает у вас Шура с «большим человеком»? Навещаете ли вы их? Надеюсь, что это так.

Появляется ли когда-либо на вашем горизонте второй рыцарь с пышными усами (я надеюсь, что ты понимаешь, о ком я спрашиваю)? Часто я вспоминаю как мы, бывало, собирались вместе и как весело проводили время. Да, многое изменилось в жизни всех нас,

советских людей. Ничего. Скоро все тучи, нависшие над нашей землей, разойдутся. Ни один представитель фашистской саранчи не уйдет от возмездия. Вам, историкам, предстоит большая работа по изучению этого периода – разгрома и уничтожения фашизма.

Ну ладно, пока закончу. Много всего написал, читать надоест.

Жду, что напишешь мне обо всем. Привет всем! Твой Владимир.

10 сентября 1942 г.

P.S. Я на днях послал Шуре одну не совсем удачную фотографию. Если она не покажется тебе очень страшной, то пришлю – у меня еще есть одна.

Здравствуй, мама!

Сегодня я получил, наконец, твое письмо, которое я долго ждал. Из письма я много узнал для себя нового. Прежде всего, я очень благодарен тебе за твою помощь и заботу о Валерике. Конечно, так и должно быть, но повторяю – очень благодарю. Значит, ты собираешься съездить в Устюг? Сейчас, очевидно, вы все, кроме Валерки остаетесь на своих местах. А как у вас разрешается квартирный вопрос? Я считаю, и это мое желание, чтобы вы все были вместе. Может быть, вам представится получить квартиру, конечно, с расчетом на всех вас и временно отсутствующих 2 персон. Это было бы весьма замечательно. Думаю, что это можно устроить, тем более что Райсовет вам идет на встречу. В общем, мое мнение – вам надо жить в одном месте, по очень многим причинам. Надеюсь, что вы так и сделаете и будете жить дружным спаянным коллективом. Хотел бы знать мнение всех вас по этому вопросу.

Как живет Нина, что она делает и какие у нее виды на будущее? Из твоего письма я о ней ничего не узнал. Как у вас там сейчас дела? Я считаю, что все это временное явление. В будущем, надеюсь, что вы меня поставите в известность. Где ты будешь работать?

Да у меня к тебе просьба – я послал Шуре 3 письма, все с «приложениями». Она их, вероятно, не получила ввиду отъезда. Так вот, ты их прибери. Кроме того, я ей послал перевод. Тоже, чтобы он не затерялся. Вчера я на твое имя послал открытку. Там я просил вас написать мне, а сегодня, как видишь, пишу ответ на твое письмо.

Твое письмо произвело на меня большое впечатление. В общем, вы все молодцы. Надеюсь, что и дальше будет также.

О себе много писать нечего – все обстоит по-старому. Здоров. Жду, что скоро получу от всех вас по письму. Привет родным и знакомым. Целую всех, ваш Владимир.

18 сентября 1942 г.

P.S. Посылаю вам не совсем удачную фотографию. Шуре я тоже послал.

Здравствуйте, дорогие Шура, мама и Нина!

Сегодня я решил написать вам «коллективное» письмо. Вчера получил письма от Шуры и мамы, а писать и не знаю куда, ибо у вас так квартирный вопрос, видимо, еще не разрешился. Как же все-таки вы живете, и какие у вас планы на будущее и возможности? Я писал в последнем письме мое мнение, не знаю, что думает каждая из вас. Ясно, что у всех вас есть свои личные взгляды и планы, и я хотел бы их знать. Несмотря на все это, я считаю, что лучше сделать так, как я писал, т.е. жить вместе. Неужели это нельзя? Я думаю, что ведь нет у вас каких-то неразрешимых противоречий, во всяком случае некоторый промежуток времени, по-моему, можно о всем этом забыть. Я очень бы хотел, чтобы вы все высказали мне свои взгляды. Если вы думаете, наоборот, чем я, то это хуже. Нужно сейчас как можно более внимательно относиться друг к другу. Помните, что сейчас, в эти дни, все личное должно отойти на задний план. Разве мы здесь живем личной жизнью? У нас более важная цель. Советую вам подумать обо всем этом и написать мне свое мнение по этому вопросу.

Получили ли вы все мои письма, которые я вам послал? Прошу вас писать мне чаще, я постараюсь перед вами в долгу не остаться.

Пишите, как живете, как успехи в работе и вообще обо всем. Как съездила Шура в Порозово? Наверное, эта дорога довольно утомительна. Как Валерка привыкает к новой для него обстановке? В общем, пишите, ведь для меня большая радость получить от вас весточку.

Что нового в школах? Я не совсем понял, почему некоторые историки стали работать в начальных классах.

У меня пока больших изменений в моей жизни нет. Наступила осень, листья с деревьев падают. Я настолько сбылся с этими лесами, что мне кажется, что я все время жил в лесу. Ничего — придет время, вернемся все мы к той жизни, от которой нас оторвал Гитлер, а для него постараемся приготовить хороший осиновый кол.

Как идут дела у Нины? Почему она редко мне пишет? Не иначе она на меня сердится или не хочет писать по какой-то другой причине.

Ну, пока закончу. Жду ваших писем. Напишу вам всем по индивидуальному письму, разумеется, когда получу ответ.

Целую всех вас. Владимир.

26 сентября 1942 г.

Здравствуй, Нина!

Сегодня получил твою открытку и, как видишь, сразу пишу ответ. Я рад, что у вас пока все благополучно. Надеюсь, что так будет и дальше. Приехала ли Шура и как вы устраиваетесь? Я тут на днях писал вам коллективное письмо с различными нравоучительными соображениями. Получили ли вы посланную мной карточку? Если так, то, наверное, вы меня не узнали. Правда фото неважное, но все же факт, что я сильно изменился и, увы, в худшую сторону. Ничего не сделаешь — молодые годы проходят. Однако я еще не склонен признавать себя старцем, и думаю, что еще многим молодым сумею нос утереть. Так что вы там не сомневайтесь. Как ты думаешь?

Значит, твоя работа проходит успешно. Это хорошо, хотя иначе и быть не может. У нас вся семья подобралась такая, что любая работа, которая возлагалась на любого из нас, всегда выполнялась. Каждыйправлялся со своими делами неплохо. Следовательно, здесь закономерность должна сохраняться и впредь. Одного только я желаю вам — чтобы вы все жили дружным спаянным коллективом. Ведь вместе вам гораздо легче переносить все затруднения. Главное, сохраняйте спокойствие и относитесь ко всему хладнокровно. Ко всему можно привыкнуть.

Кто у тебя из твоих друзей сейчас находится в Архангельске? Где остальные? Что тебе пишет Женя и, как бишь его, забыл, который

с тобой в Мечке работал? Не могу вспомнить его имени. Правда в этом ты, безусловно, виновата, ибо было их у тебя великое множество, а регистрационный журнал с точным учетом я оставил дома – вот и объяснил.

В общем, конечно, я знаю, что ты сейчас не теряешься. Это хорошо. Только, конечно, мне хотелось, чтобы без меня не было принятые решения, а какие, ты догадаешься, я уже об этом тебе как-то писал.

Я тут Шуре посыпал 3 письма и все с приложениями. Получили ли вы их? Не знаю, теперь куда ей и писать. По моим расчетам, она находится сейчас в дороге. Как она доедет, пусть напишет мне.

Валерка, по-моему, привыкает к новой обстановке. Шуре, конечно, будет без него скучно, но считаю, что она тоже привыкнет к этому.

Прошу тебя и всех вас писать мне чаще – это для меня очень важно. Извещаю всех вас, что у нас изменился почтовый адрес, поэтому пишите мне по адресу: ППС № 617, часть 121 – мне (больше ничего не пишите, кроме этого, иначе я письма не получу).

Итак, жду ваших писем. Владимир.

28.09.42 г.

Здравствуй, мама!

Сегодня получил твою открытку. Как видишь, с ответом я не задержался. Значит, у вас пока все благополучно. Это хорошо. Приехала ли Шура, и где она будет устраиваться. Я даже не знаю, куда ей писать. Какие перспективы у вас есть на получение квартиры? Получили ли вы все мои письма, особенно для Шуры? Как у тебя обстоит дело с работой? В общем, пиши обо всем понемногу, как ты до сих пор делала. Я живу пока без особых изменений. Сообщаю о том, что наш почтовый адрес изменился. Поэтому пишите мне по адресу: 617-я полевая почта, часть 121 – мне. Больше ничего не добавляйте, иначе письма до меня не дойдут. Прошу всех вас писать почше. Сегодня посылаю письмо и для Шуры, но не знаю, получит ли она его. Ну, пока закончу. Привет всем. Твой Владимир.

2.10.42 г.

Адрес карточки: гор. Архангельск, ул. Народная, дом № 2 (10-я школа) Пустохиной Лилии Александровне.

Почтовая карточка.

Адрес отправителя: 617-я полевая почта, часть 121. Злобин Владимир Степанович, цена открытки – 3 коп.

Здравствуй, мама!

Сегодня я решил еще раз написать тебе, хотя я писал всем вам недавно.

Обращаю ваше внимание на то, что адрес изменился, и поэтому я боюсь, что, если вы будете неверно писать адрес, ваши письма ко мне не будут попадать. Пишите точно: 617-я полевая почта (а не ППС), часть 121 – мне и больше ничего не добавляйте.

Ну, как живете? Приехала ли Шура? Я ей писал все по старому адресу. Получили все мои письма? Как у тебя идет работа? Как живет Нина?

Привет всем.

Твой Владимир.

4.10.42 г.

Почтовая карточка.

Адрес карточки: гор. Архангельск, ул. Народная, дом № 2 (10-я школа) Пустохиной Лилии Александровне.

Адрес отправителя: 617-я полевая почта, часть 121 – Злобин Владимир Степанович, цена открытки – 3 коп.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо и открытку. Спасибо, что нет-нет, да и напишишь мне. Конечно, справедливость требует отметить, что не особенно часто ты мне пишешь. Правда, если сравнивать с Ниной, то в несколько раз чаще. Ну как бы то ни было, все-таки я иногда от тебя получаю известия. Итак, скоро месяц как ты снова приступила к своей работе в школе. Нагрузка у тебя, как видно, в этом году небольшая, если кроме той, о которой ты мне пишешь, ты ничего не имеешь. Среди вашего коллектива большие изменения. Как у тебя взаимоотношения со всеми преподавателями, директором и грозным завучем? Я ведь знаю твой строптивый нрав! (конечно, пошутил –

не обижайся). Как вы обустраиваетесь на новом месте, или все еще ведете кочевую жизнь?

Интересно бы сейчас на всех вас посмотреть. Наверно, занятная картина. Думаю и надеюсь, что вас ваши хозяйственные недоразумения (правильнее затруднения) будут преодолены совместными вашими усилиями. Через несколько дней все мы будем отмечать большой праздник – 25-ю годовщину Октября. Поздравляю тебя и Нину с этим праздником, желаю здоровья, плодотворной деятельности и полного успеха в личной жизни. Могу пожелать, чтобы хвост ваших поклонников заметно вырос и т.д. Правда, быть может, ты немного иначе стала смотреть на эти вещи, но все же я знаю, что ты бодра и вообще кое-кому еще 100 очков вперед дашь! Разумеется, последнего пожелания я Шуре не писал – у нее несколько иные условия (примечание весьма существенное).

Отбросив в сторону шутки, еще раз примите мои наилучшие пожелания. Тебе, как историку, я посылаю в память этой даты открытку, на которой изображен некий небезызвестный для истории русский полководец.

Хочу, чтобы вы мне все писали почще. Нина в этом отношении совершенно недисциплинирована. Конечно, если вскрыть корни ее поведения и образа жизни, то конечно... («и кто его знает, на что намекает»). Все ясно. Ну, если ей некогда, то хотя бы в своих письмах коротенько пиши о том, как она живет. В общем, я незаметно в своем письме съехал на свою обычную манеру беззлобной шутки, на которые, я надеюсь, вы все, зная меня, не обидитесь.

Поделюсь с тобой большим событием в моей жизни – меня приняли в члены ВКП(б). В остальном никаких изменений в моей жизни нет. Живу хорошо, чего искренне желаю и вам всем.

Жду ваших писем. Между прочим, ты в адресе пишешь лишнее. Из-за этого я могу не получить твоих писем. Запомни точно адрес: 617-я полевая почта, часть 121. Ни одного лишнего слова.

Я в одном из писем посыпал тебе свою фотографию. Получила ли ты ее? Пока на этом закончу. Целую всех вас!

Твой Владимир.

25.10.42.

Здравствуй, мама!

Я был перед тобой в долгу – давно получил твоё письмо, причем весьма интересное и актуальное, но, как видишь, отвечаю только сегодня. Правда, в основном от меня это не зависело.

Попытаюсь поделиться с тобой своими мыслями по затронутым в твоем письме вопросам. Очень удачно и метко написаны тобой характеристики всех известных мне работников вашей школы. Хорошо, из твоего письма можно представить легко фигуру Виткова. Это, по-моему, мелкий человечишко с душой гнилого интеллигента, совершенно не соответствующий месту, им занимаемому. К сожалению, такие люди еще у нас не единичны и иногда встречаются.

Отчетливо представляю твои разговоры с ним, жаль, что он чувствует себя довольно уверенно, ибо окружающие все стремятся в таком случае отмалчиваться. В общем, все это интересно.

Ты, конечно, также иногда бываешь не совсем права, но в этих случаях, о которых ты писала, я бы, безусловно, поддержал тебя. Тебе нужно меньше реагировать на подобные выпады, делать свое дело, быть тверже и самое главное – не раскисать. Я очень одобряю твоё решение относительно вступления в партию. Нужно для этого работать как следует, умело использовать свой опыт и неустанно работать над собой. А на все эти дрязги не нужно обращать внимания – нужно ставить себя выше них. Я надеюсь, ты вполне меня понимаешь.

В общем, вопросы, затронутые тобой, сложные, но в этих случаях я высказал свое мнение. Как вы все живете, как здоровье? Отремонтировали ли вы неувязки в вашей общей жизни? Я надеюсь, что вы все представляете собой дружный коллектив, и у вас нет каких-то неразрешенных вопросов. Между прочим, я очень благодарен тебе за твою характеристику Шуры. Я, конечно, в ее отношении ко мне не сомневаюсь, и не имел причин к этому, надеюсь, что так и будет и в дальнейшем. Твоя оценка лишний раз еще об этом говорит. А как хочется мне снова вернуться к вам и побывать с вами хоть недолго!

Ничего, будет и на нашей улице праздник! Пиши мне, какие у вас новости. Как вы отметили 25-ю годовщину октября и 2 юбилея – Шуры и Нины? Я обеих их поздравлял с этим событием и думаю, что они не могут сделать выводы, что я забыл об этом. Конечно, они

не надеялись на мою память и обе своевременно мне написали, но я успел их опередить.

О себе пока мне много писать нечего. Чувствую себя хорошо. Наступает зима, снег кругом, мы к зиме снабжены всем необходимым, причем начиная с валенок, полуушубков и кончая бельем теплым, мы получили новое, с иголочки. Вот как обеспечивает армию тыл! Действительно, для фронта делается все.

Получили мы к празднику подарки от трудящихся Иркутской и Вологодской областей. В общем, каждый из нас чувствует огромную заботу всего Советского народа о Красной армии. Мы со своей стороны сделаем все от нас зависящее для достижения победы над врагом.

Получил я на днях хорошее письмо от группы учеников 10-го класса. Оно произвело на меня большое впечатление и у нас здесь его многие читали. Я им, безусловно, напишу ответ.

Ну, пока на этом закончу. Пиши мне обо всем понемногу. Привет всем. Целую тебя, Нину и Шуру.

Твой Владимир.

22 ноября 1942 г.

Здравствуй, мама!

Сегодня я получил твое письмо. Очень благодарю тебя за него и, как видишь, не задерживаюсь с ответом. Ты сообщила мне много интересного. У вас, значит, теперь опять новое начальство? Как себя чувствует Шехнов на новом месте? Передай ему от меня большой привет. Поздравляю тебя с интересной и полезной работой, которую ты теперь ведешь. Считаю, что ты с ней, безусловно, справишься. В общем, я очень рад и горжусь тем, что все члены нашей семьи ведут большую работу над собой и вкладывают свой скромный труд в наше общее дело, обеспечивая победу над врагом. Молодцы все вы!

Я уже писал тебе, что недавно получил письмо от учеников 10-го класса – хорошее, тёплое письмо. Я, конечно, ответил им, и вместе со мной написали письма мои 2 друга, они хотят завести с десятиклассниками переписку. Между прочим, я в последнем письме Шуре послал фотографию, на ней они изображены (т.е. это мои друзья).

Как вы отметили 25-ю годовщину Нины? Я ей посыпал свое поздравление по этому поводу, а сегодня еще напишу ей письмо. Удивляюсь, почему ты не получила моего письма. Больше на адрес школы тебе писать не буду. Скоро уже Новый год. Помнишь, как мы, бывало, его встречали? Ничего, еще не так будем в будущем! Правда? Вот съедемся снова все вместе и «тряхнем стариной».

Пишите мне, как вы все живете и что у вас нового. А получила ли ты мое предыдущее письмо? О себе пока много писать нечего. Вообще, конечно, в письме много не напишешь. Живу хорошо. Самочувствие прекрасное. Извини, что мало написал. В следующий раз постараюсь больше. Привет Шуре и Нине. Кроме того, передай привет А.В. Елагиной. Пиши!

Твой Владимир.

4 декабря 1942 г.

Здравствуй, мама!

Сегодня получил твое письмо, за которое благодарю тебя. Много интересного узнал я из этого письма. Между прочим, ты напрасно обижаяешься на меня за то, что мое письмо ты получила позже всех. Ты должна понимать, что не всегда я могу уделить время для письма, кроме того, я даже не думал, кому написать раньше, кому позже. Поэтому не серчай. Вообще ты, как видно, писала это письмо, будучи в несколько раздражённом состоянии, даже число забыла поставить. Ну как бы то ни было, твое письмо я получил с большим удовольствием. Меня ведь очень интересует, как вы все там живете и что нового в вашей жизни и работе.

Очень хорошо, что ты сообщаешь мне всегда о жизни школы и всех школьных делах. Я этими вопросами очень интересуюсь по понятным для тебя причинам – ведь я очень втянулся в учительскую работу и очень ее полюбил. Ты знаешь, что я всегда старался работать лучше, и никогда меня не упрекали в формализме. Мне очень отрадно, что ребята, с которыми я занимался, не забыли меня, даже письма писали многие из них. Вот и недавно я получил письмо от группы десятиклассников. Я им, конечно, сразу ответил. Узнай, между прочим, получили ли они мой ответ.

Я очень долго смеялся над чрезвычайно удачной твоей характеристикой Китициной и Зуевой. Действительно, ты подмечашь все очень верно.

Тебе, как я вижу, приходится много заниматься различными хозяйственными вопросами. Как у вас устроились все ваши квартирные дела? Интересно, как идет работа у Нины, она мне по этому вопросу пишет мало, да и вообще она пишет крайне редко. Вероятно, она уже полностью освоилась на новой работе. Я считаю, что для нее самое главное – больше вникать в работу низовых организаций, на месте.

Я думаю, что она сама поняла, в чем главное.

Скоро наступает новый 1943 год. Поздравляю тебя и Нину с Новым годом, желаю всем успеха во всех отношениях – в личной и общественной жизни. Не пришлось мне отмечать эту дату вместе с вами, но считаю, что впереди еще много будет новых, счастливых годов, и мы еще свое возьмем. Так ведь? Напиши, как вы встретили Новый год. Помнишь, сколько изобретательности и инициативы мы проявляли раньше в этот день!

Ты что-то мне ни разу не писала о своих «верных рыцарях». Где сейчас твой «математик», которого, кстати, между прочим, я не особенно уважал. Как поживает «старый капитан» с гусарскими усами? Заходит ли к вам кто-либо из них, а может быть, у вас завелись новые друзья, то почему об этом не напишите? Бываете ли вы в театре и других подобных предприятиях? Думаю, что у вас в этом отношении возможности есть.

Вот видишь, сколько я вопросов перед тобой поставил. Думаю, что ты мне на них ответишь.

Еще раз поздравляю вас всех с Новым годом. Живите дружно и согласно. Пишите мне обо всем. Привет всем!

Целую! Владимир.

19.12.42 г.

4.3. Письма 1943 года

Здравствуй, мама!

Решил я сегодня написать тебе несколько строк. Дело в том, что писем от тебя давно уж нет. Ты пишешь мне очень редко. О Нине и говорить нечего. Почему это? Или ты не получаешь от меня писем? Я отвечаю на каждое твое письмо. Конечно, я знаю, что времени свободного у вас очень мало, но ведь и я нахожусь в еще более трудных условиях, но все же нахожу время иногда написать вам. В общем, прошу писать почше. Думал я, что перед Новым годом получу от вас письма, однако это не так.

Живу я хорошо, все так же, как и раньше — здоров и чувствую себя хорошо. Писал я письмо Шуре в новогоднюю ночь. Получила ли она его? Я все же надеюсь, что в эти дни получу от вас письма. Если этого не будет — придется с вами рассчитаться в будущем за такое отношение. Ты ведь знаешь, какой я грозный и дерзкий! Так что учтите! Пиши! Сердечный привет всем вам!

Целую! Твой Владимир.

04.01.43 г.

P.S. Даже с Новым годом не поздравили. Я уж вам задам!

Письмо написано на стандартном бланке-листке. Адрес: Архангельск, пр. Стalinских ударников, дом 118, флиг. 2, кв. 8. Пустохиной Лидии Александровне (половая почта № 617, часть 121). Злобин В.С. Портрет Суворова и слова Сталина.

Здравствуй, мама!

Получил вчера твое письмо. Рад, что эти два письма (последних) пришли с очень небольшими интервалами. Письмо прочел с большим интересом, узнал много нового. Вообще это письмо доставило мне удовольствие. Рад, что у вас там все благополучно и царит мир, согласие и взаимопонимание. Очень сочувствую Нине в ее неприятном случае. Нужно ей быть более осторожной в будущем. Она повторяет твои ошибки. Как у нее теперь этот вопрос обстоит? Получила ли она документ?

Получил я новое письмо от твоих воспитанников с подарком, о котором ты знаешь. Очень приятно чувствовать, что не забывают меня. Я им, разумеется, ответ направил, жаль, что не знал последнего их «фокуса», о котором ты сейчас написала, иначе я бы им написал о безобразном отношении к делу. Ну, ничего, мы скоро им напишем коллективное письмо, авось что-либо они и почувствуют.

Невольно я рассмеялся, прочитав о твоих воспоминаниях об «умирающем лебеде».

Да, было время! Я думаю, что мы еще и не то воспроизведем, когда придет день всенародного праздника – день окончательной победы над проклятым врагом.

Появятся еще новые «рыцари», а «полинявших» сдадим в архив, предварительно густо присыпав нафталином, ибо моль может повредить некоторые детали, особенно усы. В общем, надеюсь, что выдумки и изобретательности у нас еще много, и мы еще пока линять не собираемся. Так ведь?

О многом мне хочется поговорить с вами всеми, много у меня накопилось, но все это пока приходится откладывать.

Придет время – поговорим обо всем. А пока прошу всех писать мне чаще обо всем, что у вас нового в жизни, в работе и пр. Ну, пока закончу. Жду новых писем. Привет всем!

Целую! Твой Владимир.

11.01.43 г.

Письмо написано на линованном листке из тетради разведенными чернилами.

Здравствуй, мама!

Получил сегодня твое письмо и, как видишь, ответ не задерживаю. Не знаю, почему Шура не получает моих писем. Я ей пишу очень аккуратно и часто. Может быть, там у вас где-либо письма теряются.

Очень много интересного я узнал из твоего письма. Оказывается, у моей уважаемой сестрички появился на горизонте новый экземпляр с экзотическим происхождением и по моим представлениям (насколько я понимаю географию) с пылким темпераментом. В общем, она, как видно, не теряется. Да, жаль, меня нет, я бы пошутил (поскулил?) над ней. Разумеется, я никаких спусков в этом отношении раньше не давал никому. Поэтому пусть Нина не обижается на меня, я, конечно, шучу, и она может быть уверена, что я ничего, кроме хорошего, ничего ей не желаю. Кроме того, между прочим, у меня с ней был заключен один пакт. Не знаю, выдерживает ли она условия. Конечно, если и не выдерживает, то, хотя мне и очень будет этого жаль, но ничего не поделаешь — придется смириться с этим.

Очень я доволен, что живете вы все хорошо и главное — дружно и спокойно. Вижу, что все вы серьёзно занимаетесь нужными делами, успешно трудитесь на своих постах и повышаете свой общий уровень. Это все хорошо.

Интересно, ты пишешь, что обратилась в Горено с заявлением о работе в новых условиях. Я немного не понял твоих намерений. Попрошу тебя более подробно написать мне об этом. В предыдущих письмах ты писала, что вообще хочешь изменить свою квалификацию. Вот я и не совсем тебя понял: конечно, поступай так, как тебе диктует твое сознание. Дела, значит, у вас в школе с успеваемостью неважные. Интересно, как себя чувствует Петр Федорович (передай ему от меня привет). Конечно, ему довольно трудновато приходится — он ведь руководит коллективом, в котором много любопытных «музейных ископаемых». Вспомнишь, и невольно возникает рефлекс, о котором напоминают часто встречающиеся объявления — плевать воспрещается. Так ведь?

О себе мне, пожалуй, много писать нечего. Придется по примеру моего товарища по учебе в прошлом Вити (помнишь, в техникуме со

мной учился, еще у него папаша был большой оригинал – со столбами здоровался). Так этот Виктор, когда мы с ним работали в теплотехнике, раз в месяц посыпал родителям телеграммы с текстом: «Живу, как всегда! Вот так, пожалуй, и я сейчас отвечу.

Не скучай! Я, конечно, не хочу отдельаться такой бюрократической отпиской, но, пожалуй, много писать нечего. Все в порядке. Я по-прежнему такой же зубастый (к сожалению, не в прямом смысле этого слова), каким вы все меня знали.

А какие замечательные сейчас ежедневно мы все получаем известия об успехах наших войск! Здорово достается «фрицам»! Еще не так им достанется. Ну, пока на этом кончу. Жду твоего обещанного письма.

Большой привет всем! Целую! Твой Владимир.

28.01.43 г.

Здравствуй, Нинуха!

Получил твое письмишко. Благодарю за внимание. У тебя, наверное, сейчас уже закончилась конференция, с которой было, как видно, у тебя много хлопот. Бедняга, мне тебя жалко стало, и я тебе очень сочувствую. Что у тебя за неприятности, о которых ты пишешь? Об одной я знаю, о другой нет. Поведай мне печаль свою! Тебя, конечно, я очень понимаю – иногда и тяжеленько достается. Но все это ничего. Не бойся никаких трудностей. Главное, будь уверенной в себе и в своих силах. Ты делаешь очень большое дело. Я радуюсь всем твоим успехам. Напиши мне, как прошла конференция. Вообще хотелось бы, чтобы ты подробнее написала мне о своей жизни, о своих друзьях и личных делах. Конечно, ты знаешь, что я желаю тебе только хорошего. Итак, жду. Я лично живу хорошо, у меня тоже все в порядке. Пиши! Привет всем! Целую.

Владимир (немного тебе известный).

01.02.43 г.

Письмо на стандартном бланке «воинское». Адрес: проспект Сталинских ударников (набережная), дом 118, фл. 2, кв. 8. Злобиной Нине Степановне. Полевая почта 617, часть 121. Злобин В.С. Изображен воин, спасающий ребенка. «Мы ведем войну справедливую».

Здравствуй, мама!

Получил сегодня твое письмо. Так как задерживаться с ответом не в моей привычке (в чем, я надеюсь, вы все, безусловно, убедились), то спешу ответить. Между прочим, за последнее время что-то получаются некоторые перебои с получением писем. Шура обижается, что давно не получает моих писем, и действительно, некоторые из них не получила, а теперь я уже 15 дней не имею от нее ни одного письма, хотя я уверен, что она мне писала. Будем надеяться, что эти непорядки устраниются.

Я очень сочувствую Нине во всех этих не особенно приятных ве-щах, которые ей пришлось пережить. Действительно, как-то все это очень странно и для меня непонятно. Зачем так неуклюже все это сделано? В общем, она бедняга, наверно, здорово расстроилась. Как сейчас решился вопрос о ее дальнейшей работе? Я как-то жалею, что ее отговорили от инженерной работы, к которой, по-моему, она начинала уже привыкать. В общем, мне хочется всячески поддержать ее и пожелать ей в дальнейшем успешной работы. Пусть она бросит расстраиваться – не все в жизни дается гладко и приятно. У каждого бывают шероховатости. Поэтому надо сделать для себя все выводы и приняться за новое дело. Ты напиши мне подробнее о ее делах. Хотелось бы, чтобы она мне написала. Главное, пусть она не унывает и будет бодрой и жизнерадостной. Этого я ей и желаю. Она должна брать пример с меня. Я ведь никогда не раскисал, хотя у меня также бывали неприятности.

Значит, мой бывший начальник делает большие успехи. Ну что же, это дело очень хорошее. Молодец он. Напиши мне его адрес, я, быть может, сберусь и напишу ему. Что же касается Карасева, то он, как видно, оправдывает свою фамилию – караси ведь всегда в тихих и спокойных местах водятся (насколько я понимаю в зоологии).

Как идут твои дела? Ты о них почти не писала. Удалось ли тебе устроиться на работу в Мортехникум? Я лично считаю, что там тебе было бы гораздо лучше работать. По-моему, твое желание должны удовлетворить. В общем, напиши.

Как поживает Шура, чем занимается и как ее здоровье? Ей, как видно, снятся хорошие сны. Ничего, эти сны сбудутся и наяву. Полу-

чила ли она мои письма и открытки, которые я порядочно написал ей? В общем, напиши обо всех вас понемногу и о ваших друзьях.

Эх, хочется мне увидеть вас всех, поговорить с вами – ведь так много накопилось, о чем поговорить!

Ничего, все будет в свое время! Ну, на этом пока закончу. Жду ваших писем! Пиши! Огромный привет Шуре и Нине и всем вашим друзьям.

Твой Владимир.

12.02.43 г.

Письмо написано зелеными чернилами.

Здравствуй, мама!

Получил сегодня твою открытку и отвечаю, как видишь, тоже открыткой. За мной не пропадет! Спасибо за поздравления! Я также желаю всем вам здоровья и хорошей жизни. Значит, твой переход на новую работу еще не состоялся и, как я понимаю, не состоится и в недалеком будущем. Как работает Нина на новом поприще? Наверное, важная стала. Письмо от нее, на которое ты намекаешь, не получил. Быть может, скоро и получу. Как идут твои дела в школе? Время ведь идет быстро, уже до конца учебного года немного осталось. Что касается меня, то живу я хорошо. Настроение бодрое, да и вообще я раскисать не привык – ты это хорошо знаешь. Очень хорошо, что вы все пишите мне регулярно и держите меня в курсе всех событий своей жизни. Скоро наш с тобой юбилей. Помнишь, как, бывало, мы с тобой его отмечали? Есть о чем вспомнить и пожалеть. Однако это ведь еще не последний, наверстаем. Ну, пока закончу. Жду ваших писем. Привет всем!

Целую, Владимир.

20.02.43 г.

Открытка «С новым годом». Мать и двое детей держат фото отца в военной форме. Открытка «Воинское». Адрес: Сталинских ударников, д. 118, фл. 2, кв. 8.

Здравствуй, мама!

Сегодня получил я от всех вас письма. Сразу всем и отвечаю. У тебя, значит, большая новость – ты перешла на новую работу. Разреши поздравить тебя в связи с этим, а также пожелать тебе успешной деятельности на данном поприще. Самое главное, что я тебе желаю – установить правильные взаимоотношения. Остальное все будет обстоять хорошо, сомневаться не приходится. Между прочим, ты из каких-то соображений мне об этом ничего не писала, наоборот, сообщала, что до конца учебного года останешься на своем месте, но я все же об этом узнал из писем Нины и Шуры. Думаю, что в следующем письме ты подробно поделишься со мной своими новыми впечатлениями. Придется, значит, теперь тебе понемногу осваивать новую область. Жаль, меня нет, я бы мог консультировать тебя по некоторым специфическим вопросам.

Благодарю вас всех за посланную вами в мой адрес посылку. Жду, что в ближайшее время она до меня дойдет. Конечно, посылки идут гораздо медленнее, чем письма. Как у тебя решился вопрос со школой? Или ты пока все совмешаешь? Лучше бы, конечно, по-моему, тебе работать в одном месте. Там тебе более интересно во всех отношениях. Главное – другая обстановка и другие условия. Я очень доволен за Нину. По-моему, ей тоже на новом месте работать будет легче и не менее интересно. Одно только немножко плохо, что она забудет свою основную специальность. Она, как видно, по моим стопам пошла – я ведь тоже переквалифицировался в свое время. Не обижайся на короткое письмо – хотелось всем вам написать сразу, в следующий раз напишу тебе больше. Жду твоего письма.

Целую тебя. Владимир.

26.02.43 г.

Письмо на белой линованной бумаге.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо. Разумеется, ты не особенно аккуратно мне отвечаешь, но я великодушно прощаю тебя. Правда, у тебя есть некоторые причины, о которых ты пишешь, – я имею в виду свет.

Письмо твое прочитал очень внимательно, с большим интересом. Однако действительно, и не везет же тебе! Я не понимаю, как это случилось, что ты, имея основную нагрузку в техникуме, все же считаешься основным работником в школе? Тут может встретиться ряд неприятных вещей. Надо как-то тебе решить этот вопрос, а не быть пассивной и ожидать всяких осложнений. Советую тебе договориться обо всем этом заблаговременно. Эта история мне немного напоминает случай из своей практики – я ведь, помнишь, тоже работал в институте примерно на таких же правах, как и ты. В общем, это дело меня беспокоит. Ты напиши, чем все это кончится. Надо здесь внести ясность. Я был очень доволен, когда узнал, что ты стала работать в техникуме, считая, что тут тебе гораздо лучше, спокойнее и интересней, а вышло, что у тебя этот вопрос еще далеко не разрешен. Мой совет тебе – попытайся перейти на основную, постоянную работу в техникум. Ты сможешь при известной настойчивости этого добиться.

Как, интересно, работает Нина на новом месте? Так она гораздо, по-моему, в более лучших условиях работает. Напиши коротко об ее деятельности. Твои высказанные мысли относительно нее, признаешься, озадачили. Я не понял твоих намеков. О каких изменениях и событиях в ее жизни ты пишешь? Прошу написать мне прямо – что случилось. Думаю, что от меня нечего скрывать. Ясно, что она сейчас самостоятельный во всех отношениях человек и сама может решать все вопросы, однако думаю, что мне сообщить, хотя бы в общих чертах, можно. Последнее письмо, которое я от нее получил, было очень откровенное, и мне очень понравилось, но там она мне тоже ни о каких серьезных обстоятельствах в своей жизни не говорила. В общем, надеюсь, что ты мне на этот вопрос в следующем письме ответишь, я не вижу оснований скрывать что-либо от меня, я ведь не посторонний человек, не случайный приятель или что еще в этом роде.

О себе. Мне писать, пожалуй, нечего. Все идет своим чередом. Начинаются уже оттепели, очевидно, зима проходит. В этом году она была удивительно мягкая.

Разреши поздравить тебя с очередным твоим юбилеем, пожелать тебе здоровья, успешного решения всех твоих житейских дел. Жал-

ко, что в этом году не могу принять участие в этом традиционном нашем семейном празднике. Итак, желаю тебе всего наилучшего.

Привет Нине и Шуре!

Целую. Твой Владимир.

11 марта 1943 г.

Посылаю тебе поздравительную открытку. Получишь – напиши.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо. Благодарю за него. За последнее время письма ваши все богаты разными новостями. Много изменений в жизни всех вас. Все вы работаете на новых местах. Я очень этому рад. Шура вот тоже в последнем письме сообщила о новой большой работе, которую ей дали. Она теперь, значит, стала «шишкой»! У тебя, наконец, тоже вопрос о работе определился, и все недоразумения, как видно, отрегулированы. В общем, все вы осваиваетесь в новых условиях. Желаю всем вам успеха в вашей работе. Пиши мне подробнее обо всем.

Между прочим, я кое-чем и недоволен в то же время. Твои намеки, довольно прозрачные насчет Нины, меня очень обеспокоили. Ты пишешь о довольно значительных вещах, но ничего определенного в то же время не говоришь. Зачем это нужно? По-моему, от меня никогда не скрывались все события в жизни каждого члена нашей семьи. И вот сейчас, очевидно, что-то изменилось, а может быть, вообще не считаете нужным ставить меня в известность обо всем? Я всего передумал и не знаю, к какому выводу прийти. Очень прошу хотя бы в общих чертах ввести меня в курс дела. Может быть, конечно, все мои выводы не верны, но неизвестность хуже всего. В общих чертах я догадываюсь, о чем идет речь, но я не понимаю, почему мне об этом ничего не сообщаете, ведь ничего, по-моему, необычного не случилось, однако я толком ничего не знаю, и это самое главное. Не знаю, поймешь ли ты мою мысль. Я все же жду, что ты или она напишете мне об этом. Думаю, что ты поймешь меня.

Ты мне кое-что написала о В. Манееве (передай ему, если уви-дишь, от меня большой привет, и вообще всем, кого уви-дишь, из

моих бывших учеников) и некоторых других ребятах. Меня, конечно, очень интересует судьба каждого из них. Жаль Шуру Быкова, но ничего не поделаешь.

Когда-то ты давно писала, что мне напишут обо всех ребятах и даже чуть ли не обязательство тебе давали. Однако никто ничего мне не написал. Вот только ты немного сообщила.

Интересно, в техникуме ты работаешь примерно по какой программе? Как тебе нравятся новые условия, новый коллектив и новые слушатели?

Письма от папы получаю часто. Пишет он мне очень хорошие письма, не отстает от жизни во всех отношениях и, между прочим, он очень заметно вырос; молодец, я очень рад за него.

Знаю, что вас всех интересуют подробности моей жизни, но извините меня за то, что я по вполне понятным причинам не могу быть очень многословным. Я живу хорошо, здоров, этого и достаточно. Пишите мне. Жду обстоятельного письма. Адрес мой со следующего месяца изменится. Пиши по адресу: полевая почта 17783 – мне, адрес коротенький, больше никаких добавлений не надо. Большой привет Нине и Шуре!

17 марта 1943 г. Твой Владимир.

Открытка: Воинское «Смерть немецким оккупантам»

ПОЗДРАВЛЯЮ С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

Владимир (март 1943 года)

Кому: Пустохиной Лидии Александровне.

Рисунок: Воин с автоматом в руке пишет письмо на ящике. Шапка-ушанка со звездой.

Внизу: Жди меня, и я вернусь!

Куда: гор. Архангельск, пр. Сталинских ударников, дом 118, флигель 2, кв. 8.

Большое спасибо за Ваше письмо и за помощь в
всех делах, связанных с организацией выставки в Баку. Удачи Вам
в дальнейшем в работе по изучению и изучению
истории нашей страны. Успехов в Вашей работе!

11. May 1993, George M. Borchers

St. Louis and neighborhood
are excellent. Missouri -

Здравствуй, мама!

Получил твоё письмо. Что-то ты за неимением времени редко стала мне писать, я уже обижаться начинаю. Твоё письмо, наконец, поставило все на свое место. Мне стало все ясно. Теперь я вижу, что во многом я ошибался. Конечно, обвинять меня в этом нельзя, я ведь, не имея точных сведений, основывался исключительно на своих предположениях. Так что многое, о чём я писал в своем последнем письме, написано не так, как это обстоит. Думаю, ты должна понять, что все это для меня небезразлично, я ведь всегда остро реагировал на все события в жизни каждого из членов нашей семьи. Здесь же меня больше всего задело, что от меня долго все это скрывали. В общем, повторяю – сейчас мне все ясно, в общих чертах.

Как себя чувствует Нина и как ее здоровье? Я писал недавно ей, получила ли она мое письмо? Ты следи больше за состоянием ее здоровья, она должна быть очень внимательной по отношению к себе. Пиши мне обо всем. Так и договоримся.

Значит, ты получила письмо от Вали Смирнова. Интересно бы написать ему и мне. Может быть, ты сообщишь мне его адрес. Я его

всегда очень ценил, сейчас он, наверно, очень возмужал. Костерину я написал небольшое письмечко, не знаю, получу ли от него ответ. Что касается переписки с девушками 10-го класса, то я им написал месяца три тому назад письмо, но ответа не получил. Виктор (мой товарищ) ведет энергичную переписку с Никишовой, но он сейчас находится в другом месте, не со мной, и я не могу исполнить твоей просьбы, т.е. внушить ему мысль написать некоторые пожелания ей. Между прочим, он (Виктор) сейчас работает на такой же должности, как и Нина.

Я лично живу хорошо, здоров, настроение хорошее. Сейчас мы усиленно готовимся к смотру художественной самодеятельности. Мы тут организовали нечто вроде джаза. Я принимаю в нем самое деятельное участие. Кое-что уже начинает у нас получаться.

Ну как ты в этом году отметила свой очередной юбилей? Известно мне, что был у вас в этот день твой «верный поклонник» (С.Я.). Конечно, он сейчас, наверное, совершенно спокоен — конкуренции не чувствует, не приходится ему выдерживать остроты по своему адресу. Передай ему при случае от меня большой привет.

Пиши, как идет твоя работа, с какими успехами поддашь к концу учебного года, и вообще пиши, как вы все живете. Пока закончу. Привет Шуре и Нине. Твой Владимир.

18 апреля 1943 г.

P.S. Чуть не забыл поздравить тебя и всех вас с наступающим праздником — 1 Мая и пожелать вам радости и счастья. Пиши!

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо. Письмо это прочитано мною весьма внимательно. Должен отметить — написано оно очень откровенно и искренне. Благодарю за это. Да, много неожиданного и интересного у всех нас. Конечно, у каждого свои взгляды и свое мнение. Сейчас центральным местом всей жизни нашей семьи является Нина. У нее очень все (конечно, я со своей точки зрения рассуждаю, может быть, это и неверно) слишком неожиданно получилось. Я буду также откровенен — мне очень неприятно, что так получилось. Главное в том, что ее положение могло быть совершенно другим. Конечно, трудно

разбираться в поступках другого человека, даже и близкого, особенно когда ты ничего не знаешь, вернее, не видишь своими глазами. Ясно, что я совершенно не имел представления о Д., не могу судить ни о чем, но мне было бы очень приятно, если бы Нина нашла себе хорошего друга и разделила бы с ним всю свою жизнь, чтобы она вместе с ним строила свою семью. Неужели все это невозможно? А получается так, что он, в силу ряда обстоятельств, все же является для нее чужим, ибо он связан с другой семьей, которая тоже для него близка. В общем, не знаю, сумел ли я правильно выстроить свои мысли, но мне очень хочется, чтобы счастье Нины было бы полным. Конечно, может быть, она и полностью счастлива, может быть, мною руководит ревность, которую она сама испытала на себе по отношению ко мне. Поэтому я затрудняюсь окончательно сделать для себя вывод. Может быть, зная Д., я сумел бы правильно разобраться в этом вопросе, но повторяю – я очень хочу, чтобы Нина была счастлива во всех отношениях. Разумеется, она должна сейчас очень внимательно относиться к состоянию своего здоровья. Она должна быть отличной матерью. Я, конечно, разделяю с ней все ее радости, страшно хочу, чтобы она была счастлива и мысль о том, что она все же в существующих условиях останется одинокой, меня очень огорчает и вызывает у меня неудовлетворение. Надеюсь, что она сама вполне счастлива, и хочу ей пожелать только всего хорошего. Как она себя чувствует?

Теперь о ваших взаимоотношениях с Шурой. Я очень хочу и всегда хотел, чтобы никаких осложнений здесь не было. Думаю, что это так и есть. Продолжайте жить вместе все, дружно, я этим буду очень доволен. Считаю, что никаких неразрешимых противоречий у вас нет и быть не может. Пиши обо всем, что есть у вас нового, меня все это очень интересует.

Я живу хорошо, все по-прежнему. За последнее время стал активным участником нашей художественной самодеятельности.

Ну, пока закончу. Привет Нине и Шуре, а также всем вашим друзьям. Желаю тебе успешно закончить учебный год. Пиши! Твой Владимир.

4 мая 1943 г.

Здравствуй, мама!

Наконец получил от тебя письмо. Очень уж редко ты мне пишешь. Конечно, дел у тебя много, но иногда можно выбрать время. Хорошо, что мне часто пишет Шура, и я в общих чертах знаю вашу жизнь. Следовательно, ты закончила свой учебный год и, может быть, сможешь хоть немного отдохнуть. Это все хорошо. Что нового в школах? Конечно, это не главное. Меня очень интересует, как дела у Нины. Я получил недавно от нее письмо, которое не совсем мне понравилось (кое-какие ее вредные настроения). Надеюсь, что сейчас у нее все благополучно кончилось, и она уже имеет сына (конечно, я так думаю). Если у меня появится племянник — очень хорошо, если племянница — тоже неплохо. Вероятно, я ее тоже смогу кое-каким «фокусам» научить. В общем, ожидаю от вас сообщения по этому поводу. Написал сегодня папе об этом.

Пиши, как все вы живете, что у вас нового. Сейчас, наверное, у тебя работы стало меньше, и ты всю энергию переложила на другое — на внука.

Я лично живу хорошо, чувствую себя прекрасно, на здоровье тоже жаловаться не приходится. Желаю и вам всем этого же. Бывает ли у вас кто-либо из старых друзей или все забыли? Конечно, я знаю, что некоторые личности иногда у вас бывают. Привет всем им от меня! Когда-нибудь снова соберемся все вместе за столом и тогда посмотрим еще, кто кого за пояс заткнет. Правда?

Я надеюсь на себя. Ну, это, конечно, дело будущего. Наладил я теперь переписку с Н.Д. Костериным. Он молодец, добился значительных успехов. Интересно, где сейчас почтенный Карасев? Вообще, что ты знаешь о наших общих знакомых?

Ну, пока закончу. Жду писем. Огромный привет Шуре, Нине и Карапузу!

Твой Владимир.

2 июня 1943 г.

Здравствуй, дорогая Нина!

Получил твою открытку от 4.06.43 г., ты обижаяешься, что я задержался с ответом. Конечно, ты это уж зря на меня такое обвинение

возлагаешь. Я послал тебе ответ на твое письмо буквально через 2 часа после получения его. Видимо, ты сейчас его уже давно получила. Я, конечно, никогда в долгу не останусь. Писал я тебе тогда свое мнение, ругая тебя за глупые мысли и т.д. Жаль, если того письма ты не получила. Папе я написал кратко обо всех новостях, разумеется, в том плане, как ты со мной договаривалась.

Как ты поживаешь, как себя чувствуешь? Надеюсь, что ты вполне благоразумна и все обошлось хорошо. Жду с нетерпением сообщения об этом. Размышляю уже о том, чем ознаменовать мне это событие в твоей жизни. Надо сообразить, что-нибудь. В общем, как бы то ни было – ты можешь не сомневаться в моей горячей поддержке для тебя. Я всегда помогу тебе, чем располагаю, поэтому не занимайся глупыми размышлениями. Надеюсь, ты меня поняла.

Как живет Шура? Что с ней вдруг стряслось? В общем, прошу писать чаще, не ленитесь.

О себе много расписывать мне нечего. Живу хорошо, никакими болезнями или заболеваниями не страдаю. Вообще эти термины выброшены из моего лексикона. Пиши мне подробно обо всем, как все окончится. Заранее поздравляю тебя с благополучным окончанием всех твоих тревог. Большой привет маме и Шуре! Жду твоего письма.

Твой Владимир. 28 июня 1943 г.

Здравствуй, мама!

Получил сегодня твое письмо. Вижу, что дел у тебя за это время было много. Твои опекаемые оказались на положении «болящих». Представляю, сколько было у тебя хлопот.

Очень рад, что все окончилось благополучно. Надеюсь, что сейчас вы все здоровы. Как себя чувствует Нина и ее сын? Поздравь ее от моего имени с этим событием. Как называли моего «гигантского» племянника? В общем, пиши все. Меня интересует настроение Нины, она тут мне в письме высказала вещи, очень мне не понравившиеся, и я ее обругал по этому поводу. Думаю, что она изменила свое отношение к этому вопросу.

Как себя чувствует Шура? Собирается ли она съездить к Валерке или это нельзя? Прошу тебя написать мне о жизни всех вас. Я ведь обо всех вас беспокоюсь и радуюсь всем вашим удачам и наоборот.

Я знаю, что, несмотря на отдельные разногласия и недоразумения, вы все представляете дружную семью и всегда помогаете друг другу. Как ты закончила свой учебный год, и какие у тебя перспективы на будущий год? Что нового в твоей работе и в жизни школы? Тебе бы надо хоть немного отдохнуть, наверно, ты здорово измоталась. А Нина пусть не размышляет, и внимательно относится к состоянию своего здоровья и пусть растит хорошего сына. Все понемногу уляжется и все у нее еще впереди, нечего культивировать пессимизм. В общем, конечно, я с ней хотел бы поговорить, но это невозможно, и я свое мнение очень кратко ей выразил.

Все еще будет в свое время!

Ты, наверное, иногда, на меня обижаешься, но это напрасно. Я все такой же, каким ты меня знала. Поэтому не советую представлять меня другим. Ну, пока кончу. Сердечный привет всем! Пиши!

20.06.43 г. Твой Владимир.

Здравствуй, мама!

Посыпаю свою голову пеплом — надо признаться, что несколько дней проволынил с ответом тебе. Конечно, на 100 % меня обвинять нельзя. В общем, надеюсь на твоё великодушие, авось не будешь долго сердиться на своего такого уж как всегда нежного сына, правда, по твоему мнению, немного отбившегося от рук. Разумеется, это мнение необоснованное, и ты, конечно, в глубине души с этим не соглашаешься. Я с очень большим удовлетворением констатирую, что я все такой же, как и был. Ну, довольно заниматься пустяками. Приступим к серьезным вещам.

Следовательно, в вашем семейном очаге, наконец, улеглись все бури, все успокоились, все снова собрались вместе, надеюсь, что все в полном здравии и даже (а это факт!) число обитателей вашего семейного уголка увеличилось на 33,3 %, что составляет 1 человек. Этот человек еще не понимает, конечно, величия эпохи и значимости событий в момент своего рождения. Да, ему можно завидовать — если его мамаша, то бишь моя родная сестрица, не выдала в жизни и не помнит ни одного городового, то ее сынок не увидит в своей жизни ни одного живого фашиста! Это факт и немаловажный.

Как вы все там живете, все же, надо прямо сказать – не особенно вы меня балуете своими письмами. А ведь меня интересует все, что у вас там происходит. Тебе, наверное, сейчас много приходится хлопотать по хозяйственным делам, да и внук прибавил тебе хлопот, но ничего, не унывай, все уляжется в свои рамки. Зато интересно будет посмотреть на тебя через 10 лет, когда ты, окруженная солидным числом внучат (я даже думаю, возможности к их увеличению будут), выйдешь на прогулку. Да, это будет феноменальное зрелище! Ну, так и не выдержал я серьезного тона до конца. Ничего, не обижайся, иногда можно и несерьезными вещами заниматься. Живу хорошо, все в порядке. Крепко всех вас целую.

Владимир. Пишите!

19 июля 1943 г.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо сегодня. Когда ты его писала установить невозможно, ибо ты по рассеянности дату не ставишь по обыкновению. Но ясно, что долговато ты собиралась с ответом. Правда я прекрасно понимаю, что дел у тебя целая куча, но думаю, что ты учтешь в дальнейшем и будешь более аккуратной. Это не нотация (я их всегда избегаю и сам не люблю), а просьба, и думаю, ты меня понимаешь.

Рад, что все вы живете хорошо, а главное – здоровы. Нина, значит, думает переходить на другую работу? Конечно, работать по специальности гораздо лучше. Что же касается тебя, то я не советую тебе совсем бросать работу, разгрузиться – дело другое. Иначе ты будешь скучать без дела (я ведь тебя знаю), и, конечно, все эти домашние дела тебя не будут удовлетворять. Трудно найти выход, но надо как-то иначе устраивать. Затрудняюсь что-либо посоветовать, думаю, вы сами найдете правильное решение. Но еще раз повторяю, не прекращай своей деятельности. Хотя небольшая работа тебе необходима и не по материальным соображениям. Куда уж иначе ты направишь свою энергию? Вот и все что я считаю необходимым сказать тебе по затронутому вопросу. Сколько сейчас, судя по печати, новых проблем разрешается в области народного образования! С интересом слежу за всем этим. Хочется вновь окунуться в активную деятельность на этом поприще.

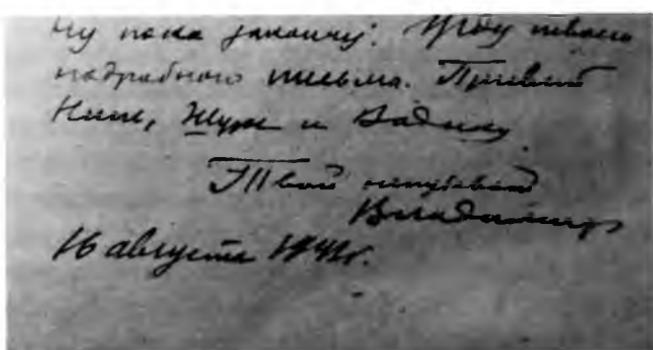
Правда, нечего сейчас еще об этом думать, но ведь перспектива всегда должна быть у каждого человека. Всему приходит время. Недавно получил-таки письмо от Нины. Меня радует перемена ее мыслей. А этот Д. все же сукин сын (между нами, разумеется). У меня было желание написать обо всем этом в его партийную организацию, но я не знал даже его фамилии, имени и пр. А следовало бы. В общем, он грязный человек. Все это, разумеется, мое мнение. А мой племянник, видимо, боевым парнем растет. Это хорошо. К моему возвращению он, наверное, уже будет «мощным мужчиной». Как поживает Евлампий Яковлевич? Где он работает, бывает ли у вас?

Надеюсь, что мы с ним еще тряхнем стариной.

Ну, пока закончу. Жду твоего подробного письма. Привет Нине, Шуре и Вадику.

Твой непутевый Владимир.

16 августа 1943 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Получил сегодня твое удивительное письмо. Почему, спросишь, удивительное? Да видишь ли, ты датировала письмо 31 августа, а сегодня 10.43, т.е. 36 дней спустя, тогда как письма идут обычно 10–12 дней. Правда, тут при более внимательном осмотре письма я увидел, что штамп отправления 18.09.43. Наверно, ты его долго таскала в своем портфеле, а быть может, опустила его в какой-либо ящик, но не почтовый. Во всяком случае, мне сейчас стало ясно, почему ты не

ставиши даты на письме, я относил все за счет рассеянности, оказывается, здесь дело обстоит иначе, сейчас я понял. Так-то вот!

Все твое письмо посвящено вашим взаимоотношениям с Шурой. Видимо, вы очень антагонистично настроены.

Здравствуй, мама!

Немного задержался с ответом на твое письмо, а причиной задержки послужило мое кратковременное отсутствие, т.к. я ездил на семинар. Сегодня возвратился к себе в часть, я нашел здесь твое письмо и отвечаю. Вижу, что дел у тебя действительно очень много, даже не знаю, как ты и управляешься с ними. У тебя довольно большая учебная нагрузка, да и дома дел по горло. Конечно, ты сильно утомляешься, я это прекрасно понимаю. Ты сейчас, я надеюсь, довольна своей работой. Условия – все необходимое, по-моему, в техникуме гораздо лучше.

Ты спрашиваешь о моей новой работе. Могу тебе сообщить, что сейчас я нахожусь на руководящей партийной работе в одной из частей. Видишь, что дело серьезное, доверие мне оказано большое. Конечно, я со своей стороны сделаю все, что в моих силах, чтобы это доверие оправдать. Работы много, но я этого не боюсь. Пока как будто все идет ничего, не знаю, как будет дальше. Живу хорошо, самочувствие прекрасное. Вот, пожалуй, кратко и все о себе.

Как поживает Нина? Довольна ли она своей работой? Конечно, по своей специальности ей работать лучше, и я думаю, она сейчас чувствует себя на своем месте. Как у нее настроение? Неужели она еще до сих пор не может правильно разобраться в этом вопросе? Я ей написал письмо по этому поводу. Сейчас уже нечего ей ломать голову. Все со временем устроится хорошо.

А с этим Д. надо ей (мое мнение) прервать всякие взаимоотношения, и нечего с ним миндальничать, если не хочет добровольно принимать участие в воспитании мальчика, нужно поступить по существующим законам. Вот и все. Как ты сама со своей стороны мыслишь?

Через несколько дней исполняется 26-я годовщина Октябрьской революции. От всей души желаю вам провести хорошо праздники и

поздравляю вас с этим событием. Все вспоминаю, как, бывало, мы раньше проводили эти дни, что только не выдумывали. Но еще в будущем мы сумеем наверстать все упущенное за время войны, организуем такую вещь, что трудно представить.

Кто из бывших друзей нашего дома (в первую очередь твоих друзей) навещает вас, и как они живут? В общем, я прошу тебя писать мне по мере возможности чаще, меня ведь очень интересуют все стороны вашей жизни и работы. Я со своей стороны также постараюсь писать тебе чаще. Да и Нине скажи об этом, у нее больше возможностей написать мне. Ну, пока на этом и закончу. Шлю всем вам свой горячий привет и желаю счастья.

Крепко целую, Владимир.

2 ноября 1943 г.

Не знаю уж, что мне с вами и делать. Конечно, если бы я был с вами, то заставил бы обеих в наказание выпить несколько бутылок пива в знак примирения и стал бы взимать пошлину тем же продуктом в свою пользу, когда снова попытались бы «любезничать».

Ладно, доберусь я до вас рано или поздно — тогда берегитесь. (Вот наверно напугал — я, как ты знаешь, грозный мужчина).

О моих изменениях ты, безусловно, знаешь из моих писем Шуре. В общем, я теперь, как видишь, начинаю привыкать к новым обязанностям. Думаю, что ты этому рада. Немного погодя, когда приобрету некоторый опыт, поделюсь с тобой своими мнениями.

Пиши мне чаще, не ленись, я всегда отвечу. Как идет твоя работа? У вас ведь, учителей, много нового, я слышал, что есть ряд новых постановлений правительства об учебниках.

Как здоровье Нины и племянника? А насчет Д.: считаю, что с ним нечего церемониться, ты рассуждаешь правильно.

Ну, пока и закончу. Пиши, в следующий раз напишу более основательно. Привет Шуре, Нине и Вадику.

Целую. Твой Владимир.

Мой адрес: полевая почта 26408.

6.10.43.

Здравствуй, мама!

Получил твою поздравительную открытку. Благодарю за теплые пожелания к празднику. Живу я хорошо. Сейчас занимаюсь усиленно, прохожу, что называется, курс науки. Надо много одолеть, а срок дан весьма жесткий. К 1 января должен буду сдать экзамены. Видишь, дело-то каково. Конечно, экзаменов в моей жизни мне приходилось сдавать немало, но предстоящий, пожалуй, самый сложный. Не знаю, что получится, но я отношусь к этому делу со всей серьезностью, иначе, конечно, и быть не может. Жду ваших писем с описанием, как вы все провели праздник. Наверное, вы что-нибудь по примеру прошлых лет организовали. В общем, мне это весьма интересно. Да и вообще пишите мне почаще, как-нибудь выкраивайте время, знаю прекрасно, что загружена ты очень сильно. Нравится ли тебе твоя работа в техникуме? Как там ты себя чувствуешь? Пиши обо всем! Большой привет Шуре, Нине и Вадику. Целую всех! Твой Владимир.

12.11.43 г.

Письмо написано на стандартном бланке «воинское» – «Смерть немецким оккупантам!» Почта 26408. Злобин.

Здорово, зловредная сестренка!

Так называю тебя за твою удивительную способность задерживать ответы на мои письма. Смотри, я человек шибко сердитый – ты это должна знать. Ладно, впоследствии рассчитаюсь с тобой за твое «чихательное» отношение к моей личности. Конечно, думаю, ты учтешь в будущем. Рад я за тебя, что ты начинаешь бодрее смотреть на жизнь. Ты, следовательно, сейчас узнала и правильно поняла отношение папы. Я об этом ведь тебе писал, а ты мне не верила. Получила ли ты мою поздравительную открытку, которую я тебе послал в ознаменование твоего юбилея? Я ведь не знаю. Как отметила ты свой юбилей? Надеюсь, что хорошо.

О себе много писать не буду. Ты, наверно, знаешь из моих писем Шуре, что я сейчас усиленно учусь. 28/XI еду на месяц на учебу, причем перед началом ее должен буду сдать 5 дисциплин и после

окончания еще 2–3. Так что видишь, дело серьезное. Нужно будет как-нибудь справиться. Иначе будет плохо.

В общем, буду вас информировать. Пиши обо всем. В следующий раз напишу подробнее. А сейчас извини за краткость – нет времени. Думаю, учтешь, не будешь обижаться на меня. Большой привет маме, Шуре и твоему сынишке. Пиши! Твой брат Владимир.

26.11.43 г. А когда пришлешь мне фото свое? Желаю также фото племянника.

Письмо на стандартном бланке «воинское» – «Отличники». Изображен школьник с пионерским галстуком и молодой воин с автоматом.

Здравствуй, мама!

Получил сегодня твое письмо и решил все же не оказаться перед тобой в долгую. Ты уже, конечно, знаешь, что я сейчас очень усиленно учусь, овладеваю целым рядом новых вопросов. Результаты пока неплохие, не знаю, что будет дальше. Впоследствии напишу вам все подробно, сейчас уже не имею возможности (вернее, времени). В общем, я живу хорошо и не унываю, и все трудности учебы переношу. А чтобы ты имела представление, то могу тебе сообщить, что программу, рассчитанную на месяцы, мы должны закончить за 1 ½ месяца. Вот и представь.

Ну, как-нибудь вытянем. Из твоего письма я вижу, что ты здорово загружена и скажу тебе, что я задумался над твоим отношением относительно твоей работы. Да, видимо, тебе тяжело, конечно, и годы твои начинают сказываться, как это не печально. Но, по-моему, ты сгущаешь краски. Нужно тебе все же часть уроков передать, нельзя ведь перегружаться. Думаю, что в материальном отношении как-нибудь общими силами устроим все. А может быть, тебе нужно и совсем оставить работу, если состояние здоровья этого требует. Ну, ничего, вот вернусь я к вам, обсудим на семейном совете все вопросы. А как я хочу уже всех вас увидеть поскорее, наверно, представляешь.

Ну, пока кончу. Пиши по основному моему адресу. Большой привет Шуре, Нине и Вадику. Твой Владимир.

Забыл – поздравляю всех вас с Новым годом. Желаю счастья!
26.12.43.

* * *

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо и призадумался. Второе уже твое письмо свидетельствует о твоем не особо хорошем состоянии здоровья. Знаешь, тебе надо разгрузиться от работы, иначе будет хуже. Ты уже не молодая, это факт и с ним надо считаться. Поэтому ты разгрузись как-нибудь. В отношении поддержки с моей стороны я кое-что делаю. Во всяком случае, когда после окончания учебы вернусь в свою часть, то напишу тебе первой и буду в дальнейшем это делать периодически в пределах моей возможности. Затем тебе нужно бросить вредную привычку – курение. Это вполне в твоих силах сделать. Я это настоятельно требую. Ты мне напиши обо всех мероприятиях, тобой предпринятых.

О себе мне сейчас писать много нечего. Учусь и больше ни о чем не думаю. Скоро учеба кончается. В общем, напишу подробнее об этом позже. Учиться, видишь сама, приходится много и серьезно. Правда я в отношении учебы за свою жизнь приобрел кое-какие навыки, и учиться мне не привыкать.

Скоро вот Новый год будет. В моем положении, конечно, отметить этот день будет нечем. Я отвык от этих традиций. Желаю вам всем успеха в новом году и здоровья. Пиши! Привет всем.

29.12.43. Целую тебя. Владимир.

Письмо написано карандашом на бланке «воинское». Адрес: гор. Архангельск пр. Сталинских ударников, дом № 118, флигель 2, кв. 8. Пустохиной Лидии Александровне.

Полевая почта 17633 «Д» В. Злобин.

«Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти (Сталин)». Советский танк, за ним пехота. Цена 8 коп.

4.4. Письма 1944 года

Здравствуй, мама!

Начинаю на сей раз с извинений: малость задержался с ответом на твое письмо, правда, если уж строго судить, так в этом отношении, ты, пожалуй, больше меня отличаешься. Так ведь? Ну а в этот раз я задержался и, конечно, объективные причины есть: во-первых, последние дни учебы с экзаменами (пришлось поработать), а затем дорога, от которой еще сейчас не могу опомниться.

Приехал к себе в часть два дня назад. Снова взялся тянуть свою лямку, энергии прибавилось и работаю с охотой, это самое главное. Конечно, учеба дала свои плоды – теперь я стал офицером, теперь ты можешь порадоваться.

Свое обещание я выполнил, вчера послал тебе малую толику. Получишь – напиши. Интересно, почему это Нина потеряла всякую гражданскую совесть и ничего мне не пишет? Вообще, я вижу, она игнорирует мою личность, посмотрю еще, что дальше будет.

Как твое здоровье? Думаю, что все в порядке. Что там нового у вас в техникуме и вообще в школьной жизни?

Эх, знаешь, посмотрел бы сейчас на всех вас, посидел бы с вами вечерок и вспомнили бы доброе старое время! Но все это пока напрасные мечтания. Все же очень давно уехал я от вас, сколько воды утекло и сколько изменений! Ну, вот когда снова съедемся все вместе и соберемся за одним столом, все забудется.

О себе, пожалуй, много писать нечего – все обстоит по-старому. Чувствую себя хорошо, немного нездоровится, но это чепуха, явление временное.

Заходит ли к вам Е.Я.? Ты, надеюсь, не забываешь передавать ему от меня приветы, я его уважаю, он ведь много сделал для нашей семьи хорошего. Ну, пока и закончу, что-то плохо мысли укладываются. Жду твоего письма и имею надежду, что и Нина удастся черкнуть пару строк. Большой привет всем!

Твой Владимир.

24/I 1944 г.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо. Благодарю за хорошие пожелания, пытаюсь, конечно, не подкачать. Много интересных новостей ты сообщил в своем письме относительно школьной жизни. Да, видимо, этому сейчас придано большое значение и, конечно, все эти мероприятия дадут огромный результат.

Что это вы там все болеть принялись? Ты, видимо, основательно прихворнула! Как твое здоровье сейчас? Надо более внимательно относиться к своему здоровью. У тебя, следовательно, началось второе полугодие, и учебная нагрузка снова увеличилась. Смотри, не перенапрягайся. Вообще, наверное, у тебя условия работы несколько лучше сейчас, чем было ранее.

Я живу все по-прежнему. Чувствую себя хорошо, с порученным делом осваиваюсь все больше и больше. Не предвидел я раньше. Что буду партийным работником, но, как видишь, это стало фактом. Дело очень интересное, живое и я стараюсь отвечать им. Небольшая практика у меня уже имеется, и постепенно будет увеличиваться.

Скоро мы с тобой будем отмечать свой очередной юбилей. А порядочное число прошедших лет остается за плечами, даже сам не веришь, что это так. Но факты – вещь упрямая. Вспоминаю, как раньше мы отмечали это наше семейное торжество, наверно, и в этот раз вы все так скромно отметите это событие и, конечно, наши немногие друзья нанесут вам визиты. Ну ладно. Следующий юбилей надеюсь встретить с вами вместе.

Пиши, как живете. Что у вас нового, и как идут ваши дела. Сегодня я даже от Нины получил письмо, она ведь не особо щедра на письма. Завтра напишу ей ответ, а пока поблагодари ее от моего имени за внимание. Я, конечно, напишу ей сам. Получила ли ты мой перевод? По моим расчетам уже должна получить. Ну, пока и закончу. Большой привет Шуре, Нине, моему племяннику и всем вашим друзьям.

Целую. Твой Владимир.

15 февраля 1944 г.

Поздравляю тебя, Шуру и Валерика с праздником 26-й годовщины Красной армии. Желаю здоровья всем вам и счастья.

Живу хорошо. Послал всем вам письма. Жду ваших ответов. Привет от всех моих друзей.

Целую всех вас, Владимир.

20.02.1944 г.

Письмо написано на открытке «воинское». Направлено по адресу: Архангельск. пр. Сталинских ударников, дом 118, фл. 2, кв. 8. Пустохиной Лидии Александровне. Адрес отправителя: «Полевая почта 26408». Злобин В.С. Открытика 23 февраля. Изображен боец, который из автомата расстреливает оккупантов.

Здравствуй, дорогая мама!

Получил твоё письмо. Благодарю за поздравления. Очень меня пугают ваши заботы обо мне, о состоянии моего здоровья. Ты прошишь написать тебе более подробно, могу сказать, что эти легкие недомогания уже бесследно исчезли, и сейчас мне жаловаться на свое здоровье не приходится. Конечно, я сам виноват в этой истории – думал, что все ерунда, знаешь ведь меня, что я не люблю по пустякам к врачам обращаться, ну я и запустил. Сейчас повторяю, все закончилось. Обещаю тебе в дальнейшем подобных вещей не допускать.

Да, пока не забыл, разреши поздравить тебя, Шуру, Нину с вашим праздником 8 Марта, и пожелать вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы. Вы все близкие мне женщины и многое делаете для

нашего общего дела, честно трудитесь на своих постах, активно участвуете в общественной жизни, и я этому очень рад и горжусь вами.

Живу я хорошо, все в порядке, со своими обязанностями пока справляюсь, правда иногда бывает сам собой недоволен, кажется, что то или иное можно было сделать лучше, но в основном пока дело идет. Дней 10 тому назад я перевел вновь тебе скромную сумму. Наверно, скоро получишь, прошу известить меня о получении. Шуре я послал в прошлом письме свое фото, к сожалению, не имею возможности послать тебе, т. к. нет больше у меня. Ты надеюсь, поймешь, что ведь это дело сопряжено с большими трудностями, конечно, если бы это зависело от меня, я бы вам всем послал. Как ты находишь мое изображение? Похож ли я немного на того, кем был до моего отъезда?

Время ведь идет быстро, много воды утекло с момента моего отъезда. В общем, когда вновь встретимся, будет, о чем поговорить. Пиши, как живете, что у вас нового? На краткость моих писем не обижайся, вообще я не мастер длинные письма сочинять. Во всяком случае основное я всегда напишу. Ну, будь здорова! Большой привет Шуре, Нине и незнакомому моему племяннику.

Целую тебя. Владимир.

6.03.1944 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Получил твое письмо. Пользуясь, моментом решил черкнуть пару строк. Значит, то, что посыпал тебе, ты получила. Ну и хорошо. Вот извини, что в этот раз не смог тебе снова перевод, т. к. послал отцу и немного «вышел из бюджета». В следующий раз пошлю тебе. Рад, что все вы живете хорошо и здоровы. Я тоже живу хорошо, здоров и чувствую себя прекрасно.

Поздравляю тебя с очередным юбилеем, желаю тебе здоровья и всякого благополучия. Опять не пришлось в этот день нам вместе собраться, но ничего, когда-нибудь и съедемся. Как поживает Нина, каковы успехи ее в работе и вообще в жизни. Что она мне не пишет? Ну, пока и кончу. Извини за краткость – некогда. Большой привет всем! Целую тебя. Твой Владимир.

21.03.44 г.

Адрес: город Архангельск, проспект Сталинских ударников, дом 118, флигель 2, квартира 8. Пустохиной Лидии Александровне.

Полевая почта 2. «Били, бьем и будем бить» – двадцатилетию февраля 1944 года.

* * *

Здравствуй, дорогая мама!

Получил твоё письмо и вижу, что ты довольно неаккуратна в отношении переписки со мной. Конечно, дел у тебя много, но как-нибудь уж выкраивай несколько минут для ответа.

Ты спрашиваешь моего совета насчет твоего решения переменить место жительства. По-моему, это будет неплохо, конечно, надоело все время быть на Севере. В общем если возможность представится, нужно ей воспользоваться. Я бы тоже не возражала. Правда сейчас я о многом и не мечтаю, ведь нам обычный сухой угол кажется чем-то недосягаемым.

О себе много писать нечего. Живу хорошо, здоров, чувствую себя неплохо. В общем, у меня все в порядке. Через несколько дней пошлю тебе некоторую сумму денег. Пиши, как вы все там живете, что у вас нового и пр. Большой привет Шуре, Нине и Вадику.

Целую тебя. Владимир.

12.04.1944 г.

Адрес: город Архангельск, пр. Сталинских ударников, дом 118, флигель 2, квартира 8. Пустохиной Лидии Александровне.

Полевая почта 26 481. «Били, бьем и будем бить» – двадцатилетию февраля.

* * *

Здравствуй, дорогая мама!

Поздравляю тебя и всех вас вместе взятых (вот еще как выразился) с наступающим праздником – днем 1 Мая. Желаю вам всем здоровья, счастья и всякого благополучия. Надеюсь, что этот праздник вы встретите хорошо, в кругу своей семьи, только для полного торжества меня и не хватает с вами. Ну ничего, будет еще у нас впереди много радостных праздников, которые мы будем встречать вместе.

Живу хорошо, все в порядке. Почти не успеваешь замечать, как время идет, снова на дворе весна, у вас, наверное, уже и снега давно нет. Пишите, как живете, очень вы меня не балуете письмами, кроме

Шуры. Я послал тебе на днях маленькую сумму. Получишь – извести. Ну, пока и закончу. Большой привет всем вам, дорогим для меня! Целую всех вас. Владимир.

23.04.1944 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Несколько дней тому назад получил твоё письмо, но с ответом, как видишь, немного задержался. Прошу особо не гневаться, вообще-то ведь такое мое поведение не как правило, а как исключение. Прежде всего, благодарю тебя за поздравление и за твою заботу обо мне. Но ты очень уж сгущаешь тона, рисуя мое ерундовое заболевание таким серьезным фактом. Все это, разумеется, мелочь, сейчас уже все прошло. Многие твои советы, конечно, исходят из незнания тобой условий нашей жизни, поэтому они наивны. В общем, не беспокойся за меня и не расстраивайся.

Я тут незадолго до праздника перевел тебе небольшую сумму. Получишь – напиши. Живу хорошо, все в порядке. Вчера отметили день 1 Мая, был митинг больше, пожалуй, и нечего особо не было. Конечно, все и так обширную программу выполнили в этот день. Как твои успехи на учебном фронте, скоро ведь у вас экзамены и конец года? Каковы твои планы на будущий год? Вообще пиши, как все вы живете. Пока закончу. Большой привет всем. Целую тебя, твой Владимир.

2.05.1944 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Получил твоё письмо и отвечаю. Прежде всего, хочу поздравить с благополучным окончанием учебного года, с успешными занятиями твоих студентов. Представиться ли возможность тебе отдохнуть в этом году? Я рад, что положение с твоим здоровьем улучшилось – это очень хорошо. Каковы твои намерения относительно работы в будущем учебном году? Пиши о своих планах.

Я живу по-прежнему хорошо. Знаю, что вам надоела эта стереотипная фраза, но, в самом деле, нечего особо расписывать вам – все

идет своим чередом. Ты собираешься летом съездить в Устюг с внучатами. Не знаю, сможешь ли ты осуществить эти намерения, туда ведь хорошо ехать в первой половине лета, до спада воды. В общем, тебе, конечно, отдохнуть следовало бы. Уехала ли Нина в командировку? Она уже который раз собирается ехать к отцу. Ну, будет здорова! Привет Шуре, Нине и Вадику. Пиши.

Целую! Твой Владимир.

22.05.1944 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Получил твое письмо, благодарю за все новости, которые ты мне сообщила. К сожалению, сейчас не располагаю временем и условиями написать тебе более подробно.

На счет твоей дальнейшей работы затрудняюсь дать совет. Помоему, тебе не мешало бы годик отдохнуть, в крайнем случае, взять на себя минимальную нагрузку.

Я очень удивлен, прочитав отзыв, который тебе дал директор. Не верю этому, просто, очевидно, дело решено необъективно. В общем, конечно, наплевать на это, не размышляй. Ты мне сообщи свое решение.

Я живу хорошо, самочувствие прекрасное. Еще бы, мы ведь идем вперед, освобождаем нашу землю от этой фашистской сволочи, с которой много счетов у нас накопилось. Теперь они чувствуют на своей шкуре наши удары.

Наша часть награждена орденом Красного Знамени. Это очень большое дело для нас.

Ну, пока и все. Пишите мне чаще. Большой привет Шуре и Нине. Крепко всех целую. Ваш Владимир.

7 июля 1944 г.

Здравствуй, мама!

Решил тебе написать, считаю, что ты должна уже вернуться из своей поездки. Очень рад, что вы все побывали у отца. Благодарю за

пожелания. Жду, что ты напишешь мне о своем решении в отношении дальнейшей работы.

Сегодня наскреб небольшую сумму (300 р.) и перевел тебе, думаю, пригодится. Получиши, напиши.

Как доехала обратно, что интересного видела за время пребывания в Устюге? Ты, конечно, стараешься писать мне.

Я живу хорошо, здоров, настроение бодрое, в общем, все обстоит в порядке.

Многое писать нечего, когда-нибудь все узнаете. Нока и все. Не обижайся за краткость. Большой привет Шуре, Нине.

Целую всех, Владимир.

06.08.1944 г.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо, написанное тобой, видимо, в минуты пессимизма. Действительно, ты уж очень мрачно оцениваешь перспективы твоей дальнейшей деятельности. По-моему, это не совсем так. Конечно, ты довольно болезненно перенесла свой уход с работы в мортехникуме, я понимаю твое самочувствие при выслушивании всех этих «веских причин». Но, во всяком случае, я не понимаю, зачем тебе сейчас самоутверждаться, считать себя каким-то ненужным человеком, которому, пожалуй, и дела не найдутся. Это, разумеется, глупость, и я уверен, что ты так не рассуждаешь серьезно.

В общем, ты должна знать себе цену и не поддаваться разным ненужным настроениям. Я, разумеется, хорошо понимаю, что ты основательно переутомилась, все же не так уж молода ты сейчас, да и работала очень много. Не знаю, что тебе посоветовать на будущее. Тебе, конечно, и отдохнуть годик другой не было бы лишним.

С другой стороны (я ведь знаю твой жизненный уклад), тебе будет очень тяжело без великой деятельности, ведь вся эта «домашняя возня» тебе быстро надоедает. В общем, не знаю, быть может, ты выберешь середину, т.е. возьмешь какую-либо небольшую работу, и больше времени будешь находиться дома. Тогда, по-моему, все уравновесится. Конечно, одну зиму «для пробы» можешь и отдохнуть, если войдешь во вкус, то можно будет и продолжить этот образ жизни. Итак, решай сама, взвесь все и приди к какому-либо выводу.

Я недавно послал тебе небольшую сумму, считаю, что после поездки это будет кстати. Рад, что ты съездила в Устюг – обновила свои впечатления и, разумеется, отдохнула. Пиши, как доехали обратно, и как будут идти твои дела в дальнейшем.

Я живу хорошо, конечно, бывает и тяжело, но что поделаешь. Скоро вот съедемся все вместе, будет, о чем поговорить. Как все мы изменились! Время много ведь прошло. До встречи ждать недолго. Пока закончу. Пиши! Привет всем!

Твой Владимир.

19 августа 1944 г.

Здравствуй, мама!

Получил твое письмо, немало удивился. Видимо, твой жизненный корабль избрал другой курс, и ты сейчас пробуешь свои силы на новом поприще служащий деятельности. Не знаю, как пойдут твои дела, конечно, на первых порах неудачи вполне возможны, и ты заранее не отчайвайся. По-моему, рано еще делать выводы, что ничего не выйдет и пр. Конечно, смотри сама, выбирай себе работу в пределах своих сил, не перегружайся. Когда окончательно остановишься на одном из тех вариантов, о которых ты пишешь, напиши мне.

Вообще, конечно, неплохо бы писать мне почаше. Конечно, это мое мнение, может быть, с ним не стоит считаться. Видишь ли, меня все же это огорчает, что письма идут крайне редко, а некоторые из вас вообще в течение двух-трех месяцев не соизволят пару строк черкнуть. Впрочем, я не хочу навязываться. Чувствую, что начинаю сбиваться со своего обычного тона. Ладно, хватит об этом.

Живу я все также. Я писал тебе и Шуре в последних письмах все наиболее важные изменения в моей жизни. Так что, думаю, вы в курсе дела.

Теперь совершенно ясно, что скоро, очень скоро, наступит день нашей окончательной победы над проклятым фашистом. Вот тогда снова соберемся вместе и обо всем подробно поговорим, тогда уж я все вам расскажу.

Пиши, как живете, что нового, и вообще держи меня в курсе событий. Вообще, конечно, я в курсе всех событий – у нас есть радио,

мы слушаем последние известия. Сегодня даже слушал Архангельскую станцию и невольно подумал, не ты ли редактировала представленный материал.

Ну, пока и все! Большой привет всем «родичам».

Целую всех вас. Твой Владимир.

25 сентября 1944 г.

Здравствуй, мама!

Вы все, наверное, в большой претензии на меня за слишком долгое молчание. Поверь, не всегда есть возможность написать, а главное – отправить.

Мы каждый день идем вперед. Освободили от гитлеровской нечисти Советское Заполярье и вообще Север, а сейчас мы успешно громим фашистскую сволочь на территории Норвегии. Так что пришлось мне и здесь побывать. Ну ладно.

Живу я хорошо, все обстоит в порядке. Поздравляю всех вас с наступающим праздником 27-й годовщины Октября и желаю вам счастья. Шуре сегодня тоже послал поздравительную открытку. Пишите мне.

Крепко всех целую. Ваш Владимир.

28.10.44 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Получил сегодня твое письмо от 10.11.44 г. Не знаю, почему вы так долго не получали моих писем. Я, во всяком случае, старался написать кому-либо из вас более или менее аккуратно. Жаль, что не получили вовремя моих поздравительных открыток, я не забывал вас поздравить с праздником, не то, что вы все. Ну ладно, считаться будем дальше.

Вижу, что у тебя все еще ничего не определилось с работой. Не знаю, что тебе и посоветовать. Ты как-нибудь сама реши эти вопросы. Плохо, что я слишком далеко от вас.

Я живу хорошо. Писал уже вам, что недавно меня наградили орденом Красной Звезды. Это, разумеется, очень большое событие в

моей жизни. Рад за вас всех, что вы здоровы, плохо лишь то, что настроение твое в связи с неудачами в работе неважное. Будь бодра, все устроится. Очень желаю, чтобы ты устроила свои дела. Ну, пока и все. Обо всем новом буду писать – следите.

Крепко вас всех целую. Твой Владимир.

19 ноября 1944 года.

4.5. Письма 1945 года

Здравствуй, дорогая мама!

Два дня назад получил твое письмо. Очень долго почему-то идут письма, безобразно. Попыткаюсь подробнее ответить на все затронутые тобой вопросы. Во-первых, насчет твоих «обид» на меня. Поверь мне, это ты все преувеличиваешь. Почему ты так плохо обо мне думаешь? Если весь вопрос в фотографии, то поверь, это объясняется тем, что я имел их всего 3 и считал, что поскольку у вас одна будет (та, что я Шуре послал), то вторую нужно послать папе, так я и сделал. Конечно, если необходимо, я пошлю тебе последнюю.

которую оставил для себя. В общем, ты напрасно меня ревнуешь, ведь, в конце концов, ты сама когда-то любила. Так ведь? Поэтому ты должна и меня понять. Договорились? А скрывать от тебя мне нечего – я очень люблю Шуру. Поэтому не думай, что я безучастен к тебе и пр. и т. д. Это не так.

Теперь насчет Нинны. Вижу, что она опять не решила некоторые разочарования, вернее, неприятности. Но я уверен, что она будет еще счастливой, я этого ей от всего сердца желаю. Все перемелется, не надо строить все свои заключения по отдельным фактам. Рад за тебя, что работа твоя не утомляет тебя и дает тебе некоторое удовлетворение. Благодарю тебя за поздравления к Новому году. Правда, 1945 год я встретил очень хорошо, так, как и мечтать не мог, не хватало лишь еще вас, тогда бы вообще идеальный случай был. Ничего, в недалеком будущем мы снова соберемся под одной крышей, возьму я в руки гитару, и споем мы хорошие песни и затем (чем черт не шутит) и «отмирающего лебедя» исполним.

Ну ладно, все это будет в свое время.

О своей жизни многое писать нечего, ты все знаешь. Конечно, я очень желаю побывать у вас, пока ничего не получается, что будет дальше – увидим. Пока на этом и закончу. Пиши мне! Большой привет всем обитателям квартиры 8. Крепко всех вас целую.

Владимир.

11.01.45 г.

Последние письма

Здравствуй, дорогая мама!

Как видишь, собрался черкнуть тебе пару строк о своей жизни, воспользоваться случаем. Конечно, особых изменений в моей жизни нет, все идет по-прежнему. Правда, за последнее время много нового пришлось увидеть, а дальше будет, очевидно, еще много всего. Перед моими глазами прошло много городов, mestечек, сел и пр. Конечно, не предполагал я, что придется побывать в других странах, но война везде нас пораскидала. Так что волей судеб, я имею возможность знакомиться с жизнью за пределами нашей Родины.

Знаешь, везде мы еще раз убедились, что лучше нашей страны нет. Все здесь не то. Особенно бросается в глаза крайняя отсталость населения и низкий уровень развития. К нам поляки относятся хорошо, и они убедились, что много клеветы на нас им распространяли. В общем, свое время расскажу обо всем подробно.

Живу я хорошо, все в порядке, и вы не беспокойтесь. Пишите мне, как идут у вас дела, что нового в вашей жизни, одним словом – все.

Очень уж я доволен, что удалось мне навестить вас перед отъездом. Как идет твоя работа, и как проживает Нина? Писем ваших пока, к сожалению, я не имею, но, видимо, скоро получу.

Пока на этом и закончу. Через несколько дней снова напишу. Сердечный привет всем родным и друзьям! Целую тебя и желаю успеха.

Твой Владимир.

25.02.45 г.

Здравствуй, дорогая мама!

Сегодня собрался, наконец, и тебе черкнуть пару строк. Наверное, ты снова обижаешься на меня за мою неаккуратность. Но, с другой стороны, должен сказать, что я написал тебе несколько писем, а от тебя получил пока лишь одно. Ну ладно, это вместо вступления. Разумеется, я всегда буду стараться написать вам о себе, если не всем сразу, то по очереди. Во всяком случае, я держу вас в курсе событий моей жизни.

От вас всех писем долго я не имел, очень долго ничего не знал, как вы живете, как здоровье и вообще, что у вас нового со времени нашей последней встречи. Наконец, через 50 дней я получил сразу около десятка писем и читал их целый вечер. Очень рад за всех вас, что все у вас обстоит благополучно.

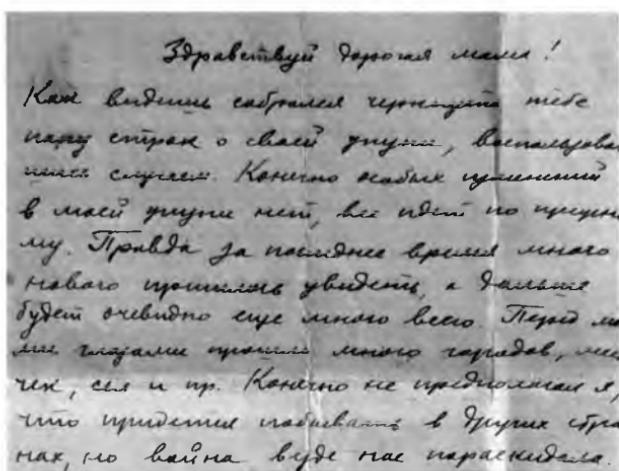
Все же замечательно, что удалось мне со всеми вами повидаться хотя и непродолжительное время. Сейчас я по красней мере представляю себе условия, в которых вы живете, и все связанное с вашей жизнью.

Я, со своей стороны, также живу хорошо. Больших изменений в моей жизни нет. Здесь у нас уже весна в полном разгаре, начинаются теплые дни. Мы очень рады, что, наконец, эта грязь начинает подсы-

хать, ибо было весьма неважно передвигаться. Конечно, много всего было, но все идет своим чередом.

Через несколько дней моя очередная годовщина. Подумать только, скоро совсем стариком стану. Правда, я еще себя особо стариком не чувствую, но против фактов не пойдешь. Вместе с этим ведь и твой день рождения на носу. Разреши поздравить тебя с очередным юбилеем, пожелать тебе здоровья, успехов в жизни, радости. Обычно мы с тобой эти два события отмечали вместе, в кругу друзей, но в этот раз еще придется быть в разных концах земли. Ничего, уверен, что в следующем году наши юбилеи с тобой будут достойным образом отпразднованы в обычных условиях. Рад успехам Нины. Она молодец и пусть не унывает. Жду от нее писем. Ну, пока и все. Сердечный привет Нине, Шуре и малышам нашим. Крепко всех вас целую. Твой Владимир.

22 марта 1945 г. Пиши!

Это было последнее письмо, Владимира Степановича к матери Лидии Александровне и сестре Нине Степановне из Польши. Оно им было написано за несколько дней до своего дня рождения (28 марта) и дня рождения своей матери (30 марта). При неожиданном обстреле дома, где было собрание штаб-полка, он получил смертельное ранение в шею.

5. В.С. Злобин: «О будущем устройстве мира после Победы» (выступление перед активом и бойцами военной части в 1945 году)

Сохранившееся информационное выступление В.С. Злобина перед бойцами своей части о планах, переустройстве мира после окончательного разгрома фашистской Германии (переслано с фронта на адрес Злобиной А.И.)

Упрочнение и расширение фронта противогерманской коалиции. Вопрос о мире и безо опасности

1. Создание против германской коалиции в ходе войны.

- Настоящим Гитлеровская клика, вероломно напав на Советский Союз, рассчитывала на полную изоляцию СССР, но немцы жестоко просчитались.
- Советский союз приобрел мощных союзников в войне против гитлеровской Германии.
- Помощь, оказываемая СССР нашими союзниками с начала войны.
- Заключение союза и взаимных действий между СССР, Англией, США (июль 1941 г.).
- Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны между Великобританией и СССР (26.05.42 г.).
- Соглашение о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии между СССР и США (июнь 1942 г.).
- В ходе войны против гитлеровской Германии союз Объединенных наций креп иширился, нарастали совместные удары по общему врагу, укреплялись связи между Объединенными нациями и согласованность действий.

2. Год упрочнения единства и согласованности действий трех основных держав против гитлеровской Германии.

«Истекший год был годом торжества общего дела против германской коалиции, во имя которого народы Советского Союза, Велико-

британии и Соединенных Штатов Америки объединились в боевой союз. Это был год упрочения единства и согласованности действий трех основных держав против гитлеровской Германии» (Сталин).

Тегеранская конференция (28.11 – 1.12.43). Основные вопросы:

Декларация о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех держав.

«Мы пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга. Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха. Наше наступление будет беспощадным и нарастающим».

Из декларации трех держав:

- Оценка тов. Сталиным Тегеранской конференции (см. доклад о 27-й годовщине Октябрьской Революции: стр. 11 и стр. 18–19).
- Конференция в Думбартон-Оксе (21.08–29.09.44) –предварительные предложения о создании Всеобщей Международной Организации Безопасности с целями: поддержание международного мира, принятия действенных мер для предотвращения агрессии урегулирования международных споров, развитие дружественных отношений... Я думаю, что решение конференции в Думбартон-Оксе следует рассматривать как один из ярких показателей прочности фронта противогерманской коалиции» (Сталин).

Попытки создания органа международной безопасности после 1-й мировой войны (Лига наций – 1919 г.)

Причины провала 1-й попытки организации международной безопасности:

а) Устав Лиги был построен на равенстве всех своих членов (формально): каждый член имел только 1 голос; для принятия решений по наиболее важным вопросам требовалось единогласие.

б) Предусматриваемая уставом Лиги борьба с агрессией была очень медлительна и бюрократична (процедура).

в) Устав Лиги возлагал на нее также целый ряд функций чисто гуманитарного характера, что отвлекало Лигу от основной задачи.

Кроме этих организационных дефектов, были еще более важные причины:

- 1) Советский Союз не был приглашен к участию в Лиге наций до 1934 года и по 1939 г.
 - 2) США с самого начала не вошли в состав Лиги.
 - 3) Япония, совершив акт агрессии в Маньчжурии в 1935 году, вышла из Лиги.
 - 4) Германия в 1933 году также вышла из Лиги, развязав себе руки.
 - 5) Италия, взяв курс на агрессию в 1937 г., также вышла из Лиги.
- Единый фронт миролюбивых стран против агрессии не был создан, и в сентябре 1939 года разразилась Вторая мировая война, похоронившая Лигу наций.

Общие контуры будущей международной организации защиты мира.

На конференции в Думбартон-Оксе проделана большая работа в структуре новой организации безопасности.

- Признавая принципы равенства всех миролюбивых государств, проводится четкая грань между великими державами и остальными государствами.

В генеральной Ассамблее каждая держава имеет 1 голос, но в Совете Безопасности (избираемой Ассамблей) 5 великих держав имеют постоянные места, все остальные выбирают 6 мест через каждые 2 года.

- В ассамблее все важные решения принимаются большинством – 2/3 голосов. В совете метод голосований пока не установлен, но предполагается большинством, в него входят великие державы.
- Ассамблея рассматривает общие принципы сотрудничества в деле поддержания мира. Все вопросы, по которым необходимо предпринять действия, передаются Совету Безопасности.
- На Совет Безопасности возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Решения Совета все члены организации обязаны выполнять. Все это сильно поднимает престиж великих держав.
- Совет Безопасности определяет, какие дипломатические, экономические и даже военные меры должны приниматься для осуществления его решений.

- В распоряжении Совета должны быть в постоянной готовности контингенты военно-воздушных сил для совместных международных предупредительных действий.
- Решения конференции в Думбартон-Оксе не являются окончательными, но они являются большим шагом в организации органа безопасности.
- Крепкое боевое содружество между СССР, США и Великобританией в войне против фашизма является хорошим предзнаменованием для успешной работы великих союзников в деле укрепления мира и безопасности после войны.
- Тов. Сталин об эффективности международной организации безопасности (см. стр. 25 доклада).

6. ПОСЛЕ ВОЙНЫ. ВСПОМИНАЯ ПРОШЛОЕ

О Владимире Степановиче Злобине и трагедии, которая произошла на фронте, о его гибели в самом конце войны я узнал, когда меня после войны в 1946 году из Вологодской деревни Порозово, из города Вологды на поезде привезли в Архангельск, и я стал жить по адресу: Наб. им. Сталинских ударников, д. 118, ф. 2, кв. 8.

Именно по этому адресу и отправлялись все письма с действующими фронтами от Владимира Степановича Злобина в Архангельск. По этому адресу после войны проживала моя мать: Батыгина Надежда Ивановна, моя тетя – Злобина Александра Ивановна (тетя Шура), ее сын Валерик, а также Пустохина Лидия Александровна (в своих письмах Владимир Степанович называл ее «мамой»), ее дочь Нина Степановна и ее маленький сын «тети Нины» – Димка, с которым мы потом играли в кубики.

Моя мать Надежда Ивановна и ее сестра Шура (Александра Ивановна) жили в одной большой комнате. Посредине ее стоял большой четырехугольный стол с двумя небольшими ящиками, над столом висел большой красный матерчатый абажур с электролампочкой внутри. По стенкам стояли две кровати, диван и шкаф с посудой. Комната отапливалась печкой, которая была у входа в коридор. Небольшая полка с книгами стояла у окна. Кроме книг по анатомии человека и медицинским болезням там было собрание трудов И.В. Сталина, В.И. Ленина и некоторые книги советских писателей. Там же были альбомы с фотографиями и открытками. В то время было принято коллекционировать и собирать в альбомы художественные открытки, фотографии любимых артистов и альбомы с семейными фотографиями.

Когда в 1946 году я приехал в Архангельск и через год пошел в первый класс, я не раз слышал, как взрослые обсуждали вновь и вновь эту трагедию на фронте, пытались выяснить обстоятельства гибели Владимира Степановича в далекой Польше. Они сожалели, что, раз он был болен, то мог бы и неходить на злополучное заседание штаба полка, во время которого он погиб. Обсуждали и неожиданное появление загадочных партизан, которые обстреляли дом, как раз в то время, когда там собрался штаб. В результате чего по-

гибло нескольких человек и смертельно был ранен осколком в шею Владимир Степанович.

После школы, я часто заглядывал в альбомы тети Шуры. И как-то особенно внимательно рассматривал фото, где был Владимир Степанович в военной форме. Он был моим тезкой, его тоже звали Владимиром, и это привлекало внимание. Почему и меня тоже называли Владимиром? Запомнились его фотографии той поры, где он что-то рассматривает в подзорную трубу, которая стоит перед ним на столе. На другой фотографии он держится за руль велосипеда. Я тоже тогда учился ездить на велосипеде. А вот в альбоме маленькие фото, где он в военной форме сидит в поле и целится из пистолета, а потом еще фото: трое солдат, одетых в полуушубки и валенки, стоят на опушке леса в снегу.

Из писем с фронта я узнал, что о моем существовании Владимир Степанович знал и несколько раз даже упоминал обо мне в письмах как о «Вовке, который живет в Порозове». Сам он в письмах тоже не раз вспоминал Порозово – небольшое в то время поселение недалеко от Вологды, на берегу реки Вологды – как место, где они прекрасно провели время с молодой женой Шурой, а однажды даже заблудились в лесу. Из Порозова от моего деда Батыгина Ивана Никандровича, механика маслозавода, В.С Злобин во время войны получал письма и даже посылки с молочными продуктами. В письмах Владимира Степановича с фронта есть упоминание фамилии директора этого завода или управляющего Мохова (из Кубенского), который тоже принимал участие в отправке этих посылок на фронт. Наконец в Порозове жил некоторое время и Валерка – сын В.С. Злобина.

Время шло быстро и сестры Батыгинь со временем в «хрущевско-брежневское время» от горбольницы и больницы Н.А. Семашко, где они работали, получили отдельные двухкомнатные квартиры и разъехались по разным адресам. Пустохина Л.А. с Ниной Степановной и Димкой уехали в Иваново. Однако для меня это была первая Городская квартира в деревянном двухэтажном доме на набережной, где я жил и учился в 23-й школе им. А.С. Пушкина.

Главной заботой Александры Ивановны (Шуры) после гибели мужа в конце войны стал их единственный сын Валерик. К сожа-

лению, все попытки восстановить у него слух медицинскими способами оказались безрезультатными. Но благодаря заботам мамы он получил полноценное среднее образование. Сначала он учился в специальной школе в поселке Андриянове недалеко от Архангельска, а затем и в городе Шуе, недалеко от Иванова. Он выучился на столяра высокого разряда и всю жизнь работал столяром на заводе «Красная Кузница» по ремонту и оборудованию речных и морских судов.

Архивы и книги Александры Ивановны после ее смерти в 1978 году оставались в его распоряжении. Теснота советских квартир, обновление мебели, замена старых книг на телевизоры и компьютеры привели к тому, что старые альбомы и архивы вместе со старомодной мебелью оказались на даче. Дача Злобина Валерия Владимировича была недалеко от Архангельска на острове Кего (Кегострове). Что делать со старыми книгами, письмами, альбомами он не знал, хотел даже их сжечь в печке.

Когда я узнал об этом, то попросил передать их мне. Видимо, ему тоже очень хотелось их сохранить, и он их привез обратно в город и передал мне. Так, в моем распоряжении оказались уже знакомые мне старые альбомы с фотографиями и открытками, а также белая дамская сумочка с аккуратно сложенным в нее дневником Александры Ивановны и письмами с фронта Владимира Степановича, о которых я даже не знал. Они были сложены в отдельные сверточки и перевязаны красными ленточками. Их, как видно, никто не разворачивал. Там же были почти истлевшие документы Валерия Степановича: аттестаты, справки с места работы. Некоторым из них было уже более ста лет.

Мне почему-то было очень жаль, что память о безусловно талантливом человеке Владимире Степановиче Злобине могла навсегда исчезнуть. А разве справедливо позволить исчезнуть памяти о человеке, патриоте своей родины, отдавшем за нее свою жизнь и погибшем вдали от родины? Он ведь прошел всю войну: в Лахте под Архангельском в сентябре 1941 года получил боевую подготовку и сразу в бой на Карельский фронт, чудом не погиб, был контужен, затем участвовал в освобождении Тихвина, потом опять Карельский фронт и Заполярье, потом освобождение Печенги, далее Норвегия,

потом на Западный фронт – Вологда, Москва, Украина, Львов на освобождение Польши.

В марте 1945 года он погиб на пути в Берлин, вблизи несуществующего на карте села «Бзезамецьк», и по сути, похоронен в безымянной могиле в чужой земле. Мне хотелось более точно узнать место его гибели и оставить память о нем.

Ближайшие родственники Владимира Степановича – его супруга Александра Ивановна (Шура) и сестра Нина, как можно было судить по некоторым документам, также не раз пытались узнать детально об обстоятельствах его гибели. Вероятно, вначале были попытки неофициально найти очевидцев. Проблема осложнялась тем, что все конкретные данные во время войны были засекречены, все письма проверяла военная цензура. С Карельского фронта часть, где служил Владимир Степанович, была переведена на Европейский фронт, а именно на укрепление Украинского фронта. В записях на отдельном листке карандашом, почерком Александры Ивановны Злобиной, упоминается 1-я гвардейская армия, 69-я часть, подполковник Евменов Ефим Георгиевич (Моравска-Острава 30/04 1945).

Насколько можно было понять, Александра Ивановна Злобина прежде всего старалась установить, какая воинская часть получила звание Печенгской за освобождение этого северного пункта, граничащего с Норвегией (о чем писал Владимир Степанович в письме) и затем была переведена для усиления 1-й гвардейской армии, действовавшей на Украинском фронте. В этой части и служил Владимир Степанович. Видимо, попытки не увенчались успехом. О поиске населенных пунктов свидетельствует ссылка на книгу: «Освобождение» – справочник городов под редакцией Иванова, 1985 г.

Поиски продолжались. Большини возможностями в этом отношении располагала младшая сестра Владимира Степановича – Нина Степановна Злобина, которая работала в системе МВД. Нина Степановна пыталась выяснить подробности этих событий, писала запросы, пытаясь установить более точное место захоронения брата, найти свидетелей трагедии. Однако ответы приходили не сразу и не радовали конкретикой.

Проживая уже в городе Иваново, она написала письмо в Печенгский районный военный комиссариат Мурманской области с запро-

сом о том, какая же военная часть освобождала этот населенный пункт, где шли тяжелые бои, за что ей и было присвоено «звание Печенгской». Однако ответ удивил и разочаровал. За подписью подполковника Инякина она получила ответ: «Сообщаю, перечнем частей, которые в период Великой отечественной войны освобождали Печенгский район, военкомат не располагает.

Для получения сведений, в каком полку воинской части проходил Ваш брат старший лейтенант Злобин Владимир Степанович во время Великой Отечественной войны службу, следует обратиться в архив МО СССР, город Подольск Московской области или в райвоенкомат, которым он был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. (16.04 1984 № 4/ 399 пос. Янкель Мурманской области)».

Нина Степановна написала запрос и в Подольск. На второй запрос Злобиной Нины Степановны (проживавшей уже в г. Иваново) в Центральный архив Министерства обороны СССР от 24 мая 1985 года № 3 (75259), расположенный в г. Подольске Моск. обл. (142100), был получен ответ:

«В книге учета безвозвратных потерь личного состава 69-й горно-стрелковой бригады за октябрь 1944 г. – май 1945 г. значится: «Инструктор по информации ст. лейтенант Злобин Владимир Степанович, 1913 г. рождения, убит 25 марта 1945 г., похоронен в с. Бзезамецки на бригадном кладбище».

Книг учета офицерского состава 69-й ГСБР за 1945 г. на хранении в ЦАМО СССР нет. В ведомостях на выдачу денежного содержания личному составу управления 69-й ГСБР за январь 1945 г. значится: «Командир бригады подполковник Евменов Е.Г., Зам. командира по полит. части: подполковник Задорин М.Я., начальник штаба подполковник Лебедовский С.П.» Другими сведениями по существу письма ЦАМО СССР не располагает. Основание:

ф. 1873, оп. 2, д. 31 л. 28, д. 44, л. 6. Исполнитель Коничева.

Арх (Павлюков). Печать Центрального архива МО СССР.

После ответов из этих инстанций писать куда-либо еще было уже бессмысленно.

За последние сорок лет с той поры в информационном отношении в мире многое изменилось – появился Интернет. Наш полуторачасовой поиск в Интернете по адресу: «село Бзезамецьк, Польша», как

написано в похоронке, не увенчался успехом. Аналогичным образом завершился поиск на подробнейшей карте Польши села Брезамецки, (как было написано в ответе из «Центрального архива» МО СССР). Добавление в поисковик слов «бригадное кладбище» ситуацию не улучшило – таких кладбищ в Польше оказалось великое множество. При освобождении Польши в боях в разных населенных пунктах погибло более 22 тысяч советских солдат.

У нас возникла мысль, что русский перевод названия села, где похоронен Владимир Степанович, не вполне соответствует польскому названию. Я с моим сыном Андреем, весьма сведущим в использовании Интернет-ресурсов, решили еще раз внимательно прочесть последние письма Владимира Степановича. И восстановить маршрут его передвижения до места гибели.

11 февраля 1945 г. он сообщил, что проехал Киев. Действительно, почтовая печать на письме «Киевская область».

14 февраля он написал, что скоро доедет до Львова.

15 февраля он пишет, что им «удалось познакомиться с одним из больших и красивых городов». Возможно, это как раз и был Львов. Там они на некоторое время задержались и поехали дальше.

24 февраля в письме он пишет, что надеется побывать в Берлине.

4 марта 1945 года он сообщает: «В моей жизни пока больших изменений нет, все обстоит по-старому. Изменяется только место, каждый день оно новое. Писем ни от кого не получаю. Только Костя прислал недавно весточку – он где-то в Чехословакии воюет».

Значит, можно сделать вывод, что сам Владимир Степанович находился в другой стране. А именно, в Польше.

Письмо от 16 марта 1945 г.

«Здравствуй, дорогая моя!

Снова собрался черкнуть тебе пару строк о себе, считая, что нельзя долго не подавать о себе вести. Все еще не получил ни одного твоего письма, не знаю когда уж наконец наша переписка восстановится. Не представляешь себе, как хочу знать о вас, хотя бы самое основное. Все же надеюсь, что скоро письма твои будут прибывать.

О себе много писать пока нечего, да и условия не позволяют. Скажу лишь, что по-прежнему воюю, пока все обстоит благополучно. Нахожусь я очень далеко от тебя, так далеко, что и представить трудно».

Письмо от 20 марта 1945 г.

«Здравствуй дорогая моя! Вчера, наконец, я получил от тебя одновременно целых шесть писем! Прямо скажу не было, не было, но зато сразу появилось известие о тебе, Валерке. С твоими письмами я получил 2 письма от отца и письмо от мамаши. Так что мне хватило читать их на целый вечер, и мое настроение, конечно, самое замечательное, правда все дело портила одна вещь, но об этом нельзя!!!

Письмо от 23 марта 1954 г. за два дня до гибели очень краткое сообщение, возможно, писать его было некогда:

«Здравствуй, моя дорогая Шура!

Решил написать тебе пару строк, думаю, что ты не будешь возражать. Я уже писал тебе, что получил одновременно несколько твоих писем и надеюсь, что сейчас наша с тобой переписка вновь наладится. Очень хочу видеть тебя, быть снова с тобой, но пока все это лишь мечты и желания. Ничего, мы с тобой дольше ждали и умеем ждать, это доказано, а теперь ждать уж недолго осталось.

Я живу хорошо, немного, правда, нездоровится, видимо, простился, но это чепуха. Погода здесь сейчас теплая, совершенная весна, а как у вас?»

Таким образом, от Киева до Львова они ехали 4–5 дней и затем целый месяц находились в Польше, перемещаясь по ее территории. Польша – густонаселенная страна, в ней много мелких поселений и дорог. От Львова в Польшу идет трасса А-4. Она идет через такие города, как Пшемысл, Жешув, Краков, затем Катовице, Врослав, Легница, и далее в Германию на Дрезден. От нее отходят более мелкие ответвления дорог. На Берлин идет трасса А-2, которая идет от Варшавы.

На прямой, соединяющей Львов и Краков (тоже красивый город, который был сохранен советскими солдатами от разрушения), мы в Интернете на карте Польши обнаружили два населенных пункта, напоминающих название «Беззамецьк». Это Drzezanka и Brzozowice. Населенный пункт Brzozowice находится ближе к Львову. Путешествуя по карте по трассе А-4, ближе к западной границе Польши, мы обнаружили еще небольшое поселение под названием Brzezimierz.

а на трассе А-4 еще поселение – Przyszowice. Конечно, может быть, нехорошо упрекать соответствующие военные службы того времени в том, что они в своих сообщениях (похоронках) ограничились только русским названием населенного пункта с не вполне адекватным переводом места, где похоронены советские солдаты.

Таким образом, наш поиск показал, что часть, в которой находился Владимир Степанович, побывала не только в Кракове, но воевала и западнее Кракова. Кстати сказать, название «красивейший город» не обязательно можно отнести ко Львову. Это вполне может быть и Краков.

Весьма загадочны и обстоятельства гибели Владимира Степановича. Судя по последнему письму, он был болен, но на заседание штаба полка явился, видимо, там обсуждались какие-то важные вопросы. Неожиданно дом, как раз во время заседания штаба полка был обстрелян из соседней рощи неведомыми «партизанами». Видимо, кто-то знал, где заседает штаб и время заседания. Осколками от взрыва снаряда, который попал в комнату дома, где шло заседание, были убиты командир полка, его заместитель и младший лейтенант по информации Злобин Владимир Степанович. Естественно, случайно это произойти не могло. Возможно, ответным огнем эти «партизаны» были уничтожены. Но кем они были?

Знакомясь с литературой, описывающей события того времени, о том что происходило в этих районах при наступлении Советской армии, можно сделать вывод, что отнюдь не все поляки были рады освобождению их страны советскими солдатами. Об этом стали более откровенно у нас говорить в последнее время. Примером этого является публикация в Интернете воспоминаний разведчика, Героя России Алексея Ботяна, руководившего операцией по спасению Кракова от уничтожения фашистами в январе 1945 г. Он рассказал, как поляки встречали Красную армию в 1945 году (Москва. 19 января 2020 года. РИА Новости): «Все очень ждали этого, потому что, все-таки, партизаны – это одно, а Красная армия – другое. И народ был очень взволнован, доволен, что скоро война закончится. С энтузиазмом встречали Красную армию, население, я имею в виду».

Он уточнил, что тем не менее представители польской Армии Крайовой «не были довольны» приходом Красной армии, потому

что изначально планировали самостоятельно освободить Польшу. Известно, что «АК-овцы», направляемые британскими спецслужбами, препятствовали продвижению Красной армии на запад, ведя подрывную деятельность в ее тылу, вплоть до убийств советских солдат и офицеров». Это могли быть и националисты с Украины, отступающие с войсками фашистской Германии.

Последняя встреча в Вологде

Семье Владимира Степановича также было важно установить место захоронения его праха. Спустя несколько десятков лет это удалось его младшей сестре Нине Степановне Злобиной, которой он писал письма, воспитывал ее, называя «Нинухой».

На ее запросы в различные инстанции спустя длительное время, она получила наконец-то сообщение из Польши. Оказалось, что прах Владимира Степановича Злобина с места первоначального похоронения был перезахоронен и поконится на мемориальном кладбище г. Пщина Котовицкого воеводства. Имя его внесено в список второго издания книги «Память».

Ответ был подписан: Ханной Прокопчук, Романом Мурани. Окончательную подпись поставил Януш Пшимановский. Польша: 00-976. Варшава. 13/skr 77. Варшава, ул. Bagatela, 12, «Pamiee».

Мемориальное кладбище (Пщиня, Польша). Место захоронения праха советского воина Владимира Степановича Злобина.

Зная точно этот адрес, я без труда обнаружил это место на специальной карте в Интернете – «Карте мемориальных захоронений солдат Красной армии на территории Польши».

Это захоронение – одно из многих мемориальных кладбищ, где покоятся останки нескольких тысяч советских бойцов, – находится в Катовицком районе, воеводстве в населенном пункте Пщиня.

7. ОНА БЫЛА НАСТОЯЩИМ КОММУНИСТОМ

Среди моих родственников ярким представителем поколения, пережившего войну, на мой взгляд, была моя тетушка. Путь по жизни и через войну врача Александры Ивановны Злобиной (Батыгиной), супруги Владимира Степановича, выпускницы АГМИ 1938 года, был не простым.

На ее долю выпало немало трудностей и проблем. В ее жизни была война и смерть любимого мужа в последние месяцы войны, воспитание одной сына и болезни. Именно в ней, как в зеркале, отразились жизненные принципы того поколения, которое, несмотря ни на что, сумело выстоять и одержать победу. Меня, ее племянника, поражали в ней принципиальность, требовательность к себе и окружающим. Профессионально это выражалось в стремлении добиться истины, не лгать и не лукавить, отстоять правду. А ведь за это ей приходилось порой бороться с весьма влиятельными лицами. Она вдова, жена мужа, погибшего на войне. Я думаю, что у нее были черты характера и жизненные принципы того поколения, которое, несмотря на трудности, сумело отстоять независимость Советского Союза (СССР) в годы войны.

Александра Ивановна (Шура) родилась в Вологодской области в деревне Высоково 8 ноября 1914 года в семье местных жителей Батыгиных Ивана Никандровича и Анны Степановны. Деревня Высоково – это Вологодский уезд, Кубино-Озерский край. Обычная деревня, расположенная на холме, по склонам которого простирались поля, а вдали кругом лес. Деревянные большие одноэтажные дома по обе стороны дороги. Соседние деревни – Мынчаково, Макарово, Новленское, Антоново. Недалеко такие святыни, как Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. В новом доме, выстроенном самим Иваном на краю деревни, осталась его молодая жена Анна (в девичестве Шитова) – ее родители жили в соседнем доме в той же деревне, рядом с двухэтажным домом семейства Батыгиных. В деревне почти все жители приходились друг другу родственниками – Шитовы, Зорины, Батыгини, Якуничевы.

Не дождавшись рождения старшей дочери Александры, Иван был призван в царскую армию – началась Первая мировая война.

Как умелец, разбирающийся в технике, он был командирован в мастерские по ремонту оружия, чинил винтовки и пулеметы «Максим».

Когда Александре исполнилось три года, произошла Октябрьская революция. Вероятно, и жители деревни Высоково (с ударением на второй букве «о») после событий Октября слушали рассказы возвращавшихся с фронтов.

Мне кажется, что мой дед, пройдя военную службу где-то под Петербургом, понял, что его детям нужно перебираться из деревни в город и получать образование. Он сам был грамотным, читал журналы и технические книги и считал, что образование в новых сложившихся в стране условиях стало доступным для всех и открывает новые возможности. Революция устранила многие социальные барьеры, на деле воплотила лозунг из известной песни: «Кто был ничем, тот станет всем». Теперь дети рабочих и крестьян могли бесплатно получить высшее образование и дать начало так называемой народной интеллигенции. Думается, что именно Иван Никандрович был главным инициатором получения образования не только Александрой, но и моей матерью Надеждой Батыгиной, родившейся в 1918 году. Если Надежда Ивановна, которая была младше своей сестры на 5 лет, смогла сразу закончить десять классов в школе № 19 города Архангельска, после чего поступить в АГМИ, то Александре, родившейся в 1914 году, после 7 классов для продолжения учебы пришлось поступить в Ленинградское медицинское училище. Архангельского мединститута еще тогда не было.

Однако в реальности на пути к новой жизни для жителей Вологодской глубинки было немало проблем. Деревня Высоково примерно в 50 км от Вологды, единственный транспорт того времени – гужевой. До ближайшей железной дороги станции Чебоксары – более 20–30 км пешком. Ближайшая школа-четырехлетка находилась в соседнем селе. Первоначально Александра и Надежда учились именно в старой Высоковской школе. Дальнейшее обучение в Вологде было связано с большими проблемами, особенно для молодых девушек 10–13 лет. Они были решены Иваном Никандровичем, правда, не без помощи и поддержки родственников – Балашовых, которые уже поселились в этом городе. Александра, закончила среднюю школу – «семилетку», в Вологде.

О жизни в тот период Александры (Шуры) можно узнать в «Деле № 21» студентки Батыгиной Александры Ивановны, которое было заведено в Медицинском институте в Архангельске 18 июля 1933 года, а окончено 27 августа 1938 года, когда она получила звание врача с дипломом II степени.

Там имеется удостоверение об окончании вологодской школы-«семилетки» № 2, где она обучалась с 1927 по 1930 г. Это удостоверение начинается традиционным для того времени призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В школе она изучала физику, химию, географию, иностранный язык, пение, труд и вела общественную работу в общежитии. После 7 классов Александра для продолжения учебы поехала в Ленинград, где поступила на отделение сестер обследования в первое Медицинское училище.

Почему она решила стать медиком? Стоит вспомнить, что в то время в стране свирепствовали эпидемии холеры, брюшного тифа, туберкулеза. И путь сестер в медицину также, возможно, был инициирован Иваном Никандровичем, который в годы Первой мировой сам тяжело болел сыпным тифом. Опять же, среди людей его времени медики пользовались большим уважением. Иван Никандрович после возвращения в деревню с фронтов был принят в качестве рабочего механика на маслозавод сначала на Ферму, так называлась деревня, а потом в Порозово на Вехневологодский маслозавод им. Бергавинова. После расстрела Бергавинова за антисоветскую деятельность завод остался без имени, но продолжал работать и в войну, и даже некоторое время после, пока уже в наше время там, в бывшей поместье вотчине Зубовых, не появились дворцы «новых русских» из Вологды, а сам завод не превратился в просторный гараж.

Материальная помощь родителей из деревни дочерям сопровождала их на всех этапах учебы. Любопытные особенности того времени и трудности на пути к знаниям мы обнаружили опять же в архиве АГМИ – СГМУ в «Деле № 21». В 1933 году Александра окончила Ленинградский техникум и приехала в Архангельск, где в то время находилась семья Балашовых, на чью помощь и поддержку можно было рассчитывать, поскольку Августа Николаевна – жена Капитона Васильевича Балашова – была племянницей Ивана Пикандровича.

Личное «Дело» студентки Александры Батыгиной в архиве АГМИ начинается с заявления в приемную комиссию Архангельского медицинского института. В нем она каллиграфическим почерком пишет: «Прошу приемную комиссию зачислить меня в число слушателей вашего института дневного факультета хирургического отделения. В настоящее время работаю в Туберкулезном диспансере медицинской сестрой, причем работа исключительно вечерняя. Работаю с 11.04.1933 года. До этого окончила 1-й Ленинградский медицинский техникум, и Ленинградским горздравотделом была командирована на Север в Архангельск. Прошу не отказать в моей просьбе». К заявлению приложены следующие документы. 1. Заверенная анкета. 2. Удостоверение об окончании семилетки. 3. Характеристика комсомольской организации медтехникума.

Заверенная анкета и удостоверение об окончании проникнуты духом того времени и по своему уникальны. От поступающих в вуз (АГМИ) тогда требовали справку о социальном положении родителей. Эта справка также есть в этом деле.

Она была выдана машинисту Порозовского маслозавода им. Бергавинова, Высоковского с/с Кубено-Озера района Северного края деревни Высоково Батыгину Ивану Никандровичу в том, что по социально-имущественному положению он рабочий и с сельским хозяйством связи не имеет. Избирательного права не лишен. Что Высоковский с/с это удостоверяет. Имеются подписи председателя с/с и секретаря. Подписи их заверены счетоводом м/з товарищем Свротиловым.

На основании этого документа была выдана еще одна справка, уже самой Батыгиной Александре Ивановне, что по социальному положению и происхождению она дочь рабочего и, как и ее родители, избирательных прав не лишена. Далее опять следует несколько подписей, также кем-то заверенных.

Из документов в деле есть Временное удостоверение Батыгиной А., что она окончила Диспансерное отделение 1-го Ленинградского медицинского техникума 1.07.1933 г., которое дано для предъявления в Тубдиспансер – номер диплома 2641. Подпись директора неразборчива, а фамилия делопроизводителя – Матвеева. Ни корочек, ни муаровых рисунков, как сейчас – все документы на простой

грубой пожелтевшей оберточной бумаге, но с печатью. Вообще, в деле студентки Александры Батыгиной много справок.

Еще одна справка Батыгиной А.И. при поступлении в вуз дана о том, что она здорова. Однако полной неожиданностью для меня оказалась имеющаяся в деле анкета – «Опросный лист». Каждый поступающий в вуз должен был заполнить «ОПРОСНЫЙ ЛИСТ», который был, видимо, составлен по «Постановлению Приемной Комиссии». Приведу некоторые из этих вопросов:

1. Вопрос: на какое отделение факультета желаете поступить? – Ответ: Хирургическое отделение. Дневного факультета.

2. Фамилия, имя, отчество? – Батыгина Александра Ивановна.

3. Год, месяц и число, место рождения и национальность? – 1914 года 26 октября. Русская, Кубино-Озерский район.

4. В каких учебных заведениях училась до подачи заявления в вуз и какие из них окончила? – Высоковская сельская школа 4 гр. Школа II, ст. № 2 г. Вологды, 7 лет. 1-й Ленинградский медтехникум.

6. Сословие до революции и социальное положение в настоящее время? – Дочь рабочего. В настоящее время – служащая, работаю в Туберкулезном диспансере.

8. Основная профессия и где работал до поступления в вуз, в какой должности и сколько лет:

а) до 1917 г.

б) во время империалистической войны? -

в) в период февраль – октябрь 1917 г? -

г) после Октябрьской революции? -

д) в настоящее время? -

Ответ – все прочерки, т.к. родилась в 1914 году, а в настоящее время с 1/IV -33 Туб. диспансер.

10. Сколько времени и на каких должностях, и в каких частях армии служил:

а) в старой армии (царской)?

б) в Красной армии?

в) в Белой армии?

г) отношение к воинской повинности в настоящее время?

Ответ – нет.

12. Ваш заработка или заработка лица, на иждивении которого Вы состоите? Ответ – 130 р.

13. Чем занимались Ваши родители, где жили, если крестьяне, укажите, сколько имели десятин земли и сколько скота?

- а) до 1917 г.
- б) от 17 г. до 21 г.
- в) от 1921 г. до 31 г.

г) чем занимаются и где проживают Ваши родители в настоящее время? Ответ: рабочий, чем занимаются – рабочий машинист, механик маслозавода им. Бергавинова Кубино-Озерского района Верхневологодского п/о Высоковский с/с, дер. Высоково.

15. Состоит ли членом ВЛКСМ (год вступления в партию и № чл. билета)? Ответ: да, номер билета – 0314839.

16. В каких политических партиях состоял прежде? Ответ – нет.

19. Проходили ли Ваши родители чистку в учреждениях (если да, представить справку о результате (чистки)? Ответ – нет.

20. Под личную ответственность, поступающий в вуз, должен указать о нелишении избирательных прав, как его самого, так и членов его семьи и родителей.

Ответ: избирательного права не лишена, также и родители. Есть справка.

21. Постоянное место жительства (указать точный адрес поступающего в вуз и членов его семьи). Ответ: г. Архангельск, Новгородский, 43б, кв. 1 (дом крайпотребсоюза).

И еще примечание: Анкета может быть заверена Советскими, партийными и профессиональными организациями. Лица, заверяющие анкету, оговаривают незаверенные параграфы 18.06.33 г. (Анкета, заверенная домоуправлением не действительна). После анкеты мелким шрифтом: за неправильные сведения в анкете лицо, заполняющее заверяющее, опросный лист, привлекается к ответственности. Далее дата и подпись лица, заполняющего анкету.

Эта анкета, как мне кажется, просто уникальна и характеризует напряженную обстановку начала тридцатых годов и отголоски того противостояния, которое было 10 лет тому назад, в 1917–22 гг., годы борьбы с белогвардейцами, остатками НЭПА, новой буржуазией.

В деле студентки Александры Батыгиной много справок. Вот еще одна: «Обязательство». «Настоящим обязуюсь, что в продолжении

всей учебы в Арх. мед. институте буду работать по специальности. Справка от 1.09.33 г. и резолюция директора: перевести Батыгину А. на дневной факультет без стипендии и общежития. И далее приказ о переводе! Подпись: Кривицкий и секретарь Низовцева от 3.09.33 г.

В следующий раз студентка Александра Батыгина попадает в приказ уже на 4-м курсе. «Выписка из приказа № 96 по Арх. медицинскому институту от 19 августа 37 г., параграф 4. Нижеперечисленные студенты 4-го курса, имеющие задолженность по одной дисциплине, переводятся на 5-й курс УСЛОВНО, с обязательством ликвидировать свою задолженность не позднее 20 сентября 37 года без снятия со стипендии. В списке есть и фамилия Батыгиной А.И., подпись директора, уже не К. Кривицкого, а Рапопорта.

И как естественное развитие событий – на пятом курсе 20.07. 1938 года Александра пишет заявление на имя ректора Рапопорта с просьбой выдать ей свидетельство о браке и перемене документов. Резолюция на заявлении – «сделать отметку в деле!» И затем последовал приказ № 83 по АГМИ от 23.07.38 г. – Батыгину А.И., студентку 5-го курса, на основании предоставленного свидетельства о браке считать Злобиной А.И. Основание – свидетельство о браке. Далее также заявление с просьбой выдать студенческое удостоверение ввиду перемены фамилии. Муж Александры Ивановны, Владимир Степанович Злобин, студент пединститута, школьный учитель 19-й школы, инспектор ГОРОНО Октябрьского района и преподаватель подготовительного отделения в АГМИ. Как и где познакомилась с ним Александра – сведения не сохранились. В семейном альбоме остались только фотографии, которыми обменялись влюбленные.

Экзаменационный лист с оценками студентки Злобиной Александры Ивановны, прослушавшей и сдавшей все зачеты и экзамены за 10 семестров и допущенной к государственным экзаменам, согласно приказу Директора Института № 91 от 24 августа 1938 года.

Наконец, заключение государственной экзаменационной комиссии: Злобиной Александре Ивановне, сдавшей полностью положенные по учебному плану зачеты и экзамены лечебно-профилактического факультета и выдержавшей все государственные экзамены, присвоить квалификацию врача и выдать установленный диплом. Ниже – подписи членов гос. Комиссии и ее председателя – проф. Галкина.

Во время учебы, во время войны и позднее проявился твердый характер Александры Ивановны Злобиной. Уже в студенческие годы она проявила себя в общественной работе, участвовала в лыжных соревнованиях, пела в студенческом хоре, была активным членом комсомольской организации и, видимо, хотела казаться еще и «современной» – курила папиросы «Беломор». В дальнейшем ей одной пришлось решать много проблем, и здесь потребовались в полной мере ее воля, стойкость и мужество.

Мужа Александры Ивановны, Злобина Владимира, взяли на фронт. Всю войну она получала письма с фронта, ждала его. Верилось, что когда он вернется, проблемы, в том числе и с ребенком, будет решать легче. Ей в какой-то мере повезло в том, что она жила в одной квартире с матерью мужа Л.А. Пустохиной, которая помогала в воспитании внука.

В 1943 году после долгих хлопот Александре Ивановне дали ордер на комнату в той квартире, где она жила у свекрови. Это было ее первое собственное жилье в городе – отдельная комната в трехкомнатной квартире на втором этаже в деревянном двухэтажном доме на набережной им. Сталинских ударников в доме 118, фл. 2. В этой квартире жила и сестра мужа – Нина Степановна Таланова (Злобина) с ребенком Димой. Там же вскоре стала жить и Надежда (ее младшая сестра), которая в 1941 году окончила АГМИ, но не имела жилья.

Мне трудно сказать, почему Александра (Шура) после окончания института выбрала профессию патологоанатома. Сначала она хотела быть судебным медэкспертом, участвовать в раскрытии преступлений, и некоторое время работала в этой должности, но потом перешла в патологоанатомическое отделение. Во время войны она несколько месяцев была заместителем главного врача 1-й горбольницы по лечебной работе, но потом опять по собственному желанию вернулась к профессии патологоанатома. Вероятно, когда кончилась романтика, оказалось, что работа патологоанатома более спокойная и даже оплачивалась более высоко, она работала по совместительству в этой же должности и в областной больнице. Некоторое время она работала на кафедре пат. анатомии АГМИ, занималась научной работой. Кафедра пат. анатомии находилась в том же деревянном однозэтажном здании на территории 1-й горбольницы, что и прозектура этой больницы.

Самыми счастливыми днями в ее жизни, я думаю, были годы учебы в АГМИ. Студенческая жизнь, новые знания, общественная работа. Шура занималась спортом, участвовала в соревнованиях. Там же, в АГМИ, при неизвестных нам обстоятельствах она познакомилась с очень умным и самостоятельным молодым человеком и на последних курсах вышла за него замуж. В положенное время у них появился сын Валерик. Муж, Владимир Степанович, уже тогда зарекомендовал себя как опытный и коммуникабельный преподаватель. У них были счастливые поездки с мужем на родину в Вологодскую область, к родителям в Порозово. Все было, но началась война. Потянулись тяжелые годы ожидания и борьбы с трудностями военного времени. Переписка с Владимиром Степановичем, безусловно, поддерживала и вселяла надежду на будущее счастье. Этим они жили все годы войны.

Удивительно, насколько гармонично складывались отношения Владимира Степановича и Шуры в тяжелое военное время, даже почерк у них был почти одинаковый: аккуратный, понятный, ровные строчки письма, одинаковые четкие буквы.

Во время войны в патологоанатомическом отделении больницы работать было нелегко. Александра Ивановна в своем дневнике пишет: «Мне иногда в день приходилось вскрывать до 3 трупов. Надо представить, что это за нагрузка. Кроме того, у меня всегда было очень много общественной работы. Домой я возвращалась поздно, приходилось долго засиживаться на работе. Мне было и плохо, и тяжело».

«В войну мы для больницы сами ездили за дровами, в первый год рыли щели на территории больницы». И тут же приписка, что положение в Архангельске было настолько тяжелое, что не все верили в «хороший конец» этой войны и не все боролись за нее, некоторые старались даже не участвовать и в оборонительных работах. Но Александра Ивановна Злобина верила в победу. Она, как и ее муж на фронте, вступила в партию большевиков ВКП(б). Мне кажется, это был ее глубоко осознанный шаг. В то время партия большевиков ассоциировалась с победой над трудностями и невзгодами, она возглавляла и борьбу с фашизмом.

Вступая в Коммунистическую партию (ВКП(б)), во время войны Александра Ивановна вставала в строй этих героев и чувствовала себя более уверенно наперекор судьбе, рассчитывала на поддержку

товарищей. «Мораль того времени «один – за всех и все – за одного», подразумевала борьбу с хулиганством, грубостью, вероломством и ложью, мещанством, с клеветниками и врагами народа, которые стремятся нравственно разложить людей, насадить мелкобуржуазную распущенность, стяжательство, позорные извращения и наслаждения, эгоизм и предательство. Враги народа втягивают народ в смрадную атмосферу пьянства, бытового разложения, которое ведет в конце концов и к политическому разложению. «Пролетариат не нуждается ни в опьянении алкоголем, ни в опьянении «половой распущенностью» говорил В.И. Ленин. Согласно коммунистической морали, «осознание общественного долга должно проявляться в повседневной жизни социалистического человека все сильнее и ярче». Так было. Причем не только на словах, но и на деле.

Александра Ивановна поддерживала эти принципы и поэтому, несмотря на слабое здоровье, активно участвовала в общественной работе и относилась к ней очень серьезно. Так, в своем дневнике она пишет: «Вскоре после окончания Великой Отечественной войны были выборы. Я была выбрана председателем закрытого избирательного участка. Я была первый раз в комиссии, да еще и председателем. В ту пору рано составляли списки на больных, находящихся на излечении в больнице, и потом по мере выписки из больницы приходилось выдавать удостоверения, а в списках для голосования, ко дню выборов оставалось всего 15–20 человек. Работы было очень много, и председатель должен был быть освобожденным от основной работы. Заменить меня на отделении (за зарплату) на просьбу секретаря парторганизации и администрации больницы оказалось некому (в это время на отделении всего было 3 врача). Мне было очень трудно, надо было успевать все сделать и на участке, и на отделении и так, чтобы работа нигде не страдала. Работа на отделении связана с врачами и родственниками умерших, следовательно, на отделении я должна быть днем. Днем же выписываются с отделений больные, и я должна им выдавать удостоверения. Мне было очень трудно. Как говорят, «крутилась как белка в колесе». Домой я приходила поздно вечером, так как на участке проводили еще различные мероприятия».

Вот еще такой пример ее активной деятельности (1968 г.). «Партийное бюро и главный врач больницы поручили мне сделать (кста-

ти сказать, по моему предложению) альбом в фотографиях по истории больницы. Это была очень большая работа. Нужно было найти фотографии работников прошлых лет (больницы, поликлиники и работников клинических кафедр). Для этого мне приходилось ходить по квартирам, узнавать адреса работников, брала у них сохранившиеся фотографии. Договаривалась с фотографом. Он переснимал эти старые фотографии, делал новые съемки по больнице. Снимал помещения, сотрудников, и мне приходилось с ним ходить по всем отделениям. Надо было где-то заказать большой альбом. Нужно было договориться и найти художника, который бы в альбоме над фотографиями сделал подписи. После того, когда альбом и все фотографии (а их было очень много) были готовы, нужно было их расклейть в альбом и не просто расклейть, а еще это сделать по годам, по отделениям, по кафедрам. Кроме того, я работала и у себя на отделении выполняла всюложенную мне работу. Альбом поручен мне, значит, я и должна все довести сама до конца. Альбом получился очень хороший, и все были довольны. И его нередко показывают. (Р.С. Любопытно было бы узнать, сохранился ли этот альбом?).

В первой городской больнице она не раз возглавляла партийную организацию, регулярно избиралась в партбюро (вместе с М.П. Некрасовой), закончила вечерний университет марксизма-ленинизма. А при Еликаниде Егоровне Волосевич поддерживала ее линию по укреплению дисциплины и порядка.

Каждое время имеет своих героев, на которых равняются люди. Героями того времени были сильные люди, преодолевавшие невероятные трудности силой своего духа во имя народного счастья. В ту пору такими героями были революционеры, герои гражданской войны: В.И. Чапаев, С.Г. Лазо, Ф.А. Артем, Г.И. Котовский, А. Цулукидзе, Н.А. Щорс и другие. Героями были летчики – покорители неба: Чкалов, Байдуков, Громов, полярники И.Д. Папанин, Э.К Кренкель. П.П. Ширшов. Героями и примерами для подражания были писатели и поэты: Н.А. Добролюбов, А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.В. Маяковский, М. Горький, Н.А. Островский, а также литературные герои – Овод, Павел Корчагин, Павлик Морозов, молодогвардейцы. Героями были члены экипажа ледокольного парохода «Георгий Седов», которые через 26 месяцев дрейфа выполнили вы-

сокое задание правительства. А начавшаяся война явила мужество летчика А. Маресьева, А. Матросова, молодогвардейцев, Зои Космодемьянской... всех имен невозможно перечесть.

Именно Александра Ивановна первая прочла мне вслух книгу Б. Полевого о подвиге А. Маресьева – «Повесть о настоящем человеке». Эта книга – старая, с изображением Звезды героя Советского Союза на белом корешке – до сих пор стоит у меня на книжной полке.

В комнате, где мы жили все вместе на Набережной, у нее вдоль стенки у окна была книжная полка, где стояли книги – руководства по патологической анатомии и художественная литература. Однако на верхних двух полках были размещены сочинения В. Ленина и И. Сталина. Александра Ивановна безоговорочно верила всему, что передавали по радио и что в закрытом виде распространялось на партийных собраниях. Она плакала, когда сообщили о смерти Сталина. Смерть вождя, много лет управлявшего страной, победившей фашизм, воспринималась как трагедия, как конец начавшегося развития страны и улучшения жизни. Со смертью Сталина страна вступала в неизвестное. Это пугало.

А потом она, как и все, конечно, поверила Никите Хрущеву и в историю о заговоре Берии, «который вышел из доверия». Потом последовал «заговор врачей» против видных деятелей партии – М. Горького и И. Сталина. Александра Ивановна удивлялась коварству знакомых ей людей и заклеивала у себя в альбоме фотографии профессоров, которые ее учили в Ленинграде, теперь они оказались в черном списке «врагов народа».

Потом была «антипартийная группа», куда попали остальные сторонники Сталина. Потом и маршал Жуков был отстранен за амбиции и вывоз к себе на дачу имущества из Германии. Она даже поверила Хрущеву, когда тот разоблачил культ личности Сталина, пытаясь очистить поле для создания своего культа. После этого с ее полки как-то сразу исчезло и полное собрание сочинений Сталина.

Однако, когда начался «кукурузный период» в жизни страны, новая коллективизация частного поголовья скота, реформы партии по отраслевому принципу, совнархозы и заявления о наступлении коммунизма в 1980 году, а в магазинах как были, так и оставались пустые полки, то, видимо, что-то менялось и в ее понимании обстановки и она молча-

ла. Однако даже и тогда многочисленные анекдоты про Хрущева воспринимались ею как хулиганство. Поэтому скорое отстранение этого деятеля от власти было принято ею как вполне естественное событие.

Хрущев своей бестолковой активностью, безусловно, нанес самый сильный удар по идеалам коммунистов ВКП(б), руководящей силе в Великой Отечественной войне, по идеалам поколения победителей Советской власти. Хотя Брежнев, в свою очередь, и разоблачил культ Никиты Хрущева, но, как видно, тоже не обладал самокритичностью, большими способностями и не смог найти перспективный путь развития страны.

Впрочем, по словам немецкого писателя Д. Крюса, «после рассудят, кто трус, кто герой, что было всерьез и что было игрой». А мы, люди уходящего поколения, не раз переживали свержение былых кумиров и вождей, каждый раз сопровождавшееся переписыванием истории на новый лад и в конце концов вообще расстались и с советской властью и идеалами коммунизма. Трагедия страны Советов, трагедия людей того поколения, верящих в светлые идеалы коммунизма.

Александра Ивановна была высококлассным специалистом, профессионалом своего дела, что позволяло ей не соглашаться порой с мнениями вышестоящего руководства и даже профессорами. Она участвовала в съезде патологоанатомов в г. Куйбышеве (с 30.01 по 5.02.1951 г.), была и на усовершенствовании в г. Москве (в ЦИУ в 1953 г.). Имела первую – высшую по тем временам – врачебную категорию и даже персональную министерскую (10–15 %) надбавку к зарплате. У нее было восемь научных печатных трудов и свои ученики. Однако победы доставались с большим трудом, тем более, что у нее было слабое здоровье. Но у нее был пример – Николай Островской, который, потеряв зрение и возможность передвигаться, не сдавался. Именно в этот период жизни он и создал свой шедевр – роман «Как закалялась сталь».

Александра Ивановна всегда занимала принципиальную позицию. Она пишет: «Патологоанатомическая конференция врачей – это школа для врачей». Патологоанатом контролирует действия врачей и ставит свой окончательный патологоанатомический диагноз, и он должен совпадать с диагнозом клиническим, поставленным лечащим врачом. Здесь много моментов, затрагивающих професси-

онализм лечащего врача, его квалификацию и честность патолого-анатома.

Вот пример из практики Александры Ивановны: больная Ч., 36 лет. Причина смерти: Анатомический диагноз: Разрыв значительной части стенки правого края матки и влагалища во время затянувшихся сухих родов при запущенном поперечном положении плода, а диагностировано врачами: как головное положение плода, по поводу чего были наложены кожно-головные щипцы с грузом на спину. Операция: извлечение плода, ручное отделение последа, надвлагалищная ампутация. Смерть женщины наступила от неквалифицированных действий во время операции, следствием чего стало послеоперационное кровотечение, которое не было обнаружено. Поперечное положение плода не было своевременно диагностировано и было принято за головное, и на спинку плода были наложены кожно-головные щипцы с грузом, которые держали около полутора суток при стимуляции родовой деятельности!

По мнению Александры Ивановны, врачи стараются «покрывать друг друга» и представить дело так, что виноват кто угодно, но только не врачи. Когда началось кровотечение, оперирующий врач ставит вопрос об удалении матки. Срочно были вызваны консультанты. Однако более опытные и авторитетные коллеги С. и Р. операцию отклоняют. В результате снова кровотечение и больная погибает. Со слов доктора Х., вызванные коллеги Р. и С. явились в клинику пьяными.

«А вот случай неправильного назначения лекарства, — пишет Александра Ивановна в своем дневнике: «У больной низкое давление, а врач почему-то назначает введение лекарства, еще больше понижающее давление. В результате больная погибает. Желая скрыть «случай» врач вычеркивает это лекарство из назначений и говорит, что оно не было введено. «Как это все расценивать? Почему лгут? Об этом сообщено главному врачу. Какая реакция, не знаю», — заключает она.

Конечно, все эти случаи — из военного и послевоенного периода. Диагностической современной аппаратуры не было, о современном уровне диагностики даже тогдашние писатели-фантасты не мечтали. Поэтому очень многое зависело от квалификации врача. Во время и после войны были распространены болезни, которые сейчас

встречают редко. Среди них педикулез – завшивленность детских учреждений, дизентерия, туберкулез легких и костной ткани, дифтерия – тяжелое инфекционное заболевание, вызванное дифтерийной палочкой, которое протекало с очень высокой температурой, сопровождалось тяжелыми осложнениями в виде поражений сердца, почек, нервной системы и уносило множество жизней – почти как нынешний коронавирус. Чаще дифтерией болели дети, особенно ослабленные в данный момент. Часто по внешнему виду дифтерию приходилось дифференцировать с ангиной. Кроме того, современных лекарственных средств тогда тоже не было, антибиотики только входили во врачебный обиход. И вот опять случай из практики, записанный в дневнике Александрой Ивановной.

«Ребенок Г. При вскрытии обнаружена дифтерия. Однако опять расхождение, врачи лечили ребенка от острого лимфаденита. Два видных профессора, поддерживая друг друга, отрицали дифтерию. Однако Александра Ивановна диагноз не изменила, оставила таким, каким он был. Однако недооценка коварства этого заболевания привела к тому, что у одного из этих профессоров, З., контактирующих с больными дифтерией, внезапно заболел сын и умер от дифтерии».

Кстати сказать, в конце сороковых годов перенесла это заболевание и сама Александра Ивановна. Вернее, сначала заболел я, когда учился в 3-м классе. Заболевание тоже почему-то не было диагностировано сразу, консультанты-педиатры и инфекционисты – светила того времени – почему-то упорно ставили мне диагноз ангины. Хотя, как говорила потом «тетушка», был виден налет на миндалинах, характерный для этого заболевания. И уже когда появились осложнения, меня мать отвела прямо в больницу, где и стали лечить дифтерию. Вскоре заболела дифтерией и сама Александра Ивановна. В конце концов, мы оказались с ней вместе в одной палате. Откуда и кем была занесена дифтерийная палочка – осталось, естественно, загадкой, поскольку жили мы в одной комнате. Лично у меня тоже остаются вопросы к медицинским светилам того времени.

Отстаивать правду, стоять на страже интересов больного, Александре Ивановне порой было нелегко. Взаимоотношения патолого-анатомов и лечащих врачей в то время нередко носили очень острый характер.

Александра Ивановна довольно часто и сама болела. Возможно, это было связано с вредными условиями работы. Отделение патологоанатомии Первой городской больницы в Архангельске в то время располагалось в маленьком деревянном здании, плохо оборудованном для такой работы. Секционное помещение было холодным, со слабым освещением, без вентиляции и холодильников. Рабочие комнаты врачей располагались рядом с лабораториями, где воздух был пропитан запахами формалина, ацетона, толуола и ксиола.

Александра Ивановна вспоминает в своем дневнике: «Я лежу в больнице с диагнозом: пневмония. Консультант заподозрил туберкулез. Ставится даже вопрос о переводе в туберкулезную больницу. Туберкулез был вскоре отвергнут полностью. Но как знать, если человека с пневмонией переведут к туберкулезным больным, мог бы появиться и туберкулез (контакт)».

Или еще запись в тетради: «Я с панкреатитом работала 6 месяцев. Ходила, еле переставляя ноги и нередко вынуждена была лежать на диване у себя в кабинете»

В 1965 году она, наконец-то, получила ордер на новую квартиру в каменном доме со всеми удобствами (по нашим понятиям, незавидная малогабаритка – «хрущоба» с совмещенными туалетом и ванной). Но для того времени это было очень большое событие. Обычно все начинали срочно переезжать в новое жилье, радость была необыкновенная. Но она долго не переезжала, т.к. было некогда, и она ходила на работу больная. «Я долго не переезжала: все время болела и больная ходила на работу».

Она продолжала активно заниматься общественной работой. Но времена менялись, и Александра Ивановна не всегда это чувствовала. В семидесятом году Александру Ивановну выбрали возглавить народный контроль в больнице. И тут ее правдолюбие привело к курьезу. Очередное партбюро 26.05.1970 года. Обычно это предварительное обсуждение перед вынесением доклада на общее собрание. Она делает свой честный доклад о рейде народного контроля по проверке обработки белья в больнице и организации питания. Итоги обсуждения вызывают недоумение Александры Ивановны.

Партийные товарищи, руководители больницы, при обсуждении вдруг дают ей рекомендации, о чем не следует говорить открыто. Она

перечисляет: в докладе не следует говорить: 1) Что белье родильного отделения стирается вместе с бельем других отделений, так как работники отделений скажут, что инфекция идет отсюда. 2) Что на пищеблоке есть тараканы, поскольку все скажут, что в больнице пища с тараканами. 3) Что в больнице нет детского питания, тоже говорить ненужно, т.к. детское хирургическое отделение от нас уйдет. 4) Что в родильном отделении выбрасываются кишечки. 5) Не следует говорить и о том, что закуплены в больницу порченые яблоки.

Александра Ивановна резонно спрашивает: а что тогда можно говорить? На собрании по поводу яблок начальство (главный врач – Еликанида Егоровна) сказала, что они куплены по 35 коп. за 1 кг для компота. В итоге «ругали меня и членов народного контроля». Потом больше в народный контроль меня не выбирали».

Александра Ивановна, видимо, не поняла – времена изменились. И стало: «правдолюб и правдоруб больше никому не люб». Но она продолжала оставаться принципиальным коммунистом.

Мне довольно часто приходилось бывать на работе у тети Шуры в начале пятидесятых годов. Небольшое деревянное одноэтажное здание за бывшим родильным домом в заднем правом углу территории больницы. В комнате, где сидели патологоанатомы, было довольно тесно. Здесь вдоль наружной стены было два окна, и там помещались три стола. Александра Ивановна сидела в центре, над ее столом на стене в проеме между окнами висела какая-то небольшая, в темно синих тонах картина с изображением кипарисовой аллеи. У окна слева за своим столом сидела Семеновская Ираида Александровна – симпатичная об щительная женщина. Справа: Любяк Надежда Александровна, более пожилая, но также очень приветливая женщина, правда, всегда очень занятая. Кроме того, были молодые врачи, ординаторы, осваивающие профессию патологоанатома. На столах у врачей стояли микроскопы и лежали стекла с цветными срезами препаратов, работа требовала большого напряжения. Мне иногда давали посмотреть в микроскоп, и мне, ученику 3–4-го класса, было очень интересно рассматривать клетки различных тканей. Через коридор с другой стороны находилась большая лаборантская, где готовили эти препараты, с множеством всяких склянок. Далее по коридору направо располагались студенческие комнаты. От входа налево был зал, где проводили вскрытия, там стояли

металлические столы, было холодно и темно, я старался туда не заходить. Мне казалось, что в кабинете, где работала Александра Ивановна, да и в отделении в целом было уютно и спокойно.

Александра Ивановна очень высоко оценивала работу таких своих коллег и руководителей, как профессор Ерофеев Петр Петрович, заведовавший каф. патанатомии в 1940–1947 гг., профессор Хазанов А.Т., возглавлявший кафедру патанатомии АГМИ в 1954–1956 гг. В своих записках она дает такую характеристику этим профессорам, на которых она, видимо, и равнялась:

«Проф. Ерофеев П.П. (Ерофеев Петр Петрович, зав каф. патанатомии в 1940–1947 гг.).

Был очень умным и знающим профессором. Много работал сам и требовал этого от подчиненных. От ассистентов и практических врачей требовал, чтобы занимались научной работой. Писали журнальные статьи. Приходилось много читать, а это способствовало повышению знаний. Часто вскрывал сам и бывал на вскрытиях у врачей. Он даже мог специально приехать из института (он был директор АГМИ) для консультации, если на вскрытии врачу встретились трудности. Биопсии смотрел сам. Проверял все протоколы и проводил сличение диагнозов. В расценке секционных случаев был объективен. Студенты его любили. Люблили его и сотрудники отделения. Он был очень человечным. С ним работать было очень хорошо».

А вот характеристика, данная профессору Хазанову А.Т. (зав. каф. патанатомии в 1954–1956 гг.): «Был умным, принципиальным и знающим профессором. Он прекрасно читал лекции и студенты его очень любили. При нем приходилось очень много работать. Он требовал, чтобы практические врачи занимались научной работой. Проводил научные конференции. Приходилось много читать специальной литературы, и это способствовало росту врачей. Тщательно готовились к/а конференции».

В оценке секционных случаев был объективен. Он бывал почти на каждом вскрытии. Биопсии смотрели врачи (это тоже способствовало росту), а он консультировал трудные и сложные биопсии. А отдельные биопсии не стеснялся показывать проф. Вайлю, когда ездил в Ленинград (не боялся, что от этого пострадает его авторитет). Авторитетом он пользовался большим и в институте, и в больнице.

Еженедельно проверял все протоколы вскрытия (диагноз, эпикриз, гистология). Жаль, что мало поработал и уехал. В его присутствии будущие врачи знали патологическую анатомию». (Что-то он не поладил с Кировым А.А., который был директором института в это время).

У Александры Ивановны были свои ученики, ее ценили за знания, большой опыт, желание поделится своими знаниями с молодыми специалистами. В 1954 году она была принята на 0,5 ставки преподавателем на кафедру патологической анатомии АГМИ, где передавала свой опыт ординаторам. На эту должность ее пригласил и рекомендовал профессор Хазанов А.Т. В ее личном деле по этому поводу имеется приказ ректора А.А. Кирова. Помнится, речь даже шла о написании кандидатской диссертации. Безусловно, ей бы было легко ее написать, но профессор сам скоро уехал из Архангельска.

Александра Ивановна Злобина жила в период великих потрясений: Первая мировая война, Октябрьская революция, новая экономическая политика, раскулачивание, репрессии, затем Великая Отечественная война, бомбежки, гибель мужа на фронте в 1945 г., голод в Архангельске. И в это смутное, суровое время она, дочь рабочего, сумела закончить семилетку, получить среднее медицинское образование в Ленинграде, переехать в Архангельск и поступить в медицинский институт. Несмотря на тяжелое время, выжила, получила высшее образование и воспитала сына. Она была членом ВЛКСМ, с 1944 года членом ВКП(б). Александра Ивановна Злобина (Батыгина) была настоящим коммунистом, который боролся за правду, честность, справедливость, товарищеские отношения в коллективе, основанные на уважении и взаимной поддержке, за профессионализм в работе. Она этим гордилась бы и в наше время.

В 1972 году Александра Ивановна ушла на пенсию, иногда заходила в патологоанатомическое отделение, но, видимо, ее встречали не особенно радостно. Последние 3 года после травмы она тяжело болела, потеряла зрение и умерла всеми забытая в отдельной палате в закутке на третьем этаже нового корпуса своей больницы. От нее остались письма и открытки с фронта, ее дневник, документы, трудовая книжка, фотоальбом и альбом открыток отечественных мастеров живописи.

Злобина Александра Ивановна (Шура, любимая жена Владимира Степановича) умерла 14 сентября 1983 года в 6-этажном корпусе своей больницы в палате у лестницы нейрохирургического отделения на третьем этаже. Похоронена на кладбище «Жаровиха». Там же находится могила ее сестры Надежды Ивановны и их матери – Анны Степановны Батыгиной. Все проходит.

Из биография Александры Ивановны Злобиной (Батыгиной), написанной ей самой: «Родилась 8 ноября в 1914 году в Вологодской области Кубино-Озерского района в деревне Высоково в семье рабочего. В 1923 году я начала учиться и окончила семилетку в 1930 году. В том же году поступила в Ленинградский медицинский техникум, который окончила в 1933 году. После окончания техникума приехала в г. Архангельск и работала с 10.06.1933 года до 30.08.1933 года в качестве сестры-обследовательницы в туберкулезном диспансере. С 1.09.1933 года поступила в Архангельский государственный медицинский институт, который окончила 17.10.1938 года. После окончания медицинского института была направлена на работу в Арх. гор. суд. мед. экспертизу, где работала до 15.12.1939 года. С 15.12.1939 года была переведена на работу патологоанатома при 1-й Арх. гор. больнице. В 1943 году в этой же больнице работала зам. главного врача по лечебной работе.

15.11.43 г. по личному желанию была обратно переведена на работу патологоанатомом, где и работаю по настоящее время. С 1931 по 1938 г. была членом ВЛКСМ, выбыла механически. За время пребывания в комсомоле выполняла следующие поручения: была группом, комсоргом и членом курсового бюро. В 1944 году была принята в члены ВКП(б) имела следующие поручения – была членом партбюро первичной парт. организации 1-й горбольницы, выполняла отдельные поручения как член райкома и нештатный инструктор райкома. В 1938 году вышла замуж, муж погиб на фронте в 1945 году. Имею сына в возрасте 10 лет, который учится в Андрияновской школе глухонемых детей. Отец умер в феврале 1946 года. Мать домашняя хозяйка, живет на родине. Сестра работает в больнице Семашко. Из родственников репрессированных нет, живущих за границей так же. 19.05.1950 года (А. Злобина).

8. ФОТОАЛЬБОМ (Архангельск, после войны, 1950–1955 гг.)

А.И. Злобина за работой

А.И. Злобина – заведующая патологоанатомическим
отделением 1-й горбольницы Архангельска

Александра Ивановна Злобина на демонстрации
(Е.Е. Волосевич, А.И. Злобина, А.И. Петриченко)
Зав. хирургическим отделением с сотрудниками больницы

В семье К.В. Балашова
(дяди Капы): Неля Балашова,
Вовка, Валерка, Влади-
мир Балашов. Лето 1952 г.
г. Вологда

Валерию Злобину 16 лет

Свадебное фото

Валерию Злобину 25 лет

А.И. Злобина

Валерий Владимирович с Ниной Степановной (тетей)
и мамой – Александрой Ивановной Злобиной

Валерий Владимирович с супругой Натальей (г. Архангельск, 2020 г.)

В.П. Пащенко-Батыгин
и В.В. Злобин знакомятся
с архивными фотографиями

Валерий Злобин с портретом
своего отца В.С. Злобина

Семья Лидии Александровны Пустохиной: Нина Степановна,
муж Нины Степановны Д. Таланов, Дима Таланов

Семья Злобина Владимира Степановича: Злобин Владимир Степанович,
Злобина Александра Ивановна, их сын Валерий

9. ДЕТИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ (наследники В.С. Злобина)

В.П. Пащенко-Батыгин, В.Д. Таланов, В.В. Злобин

Валерий Владимирович Злобин (сын Александры Ивановны Злобиной (Батыгиной) и Владимира Степановича)

Сын Владимира Степановича Злобина Валерий родился 20 июля 1939 года в Архангельске. Владимир Степанович был очень заботливым отцом и почти в каждом письме с фронта спрашивал о его здоровье, развитии и успехах. В начале войны, при угрозе наступления немцев на Архангельск, частых бомбёзках города, Владимир Степанович предлагал переехать своей семье в Великий Устюг к своему отцу. Однако Александра Ивановна предпочла отправить его в Порозово – деревню в Вологодской области, где жил ее отец. Во время войны Валерий летом некоторое время, как и я, Вовка (автор), жил в Порозове у бабушки Анны Степановны и дедушки Ивана Никандровича Батыгиных. Однако был он там недолго. К сожалению, в 3–4 года у Валерия обнаружилось нарушение развития слуха и, как говорили, это заболевание встречалось у родственников по линии отца. Его мама, Злобина Александра Ивановна, прилагала много усилий для восстановления

слуха у сына, но медицина того времени не смогла ей ничем помочь. Несмотря на это, она позаботилась о его дальнейшем развитии: Валерий после войны окончил специализированную начальную школу для детей с нарушением слуха в Архангельске, в деревне Андрианово, а затем в Иваново, в городе Шуя. Там он получил среднее образование и освоил профессию столяра. Возвратившись в Архангельск, он был принят на работу на судоремонтный завод «Красная кузница». Стал высококлассным специалистом.

За смерть отца он получает определенное денежное пособие. В свободное время увлекался рыбалкой, сбором грибов, имел свой катер с мотором. Женился, когда ему исполнилось 25 лет. Участвовал в работе клуба для слабослышащих. Занимался спортом, легкой атлетикой. После смерти супруги женился второй раз и на протяжении последних десятков лет проживает с женой Натальей. У них долгое время была благоустроенная дача с огородом на острове Кего на реке Северной Двине, куда они с женой ездили на своем катере. Именно там он и хранил архив своей матери и письма отца. После кончины матери он полностью сам перестроил и отремонтировал свою двухкомнатную квартиру. В свободное время освоил работу на компьютере и гаджетах. Он постоянно общался со своим близким родственником Димой Талановым в г. Иваново. В настоящее время он на пенсии, живет с женой Натальей в двухкомнатной квартире, которую получила в свое время мама (А.И. Злобина).

Вадим Дмитриевич Таланов (племянник В.С. Злобина)

Мать Вадима – родная сестра Владимира Степановича. В своих письмах он иногда называл ее «Нинухой» и очень обижался, что она ему редко пишет. Ее сын Вадим (Дима) родился в 1943 году. Некоторое время Нина Степановна после войны проживала в Архангельске. Тогда сестры Батыгиной (Александра и Надежда) жили с семьей Л.А. Пустохиной и Ниной Степановной в одной квартире на Набережной Сталинских ударников, на берегу Северной Двины в деревянном двухэтажном двухподъездном доме 118, фл. 2, кв. 8. Туда и приходили письма с фронта от Владимира Степановича. Когда после войны меня (авт.) вернули из вологодской деревни Порозово в Архангельск и стали готовить к школе, сын Нины Степановны Дима

был еще дошкольником, но очень активным, ходил в садик. Мы с ним иногда играли в игрушки, которых у меня не было, строили из кубиков крепости, были машинки, пушки. С игрушками Димы я часто играл и один, по разрешению Лидии Александровны. Бабушка Лидия Александровна была руководителем семьи – строго следила за воспитанием внука и в некотором роде даже опасалась моего возможного неправильного влияния на внука. Она вела все домашнее хозяйство, воду и дрова из сарайя ей помогал носить в дом на второй этаж Лаврик, подросток из соседнего дома, а иногда девушка Нина Брянцева. В праздничные дни после войны у бабушки собирались в гости. Запомнился усатый старый капитан Петр Петрович. После небольшого застолья все садились играть в преферанс, за какие-то символические бумажки. Расходились поздно вечером. Дима воспитывался под постоянным надзором строгой бабушки, мне тоже иногда делались строгие замечания. Потом в 1948 году они переехали в Иваново. Именно там и пошел Дима в школу, а потом поступил в политехнический институт. В дальнейшем Вадим Дмитриевич добился больших успехов в науке и преподавательской деятельности. Его биографию я нашел в списке известных ученых нашей страны в интернете.

Он профессор Российской Академии естествознания. В 1965 г. Вадим Дмитриевич с отличием окончил кафедру «Автоматизация технологических процессов и производств» Ивановского энергетического института. С 1967 г. – ассистент, с 1968 г. – старший преподаватель, затем – доцент кафедры «Автоматизация технологических процессов и производств». Написал и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук: «Исследование и разработка генераторов влажности для целей повышения точности радиозондирования атмосферы». Защита проходила в 1975 г. в Ученом Совете Гидрометеорологического научно-исследовательского центра СССР по специальности «Геофизика». С 1994 г. он стал заведующим кафедрой «Автоматизация технологических процессов» Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ).

К педагогической работе В.Д. Таланов приступил в 1967 г., а к чтению лекций – в 1968 г. В разные годы читал следующие курсы:

«Вычислительная техника и программирование», «Технологические измерения и автоматизация оборудования», «Технические средства автоматизации», «Основы системного использования ЭВМ», «Проектирование, монтаж и эксплуатация АСУ ТП», «Наладка АСУ ТП».

Основное его научное направление – компьютерное моделирование технологических процессов энергетического оборудования тепловых и атомных электростанций в целях создания тренажеров и обучающих систем.

Учебно-методическая работа Вадима Дмитриевича была направлена на совершенствование учебного процесса – совершенствование лабораторной базы кафедры и внедрение информационных технологий в учебный процесс. В.Д. Таланов разработал и внедрил в учебный процесс 25 программных продуктов – тренажеров и обучающих систем, разработал концепцию программно-аппаратного лабораторного комплекса, состоящего из компьютерных тренажеров с виртуальными приборами и лабораторных стендов с реальной аппаратурой, который позволяет реализовать многовариантные задачи.

Он являлся членом Ученого Совета ИГЭУ, членом Ученого Совета теплоэнергетического факультета, председателем цикловой методической комиссии ТЭФ и руководителем регионального учебного центра «АСУ в теплоэнергетике», на базе которого проводятся семинары и техническая учеба специалистов тепловых электрических станций. Вадим Дмитриевич – автор более 100 научно-технических и методических работ, 18 изобретений и компьютерных обучающих систем. Награжден тремя медалями ВДНХ и почетным знаком «Изобретатель СССР». Руководил научной работой аспирантов. Является почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации. Таланов Вадим Дмитриевич имеет почетное звание «Заслуженный работник науки и образования РАЭ». Вадим Дмитриевич, несмотря на возраст и болезни, интересуется жизнью в Архангельске, поддерживает связь с Валерием Владимировичем Злобиным. У него в семье 3 сына, которые работают на различных предприятиях г. Иванова и за его пределами. Он не раз приезжал в Архангельск навестить родные места: на Набережную им. Стalinских ударников, д. 118, фл. 2, кв. 8; был на Соловках. В настоящее время он с супругой на пенсии.

В.П. Пащенко-Батыгин (двоюродный брат В. Злобина)

Владимир Степанович Злобин знал о моем существовании, знал как Вовку, который живет в Порозове, как сына Надежды Ивановны Батыгиной и инженера с «Красной кузницы» П.А. Пащенко. Из писем Владимира Степановича можно сделать вывод, что он не одобрял некоторые моменты жизни этой молодой пары и в какой-то мере сочувствовал Вовке (их сыну), которого они почти сразу после рождения отправили в деревню Порозово Вологодской области. Его увезла туда бабушка, и это спасло его жизнь.

Владимир Петрович родился 25 ноября 1938 года в г. Архангельске. Его мать, Надежда Ивановна Батыгина, в то время была студенткой Архангельского медицинского института второго курса. Отец, Петр Александрович Пащенко, молодой инженер, работал на заводе «Красная кузница» в Архангельске. До 1943 года они жили вместе в доме на пр. Новгородском, недалеко от ул. Свободы. В дальнейшем П.А. Пащенко, как военнообязанный, был командирован в Румынию, а затем в Измаил. В Архангельск он больше не возвращался. Надежда Ивановна стала хирургом и ассистентом кафедры общей хирургии Архангельского медицинского института.

После окончания ВОВ Вовку бабушка привезла обратно в Архангельск к матери, которая работала в то время еще врачом-хирургом в 1-й горбольнице. В Архангельске Вовку отправили в школу. Среднее образование Владимир получил в общеобразовательной школе № 23 им. А.С. Пушкина в Архангельске и один год, в третьем классе, – в школе № 13 г. Вологды.

В 1958–1964 гг. он учился на лечебном факультете Архангельского медицинского института (АГМИ). С первого курса занимался научной работой в научных студенческих кружках кафедр органической химии (руководитель – доцент А.И. Ведринский), общей хирургии (руководитель – профессор Г.А. Орлов), общей гигиены (руководитель – профессор С.П. Сперанский), патофизиологии (руководитель – д.м.н. В.Д. Дышловой). Во время учебы в институте выполнил ряд научных работ, которые были опубликованы в студенческих сборниках АГМИ, выступал с докладами на научных конференциях.

После окончания института в 1964 г. В.П. Пащенко был принят в аспирантуру при кафедре общей гигиены (1964–1967 гг.). Под руко-

водством профессора С.П. Сперанского он подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Влияние сероводорода и метилмеркаптана на АТФ-азу органов и крови животных». Ее защита состоялась в 1968 г. в Ярославском медицинском институте. В работе Владимира Петровича показано влияние токсичных компонентов промышленных выбросов целлюлозно-бумажного комбината, расположенного вблизи г. Архангельска, на ферменты энергетического обмена организма.

По окончании аспирантуры в 1967 г. он работал ассистентом на кафедре гигиены, затем перешел в организованную при АГМИ Проблемную лабораторию «По акклиматизации человека на Крайнем Севере» (заведующая – Н.П. Неверова) младшим научным сотрудником. В Проблемной лаборатории АГМИ ему было поручено (Г.А. Орлов) использовать оставленную лабораторию вирусологии, ее оборудование для изучения влияния охлаждения на клетки и ткани организма. Для освоения методики культивирования клеток прошел специализацию в Институте цитологии АМН СССР (Ленинград).

В Ленинграде и Москве В.П. Пащенко знакомится с ведущими специалистами в области цитологии и адаптации человека на Севере – профессором С.Я. Залкиндом, В.Н. Блюмкиным, Ю.М. Оленовым, академиками АМН СССР А.П. Авцыным, П.Д. Горизонтовым. В Архангельском мед. институте на базе ЦНИЛ он организует лабораторию клеточных и тканевых культур, проводит работы по изучению влияния охлаждения и других экстремальных факторов на клетки организма. Работает над запланированной докторской диссертацией, в 1974 году становится заведующим Проблемной лабораторией. Принимает активное участие в проведении Ломоносовских чтений в 1976 году. Важным итогом тех Ломоносовских чтений было решение, принятое на государственном уровне, о создании Архангельского филиала НИИ морфологии человека АМН СССР (А.П. Авцына). В 1978 году В.Н. Пащенко был избран сотрудником этого филиала, где проработал в течение 10 лет.

С 1978 по 1988 год В.П. Пащенко работал в филиале Института морфологии человека АМН СССР в качестве руководителя лаборатории тканевых и клеточных культур. Являясь сотрудником ФИМЧ АМН СССР, он не порывает связи и с Медицинским институтом. В 1979 году с предисловием академика А.П. Авцына издается десятитысячным тиражом написанная им книга «Север и Ваше здоровье».

В филиале он продолжает исследования, начатые еще в АГМИ, по изучению численности и состояния здоровья долгожителей Европейского Севера. Полученные результаты позволили в 1988 – 1989 гг. совместно с профессором Н.П. Бычихиным подготовить и издать книгу «Север и долголетие» (1989).

В начале 1982 – 83-х годов Владимир Петрович вместе с профессором В.Н. Блюмкиным (НИИ трансплантации и пересадки органов, г. Москва), в совместной работе с профессором Н.П. Бычихиным (кафедра общей хирургии АГМИ) успешно внедрили в 1986 – 1987 гг. в клиническую практику СЦБКБ им. Н.А. Семашко (Архангельск) метод лечения больных сахарным диабетом путем трансплантации культур бета-клеток.

В 1988 г. В.Н. Пащенко, в связи с реорганизацией филиала ИМЧ АМН СССР и изменением направленности научных исследований (А.В. Ткачев), переходит на научно-педагогическую работу в АГМИ в качестве ассистента кафедры нормальной физиологии (зав. – доцент П.М. Малышенко). Переданное из филиала в АГМИ оборудование лаборатории тканевых культур позволило В.Н. Пащенко вновь организовать на новом месте работы использование тканевых и клеточных культур в научных исследованиях, сначала на кафедре, а затем в отдельно выделенном помещении.

По приказу ректора АГМИ В.А. Кудрявцева в вузе в 1994 г. впервые была организована «Межкафедральная проблемная лаборатория» по внедрению разработанного В.П. Пащенко модифицированного метода тканевых культур в экспериментальных физиологических, фармакологических и клинических исследованиях, которая продолжает работу на общественных началах и до настоящего времени.

В то же время В.П. Пащенко активно продолжал работу над докторской диссертацией на тему «Влияние физиологических, экстремальных и патологических состояний организма на рост тканей при культивировании». Его научными консультантами были профессор Л.Г. Рувинова и профессор П.И. Сидоров. Успешная ее защита состоялась 29 декабря 1994 года на заседании специализированного совета при АГМА. Через год Владимиру Петровичу было присвоено ученое звание профессора. «На пути научного восхождения» ему помогали многие известные ученые – профессора С.П. Сперанский,

Г.А. Орлов, С.Я Залкинд, В.Н. Блюмкин, Н.П. Неверова; А.П. Авцын, П.Д. Горизонтов, В.А. Кудрявцев, П.И. Сидоров и др.

В.П. Пащенко – автор 156 научных работ (в том числе монографий, 6 изобретений и 10 рационализаторских предложений республиканского значения). Результаты его исследований опубликованы в центральных журналах «Цитология», «Гигиена труда и профessionальные заболевания», «Невропатология и психиатрия», «Здоровье», «Химия и жизнь» и др. Он выступал с докладами и сообщениями на многих научных конференциях разного уровня в г. Архангельске, г. Москве, г. Ленинграде, г. Новосибирске и др.

Круг интересов у Владимира Петровича, кроме медицины, достаточно широкий. Многие годы он увлекался журналистикой. Активно сотрудничал с газетами «Северный комсомолец», «Правда Севера», «Моряк Севера», «Исток», «Медик Севера». Выступал по радио и телевидению по актуальным проблемам науки и здоровья северян. Им опубликовано более 100 публицистических статей. Из них наиболее значимые – «Вреден ли Север», «Прогноз погоды и здоровье», «Источники «живой воды», «Твое завтра, Ваrandей». Большой общественный резонанс имела статья В.П. Пащенко, опубликованная в газете «Правда Севера», «Эффект научного поиска», в которой был поставлен вопрос о координации и повышении эффективности научной работы в Северном регионе. Из опубликованных интервью В.П. Пащенко с видными учеными, приезжавшими на Север: академики В.П. Казначеев, М.С. Северин, А.П. Авцын, Н.А. Агаджанян, Ф.Г. Углов, а также с местными учеными-профессорами: Г.А. Орловым, Н.П. Бычихиным, Е.В. Сороченковой, А.В. Ткачевым, доцентом В.Н. Рехачевым и др. В них северяне узнавали о достижениях и проблемах отечественной медицинской науки.

С 2000 по 2002 г. В.П. Пащенко исполнял обязанности заведующего кафедрой нормальной физиологии АГМА и был заместителем директора по научной работе «Института клинической физиологии СГМУ». В этот период на кафедре интенсивно внедрялись методы компьютерных технологий, была создана для студентов виртуальная база данных на CD-диске по всем разделам физиологии. Совместно со студентом А.В. Пащенко (сыном Владимира Петровича) впервые была создана электронная база данных по истории АГМИ, которая длительное время использовалась как сайт АГМИ–АГМА. В.П. Па-

щенко с 2004 по 2008 г. исполнял обязанности зав. кафедрой медицинской и биологической физики СГМУ.

В 2004 г. по конкурсу он был избран заведующим кафедрой медицинской и биологической физики (2004–2008 гг). Владимир Петрович читал лекции по биофизике, математической статистике, вел занятия по физиотерапии и КСЕ: «Концепции современного естествознания». В.П. Пащенко в 2010 году решением Ученого совета избран «Почетным профессором СГМУ».

Профессор В.П. Пащенко готовит молодые научные кадры. Под его руководством выполнены и защищены две кандидатские диссертации: А.В. Носковым («Некоторые особенности физиологического состояния организма водителей общественного транспорта на Севере»); Е.В. Тихоновой («Сезонные изменения биоэлектрической активности головного мозга и психологического состояния у детей старшего школьного возраста г. Архангельска»).

Его научная деятельность продолжается. На базе созданной им «Межкафедральной лаборатории тканевых культур» выполняются работы по изучению механизмов старения. Признанием профессиональной компетенции профессора В.П. Пащенко стало его избрание членом Российской и Всемирной ассоциации специалистов по изучению тканевых и клеточных культур, публикация его работ в сборниках ассоциации (Институт Цитологии РАМ).

Медицинские традиции семьи Батыгиных – Пащенко продолжаются. Жена Владимира Петровича, Галина Серафимовна Пащенко (Герасимова), выпускница АГМИ 1964 г., к.м.н., была доцентом кафедры нервных болезней СГМУ. Их дочь, Елена Владимировна Пащенко, выпускница АГМИ, врач-невропатолог, православная писательница – «Монахиня Ефимия». Сын, Андрей Владимирович, выпускник АГМА 1999 г., кандидат медицинских наук, несколько лет работал в Институте медико-биологических проблем. Окончил юридическую магистратуру в университете «Высшей экономики».

В.П. Пащенко-Батыгин имеет звание старшего научного сотрудника (1972 г.), доктора мед. наук (1995 г.), профессора (1996 г.), заслуженного работника высшей школы РФ (21 мая 2007 г. № 649), почетного доктора СГМУ (2010 г.), награжден медалью Н.М. Амосова (2006 г.).

Литературные источники:

1. Щуров Г.С. Профессора Северного государственного медицинского университета в 2000 году. – Архангельск, 2001. – С. 318–328.
2. Наука Поморья: Справочник. – Архангельск, 2002. – С. 155–156.
3. Аннотированный каталог диссертаций сотрудников АГМИ–АГМА–СГМУ.

Основные публицистические труды В.П. Пащенко

1. Пащенко В.П. Север и Ваше здоровье / В.П. Пащенко. – 1979.
2. Пащенко В.П. Север и долголетие / В.П. Пащенко, Н.П. Бычихин. – Архангельск, 1989.
3. Метод тканевых культур в диагностике хронических воспалительных бронхологических заболеваний / В.П. Пащенко, В.П. Быков, С.П. Корытов // Клиническая пульмонология. – Архангельск, 1995.
4. Пащенко В.П. Профессор Г.А. Орлов (хирург, ученый, педагог) / В.П. Пащенко, С.П. Глянцев, Л.А. Смольников, А.В. Пащенко. – Архангельск: Изд-во АГМИ, 1999. – 139 с.
5. Руководство по медико-социальной работе в геронтологии: монография / П.И. Сидоров, Р.В. Банникова, А.Л. Санников, А.М. Вязьмин, Е.В. Казакевич, В.В. Попов, В.П. Пащенко и др. – Архангельск, 2000.
6. Пащенко В.П. Проблемная лаборатория по изучению акклиматизации на Крайнем Севере / В.П. Пащенко. – Архангельск, 2001.
7. Профессор Г.А. Орлов. Хирургическая, научная и педагогическая школы / В.П. Пащенко, В.А. Попов. – Архангельск, 2011.
8. Пащенко В.П. Север и человек: проблемы, здоровье, долголетие / В.П. Пащенко. – Архангельск, 2013.
9. Пащенко В.П. Вовкино детство в Порозове. Воспоминания, когда была война / В.П. Пащенко. – Архангельск, 2019. – 271 с.
10. Пащенко В.П. Север и здоровье человека / В.П. Пащенко. – Архангельск, 2020.

10. СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ О ВОЙНЕ

1. Батыгина Н.И. О наших учителях, коллегах и хирургах, выпускниках АГМИ–СГМУ 1941 года / Н.И. Батыгина. – Архангельск, 2017. – 207 с.
2. Батыгина Н.И. Из моей жизни хирурга / Н.И. Батыгина. – Архангельск: Изд-во СГМУ, 2007. – 294 с.
3. Фронтовой альбом: сборник документов и воспоминаний: к 70-й годовщине Победы... – Мурманск, 2015.
4. Карельский фронт в годы Великой Отечественной войны (Fb. ru/article/326 232/karelskiy).
5. Великая Отечественная война. Большая российская энциклопедия: https://bigenc.ru/military_science/text/2046586
6. Википедия. Тихвинская стратегическая наступательная операция: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
7. Википедия. Польша во Второй мировой войне: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

Автор книги – доктор медицинских наук, профессор В.П. Пащенко-Батыгин (г. Архангельск) – выражает глубокую благодарность Злобину Валерию Александровичу, проф., д.т.н. Таланову Вадиму Дмитриевичу за представленный материал, а также Е.В. Пащенко и Е.В. Тихоновой за помощь в редактировании книги.

Документально-художественное издание

Пашенко-Батыгин Владимир Петрович

**Тогда у нас была война
1941–1945 гг.
(письма с фронта)**

Документальная повесть

Редактор *В.А. Белова*
Компьютерная верстка *Г.Е. Волковой*

Подписано в печать 29.04.2022.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,2. Уч.-изд. л. 18,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 2428

ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет»
163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, 51
Телефон (8182) 20-61-90. E-mail: izdatelnsmu@yandex.ru

